М.А. КАЗАКОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

М.А. КАЗАКОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Монография

Нижний Новгород 2004

УДК 321.9
ББК 558.511.3
К 14

Под общей редакцией академика О.А. Колобова

Научный редактор: доктор политических наук, профессор А.И. Соловьев
Рецензенты: доктор политических наук, профессор А.А. Сергунин,
доктор исторических наук, профессор С.В. Устинкин

Казаков М.А.
К 14 Региональные элиты в политическом процессе России: Монография / Нижегород. гос. техн. ун-т. Нижний Новгород, 2004. 332 с.

ISBN 5-93272-250-9

В монографии представлены результаты авторского исследования трансформации региональных политических элит в современном политическом процессе России с учетом важных аспектов их истории, переходного состояния и перспектив развития. Региональная элита анализируется с позиций совокупно-деятельностного начала власти, реализующим себя в сфере публичных общественных отношений посредством конкуренции за политическое доминирование. В книге рассмотрены проблемы транзита, процессы формирования, изменения и эволюции территориальных правящих групп. Работа предназначается для специалистов в области социальных и гуманитарных наук, профессионалов в сфере управления и заинтересованной аудитории.

УДК 321.9
ББК 558.511.3

ISBN 5-93272-250-9

© М.А Казаков, 2004

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы. Характер взаимосвязи между классом управляющих и классом управляемых в современном политическом процессе России определяет сущность и перспективы политической системы. В отечественной политической науке последнего десятилетия эта проблема стала предметом пристального внимания в рамках утверждающейся элитологии. Она констатирует, что уровень компетентности элиты – один из определяющих вопросов российского общества. Его значимость тем важнее, чем далее общество располагается от центра.

Глубина стоящих перед страной задач в новом тысячелетии вызывает необходимость повышения качества региональных политических элит. Эта проблема может быть решена с помощью всесторонней их модернизации и демократического транзита*. Править государством должны лучшие (И.Ильин). Лучший, по мнению русского философа, – это искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, человек чести и ответственности, умный, волевой, организационно-даровитый, дальнозоркий и образованный.

Но научиться управлять социально результативно нельзя путем обязующего декрета или жизненно необходимой стране административной реформы[1]. Потребно духовное ценностное переосмысление жизненных реалий в виде глубоких знаний. Элитология подчеркивает – важно знать внутренние механизмы эволюции региональных политических элит и понимать как в условиях рыночной экономики и связанной с ней демократической политической системы эти статусные группы могут реализовывать свои задачи в трансформирующемся к постиндустриальному российском обществе.

Постсоветский опыт трансформаций отечественной политической системы и государственности убедительно подтверждает, что региональные политические элиты были и остаются значительным фактором, актуализирующим поиск эффективных моделей социального и территориально-государственного строительства. Будучи силовым координирующим центром на местах, неотъемлемой организационной структурой национальных властных вертикалей и одновременно полиресурсным волевым источником политических процессов страны, региональные элиты играют существенную роль в общественной и политической жизни России. Особенно значимой она бывает в переходные периоды, когда субнациональные элиты в силу обстоятельств и личных интересов становятся самостоятельным субъектом политического развития.

---

* Транзит элит в данном случае следует понимать как разнообразные по форме и содержанию процессы их трансформации к современному уровню развития.

В этом амплуа они нередко являются разнородным и противоречивым актором, функционирующим в формате различных политических логик и на разных уровнях государственности, оставаясь при этом главным действующим лицом региона и специфическим ориентиром поведения для общественности. Доминанты поведения этого субъекта, равно как *меняющийся* образ его жизнедеятельности, оказываются важнейшим фактором, воздействующим на ход трансформационного процесса и в недрах гражданского общества и государства. Настоящая монография представляет собой опыт концентуализации транзита региональных элит в современном политическом процессе России.

Разработанность проблемного поля. Хотя в годы реформ интерес к проблеме регионального элитизма в его традиционных и переходных формах обрел у российских авторов заслуженную популярность, на наш взгляд, как специализированных, так и концептуальных исследований пока еще недостаточно. С этой точки зрения наиболее завершенный вид получила концепция клиентельного характера региональных элит М. Афанасьева[2], которая стала «своего рода системой методологических принципов для отечественного элитоведения» (А. Дука).

Лишь в настоящее время можно констатировать, что в российской политической науке сложилась сравнительно новая, открытая (для связей с общемировыми тенденциями развития смежных – юридических, географических и иных систем знаний) научная дисциплина – политическая регионалистика[3], сформировавшаяся преимущественно на базе исследований региональных элит. Правда, на теоретико-методологическом уровне это научное направление еще нуждается в существенной доработке, поскольку пока его отличают разрозненность проблематики работ, отсутствие единого подхода и научного языка, недостаточность компаративистики при преобладании исследований по конкретным регионам[4]. В то же время некоторые из подходов политической регионалистики к изучению элит послужили основанием для их философских, социологических, исторических и политологических исследований в отечественном обществознании[5].

Междисциплинарный потенциал политической регионалистики неразрывно связан с многообразием исследовательских подходов в интерпретации природы и назначения, источников и особенностей демократизации Российской Федерации, ее субъектов. Однако нельзя не признать, что расширительное использование понятия демократизации применительно ко всем разновидностям общественных трансформаций, так или иначе связанных с современной демократической волной, действительно, может быть не всегда оправданным, особенно если иметь в виду реальную многомерность и разновекторные практические результаты этих процессов[6]. Это непосредственно относится к транзиту региональных элит, который лишь условно можно назвать демократическим,

т.к. *по наблюдаемым итогам это никоим образом не переход к демократии, а именно транзит от одного общественно-политического состояния к другому.*

Причем в качестве промежуточного показателя на местах мы имеем сегодня не столько формирование разного рода «несовершенных демократий», сколько образование мягких, «щадящих» разновидностей авторитаризма. Но если в глазах западных ученых, пишущих о расширяющемся типологическом разнообразии, эта тенденция отражает издержки нынешней волны демократизации и предстается результатом неспособности того или иного общества воспроизводить эталонные модели демократического устройства, то для большинства российских политологов главным виновником неопределенности отечественной демократии выступает действующая система власти, в которой линии разлома проходят ныне в сфере противостояния не различных ветвей власти, а уровней власти.

Очевидно, именно изучение элит субнационального уровня представляет собой такое предметное поле, где методология отечественных изысканий начинает приобретать вполне законченную форму. Анализ функционирования правящих групп становится той фундаментальной темой, которая во многом определяет проблематику других региональных исследований: федеративные отношения, позиционирование бизнес-элит, локальные конфликты рассматриваются через «объектив» институционализации политической власти региона[7]. Тем самым четкое представление об элитах выступает фокусом их модернизации в масштабе, необходимом для успеха демократизации; не только контекстом изучения всех явлений и процессов, разворачивающихся в субъекте РФ, но и специфическим механизмом проникновения в сущность политического объекта более универсального порядка – политического процесса России.

История науки хранит при этом немало примеров поверхностно-манипулятивных, идеологизированных толкований политической элиты, нарушавших и этические, и смысловые интерпретации данного явления. Понятно поэтому, что продуктивность современного изучения региональных политических элит, прежде всего, зависит от избранных теоретических подходов, определения исследователем качественной новизны исходного концепта, задающего результативные способы систематизации, обобщения и апробации полученной информации.

Ведь, по сути, любой эксперт, аналитик, ученый фактически по-своему измеряет содержание исследуемого феномена в реструктурируемом политическом пространстве: сегодня принципиально *ином*, даже по сравнению с 90-ми годами, с *другой* политической элитой. Таким образом, первичной проблемой элитистского измерения политического и демократического процесса является, на наш взгляд, строго научное соотнесение теорий политической элиты с группой реально соответствующих объектов. И, прежде всего, – классом управляющих и классом управляемых, характером взаимодействия между ними, ме-

ханизмами влияния властвующих групп на общественное сознание, которые ныне вовсе не обязательно (и даже редко) выступают соответствующими друг другу.

Такая постановка вопроса, в свою очередь, выдвигает на первый план блок специализированных проблем, связанных как с аналитической оценкой тех или иных концепций, уже аккумулировавших определенные знания на основе соответствующих подходов, так и с обоснованием более продуктивных логик и конструктов исследования «людей, получивших наибольшее значение в *их области*» (В. Парето). Все это позволило бы аксиологически нейтрально уточнить предметные и семантические рамки, в которых допустима теоретическая интерпретация территориального круга явлений. А также дало бы возможность качественного описания конкретно-исторических (в духе Парето) региональных форм и состояний политической элиты, выработки методов более дифференцированного анализа политического и демократического процессов, повышения достоверности прогнозов политического развития.

Своевременность обращения к этим аспектам диктуется и условиями познавательной обстановки как противоречивого «взаимоналожения» российских и региональных практик приращения знаний. Одно дело – общая ситуация. Она вызвана, с одной стороны, стремительной деидеологизацией отечественной науки как социального института и диффузией зарубежной и российской мысли в познании политических явлений, а с другой – испытывает на себе влияние более масштабного кризиса методов социального познания, построенных на принципах «модернизма» и «постмодернизма», нередко размывающих комплексную природу современных объектов политического анализа.

Как же преодолеваются общеметодологические, парадигмальные и другие кризисы познания? Позитивны в восприятии передовой научной среды идущие сегодня в отечественном обществознании ревизии и трансформации неудовлетворительных по своим объяснительным возможностям западных образцов политической культуры, истории и структур новой российской власти с помощью «встречного потока» теоретических обобщений, опирающихся на национальную специфику и местные реалии. В то же время чрезвычайно опасно, с точки зрения перспектив развития российской политической науки, положение в большинстве регионов страны, когда, проделав полный цикл бегства от мертвой догматики научного коммунизма, отечественная политология движется к начетничеству в духе «книжного либерализма», к тому же вымирающего и перестающего отражать мощные процессы, идущие в странах либеральной демократии[8].

Нередко такого рода объяснения политической элиты в центре и на местах «соседствуют» с усеченными территориальными методиками описания политического процесса, построенными на теоретических моделях, которые способны отобразить лишь отдельные его стороны или проявления. Это создает

ложное представление, что понять сущность региональных явлений можно, либо ознакомившись с очередными работами мировых авторитетов мысли, либо постановлениями и декларациями местных властей, а сформировать те или иные их черты достаточно легко в силу простой экспликации факторов. В результате подобные исследования региональных политических элит слабо сопряжены как с действительным развитием внешнего мира, так и с "корневой системой" национальной теории и культуры. В результате они обладают весьма невысокой репрезентативностью, искажая подлинное содержание и роль этого важного субъекта российского политического процесса.

Типичность отечественной традиции исследования и интерпретации политико-властных феноменов в духе (волевым образом установленной) определяющей детерминанты сочетается с пренебрежением к ряду продуктивных подходов, апробированных в западной политической теории. Только в последнее время стали выходить работы, расширяющие методологическую палитру изучения постсоветского транзита региональных элит за счет «синтетической модели» исследования явления в его единстве и взаимосвязи частей, факторов, влияющих на переход к демократии[9] – от первичной либерализации режима до учреждения, функционирования и трансформации новых демократических институтов и процедур.

Однако, чем дальше в глубь страны идут трансформационные процессы, тем дифференцированее разрыв между результатами практической политики региональных элит и ожиданиями многих групп общества. В этих условиях современный подход к исследованию региональных элит может быть обусловлен только объединительными целями постиндустриального развития России. Т. Зонова справедливо отметила взаимосвязь процессов, происходящих в стране, с общемировыми тенденциями: «Процесс регионализации приобрел новые импульсы. Речь идет о повышении регионов в архитектонике европейского сотрудничества, которое прежде тормозилось жестким противостоянием двух систем. Взаимосвязь современного мира обусловила высокую степень общности этого прецесса как для Западной, Центральной и Восточной Европы, так и для России»[10].

Актуальный и транзитологический смысл такого процесса изменений, порожденного реальной либеральной демократией и индустриализацией, состоит в том, что широкие социальные слои получают доступ практически ко всем достижениям цивилизации – политические права и свободы, принципиально новые, более комфортные условия жизни и возможности индивидуального выбора (Х. Ортега-и-Гассет). При этом сам процесс изменений можно рассматривать как некий результат деятельности правящих групп и, одновременно, как контекст их «становления» (П. Штомпка), в котором раскрывается реальное и социальное значение региональных элит.

Исследовательские ориентиры. Исходя из понимания общественного предназначения политической элиты, научной и практической важности темы, степени ее изученности, автор видит цель данной работы, прежде всего, в выработке теоретико-практической модели транзита региональной политической элиты, способствующей наиболее полному измерению территориального содержания политического процесса. На этой основе представляется целесообразным глубже раскрыть природу, структуру и роль региональных элит в современном политическом процессе России.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

– определить круг проблем, затрагиваемых российскими исследователями и политиками при использовании категории «региональная политическая элита»;

– проанализировать основные подходы к политическому процессу в целом и к определению его региональной специфики, в частности, на примерах взаимодействия с формой государственности субъектов РФ;

– выявить, критически осмыслить и интерпретировать основные характеристики места и роли политической элиты в политическом процессе, классифицировать ведущие направления и подходы в теоретическом понимании природы политических элит в современной политологии;

– обосновать представления, позволяющие более глубоко и точно охарактеризовать содержание современного транзита региональных политических элит, основные модули его формирования, существования и развития в условиях трансформирующегося российского общества;

– выявить и проанализировать отличительные особенности транзита региональных политических элит и их взаимоотношения с другими политическими явлениями;

– раскрыть полиструктурную природу постсоветского транзита региональных элит, противоречивый характер формирования и смены ценностных ориентаций политических субъектов в процессе реализации ими своих ролей и функций в отношениях власть – общество;

– исследовать и уточнить тенденции и динамику современного транзита региональных элит на этапе смены национальных лидеров, раскрыть специфическую роль территориальных правящих групп в условиях модернизации социально-экономической и политической систем российского общества;

– выявить критерии и основные направления демократизации (повышения качества) региональных политических элит, определить условия и задачи осуществления ими своего предназначения для достижения этой цели.

Методологические и теоретические основания исследования. Для квалифицированного решения задач, поставленных в монографии, автор опирался на: 1) получившие широкое распространение в науке методы системного, структурно-функционального, исторического, социологического, психологического, эмпирического и сравнительного анализа политических явлений; 2) теоретические разработки применения самих этих методов в современных политических исследованиях, в частности, в области компаративистики – теорий рационального выбора и неоинституционализма; 3) методы анализа языка политики, теоретические основания концепций демократизации (транзита) и структурно-деятельностного «становления» акторов, их синтетические разновидности.

В работе использовались плодотворные идеи классиков мировой политической мысли – Т. Адорно, Г. Алмонда, П. Бурдье, М. Вебера, Г. Гегеля, Р. Даля, Р. Дарендорфа, М. Догана, М. Дюверже, Э. Канетти, Г. Лебона, К. Леви-Строса, С. Липсета, Н. Макиавелли, К. Мангейма, К. Маркса, Г. Моски, Х. Ортега-и-Гассета, Г. Тарда, В. Парето, Т. Парсонса, Дж. Сартори, П. Сорокина, А. Тойнби, А. Токвиля, З. Фрейда, Ю. Хабермаса, П. Штомпки, Й. Шумпетера, Э. Эмерсона и др. Немаловажное значение для исследования имели труды, связанные с проблемами административно-политического устройства России, – К. Арсентьева, М. Бакунина, Н. Бердяева, С. Булгакова, В. Вернадского, Н. Данилевского, И. Ильина, М. Карамзина, В. Ключевского, А. Ковалевского, Н. Кондратьева, В. Ленина, В. Леонтьева, П. Новгородцева, М. Острогорского, Л. Петражицкого, В. Соловьева, П. Струве, Н. Трубецкого, Г. Федорова, С. Франка, Б. Чичерина, А. Хомякова и др.

Большую роль в подготовке монографии сыграли исследования современных зарубежных авторов, занимающихся изучением политических элит и лидерства, – А. Адлера, Дж. Барбера, М. Бартона, П. Блау, Ж. Блонделя, Р. Гантера, Дж. Гелбрейта, Т. Дая, Г. Дорсо, Л. Зиглера, С. Келлера, Г. Лассуэла, Р. Миллса, Р. Нисбета, Р. Строгдилла, Р. Таккера, Г. Филда, М.Дж. Херманн, Дж. Хигли, Дж. Шенона, Г. Эндрувайта, А. Этциони, О. Янга и др., а также исследователей, изучающих широкий круг проблем демократизации: Р. Андерсона, С. Блека, В. Бунге, М. Гарретона, Л. Даймонда, О. Доннела, К. Зегберса, Т. Карла, Х. Линца, Дж. Мунка и К. Леффа, А. Пшеворского, Д. Растоу, А. Степана, С. Хансона, С. Хантингтона, Ф. Шмиттера, Э. Шнайдера, Ш. Эйзенштадта и др.

Важным *источником*, использованным при написании работы, стали материалы российских ученых, представляющие тот интеллектуальный контекст, в котором проходят глубокие дискуссии по проблематике национальных элит. На сегодняшний день в отечественной политической науке сложились, как представляется автору, несколько основных исследовательских направлений. Прежде всего, следует выделить теоретические публикации Л.М.Алексеевой, Г.К. Ашина, Е.Л. Белых, Е.Т. Гайдара, З.Т. Голенковой, И.Е. Дискина, Т.Н. Заславской, А.А. Кара-Мурзы, Б.Г. Капустина, С.Г. Кирдиной, В.А. Мау, А.А. Нещадина, А.И. Пригожина, Р.М. Рывкиной, Ю.А. Рыжова, Ж.Т. Тощенко, А.С. Ципко, В.А. Ядова и др., посвященные сущности политических элит в свя-

зи с природой российской трансформации и характером социальной организации общества.

Блок проблем, сопряженных с анализом социокультурных и политико-культурных аспектов развития отечественных элит, содержится в работах: А.С. Ахиезера, Э.Я. Баталова, Л.Е. Бляхера, Л.И. Буевой, Л.П. Веревкина, А.Я. Гозмана, А.А. Гусейнова, В.Е. Давидовича, Г.Г. Дилигенского, Л.Г. Ионина, Н.Н. Козловой, И.С. Кона, Л.Е. Куббеля, Ю.А. Левады, В.М. Межуева, Н.В. Мотрошиловой, Н.Ф. Наумовой, Д.В. Ольшанского, С.К. Рощина, Л.А. Седова, А.И. Соловьева, Г.Х. Шахназарова, В.А. Шегорцева, Е.Б. Шестопал и др.

Определение политической специфики данного явления в контексте процесса взаимодействия политической власти и общества, демократической и действительной форм правления, характеристики общих и особых свойств носителя и субъекта политического процесса нашло освещение в исследованиях А.Г. Аникевича, М.Н. Афанасьева, Л.В. Бабаевой, И.М. Бунина, А.А. Галкина, В.Н. Дахина, А.Ю. Зудина, М.В. Ильина, Н.М. Кейзерова, И.М. Клямкина, О.В. Крыштановской, А.С. Кузьмина, Н.Ю. Лапиной, Б.И. Макаренко, Л.С. Мамут, М.Н. Марченко, А.Ю. Мельвиля, С.П. Перегудова, А.В. Понеделкова, В.П. Пугачева, А.М. Салмина, В.Г. Хороса, М.А. Чешкова, М.А. Шабановой, В.А. Шубкина и др.

Плодотворную роль в изучении этой стороны вопроса сыграли труды Г.А. Белова, Г.И. Вайнштейна, С.В. Волкова, К.С. Гаджиева, А.Е. Гулиева, А.И. Демидова, А.А. Кивы, А.И. Ковлера, О.А. Колобова, В.А. Колосова, О.Г. Коргунюка, А.А. Лузана, А.М. Миграняна, А.Н. Олейника, И.К. Пантина, М.Н. Пискотина, Н.П. Пищулина, А.А. Сергунина, М.Х. Фарукшина, Е.Н. Яковлева и др.

В целом, весь комплекс этих источников позволяет всесторонне рассматривать изучаемый феномен, одновременно подтверждая необходимость именно теоретических моделей, объясняющих и систематизирующих многообразие причин и следствий формирования политических элит как на российском, так и региональном уровне, где этот процесс до последнего времени был особенно динамичен.

Исследования отечественных ученых, посвященные институционализации субнациональных политических элит, можно подразделить на три основных аспекта. Первый – критическое (пере)осмысление концепций элит в работах западных авторов соответствующих «штудий» и проверка их объяснительных возможностей в ходе «диалоговых» (М. Афанасьев) научно-исследовательских проектов. Здесь наиболее заметны публикации В.А. Ачкасовой, А.С. Быстровой, В.Я. Гельмана, Г.В. Голосова, А.Б. Даугавет, А.В. Дуки, И.В. Егорова, А.В. Корниенко, А.С. Макарычева, С.И. Рыженкова, Р.Ф. Туровского, Т.В. Шмачковой и др.

Второй аспект – региональные политические элиты в формате различных исследовательских практик, соотносимых обычно с демократической перспективой развития трансформирующихся субъектов РФ. В этой категории источников выделяются работы А.Н. Аринина, Д.В. Бадовского, С.В. Борисова, И.М. Бусыгиной, О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Дахина, Н.В. Зубаревич, А.В. Карасева, И.В. Куколева, А. Магомедова, Р.Р. Максудова, В. Мохова, Д.Б. Орешкина, М.П. Павловой-Сильванской, Н.В. Петрова, Л.В. Смирнягина, Р.Ф. Туровского, Д.Е. Фурмана, С.М. Хенкина, А.Г. Чернышова и др. Они констатируют завершение формирования новой политической элиты в регионах, иной ракурс их транзита и в совокупности образуют базу третьего аспекта их изучения. А именно: разработку теоретических и концептуальных подходов к современному исследованию региональных элит на национальной (своеобычной политико-культурной) основе. Это, прежде всего, работы М.Н. Афанасьева, Э.Я. Баталова, Н.И. Бирюкова, А.Д. Богатурова, В.Я. Гельмана, Д.В. Гудименко, Б.В. Межуева, А.Ю. Мельвиля, Ю.С. Пивоварова, А.И. Соловьева, В.О. Рукавишникова, М.Х. Фарукшина, Л.Ф. Шевцовой и др.

В целом, данная категория источников свидетельствует, что отечественная теория (региональных) политических элит носит пока постановочный характер. Следовательно, назрела острая необходимость комплексного изучения этой проблемы. При этом как научная сторона изучения вопроса, так и проблема выбора адекватного методологического инструментария требуют дальнейшего анализа. В то же время, рассматривая источники происхождения и развития элиты, которые коренятся в обществе, в человеке, придающем этому феномену исключительную сложность строения внешних и внутренних связей, автор осознает невозможность полной рационально-теоретической реконструкции политико-властных явлений.

Данное исследование, как и любая работа в области социально-гуманитарных наук, не вправе претендовать на безусловную полноту и окончательные ответы на поставленные вопросы. Монография выдвигает некоторые гипотезы, авторские интерпретации и содержит ряд обобщений, которые впоследствии будут полезны для обсуждения и конкретной реализации.

Работа предназначается не только для специалистов-обществоведов, сотрудников администраций, но и для широкого круга заинтересованных читателей. Без сомнения, способных в творческом единении своем создать интеллектуальные предпосылки к тому, чтобы население регионов России думало и действовало правильно, в интересах цивилизованного будущего Отечества.

Глава 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

1.1. Понятие политического процесса в современной политической науке. Цивилизационная парадигма политического процесса

В последнее десятилетие политические исследования содержания политического процесса в связи с реформами в странах Восточной Европы и особенно России приобрели новое качество. С одной стороны, оно стимулируется поиском фундаментальной наукой обоснованных принципов, обретающих целостность на фоне той или иной системы философского мировосприятия, представлений о сути человека, смысле истории, политики и т.д.

С другой стороны, меняющаяся роль национального государства сказывается на развитии обществознания, ставящем безопасность и благосостояние граждан в любом административно-территориальном образовании во главу приоритетов. В сущности, это вопрос об условиях достижения и поддержания социально-политического порядка, отвечая на который мы и обращаемся к понятию «политический процесс». Оно наиболее близко подходит к категориям «порядка» и «политическая система» и применяется для характеристики составляющих их элементов. Важнейшим из них является способ или режим функционирования политической системы, непосредственным участником которого выступают правящие элиты.

Содержание ключевых решений по вопросам внутренней и внешней политики страны в новом тысячелетии свидетельствует: российский политический процесс все глубже развивается в направлении полномасштабной трансформации. Однако исследователи отмечают, что «главным источником динамики новой политической системы становится внутреннее напряжение между моноцентрической конструкцией и ориентацией на модернизацию»[11], или сильным, но еще не единым федеральным центром власти и теми позициями как внутри него, так и в территориальных обществах, что противоборствуют переходу (транзиту) России на постиндустриальный путь цивилизационного развития.

Этот современный путь развития человеческой цивилизации С.Юшенков достаточно обоснованно предлагал определять как постзападный, как путь, представляющий собой «сплав восточных и западных ценностей в поисках ответа на вызовы глобального характера»[12]. Россия исторически является страной, находящейся между двумя основными цивилизациями и как бы ни этапизировалось ее общественное развитие, только сейчас мы наблюдаем реальную

взаимоадаптацию европейских демократических стандартов и особенностей отечественной действительности.

В политической сфере ее суть состоит в сочетании элементов российского традиционализма и западного либерализма, в универсализации государства, воплощающего в регулировании жизнедеятельности социума принципы «органической» (И. Ильин) демократии и поэтому способного решать фундаментальные проблемы общества. Однако стабильность и перспективы такой динамики во многом будут определяться тем, насколько последовательно будут проводиться реформы, как быстро удастся поднять духовный и материальный уровень благосостояния значительной части населения.

Современный политический процесс России в этой связи представляет собой крайне сложное и многогранное политико-культурное явление. Его анализ требует исследования глубинных корней и специфики развития отечественной политической системы. В этом отношении, прежде всего, выкристаллизируются два типа теоретико-методологических принципов его изучения и описания, создающих одновременно остов аналитической модели политической элиты. А именно:

– логико-концептуальные положения исследований, задающих смысловую, «нестрогую нормативность» в интерпретации природы политико-властных явлений и помещающие изучение данных объектов в проблемное поле гео-, био-, социо- или их неогенеза;

– предметно-теоретические принципы концептуализации политического процесса, раскрывающие взаимодействие его составных элементов и уровней, содержание и предназначение, а также иные аспекты, интерпретирующие его как «функциональную характеристику политической системы» (В.Перевалов), где в основании политического процесса лежит совокупная деятельность субъектов политики в сфере власти.

Для политической науки достоинство каждого из этих типов исследования политического процесса неоценимо. Однако для современной политической теории, по-видимому, особый смысл имеет их взаимоприемлемый синтез. Он позволяет преодолеть как их принципиальную ограниченность в толковании политического процесса, так и, используя потенциал друг друга, «поднять» его на уровень задач политической реальности. При этом важен и содержательный разбор компонентов политического процесса как их по отдельности, так и его в целом – «парадигмальная» ориентация. Это тем более актуально и для проблематики политических элит.

Так, после 1991г. их состояние можно определить как переходное от советской политической системы (с ощутимым влиянием традиционализма) к типу политического процесса, основанному на ценностях западного либерализма. Это выражалось, например, в смене форм политического участия – произошел переход от мобилизационного к автономному участию. Наблюдалась также

смена типов принятия и реализации политических решений в направлении их демократизации. Кроме того, проявилась определенная склонность к популизму и радикализму в реализации политических решений, что характерно для переходных процессов.

Да и само становление термина «политический процесс» в отечественном варианте во многом состоялось в 90-е годы из-за того, что было:

– нацелено на отражение быстроменяющихся политических отношений;

– выражало совокупность действий, осуществляемых субъектами политики и политическими акторами;

– позволяло охарактеризовать политическую систему с точки зрения динамики ее самой и изменений ее элементов[13]. Это так или иначе соответствовало наиболее распространенному тогда представлению о политическом процессе как «совокупности деятельности всех субъектов политических отношений, связанной с формированием, изменением, преобразованием и функционированием политической системы, опосредующей публичную власть»[14]. Хотя и сегодня, по мнению Л.С. Мамута, за ним пока не стоит строго определенное и общепринятое понятие.

Широкое хождение получила интерпретация политического процесса, данная политологами В.П. Пугачевым и А.И. Соловьевым. Политический процесс, в их понимании, представляет собой «совокупность действий институализированных и неинституализированных субъектов по осуществлению своих специфических функций в сфере власти и в конечном счете ведущих к развитию или упадку политической системы общества»[15]. Этим определением политический процесс развертывается как явление, имеющее специфический характер протекания со всевозможными вариантами «поворота событий». Прав польский политолог Т. Клементевич, который считает, что «основной целью политологического анализа конкретных социальных ситуаций является обнаружение в потоке событий моментов переходного, поворотного значения, того, что нарушает сложившуюся структуру данных политических процессов»[16].

Нередко таковым становится появление нового национального лидера и объединение вокруг него соответствующей элитной группы. Она институционализирует себя через специфические интересы и поведение, транскрибируемые в рамках тех или иных стратегий. По мнению А.И. Соловьева, политический процесс выражает собой «совокупность всех динамических изменений в поведении и отношениях субъектов, в исполнении ими ролей и функционировании институтов, а также во всех иных элементах политического пространства, осуществляющихся под влиянием внешних и внутренних факторов»[17]. В таком ракурсе фактически обозначена вся сложность явления и представлена методологическая матрица его многомерного анализа.

Это весьма продуктивно отличается, по наблюдению нижегородского исследователя Н.П. Распопова, от выводов отдельных зарубежных ученых, беру-

щих за основу лишь одну из граней политического процесса. Например, Т. Парсонс видит специфику политического процесса только в результатах ее функционирования, Т. Дарендорф – в динамике борьбы и соперничества за статусы и ресурсы власти, Ч. Мэриам – в поведенческих аспектах реализации субъектами своих интересов и целей, Дж.Б. Мангейм и Т.К. Рич – в политике правительства и ее влиянии на состояние общества[18]. Сторонники институционального подхода связывают политический процесс с функционированием и трансформацией институтов власти (С. Хантингтон). Неоинституционализм же рассматривает парламенты, правительства, партийные системы как те «связующие ограничения», в пределах которых протекает активное взаимодействие политических субъектов (С. Эйзенштадт) и т.д.

Приведенные примеры не только показатель того, что перечень определений политического процесса не может быть исчерпывающим в силу разнообразия исследовательских приоритетов. Для нас это, прежде всего, важное свидетельство того, что в западной политической науке для изучения политического процесса преимущественно употребляются четыре метода: структурно-функциональный, бихевиористский, неоинституциональный и сравнительный. При этом «первенствующий» на Западе приоритет гражданского общества в диалоге с государством обусловил в рефлексии политического процесса доминирование проблем, связанных с выражением интересов непосредственных субъектов хозяйствования, т.е. общества как такового. Этим объясняется тот факт, что в центре западных «штудий» находятся такие вопросы, как децентрализация государства, территориализация, глобализация, корпоративизм, политика частных акторов, представительство интересов и т.д.

Отечественная политология все «глубже» осваивает опыт зарубежных изысканий, особенно усердно в области неоинституционализма и компаративистики. Однако анализ различных определений политического процесса российскими учеными приводит к следующему выводу. На настоящий момент в политической науке используется несколько исследовательских моделей для описания политического процесса. Опирающиеся на них определения структурируются автором в следующие основные группы:

1. Определения, согласно которым политический процесс рассматривается по аналогии с понятием «процесс».

2. Определения, интерпретирующие политический процесс в границах термина «политика».

3. Определения, согласно которым политический процесс выступает как «динамическая характеристика политики».

4. Определения, обозначающие политический процесс через взаимодействие участвующих в нем субъектов. По мнению большинства авторов (чьи интерпретации фигурировали в анализе – Г.А. Белова, К.С. Гаджиева, А.И. Демидова, Д.П. Зеркина, О.А. Колобова, А.А. Корнилова, Л.С. Мамута, А.С. Мака-

рычева, В.А. Мельника, Р.Т. Мухаева, А.С. Панарина, В.П. Пугачева, А.А. Радугина, Е.Б. Рашковского, А.М. Салмина, А.А. Сергунина, А.И. Соловьева, А.А. Федосеева и др.), это наиболее перспективное направление исследований.

Но, рассматривая в этом ключе тенденции в социально-политических науках России и Запада, неизбежно сталкиваешься с их различием. Во-первых, многие концептуальные объяснения и методологические ориентиры современных политических процессов нашей страны имеют либо «зарубежное» происхождение, либо тяготеют к, казалось бы, ушедшей, моноидеологической архитектонике. Во-вторых, в условиях политико-центричной модели общественного устройства социальное знание получает возможность адекватного функционирования только в случае его востребованности государством. Встроенность в систему власти и определяет приоритетную проблематику обществоведческих дисциплин, а также их не автономный, а скорее, обслуживающий характер[19]. Как следствие – внимание к «освященным» властью проблемам, а в методологическом плане – преобладание системно-деятельностного толкования политического процесса. Причем как в ценностно-ориентационных формах, вписывающих Россию в постзападный путь цивилизационного развития (А. Ахиезер), так и в нормативно-идеологических предписаниях, превращающих идеи в средство реализации заданного социального и политического движения страны к очередному «светлому будущему» (Д. Зеркин).

В этой ситуации исследования отечественного политического процесса остро нуждаются в осмыслении сквозь призму цивилизационных, мирсистемных методологических установок. На передний план в них выходят всеобъемлющие и апробированные социокультурные принципы: права и свободы личности, правовое равенство, политическая ответственность власти и граждан, свобода частной собственности, договорная природа государства, конституционализм, толерантность, плюрализм и конкуренция. Эти основополагающие ценности либеральной демократии обусловили коренное изменение в массовых политических воззрениях во многих странах мира, легли в основу многих национальных идеологий, методологических ориентиров неоконсерватизма и христианско-демократического мировоззрения, философских установок социал-демократии.

Но в любом случае целью подобного «переформатирования» российского политического процесса является выработка методологических парадигм, ориентированных не на абстрактные цели и свойства политического взаимодействия, а на характеристики реально становящейся социальной интеракции. В этом случае новое качество социального ставит национальные образования перед необходимостью поиска действенных стратегий развития и модернизации в быстроменяющихся реалиях, когда идеи становятся доминирующими в связи с совпадениями интересов больших групп людей и общественными потребностями. Вполне закономерно поэтому, что в настоящее время основным лейтмотивом исследований политического процесса, связанным с анализом тенденций качественного изменения современного социального пространства, стал феномен трансформации, или, возвращаясь к методологической матрице А.И. Соловьева, – константа «изменчивости» различных черт и свойств политических явлений.

Иными словами, категория «политический процесс» фиксирует и раскрывает ту действительную смену состояний политических объектов, которая складывается как в соответствии с сознательными намерениями акторов, так и в результате многообразных «неорганизованных» воздействий. В этом смысле политический процесс исключает какую-либо заданность в развитии событий и делает акцент на практических видоизменениях явлений, соизмеряемых определенной целостностью человека как такового (Х. Арендт, Ф. Боле, Э. Канетти и др.), т.е. его социальными, конкретно-историческими чертами и характеристиками.

Политический процесс, опосредованный не стихийно-природными, а благоприобретенными, социокультурными свойствами людей, показывает, как индивиды, группы, институты власти со всеми своими стереотипами, целями, предрассудками взаимодействуют друг с другом и государством, реализуя свои специфические роли и функции. А так как ситуации, стимулы и мотивы человеческого поведения постоянно изменяются, политический процесс в силу своей онтологической (конкурентной) природы также исключает линейную предопределенность в развитии событий, демонстрируя его «внутреннюю альтернативность»[20].

Раскрывая содержание политики через сложившиеся и альтернативные формы исполнения субъектами своих ролей и функций, такой методологический подход более предметно очерчивает контуры политической власти и культуры. Как замечает Л.С. Мамут: «… подлинно научная абстракция (если, конечно, верно оценивать ее истинный теоретико-познавательный потенциал) такова, что чем выше выраженная в ней мера универсальности, тем она конкретнее, тем больше заключает в себе возможности распознать конкретное»[21].

Отсюда политическая власть обусловливается целостностью универсальных свойств человека, представляя собой форму его самовыражения, придающего ей изначально поисковый и творческий характер. Или политика « … есть форма рисковой деятельности, в ходе которой участники оспаривают друг у друга возможность определять характер и поведение власти»[22]. Культура при этом рассматривается как способ существования ее содержания. Как способ интериорной переработки человеком общественного опыта и способ его выражения в социальном (политическом) пространстве, средство творческого, инновационного ответа на внешние вызовы различных цивилизационных сред.

Принципы неопределенности и альтернативности переакцентируют внимание при интерпретации политического процесса на разделяемые людьми

жизненные ценности, национальные интересы, сложившуюся ментальность и доминирующую символику, характер информации и социальной интеракции, одним словом – на все элементы социокультурного (изнутри ориентированного) поведения и отношения людей к власти, и во власти. В этом смысле политический процесс как явление само- и внешнедетерминируемое, раскрывает движение, динамику, эволюцию политических объектов и субъектов через конкретно-властное изменение их состояний во времени и пространстве.

Применительно к переходному обществу понимаемый таким образом политический процесс открывает и объясняет взаимодействие социальных и политических структур и отношений, то есть показывает, как общество сначала трансформирует, а затем формирует свою государственность, а государство, в свою очередь, постепенно «завоевывает» социум. С точки зрения содержания, политический процесс выражает своего рода технологию осуществления власти, представляя собой совокупность относительно самостоятельных, локальных взаимодействий субъектов, структур и институтов, связанных теми или иными специфическими устремлениями и интересами в поддержании или изменении режима правления.

Переходный политический процесс можно определить как период, в течение которого один тип политического порядка заменяется другим под воздействием множества национально-специфических и интернациональных факторов. Возможны два альтернативных варианта переходных процессов. Каждый из них можно выразить смысловым (и соответствующим ему технологическим) рядом: 1) революция – трансформация – реформа (восходящая линия развития); 2) критическая ситуация – кризис – катастрофа (нисходящая траектория).

В этом отношении исследование роли элит в трансформирующемся обществе связано с вопросом о сути и выборе такой технологии, т.е. формировании правящими группами концепций реформ, их целей, задач, механизмов реализации, функционирующих как по линии противостояния различных ветвей власти (как это было в России первой половины 90-х гг.), так и по линии межуровневого согласования интересов. В то же время недооценка группового характера политических интересов властей, чрезмерная гуманизация мотивов политического участия граждан и ряд других особенностей "презентируемого" методологического подхода предполагает его дополнение общеобязательными нормами. К примеру, такими, по мнению И. Ильина, как достаточно высокий уровень правосознания, уважение и добровольное соблюдение законов. И управляющие, и управляемые, не научившиеся чтить закон и добровольно соблюдать его, не будут искренне уважать ни своего государственного устройства, ни ими самими принятых конституций. Другой общепризнанной предпосылкой могла бы стать свободная лояльность или же «искусство свободы». Народ должен «разуметь свободу», нуждаться в ней, ценить, уметь пользоваться ею и бороться за нее. Все это вместе должно быть обозначено как искусство свободы. Нет его – и демократия обречена.

Современными возможностями обладает, на наш взгляд, специфика политики, открываемая с позиций теории игр (П. Ордешук, У. Рикер, Ф.Т. Алескеров, А.С. Панарин и др.). Политическую игру, как известно, делает интересной не только относительное равенство шансов, но и характер ставок. Только тогда, когда политика рассматривается как процесс, в ходе которого действительно решаются жизненно важные вопросы, она провоцирует общественные страсти и привлекает яркие характеры. Здесь мы себе позволим некоторое отступление.

Просветители XVIII века и революционеры XX столетия склонны были отождествлять гражданское состояние с естественным. Главную проблему они видели в том, чтобы устранить «искусственные» официальные учреждения, сковывающие свободу «естественного человека» или «разумного эгоиста». Наши реформаторы с подачи своих западных учителей, считает А.С. Панарин, тоже отождествляли «экономического человека» с «естественным» и потому надеялись что как только будут убраны «искусственные преграды» тоталитарного порядка, само собой возникнет гражданское общество со всеми его атрибутами – рынком, отношениями партнерства и т.д. Вскоре последовало горькое разочарование: тотальное отступление государства как общественного регулятора открыло дорогу не отношениям партнерства, а отношениям едва ли не тотального грабежа, обмана и насилия[23].

Выяснилось, размышляет И. Богомолов, что демократами люди не рождаются, а становятся, что это довольно хлопотная работа. И для некоторых непосильная. Презумпция виновности власти и государственного института не может быть отныне автоматической. Демократия предполагает более высокий уровень индивидуальной этики. Природа коллективной солидарности здесь другая. Психология человека, который должен жить своим умом и находиться постоянно в ситуации выбора, совсем иная. Понятно, что все эти и другие, сознательные и познавательные моменты, а не только социально имущественные интересы поспособствовали созреванию условий для гражданской войны[24].

Последовавшая после «Октября-93» реализация либерального принципа «государство-минимум» обнаружила: для поддержания нормальных партнерских отношений требуется правовая неусыпность государства, которому как судье категорически запрещено вмешиваться в пользу одной из команд, но столь же категорически вменяется в обязанности неукоснительно следить за тем, чтобы не было нарушения правил игры. Политика, таким образом, выступает как инновационный процесс производства новых властных статусов и влияний в границах универсальной правовой нормы[25]. В этом смысле правомерно говорить о едином политико-правовом процессе. В нем политика – это своеобразный поисковый механизм социального развития, разрабатывающий

его проекты, а право – механизм придания таким проектам общезначимого характера.

Применительно к переходному обществу достижение соответствия этих двух сфер и механизмов социального регулирования означает сформированность законодательной базы, закрепляющей основные цели и ценности политически лидирующих групп (элит). В результате такого соединения регулятивных возможностей обеих сфер государственная власть приобретает необходимую стабильность, предотвращая общество от крайностей политической конкуренции, канализируемой ныне в русло модернизационной активности граждан.

В методологическом аспекте взаимное дополнение политической и правовой логик исследования, в равной мере обусловленных социокультурными основаниями, формирует синтетическую, образно говоря, цивилизационную парадигму политического процесса. (Уже потому, что обобщенные идеалы политических свобод и прав в союзе с культурными принципами – это неотъемлемые атрибуты цивилизованного общества). Однако свое существенное теоретико-познавательное значение парадигма обретает из четкой аналитической программы, исходящей как из ряда основополагающих предпосылок, так и из собственных логико-концептуальных критериев. К первым относятся:

– «человекоцентричность» как целевой масштаб видения общего и особенного;

– «онтологичность» как свойство сущностной развернутости политического процесса в пространственно-временных измерениях;

– «морфологичность» как свойство результативности взаимодействия всех участников процесса, отражающее базовые особенности строения и источники формообразования составляющих его политических явлений;

– «изменчивость» как свойство сосуществования всех элементов процесса, означающее любые модификации структуры и функции, институтов и форм, постоянных и переменных черт, темпов эволюции и других параметров политических явлений[26].

Собственные принципы цивилизационной парадигмы политического процесса включают в себя следующие приоритеты:

– обращенность к конкретно-историческому субъекту (или субъектам) политического процесса;

– признание альтернативного характера влияния политической культуры на «субъект-объектные» процессы и институты власти;

– открытость субъектов (общества) к восприятию перемен и инокультурных воздействий;

– признание многообразия источников и форм политических изменений, включающих в содержание политического процесса проблему выбора;

– востребованность национальных истоков и особенностей политического процесса;

– измерение политического развития логикой ценностно-ориентированного волеизъявления конкретно-исторических субъектов;

– общезначимость правовых норм в границах уникальных форм эволюции (трансформации) конкретных человеческих сообществ и т.д.

В совокупности эти и другие критерии объясняют наличие в политическом процессе разнообразных типов движений, динамик, эволюций политических явлений, обладающих собственными формами и способами изменений, сочетание которых лишает политический процесс линейности, наделяя его альтернативным характером развития. Более того, перечисленные логико-концептуальные приоритеты могут быть интерпретированы в виде постулатов структурно-деятельностного подхода в его новой, стремительно развивающейся «ценностной – деятельностной» редакции (П. Штомпка, Т.И. Заславская, Г.Г. Дилигенский, А.И. Соловьев и др.). Это позволяет углубить представления о политико-властных объектах, в нашем случае – политических элитах, выделив в процессе их "социального становления" (П. Штомпка)[27] присущие им специфические черты и свойства.

Предваряя уточнения по поводу специфических свойств политических элит, прежде всего, следует принять во внимание, что политическая власть формируется в условиях жесткой конкуренции групповых субъектов. В частности, элитная группа как субъект политического процесса не может стать полноценным участником борьбы за власть, если не сумеет соорганизовать себя «внешне и внутренне». Достижение ею статуса доминирующей и функционирование в таком качестве неразрывно связаны с созданием определенных структур и отношений, свода законов, норм и правил действий, предъявляемых и поддерживаемых обществом. В этом плане новые элиты чаще всего рассматриваются как становящийся социальный институт.

Когда же речь идет об источниках и механизмах удержания правящей группой своих позиций, внутренней структуры и организации, различий ресурсов и, соответственно, неодинаковом влиянии на общество… элиты интерпретируются как особые социальные группы. Но в обоих случаях принципиальное значение для атрибутивной характеристики политических элит имеют их *ценностные ориентации* (как результат самоопределения) и *формы деятельности* (как результат самоорганизации). Первые как *когнитивный* уровень социокультурного мышления субъекта, его способность придать позиция и целям в конкуренции за власть рациональный и идейно-концептуальный характер. Их деятельность – *конативный* срез социальности, придающий политике особый способ целеполагания и регулирования. Основная задача элит, собственно, состоит в выработке широких социальных целей (идеалов), которые впоследствии с по-

мощью определенных структур становятся ориентирами действий массовых участников политических процессов.

Таким образом, в координатах ценностно-деятельностного подхода политический процесс представляет собой совокупность идейно-ориентированных действий разнообразных субъектов, дающих качественную оценку настоящему и будущему и предполагающих ту или иную направленность в проектировании общественных отношений. Наиболее отчетливо это проявляется в переходном социуме в столкновениях целей «старых» и «новых» политических элит, стратегий правящих и оппозиционных коалиций, противоположности поляризованных политических культур и идеологий.

Одно из главных достижений ценностно-деятельностного анализа – это создание условий для сравнительного изучения субъектов политики: для элит, например, по типам их политического самоопределения, ценностных ориентаций, идеологической и организационной составляющих, сформированных в различных деятельностных контекстах; для неэлит – по линиям их политических предпочтений, поддержки или отрицания курса властей, формам электорального участия и т.д., меняющихся вместе с изменениями их социально-экономического статуса.

Совокупность обозначенных логик сравнения и одновременно параметров дальнейшей теоретической интерпретации характеризуют в действительности сложность, а временами и неясность взаимоотношений элит и неэлит, непредсказуемость последствий рационально принимаемых решений и соответствующих действий одних (скажем, беловежские соглашения или приватизация), наличие разнонаправленных реакций других (протест и депрессия, террор и отчуждение). Эти и другие факты, свидетельствующие об интенсивности конкуренции за государственную власть и придающие политическому процессу интерактивный характер, позволяют отнести его к *социальности особого рода*, коренным образом отличающейся, в частности, от традиционной общественной жизни как «фатальности единой коллективной судьбы» (А.С. Панарин), социальности, где люди жестко не привязаны к своим политическим и социальным группам и которая формируется в деятельности самоопределяющихся субъектов, способных к индивидуализированному восприятию определенных норм и традиций, их творческому воплощению.

Другими словами, политический процесс – это цивилизационный феномен, и в качестве такового он выступает в виде специфического продукта вполне определенной цивилизации. Это дает основание относиться к социальной природе современного политического процесса России как к некоему пространству, где:

– существуют относительно самодостаточные стандарты мыслительной и практической активности субъекта, предполагающие его дистанцирование от складывающихся политических отношений;

– открываются истоки противоречий между официальной и реально доминирующей политическими культурами власти и общества;

– пролонгируются известные традиции преемственности и обновления с предыдущими форматами политической динамики;

– господствуют определенные образы и символы, пытающиеся интегрировать на собственной основе инновационные проявления политической жизни;

– сосуществуют стилистика и семантика разных типов властвования и соответствующие им модели политического поведения людей в публичной сфере, технологии и процедуры разрешения конфликтов и противоречий[28].

Пространство политического процесса функционально. Оно воспроизводит различные компоненты политической системы: человека политического, структуры, институты и ресурсы политического властвования и политического участия, политической культуры и норм[29] – и представляет уникальную возможность выбора и модификации тех принципиальных изменений из собственного контекста, посредством которых доминирующий в политической системе субъект способен формировать определенный социальный и политический порядок. Ныне это, прежде всего, конвенциональные (договорные, нормативные) изменения. Они характеризуют поведенческие акции, отношения и механизмы конкуренции за государственную власть, отвечающие принятым в обществе нормам и правилам политической игры.

Такое понимание природы политического процесса и специфических свойств его основных акторов содержит логико-теоретические предпосылки для более глубокого осознания его структурно-функциональных особенностей[30]. Значит, и это следует особо подчеркнуть, необходимо не просто понимать связь и логику факторов, проектирующих содержание и «повороты» политического процесса, важно уяснить *характер* взаимозависимостей составляющих политического процесса друг от друга в формате влияния той или иной доминанты. Как правило, в политической действительности он может быть как причинно-следственным, так и функциональным.

Причинно-следственные взаимоотношения преимущественно раскрывают обусловленность происхождения и динамику протекания политического процесса какими-либо неполитическими факторами (экономическими, мировоззренческими, культурными и т.д.). Вспомним хотя бы мысль К. Маркса: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»[31]. Современная российская исследовательница Е. Авраамова также пишет о влиянии социально-экономических факторов, но уже на расстановку политических сил в России. По ее прогнозу, «адаптировавшиеся» к новым экономическим условиям слои населения окажутся в дальнейшем реальной политической силой, с которой придется считаться любой правящей элите. Другому автору, Л. Бызову, более значимым

представляется раскол общества по идейно-политическим ориентациям, не связанным непосредственно с материальным положением[32].

Если мы «синтезируем» обе идентификации и проанализируем современный выбор наших граждан, исходя сразу из двух систем координат (социально-экономической и идеологической), то обнаруживается: в споре между ценностями и интересами побеждают последние, связанные с «наведением общенационального порядка». При этом политический процесс в целом продолжает оставаться переходным, и даже в чем-то не нормативным. Это объясняется наличием в нем разнонаправленных типов движения (волнового, циклического, спиралевидного, инверсионного и др.), обладающих собственными формами и способами изменения политических явлений, сочетание которых лишает последние строгой определенности и устойчивости.

Структура политического процесса с этой точки зрения представляет собой совокупность относительно автономных, локальных трансформаций политической деятельности субъектов (отношений, институтов), которые возникают на пересечении самых различных факторов и параметры которых могут быть показательно определены, а тем более спрогнозированы лишь на теоретико-методологическом уровне. В то же время, реально отражая сложившиеся отношения, существующий тип политических изменений обладает избирательной возможностью модификации тех или иных параметров (например, изменение состава парламента может сочетаться с сохранением прежнего политического курса), намеченной ритмикой и определенной функциональностью во взаимодействии субъектов, структур и институтов.

В свою очередь, во многом зависящий от деятельности доминирующего субъекта, функциональный характер отношений в политическом процессе отражает взаимосвязь его частей как самостоятельных подсистем. Функциональный порядок их скрепления (не исключающий, правда, нарушений отдельными субъектами своих ролевых предназначений) обеспечивает некую системообразующую целостность политического процесса. Это свойственно стабильным демократическим обществам, где политический процесс упорядочен разными формами самоорганизации граждан.

В современном российском обществе интенсивно идет консолидация раздробленных социальных интересов, равно как и политических сил, представляющих эти интересы в публичной сфере. Углубление социальной и идеологической фрагментации уже привело к известной поляризации общества, создав реальную угрозу его раскола не только по оси «богатые – бедные». В этих условиях роль функционально-регулятивных структур возрастает. Их «демократический транзит» становится тем процессом, укрепление качества которого на всех этажах политической системы, служит важнейшим фактором сохранения единства общества, легитимности режима правления.

В частности, авторитет и облик национального лидера позволяют широким социальным слоям преодолевать кризис идентичности, компенсировать трудности аккультурации новых ценностей. Ныне содержанием этого процесса является попытка «перекрестного» прочтения достоинств западной и восточной цивилизаций. Отсюда истоки внимания к характеру политического режима, роли государства и бизнеса, проблемам федерализма и безопасности, поиску интегративной идеологии и своего национального пути развития (прогностические сценарии которого весьма разнятся[33]).

Каждый из названных аспектов в вертикали власти принимает форму решений. В научной литературе процесс принятия решений (способность влиять на него) обычно рассматривается в узком и широком смыслах. В интересующем нас расширенном толковании (в частности, метод «ветвей») принятие решений порой отождествляется со всем содержанием управления и даже политическим процессом. Неправомерность такой точки зрения, на наш взгляд, очевидна.

Она объясняется уже тем, что политический процесс как цивилизационный феномен невозможно втиснуть в «прокрустово ложе» симплиционистских решений. Вот почему процедура выработки, принятия общественно значимых решений и обеспечение их трансляции на уровень массового сознания и поведения есть ключевая проблема политического процесса, но никак не его суть.

С «возможностью обратного влияния основания социальной пирамиды на ее вершину» (О. Гаман-Голутвина) или способностью неэлитных слоев воздействовать на стратегические решения элиты, зависящей от ряда конкретно-исторических обстоятельств, мы выходим на «главное качество» современного политического процесса. А именно: *изменения системного порядка*[34]. На них в результате преобразований выходят любые страны, преодолевающие напряжения переходного периода.

Это еще не те модификации базовых параметров политических явлений, что предполагают исключительно позитивный характер их развития. Но это как раз те изменения «поворотного значения», при которых становится неизбежной смена качества политической системы, территориально-государственного устройства и характера взаимодействия внутри них. В условиях серьезных трансформаций в рамках принципов демократии, федерализма, социальной и политической интеграции важное значение приобретает проблема их классификации. Взяв за точку отсчета влияние различных, в первую очередь, менее скрытых опосредующих трансформаций, можно выделить четыре разновидности существенных изменений политического процесса.

Первый тип – изменения, непосредственно вызванные теми или иными политическими действиями. На их характер влияет уровень политической субъективности (изменения статуса и роли «старых» и «новых» акторов, формы политического участия, подготовки и принятия ключевых решений, разрешения конфликтов и т.д.)

Второй тип – изменения, связанные с меняющейся ролью национального государства. В отечественном варианте это, укрепление его позиций, изменение федеративных отношений, концепция безопасности, построение «вертикально-ориентированного» федерализма и смещение в сторону центра баланса властных полномочий и ресурсов.

Третий тип – изменения в основном аполитического свойства. В функционирование политической системы они вторгаются преимущественно как следствия экономических, социокультурных, национально-исторических и иных, подобных им, факторов. Однако не всегда учитывается то, что именно эти изменения и связаны с процессами самоорганизации, интеграции гражданского общества[35].

Четвертый тип – изменения внесоциального плана. Они подвергают политическую систему испытаниям в момент стихийных бедствий, эпидемий, землетрясений, «подстегивают» политический процесс разного рода чрезвычайными стечениями обстоятельств (особенно в переходных условиях).

Правильно просчитанные в своих последствиях отмеченные изменения – функциональный способ поддержания складывающейся политической системы; воспроизводства того равновесия сил, которое отражает их качественно новые отношения; одно из оснований структурирования политического процесса, где базовыми элементами остаются политическое участие и принятие политических решений.

Современному переходному процессу (в том числе и российскому) присуще сочетание общего и особенного. Они делают его структуру, по сути, конвергентной, включающей в себя не только различные проявления реальных и потенциальных изменений, но и соответствующие им технологии и процедуры решений и действий. Среди них:

1. Исходное выявление глобальной проблемы (сверхзадачи), поиск ее решения во взаимодействии всех заинтересованных сил, формирование политической воли и определение: а) субъекта процесса; б) объекта, который должен быть создан или достигнут как цель политического процесса; в) средства, методы, ресурсы, исполнители процесса.

2. Тесное переплетение реформаторских и контрреформаторских, революционных и эволюционных начал, посредством конкуренции которых реализуется историческая необходимость в глобальных или региональных масштабах.

3. Сочетание в деятельности и отношениях (институционализированных и неинституционализированных) субъектов политического процесса макро-, мезо-, и микроуровней сознательных, целевых и программно-обоснованных действий с неорганизованными, спонтанными, непредсказуемыми акциями. Это делает политический процесс особенно сложным, противоречивым и инвариантным.

4. Различная направленность (в силу отличия представлений об источниках и формах изменений) функционирования социально-политических структур. Наряду с прогрессивно-цивилизационным содержанием деятельности большинства политических организаций сохраняются и такие, которые отстаивают регрессивные, антигуманистические, реставрационные и иные установки в политике. Вследствие этого политический процесс приобретает нередко конфликтный и агрессивно-публичный характер, но главное – альтернативный порядок осуществления.

5. Возрастание собственно политической составляющей процесса при сохранении общей его детерминации социально-экономическими факторами, зависимость от степени объективации породивших его базовых отношений и структур, в том числе социально-классовой и цивилизационной, связанных с определенными формами государственно-территориального устройства.

6. Видоизменение структуры, механизмов, средств и методов осуществления политики и власти по мере осложнения и демократизации общественного развития. Правомерное возрастание собственной субстанциональности и самоценности конкретных субъектов политического процесса при очевидности разрыва между публичной, демократической формой правления и действительным способом отправления власти, деятельностью правящих групп[36].

7. Пересечение политических процессов, предполагающих свободное участие самоопределившихся граждан в отношениях с государством и другими институтами власти, с процессами, инициированными с помощью принудительных, мобилизационных форм политического воздействия на население. К их разновидностям можно отнести источники и формы политического участия и принятия решений, обусловленные правлением недемократических элит, единственных в странах партий, харизматических лидеров и т.д.

8. Напряжение противоборства тенденций: преемственности и инноваций, закрытости и открытости, необратимости и незавершенности, стабильности и переходности, поступательности и непредсказуемости, направленности и изменчивости – затрудняет возможность качественной идентификации доминирующих трансформаций. В этом смысле отправление власти осуществляется в условиях как неравновесности влияния основных предпосылок, так и несбалансированности политической активности ведущих субъектов.

9. Воплощение базовых и периферийных изменений в различных областях общественной жизни характеризует политический процесс как значимую с точки зрения политического регулирования социальных отношений совокупность трансформирующихся величин разного уровня, субъективно ориентированных на власть и составляющих в определенном соотношении основу развития или регресса политической системы общества, ее функциональную характеристику.

10. Сложный синтез внешних (геополитических, цивилизационных) и внутренних (национально-фрагментированных) контекстов политического процесса представляет его как совокупность различных субъектов и культур, как поток встречных движений, транслирующих для актора нормы и образцы поведения и властвования, выбираемые и самоопределяемые им для последующего осуществления своих ролей и функций в сфере политики. В этом смысле политический процесс еще и социокультурная характеристика политической системы.

Применительно к качественно меняющейся отечественной политической системе в плане отмеченных функциональных и социокультурных черт правомерно полагать, что в политическом процессе выражены реалии, которые структурно выглядят так:

– общественно значимая деятельность Президента РФ, сокращающая самодостаточную составляющую политического процесса путем расширения круга участников подготовки стратегических решений за счет включения в их число лидеров политической оппозиции;

– ведущая политическая роль государства и других легитимных органов и учреждений федеральной власти;

– нормативно упорядоченная деятельность трансформирующихся структур власти регионального и межрегионального характера в сфере их политико-правовой компетенции, а также акции соответствующих законодательным требованиям профессиональных и общественных групп, партийных организаций и коалиций;

– конституционно регламентируемая социально-политическая активность различных субъектов, составляющая «живую ткань» интересов российской политики;

– политическая культура как особое единство различных систем взглядов и стилей поведения, имеющих непосредственное отношение к конкурентоспособности политических акторов (институтов) и регуляции их взаимодействия. И если классический либерализм не отождествляется в ней с политической традицией России в той степени, в какой это имело место на Западе, то, естественно, идеология консерватизма (охранительства) и либеральные тенденции разведены у нас по разные стороны баррикад. В этом – специфика России[37].

Дальнейшее рассмотрение отдельных из названных компонентов в соответствии с предметом исследования носит конкретно-исторический характер и предполагает концептуально-содержательный анализ специфики источников, состава и форм изменений субъектов, действующих в сфере региональной политики. В процессе своего взаимодействия они образуют вполне определенную и своеобразную систему реально включенных в политическую жизнь индивидов и групп, связанных между собой отношениями власти (представительства и руководства, субординации и координации, содействия и борьбы),

обусловленных объективными обстоятельствами: особенностями политической культуры, историческими традициями политического развития, типом режима правления и т.п.

По существу, именно в рамках цивилизационной парадигмы политического процесса представляется возможным найти убедительный ответ на вопрос о региональных политических элитах как социальных акторах, их постсоветском транзите. Он связан с изменением характера властных притязаний, определением направленности ценностей и целей во взаимоотношениях с центром или электоратом, особенностей самоорганизации и соответствия нормативным требованиям политической системы, общества и т.д. Нами, в частности, опровергается технократическое мнение, что транзит политических элит или их переход в новое качество (не всегда и необязательно демократическое) исключает ценностные и целевые критерии подобной трансформации.

Наоборот, применительно к оценке внутренних механизмов и перспектив развития традиционных переходных обществ – реального противоборства тенденций демократии и авторитаризма – следует признать важное мотивационное значение ценностей и целей. Эти представления носят в основном комплексный характер и ориентированы на тот или иной институциональный порядок, выступают результатом социального и политического самоопределения «человека политического» в контексте окружающих его обстоятельств и принимаемых решений. Последние в данном случае определяют не только и, может быть, даже не столько демократический выбор элит, сколько устойчивость их намерений им следовать.

Более того, как пишет А. Пшеворский, «…шум несогласных голосов, задержки, вызываемые обязательствами следовать процедурам … неотвратимо порождают нетерпение и непримиримость в среде сторонников реформ. Сомнения, противодействия, настаивание на процедурах кажутся им симптомами иррациональности». Поэтому они «… обнаруживают склонность вести дело вопреки народному сопротивлению … подавить гласность, чтоб продолжать перестройку. А с другой стороны, поскольку бедствия сохраняются, доверие исчезает, управление кажется все менее компетентным, постольку рождается соблазн… сделать все прямолинейно, одним броском, прекратить перебранку, заменить политику администрированием, анархию дисциплиной, делать все рационально… В конце концов отдельные влиятельные политические силы сделают выбор в пользу авторитаризма»[38].

Представленные теоретико-методологические уточнения позволяют, на наш взгляд, признать категорию «политического процесса» базовой для выявления качественных параметров и критериев интерпретации ролевых и уровневых структур, входящих в ее содержание, предоставляют возможность обоснования собственного парадигмального подхода к региональным явлениям на принципах цивилизационного анализа.

1.2. Региональный политический процесс как актуальная интеракция. Методологические подходы к современному государству и государственности субъектов Федерации

Региональный масштаб политического процесса связан с институтом власти на соответствующем уровне и определяет взаимодействие социальных акторов по поводу завоевания, удержания и передачи власти в конкретных административно-территориальных границах. К ведущим субъектам процесса этого уровня, помимо функциональных подразделений исполнительной и представительной власти, следует отнести: органы местного самоуправления, региональные партийные и общественные организации, электорат.

Постсоветский период (1993 – 2003), насыщенный переходными преобразованиями социума и политической системы, был ознаменован весьма значительными изменениями параметров регионального политического процесса. Данные изменения – как на уровнях нормативно-правового регулирования, так и накладывающихся друг на друга практик функционирования политических субъектов – дают возможность рассматривать региональный политический процесс как *актуальную интеракцию*. Она является следствием реализации общероссийских политических реформ и собственных материальных и духовных возможностей того или иного региона.

В социологии понятие *«интеракция»* означает совокупность «актов, называемых социальными действиями, включает статусы (круг прав и обязанностей), роли, социальные отношения, символы и значения»[39]. Политологическое понимание «интеракции» предполагает и иные толкования. Во-первых, оно определяет «интеракцию» как взаимодействие, в котором идея или действие приобретают политический характер. Во-вторых, политический процесс – это не только «совокупность взаимосвязанных ресурсов и форм деятельности»[40], но и взаимодействие, имеющее своим следствием формирование того или иного политического порядка. В-третьих (и это не предел уточнений), преобразуя входящие переменные в исходящие, политический процесс «поднимает» участников взаимодействия, прежде всего лидеров, до уровня взаимоизменения и «принятия конкретных решений» (Д. Истон), адекватных жестким требованиям новой эпохи. Все это находит свое выражение в проводимой ими политике[41].

Вызов и Ответ – это, по-видимому, действительно стимул движения человеческого общества. В политическом процессе значимую регулирующую роль начинают играть общепринятые ценности и нормы, важным свойством политических отношений постепенно утверждается стремление к интеграции и консолидации, символами которых становятся моменты динамизации экономического и политического развития: от «стабилизации» к «прорыву». Уже это подводит к необходимости *более глубокого понимания и соотнесения реальных тенденций с избранными для их анализа концептами, что даст возможность*

органически встроить соответствующие наработки в складывающуюся систему политической регионалистики и давать своевременный прогноз территориально-государственного развития.

В свое время Т. Парсонс, подчеркивая принципиальную неопределенность взаимодействия социального в условиях, когда каждый актор стремится к осуществлению своих целей, сформулировал, по крайней мере, семь источников такой неопределенности. Во-первых, у деятелей могут существовать различные символические представления об объектах – отсюда проблема коммуникативного или символического порядка. Во-вторых, существует проблема временной упорядоченности действий множества участников интеракции. В-третьих, деятели могут наделять символические представления об объектах субъективными или противоречащими одно другому значениями, что порождает проблему смысла.

Далее существует опасность, что деятели в своих интересах станут претендовать на обладание одними и теми же объектами, в результате чего возникает проблема дефицита ситуационных ресурсов. Неопределенность возникает и как следствие возможности для каждого деятеля помешать другому в достижении его цели, поэтому существует проблема контроля над действиями других или проблема политического порядка. Возможна неопределенность и из-за частичной противоречивости или несовместимости нормативных стандартов, т.е. проблема нормативного порядка. Наконец, конфликтующими или взаимоисключающими могут оказаться мотивационные нужды деятелей, отсюда проблема мотивационного порядка. Все эти аспекты, так или иначе, были представлены в региональном политическом процессе 90-х годов прошлого столетия.

Система действий, ставшая механизмом частичного сокращения этих неопределенностей, вошла в понятие «политической стабильности» и в миссию переходной элиты, по ходу реализации и фиксации которой она во многом и институционализировалась. Стабильность региона – феномен комплексный. Это совокупность влияний, в первую очередь, разделяемых на внешние и внутренние. К внешним факторам можно отнести следующие:

– воздействие центральной власти на развитие политической ситуации в регионе (формы этого влияния различаются от фактического предоставления территории политической независимости и значительной автономии до установления практически прямого контроля из центра);

– воздействие на политическое развитие в регионе общего состояния государства, проявляющееся почти во всех сферах отношений;

– воздействие внешнеполитической обстановки и международного сообщества – «глобальная экспансия демократии», приток зарубежных инвестиций, расширение торговых отношений, культурных связей и т.д.

К числу наиболее важных факторов внутреннего влияния относятся:

– социально-экономическое положение региона, обусловленное целым рядом причин, включая институциональные, демографические, географические, историко-культурные и иные особенности;

– статус административного аппарата – состав и способности элиты решать местные вопросы (самостоятельно или при поддержке «сверху», своевременно или откладывая на «потом), ресурсы и организация властного регулирования политического процесса со стороны администрации и их лидеров;

– состояние социально-регулятивного механизма – степень и характер регулирования общественно-политических отношений в регионе, качество элементов политической инфраструктуры. В целом эти три позиции образуют социальную структуру регионального политического процесса.

Однако стабильность в регионе – это влияние не только объективных, но и субъективных факторов: «психологических законов», духовных укладов, ценностных ориентаций и идеологических предпочтений. Они в существенной степени определяют формы и методы функционирования политических институтов и акторов, принимающих стратегические решения. В свою очередь, от последних во многом зависит направление политического процесса на местах, а также коммуникация, взаимодействие и управление отношениями внутри тех организаций, групп, что в него включены. Пока основным социально-политическим фактором стабильности российских регионов выступает правящая элита, одновременно являющаяся и индикатором политических изменений на вверенных территориях.

Уровень такой стабильности определяется сохранением политического режима, формой государственного устройства, территориальной целостности, экономического разнообразия. Нестабильность региона проявляется в некомпенсируемых политических и экономических изменениях, которые ведут к смене одного, двух или всех перечисленных элементов[42].

Преобладание позитивных изменений над негативными или методов самоорганизации политики на местах над административными мерами в условиях конкретного региона определяет прогрессивный характер политического процесса. Регресс – свойство локального. В политическом пространстве России он может охватывать отдельные территории на исторически разные промежутки времени. Еще Н. Бердяев как-то заметил, что Россия живет одновременно в нескольких исторических эпохах: одна часть страны прикипела к нравам XVII века, другая – только что шагнула в нынешнее столетие, третья вся устремлена в будущее.

Тем интереснее, исходя даже из этих различий, обратиться к опыту развития регионального политического процесса, где сталкиваются различные тенденции, а система ценностей, используя концепцию А. Ахиезера, являет собой неорганическое сочетание ориентаций двух цивилизаций.

Вхождение «русских» регионов в либеральную цивилизацию предполагает оттеснение на задний план элементов традиционной цивилизации, но они продолжают существовать в определенных анклавах, их можно обнаружить и в обыденном сознании, и в поведении субъектов. В таком цивилизационном «биоценозе» каждая из локально существующих цивилизаций характеризуется господством соответствующего нравственного идеала, оттесняя этику другой цивилизации на второй план. Это сосуществование чревато конфликтами, которые суть социокультурной динамики регионального политического процесса (РПП).

Политическая динамика РПП определяется типом политической системы, собственной структурой политического пространства и влиянием извне. Соответственно переходный политический процесс в регионе складывается в период, в течение которого означенные факторы содержательно заменяются другими. Здесь возможны две альтернативы развития: нисходящая и восходящая. В их переплетении, по мнению Д. Фурмана, состоит именно российская закономерность: «внедрение западных форм для консервации и усиления вполне «азиатского» деспотизма», берущего начало со времен Петра и дающего сегодня «сочетание абсолютного произвола и вполне демократических форм»[43].

Насколько это повсеместно – вопрос. Неслучайно поэтому результаты «местных» изысканий пользуются все более широким спросом, ближняя фокусировка исследовательского внимания вовсе не страдает провинциализмом[44].

Использование «интерактивного» подхода здесь весьма продуктивно. Он не только содержательно разводит пересекающиеся интерпретации «региональной политики» и «регионального политического процесса» по критерию предназначения, но и позволяет понять сущностные аспекты последнего. Они обнаруживаются в базовом противоречии функционирования структур власти и механизмов РПП, которые призваны выступать одновременно и в качестве агента общенациональной и региональной политической системы. В первом случае их влияние нацелено на унификацию статуса граждан во всевозможных измерениях. В качестве же представителей воли и интересов населения территорий структуры региональной власти поддерживают и выражают его самобытность, черпая в этом возможности для легитимации своей внутренней политики.

Однако основные средства для осуществления собственной политики каждой структуры власти в регионе определяются ее реальными преимуществами от обладания ведущими позициями в политике, экономике, государственном аппарате, социальных коммуникациях и т.д. (Г. Миллс). Из соотношения сил противоборствующих группировок, выкристаллизирующем победившую, а значит, правящую элиту, последняя становится главным субъектом снижения неопределенности в обществе.

Ее внутренняя сила складывается из материальных ресурсов и зависит от степени консолидации, организованности и готовности к последующим противоборствам, включая соответствующий настрой лидера, его непосредственное влияние на всех этапах развития группы. Внешний публичный потенциал проявляется в способности региональной власти с опорой на имеющийся концентрат средств контролировать и регулировать социально-политическую ситуацию на территории, определять курс по отношению к другим субъектам Федерации и центру в меняющихся условиях.

Использование «интерактивного» подхода вместе с тем дает понимание, что не бывает «железных» политических закономерностей, все они представляют собой более или менее вероятные тренды, тенденции, допускающие разного рода отклонения. В силу этого региональному политическому процессу присуща инвариантность и даже альтернативность. Ныне в ходе него обеспечиваются:

– властное регулирование общественных отношений в регионе;

– воспроизводство факторов политической дифференциации населения (например, в ходе периодически повторяющихся электоральных процессов);

– взаимодействие федеральной, региональной власти и местного самоуправления;

– воспроизводство особенностей политического режима на определенной территории;

– политическая самоорганизация региональной административной элиты и населения;

– распределение властных полномочий между администрацией региона и его жителями;

– распределение и перераспределение полномочий между конституционной и теневой властями[45].

Однако неизменность такого порядка в отношении российского общества и его политической системы – вопрос времени[46]. Подтверждение этого находим в известном положении Г.В.Ф. Гегеля о «хитрости разума»: «Во всемирной истории, благодаря действиям людей вообще, получаются еще и несколько *иные* результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают, они добиваются удовлетворения интересов, но благодаря этому осуществляется еще и *нечто дальнейшее*, что скрыто, содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения»[47].

В современных условиях «иные результаты» и «дальнейшее» означает, что граждане России являются свидетелями завершения перехода к этапу, смысл которого состоит в сближение элементов отечественного традиционализма с его ориентацией на авторитаризм и западного либерализма, переживающего кризис. По существу, это предпосылка для ответа на вопрос: *как* в обществе устанавливается система взаимодействия политических институтов, благодаря которой будет происходить трансформация политической стабильности в социальную систему доверия власти. «Интерактивный» подход в этой связи открывает дорогу ценностным приоритетам, соответствующим оценкам, представлениям и, прежде всего, тем, что связаны с самой сутью человеческих отношений: ***с кем? куда? как идти?***

В многообразии региональных политических процессов удовлетворяются общественные и политические потребности граждан, больших и малых групп. Они представляют поле для борьбы и кооперации политических интересов. Так что «на выходе» с этого «круга» интерактивности мы имеем, как минимум, два «знака качества»: характер взаимодействия участников политического процесса, к примеру, консенсусный, плюралистический, патронажный режим личной власти и верифицируемый продукт для последующих доктрин и идеологий.

В рамках региональной политики они ориентированы на рациональное использование местных различий, имеющихся внутри территориальных обществ, и содержат технологию продвижения программ их ведущих субъектов в массовое сознание. Поэтому понимание столь противоречивого конструкта, каким является региональный политический процесс, и подчас парадоксальной логики его реального протекания невозможно без уяснения как особенностей структуры субъективных компонентов политического взаимодействия, так и специфики исполнения ролей и функций участниками политического процесса в отдельно взятом регионе.

Применительно к переходным условиям нашего общества основными субъектами политики на мезоуровне являются:

– политический режим и его лидеры;

– депутатский корпус;

– политические партии федерального и регионального значения;

– органы власти как яркий представитель отечественной бюрократии;

– ***политическая и экономическая элита*** как сила, влияющая на темп и конфигурацию регионального и федерального политического процесса;

– электоральные группы;

– интеллигенция (в широком смысле – «средний класс» – *М.К.*) как особый социальный слой, как интеллектуальная питательная среда для участников политического процесса всех категорий[48].

Главная особенность этой группы субъектов в том, что в большинстве российских регионов не сложился средний класс, а, следовательно, не сложились и объективные предпосылки ни для формирования дееспособного гражданского общества, ни для образования нового качества участия личности в

общественно-политической жизни. Из этого доминирующего в 90-е годы обстоятельства проистекают и далекоидущие последствия: возможности власти воспринимаются как безграничные, бюрократия кажется всесильной, партии – «однодневками», а народу как электорату остается только одобрять спускаемые «сверху» решения или уходить в «тень» в сфере экономики и политики.

Поэтому в настоящее время для части политических отношений региона, включенных в них массовых субъектов и характерен слабоструктурированный способ существования. Он продолжает порождать спектр неопределенностей, при которых один институт политической власти старается завладеть полномочиями другого, войти в пространство отношений иных субъектов политики, нанести им ущерб и навязать свои планы. Превалирует неупорядоченность в становящихся политических элитах, не осознавших коллективных интересов и часто выражающих кланово-корпоративные предпочтения, «гибридный» образ мысли и действий.

Несмотря на определенную стабильность социально-политической жизни на местах, в ней сохраняются тенденции как усиления меняющегося авторитаризма, так и дальнейшей демократизации политического процесса. Сейчас обе тенденции обнажены и обусловлены социальной усталостью и политической апатией общества. Последние общероссийские и региональные выборы вызвали массу вопросов о том, какую же роль играют элиты и общественное мнение в современной России. Чем их роль и положение отличаются от того, что было в советский и постсоветский период? Прав был В. Парето, когда, говоря о переходе общества в фазу радикальной трансформации, отмечал необходимость внятной смены элит.

В отличие от фрагментированных групп, не определивших свой общественно-политический статус в его взаимоотношениях с другими субъектами, региональные элиты практически состоялись в качестве реальной силы преобразований. Они выступают в роли социального актора и одновременно правящей группы, чьи интересы во многом определяют политический процесс на местах.

Это имеет как положительные стороны – региональный политический процесс приобретает мобильный характер, так и отрицательные – меры административного порядка продолжают превалировать над методами самоорганизации политики на местах, особенно на низовых ее уровнях, где политическое взаимодействие субъектов происходит на основе традиционных политических ролей и функций. Новое начинает осуществляться лишь тогда, когда социальные символы – роли, позиции, функции – признаются доминирующим видом общественных отношений[49].

В то же время следует отметить, что ныне правящие региональные элиты в своих стремлениях сравнительно самостоятельны и в зависимости от конкретной ситуации могут моделировать собственное поведение – от «управляемой демократии» до «просвещенного авторитаризма». Однако чаще всего про-

исходит смешение элементов того и другого. Демократия и авторитаризм не могут достигнуть в настоящее время абсолютных социальных значений и показателей. Поэтому при анализе соотношения демократизации и проявления авторитарных тенденций можно говорить лишь об их разнообразных сочетаниях в отдельных регионах[50].

Личность как относительно самостоятельный участник общественной жизни – при всех переменах обстоятельств – первичный субъект политики. Уникальная ценность *человека* вследствие его *целостности*, не сводимой к отдельным социальным характеристикам и имеющей политический статус гражданина, выступает *«мерой»* политического взаимодействия. Его субъективные компоненты – это в первую очередь обладающие разумом и свободой воли *люди*, с их мотивами и уровнями властных притязаний, связями и взаимоотношениями друг с другом, типами взаимодействия и взаимного изменения. Иными словами: *люди – взаимосвязи – взаимодействие – взаимоизменение.*

Но важно и еще одно проявление специфики регионального политического процесса. Поскольку в постсоветский период в него вовлекались люди, не достигшие в своей социальной зрелости политической образованности, компетентности, то данные субъекты просто не понимали необходимости политики компромиссов, уступок, диалогов, согласованности разных интересов и т.д. Они привносили и привносят в политическое взаимодействие амбиции, распри, стремление решать только свои личные вопросы вне общественно- политических. Интегрированность политического процесса поэтому часто разрывается в силу факторов сугубо субъективного характера. Наличие политической культуры – необходимый и значимый аспект регионального политического процесса.

Вне глубокой политической культуры управляющих и управляемых нет цивилизованности, толерантности, понимания неизбежности формирования и осуществления общих интересов в политике, в постиндустриальном развитии регионов, страны. При недооценке социокультурной детерминации и слабом правовом обеспечении регионального и национального политических процессов это может привести к нарушению единого пространства государственного поля России. Такое понимание структуры субъективных компонентов политического взаимодействия *существенно расширяет границы регионального политического процесса от разных по содержанию форм социализации до многоликой практики его функционирования.*

Территориальный аспект общенационального политического процесса в России на протяжении всей ее истории имел принципиальное значение и был связан с институционализацией государства. В сущности, его образование означает установление на определенной территории связи «центр – периферия» (Э.Шилз). Становление и развитие имперских государств древности и средневековья происходило путем расширения пространства периферии, контроли-

руемой определенным центром: именно такой характер носила история формирования и развития Российского государства.

И если среди исследователей прошлого «та особость и целостность бытия, рассматривающаяся ныне в рамках понятия «регион», терминологически имела иное оформление, это лишь означает: *вопросы регионального обустройства не новы для Российского государства*[51]. Данное обстоятельство обусловлено «… как значительным удельным весом пространственного фактора в социокультурных и политических процессах становления и развития отечественной государственности, так и в существенной степени этносоциальным архетипом российского общества, издревле тяготеющего к корпоративно-общинным формам социальной организации».[52]

В современной Российской Федерации государственная региональная политика базируется на понимании региона как части территории страны, обладающей общностью природных, социально-экономических, исторических, национально-культурных и иных условий, которая может совпадать с территорией субъекта Федерации или объединять территории нескольких субъектов РФ. Иначе говоря, такой подход предполагает, что регион, являющийся объектом соответствующей политики государства, может быть как политическим, так и социально-экономическим образованием. Но в политико-территориальной структуре общества главную роль играют политические регионы, формирование которых зависит от территориальной организации политической власти.

Не удивительно поэтому, что после президентских выборов 2000 г., когда начали меняться отношения между ведущими политическими субъектами и институтами, центром и периферией общественное внимание на местах было обращено на новую административно-территориальную структуру – *федеральные округа*. Одни видели в этих изменениях начало действительного реформирования страны – «мягкий» вариант реформы государственного устройства, благодаря которой произойдет выравнивание статусов областей и минирегионов»[53]. Другие – восстановление государственной управляемости социально-экономическими и даже политическими процессами. Третьи – формирование новой идеологемы, призванной подкрепить то, что реально происходит в бюрократической среде, заложить в общественное сознание некую иллюзию обновления власти (П. Вощанов).

Сошлись и «оптимисты», и «пессимисты» в одном – *новая верховная власть сверхцелеустремленна в достижении и упрочении своего господства*[54], а создание округов так или иначе связано *с эффективностью управления демократическим обществом на всей территории страны*. Ведь если говорить о политико-территориальном устройстве нынешней Российской Федерации после принятия Конституции 1993 г., то следует отметить два момента: 1) само политико-территориальное деление внутри России осталось почти прежним, каким оно сложилось в советский период; 2) политико-правовой статус основных ре-

гиональных единиц качественно изменился – произошло серьезное сближение политико-правового статуса областей и краев, с одной стороны, и республик – с другой, в рамках федеративного государства.

Сегодня мы фактически имеем дело с проблемной политико-методологической ситуацией его будущего. Ключом к ее разрешению может послужить мысль К. Дейча о том, что истина лежит в точке пересечения независимых потоков очевидности. Так вот: «В ближайшей исторической перспективе никаких действительных возможностей осуществить унитаризацию России нет (по крайней мере в известном советском аналоге – *М.К.*). Поэтому реальный выбор – это выбор не между унитарностью и федерализмом, а между нынешней спонтанной федерацией, сложившейся в результате случайной игры сил и интересов, и современной технической федерацией, когда основные вопросы компетенции принципиально решаются раз и навсегда, и страна начинает жить по установленным таким образом правилам»[55].

Не менее очевидно, «что для политических деятелей централизация или децентрализация – это вопрос тактики: то, что в одном случае можно достигнуть при ее применении, в другом – лучше достигается ее отрицанием» (Г. Вольман)[56]. Соответственно, ставя вопрос о федерализме в России в плоскость «технически решаемой» проблемы, мы выходим на уровень ключевого для характера и результата политической деятельности вопроса о *соотношении целей и средств создания территориальной формы демократии*.

Наиболее приспособленным, на наш взгляд, инструментом современного анализа противоречиво меняющегося политического пространства регионов зарекомендовала себя помимо федерализма как структурно-организационного принципа и концепция «*демократического транзита*», адаптированная к *многомерности* феномена посткоммунизма. В своих моделях она выявляет как общую логику переходов (транзитов) от авторитаризма к демократии, происходящих в разных странах мира в последние десятилетия (Di Palma, 1990; Bova, 1991; Przeworski, 1991; Huntington, 1991 – 1992; Schmitter with Karl, 1994; O. Donnel, 1994; Linz and Stepan, 1996; Reisinger, 1997 – 1998 и др.), так и явления специфического порядка (Terri, 1993; Bunce, 1995; A. Mommen, 1997 – 2000 и др.). Среди российских авторов этого направления, характеризующих политические процессы, происходящие в современной России, преимущественно как переходный период от посттоталитарного режима к демократическому, наиболее активны Г. Вайнштейн, И. Клямкин, Ю. Левада, А. Медушевский, А. Мельвиль, А. Мигранян, Л. Шевцова и др.

Концепция «демократического транзита» со своим набором объяснительных ресурсов сразу оказалась в эпицентре «пересечения независимых потоков» посткоммунизма, федерализма и регионализма. Вот как, к «примеру», расставляет акценты В. Гельман. Он, во-первых, специально подчеркивает, что сложившаяся ныне ситуация свидетельствует о наличии явной альтернативы: де-

мократической и антидемократической; и, во-вторых, приходит к выводу, что «источники возврата России на путь демократизации… в настоящее время связаны не с поисками консенсуса, а с мобилизацией политических расколов, жесткой – и даже жестокой – борьбой акторов за свое выживание…»[57].

В то же время утверждение механизма федеративных, по сути демократических, отношений в России и его функционирование в настоящее время во многом зависит от объективных условий, сложившихся в обществе. Отсутствие развитых традиций самоуправления и самоорганизации, политико-культурные ориентации, свойственные незападной цивилизации, полиэтничность страны и значительные размеры ее территории определили то, что внедрение и федерализма, и демократии в нашей стране осуществлялось «сверху» и использовалось для решения внутриполитических вопросов.

Изучая состояние современного массового сознания, исследовательская группа под руководством Е. Шестопал обратила особое внимание на «размытость» и «непоследовательность» представлений о демократии и демократических ценностях в общественном сознании российских регионов. Демократия ассоциируется здесь одновременно и со свободой, и с сильной властью государства, и с соблюдением закона, и с чисто моральными характеристиками, такими как справедливость, порядочность, честность[58].

В связи с этим ученые сделали вывод о возврате некоторых коммунитарных ценностей, противостоящих либеральному индивидуализму, нашедших отражение в образе сильного государства, которое заботится о стариках и бедных, гарантирует безопасность и защиту своих граждан. Само это государство, ассоциирующееся с властью, должно, по мнению значительной части опрошенных, обеспечивать порядок методами принуждения. При этом правящий слой воспринимается персонифицировано, как власть конкретных элитных групп и лидеров. Среди свойств, необходимых им сегодня, особенно выделяются сила и агрессивность.

За этими и другими наблюдениями явно прослеживается стремление найти ответ на вопрос об обратимости или необратимости проведенных в России демократических реформ, иначе говоря, о том, состоялся ли окончательный выход страны из коммунизма. Это дает основание концептуализировать своеобычные по исходным данным и характеру трансформационные процессы, протекающие в российских регионах, в границах транзитологии с использованием возможностей ее различных исследовательских подходов или их синтеза. Региональный политический процесс в этой связи – оригинальная составляющая как *глобальной*, так и *российской демократической перспективы*.

Сразу встает вопрос о критериях демократии и ее специфических чертах на постсоветском пространстве. Поскольку спектр институциональных характеристик демократических политических систем весьма широк, обычно формулируют семь критериев, представляющих собой минимально-общий знаменатель демократических режимов и процессов:

- наличие выборных представителей, контролирующих правительство;
- свободные выборы;
- всеобщее активное избирательное право;
- всеобщее пассивное избирательное право;
- свобода мнений;
- свобода информации;
- свобода коалиций и общественных организаций.

Демократическую политическую систему также характеризует ряд механизмов. Среди них особенно значимыми являются: механизм выдвижения кандидатов на государственные посты, принципы, на основе которых проводится их рекрутация, ротация и выборы, механизм их реагирования на политические проблемы. Этот механизм весьма специфичен для западного и незападного политических процессов, типологизируемых на цивилизационной основе (Л. Пай). Не случайно в 90-годы в первую очередь требовалось разрушить главный барьер общественного прогресса России – принцип власти-собственности, сложившийся при тоталитаризме. Для этого нужно было провести разгосударствление собственности, чтобы с помощью приватизации создать слой независимых собственников, способных контролировать действия властей.

Механизм относительно сдержанного, *пассивного* реагирования на политические проблемы на Западе в отличие от демонстративного и агрессивного в нашей стране обусловлен характером формирования правящих кругов. На Западе политический класс характеризуется культурной однородностью и представляет собой эффект «взаимопроникновения» бюрократии, лидеров заинтересованных групп и части профессиональных политиков. Всех их объединяет относительное согласие по поводу формальных и неформальных правил и норм политического поведения, единое видение политики, согласно которому она не столько сводится к достижению определенного результата, сколько к признанию легитимности существующих институтов власти, где сам характер политического процесса есть следствие исходного консенсуса, что и признается политическим классом главной целью.

Для национальной культуры в течение многих столетий был характерен идейный разлом, отражающий постоянство духовной оппозиции различных субкультур, ценностных иерархий, систем мировоззрений, претендующих на самостоятельное объяснение мира, социума, политики и не склонных к какому-либо компромиссу. Данный внутренний раскол до сих пор не дает возможности совместить социальное, духовное и культурное многообразие регионов страны с единством ее политических сил, достичь органической целостности россий-

ской цивилизации. Это явилось одной из основ становления и существования нескольких отечественных протоформ политической демократии.

Ныне общим для них является то, что российская общественность в целом «все терпимее относится к идеям закрытого общества», все более значимым для нее оказываются вопросы – «кто враг?» и «кто вождь?» (А. Шатилов). В этой ситуации не могли не актуализироваться традиционалистские, патерналистские установки, во все времена противостоящие либеральным ценностям. Вот почему «делегативная демократия» (Г. О'Доннел), обычно соотносимая с постсоветским пространством, оказывается всего лишь одной из разновидностей демократии, получившей преимущественное развитие в центральных регионах России.

В транзитологических моделях о *«делегативной демократии»* говорится в ситуации, когда право на принятие правительственных решений делегируется избирателями не законодательному органу, а президенту. Делегативная демократия покоится на представлении о том, что победа на президентских выборах наделяет главу исполнительной власти (в региональном аспекте – центра) прерогативой делать все, что он считает нужным, «будучи ограниченным лишь неопровержимостью существующих отношений власти и конституционно определенным сроком полномочий»[59].

В российской действительности картина несколько усложняется. При всей неоднозначности подходов и суждений отечественных авторов, их объединяет признание того, что за десятилетие преобразований социально-политической жизни страны и ее регионов значение и место личностного фактора во власти кардинальным образом не изменились. Определяющая роль в выборе демократических перспектив и динамики социального движения по-прежнему принадлежит элитам и лидерам. От их взаимодействия между собой и другими субъектами политического процесса главным образом зависят закладываемые основы демократии.

На рубеже тысячелетий период «бури и натиска» с присущими ему революционными сдвигами в отношениях между центром и регионами, по всей видимости, закончился. Сложились институты, консолидировались элиты, заметно стабилизировалась политическая ситуация. В затяжной позиционной борьбе преимуществом, судя по всему, прочно завладел центр. Цикл выборов 1995 – 1997 гг. в России практически завершил становление нового порядка, который... можно назвать *«двухэтажной делегативной демократией»*[60]. На верхнем этаже – президент, а внизу – мучительные поиски и действия масс, руководимых местными элитами.

Р. Дарендорф вычленил ряд важных положений, свойственных демократическим преобразованиям: чем страна однороднее, тем выше ее шансы на успех в процессе демократизации. Цель демократии – обеспечить тем, кто правит, поддержку народа, по крайней мере, на старте: легче изменить политический

курс, чем систему; регулярность выборов как инструмент проверки «приживаемости» новых порядков; несоизмеримость масштабов экономических и политических реформ – одна из причин неустойчивости демократических институтов в переходный период.

Так, с начала функционирования обновленного института полномочных представителей Президента РФ в регионах обозначилось *внутреннее напряжение между избираемым прямым голосованием губернатором (Президентом республики), к которому часто в противодействии добавлялась фигура мэра областного центра, и «лично» назначаемым Президентом «генерал-губернатором»*... Таким образом, хотя последний электоральный цикл (1999 – 2003 гг.) и начавшаяся реформа территориально-государственного устройства в целом соответствуют схеме делегативной демократии, говорить о ней как о повсеместном российском явлении не приходится. Тем более, что все еще продолжается интенсивная *трансформация* субъектов регионального политического процесса. И хватит ли возможностей у федерального центра, не прибегая к авторитарным методам, повлиять на дивергенцию (от позднелат. divergentia – расхождение) местных политических режимов в сторону универсальных форм порядка – еще вопрос.

Термин ***«трансформация»*** входит в своеобразный понятийный ряд транзитологических моделей, характеризующийся нарастанием радикальности преобразований: «изменение системы», «переход», «трансформация», «смена систем». Он означает полное преобразование одной системы в другую, т.е. ее качественное и успешное обновление. Рассматриваемая нами трансформация участников политического процесса фиксирует преимущественно субъектно-функциональный уровень перехода старого политического режима к новому. И представляет собой процесс освоения и закрепления за носителями базовых политических действий демократических навыков их осуществления.

С содержательной точки зрения трансформация практики реализации политическими субъектами своих функций обеспечивает «смену систем». В рамках теории политической трансформации (развивающейся как за рубежом – O'Donnel Г., 1986 – 1994; Agh A., 1995; Merkel W., 1995 – 1996; Lauht H., 1997 – 1998 и др., так и у нас – Пантин В., Лапкин В., 1998; Гельман В., Рыженков С., Егоров И., 1998 – 1999; Каспэ С., Салмин А., 1999 – 2000; Дугин А., 2000 – 2003 и др.) «Смена систем» разворачивается в три этапа – *либерализация, демократизация и консолидация.* Отдельные авторы, правда, считают, что «хождение по замкнутому кругу «либерализация – демократия – идеологизация» в целях капитализации страны оказывается ныне нисколько не лучше столь же кругового движения «ускорение научно-технического прогресса – экономическая реформа – новое мышление» в рамках «социалистического выбора» в годы перестройки»[61].

Критически подходя к обозначенной выше «триаде», лишний раз подтвердим свою позицию: предпосылки кризисов и катастроф в российском обществе, причины неудач в исторической череде реформ и контрреформ и т. д. *коренятся в социокультурной составляющей общественных трансформаций.* Она пронизывает все этапы преобразований (как бы они ни именовались) на уровнях субъектов, объектов и их взаимодействия. Без понимания ценностной регуляции действий основных участников политического процесса многие политические конфликты и изменения просто невозможно объяснить ни борьбой за власть, ни борьбой за перераспределение ресурсов, ни другими традиционными для отечественной политики противоречиями. Не случайно И. Клямкин и Л. Тимофеева даже вывели формулу отечественной «самобытности»: «державность – бедность – коррупция», которая себя еще не исчерпала.

Региональные трансформации носят комплексный характер: например, в экономике – формирование эффективной рыночной системы, в политике – демократизация принятия стратегических решений, в социуме – создание активного гражданского общества и т. д. Они, как правило, дискретны и подвергаются корректирующему воздействию, как политической воли центра, так и ведущих субъектов мезоуровня; имеют причудливо выраженные стадии – институциональную, репрезентативную, поведенческую (В. Меркел) и как специфический результат взаимодействия закладывают то динамическое состояние легитимности региональной политической системы (режима), что П. Бурдье назвал «политическим капиталом».

Соответственно, для характеристики региональной трансформации могут быть использованы как характеристики меняющегося политического режима, так и актуальные параметры регионального политического процесса. «Трансформация – результат» находится в нерасторжимом единстве с целями политического процесса, к которым относятся упрочение демократии, правового государства и гражданской культуры общества как действенного иммунитета ко всевозможным кризисам политической системы.

На пути осуществления перспективы, которая может вывести региональную политическую систему из посткоммунистической неопределенности, имеется целый ряд препятствий и ограничений. Основная сложность заключается в том, что «в качестве разумных мер преодоления зол современной общественной жизни навязываются такие, которые в реальном исполнении порождают новое зло и усиливают некоторые из прошлых зол, придавая им лишь иные формы. Люди не имеют сил изменить общее направление эволюции общества. Все их усилия имеют следствием ускорение движения в том же направлении»[62].

Политический процесс в России, подтвердив на рубеже веков свой циклический характер, привел нас к тому, что «мы имеем сейчас, – это уникальный гибрид российской старорежимности и элементов демократической политической системы»[63]. В масштабах страны региональная трансформация проявилась в следующих характерных формах:

– ***отсутствие в государственно-территориальных образованиях развитой методологии регионального самореформирования.*** Ее «эфемерность» обнаруживается не столько в малочисленности адекватных кадров, сознательно «растаскиваемых по политическим квартирам», сколько в затянувшейся стадии формирования регионального «когнитариата» (А. Тоффлер). Это довольно специфическая, уже в силу своего двойственного положения между знаниями и властью группа экспертов, публично отвечающая за усвоение – распространение – синтез знаний, актуализирующих характер региональных преобразований;

– ***конфликт «вершков и корешков» – бытийные основы регионального транзита расходятся с идеями и принципами аналогичной трансформации на Западе*** по ценностям доминирующей культуры и традиционным формам самоорганизации населения и власти; публичный характер последней еще нередко обеспечивается сочетанием таких факторов, как харизматичность, конфликтность, демонстрация силы, агрессивное информационное сопровождение;

– ***слабая структурированность регионального сообщества, у представителей которого еще недостаточно*** ни осознания своих индивидуальных и коллективных интересов, выработанного отношения к совместным целям, ни четко выраженных групповых экономических предпочтений и представляющих их политических структур. При отсутствии собственных приоритетов в условиях одностороннего определения правящими элитами правил и должных форм жизнедеятельности граждан структурирующую функцию выполняют этническая, профессиональная, «теневая» и другие идентичности «малой Родины»;

– ***неполная институциональная стабильность региональной власти.*** Она имеет следствием перекос в сторону центра и контролирующих структур на местах, несоотносимость принимаемых решений с реальными массовыми ожиданиями, подчиненность логике клановой борьбы, «сильную персонификацию», популизм и «надпартийность» лидеров. Когда в обществе нет устоявшихся демократических норм и учреждений, гражданин испытывает отчуждение от институтов государства, региональной политики. Власть же, растворяясь в пучине малозначительных фактов, ощущает свою бесконтрольность одновременно с риском непредвиденных для себя обстоятельств;

– ***рамочная форма выражения региональной политической воли*** фиксирует силу административных элит и слабость представительства интересов: от периферийного места партий, гражданских объединений в общественной жизни до низкого авторитета представительной власти и соответствующего ему уровня доверия избирателей. Ситуация, скорее в имиджевом плане, меняется в периоды выборов. Политическая целесообразность из латентно доминирующей

становится явной, аккумулирует политические интересы и экспектации людей, требует разного рода интеллектуалов «как потенциальных манипуляторов общественным сознанием и узурпаторов связи гражданского общества с политической элитой»[64];

– ***элементы «старорежимности» региональной политической практики*** нагляднее всего проступают в определяющей роли государственной бюрократии, адаптации традиционных форм политического мышления и поведения власти. Среди них – перераспределение политических полномочий и ресурсов путем сговора, вечные его спутники – инстинкт самосохранения (в модифицированных формах рекрутирования и расстановки кадров), клиентелизм, «ручная» оппозиция как возможность установления широкого контроля над процессом политического участия. Синтез всех этим мер политического выживания создает очевидную сопротивляемость поведенческой трансформации территориальных акторов;

– ***элементы демократической системы региона*** трудно переоценить. Строительство территорий как части федерации и становящегося гражданского общества. Выборы руководителей исполнительных и законодательных органов всех уровней. Активный политический процесс. С учетом восстановления правовых (но не административных) основ его осуществления, возрастающего числа компетентных участников, действующих в рамках Конституции и Уставных документов, новая политическая система относится к сфере процедурной демократии. Для российских регионов это, естественно, прогресс.

Неоднозначная и многоэлементная характеристика региональной трансформации свидетельствует: на местах фундамент демократии с трудом, но закладывается. Многие преобразования лишь по форме напоминают демократические, однако по содержанию таковыми не являются. Необходимо время, большие совместные усилия элит и неэлит, чтобы демократия как наилучшая из форм политического «властвования» заработала в России в полной мере, стала действенной.

Есть и непременные условия для этого. Удастся ли в скором будущем политическая трансформация страны и насколько она будет демократически прочной, зависит от хода репрезентативной и поведенческой трансформации, от успехов в повсеместном развитии гражданского общества. Станет ли региональный политический процесс, вмещающий в себя все эти качественные преобразования, своеобразным «транзитом в демократию» во многом определяется современной ролью государства и государственности субъектов РФ как в формулировании взвешенных целей реформ, так и в адекватной им консолидации всех субъектов общественного доверия.

Таким образом, региональный политический процесс в России по содержанию политических взаимодействий субъектов, гарантированных законом и включенных в динамику политических отношений, представляет собой ***актуальную интеракцию, главное предназначение которой – изменение политической системы в соответствии с критерием единства ее элементов и достижение органической целостности российской цивилизации.*** Настоятельность демократизации регионального политического процесса, безотлагательность модернизации всех этажей государственной власти таковы, что их следует квалифицировать как вызов, брошенный руководству страны на этапе «смены» эпох.

Здесь уместно вспомнить замечание А. Тойнби о том, что все великие цивилизации рождались как ответ на вызов исторической ситуации. Уже только поэтому «первую пятилетку» нового тысячелетия можно определить как рубежную и для федеральной, и для региональной элит. От того, каким образом пойдет модернизация страны и ее управленческого корпуса в ближайшие годы, во многом зависит то положение, которое она будет занимать в новом, динамично меняющемся потоке постиндустриального развития.

«… задачу транзита переходных государств, желающих занять достойное место в мировом сообществе, следует рассматривать как задачу формирования такой траектории трансформаций связей в социуме, которая обеспечивает оптимальное, с учетом национально-странновой специфики, вхождение в коридор постзападного цивилизационного развития»[65]. Под оптимальностью для России важно понимать то, на наш взгляд, что должно обеспечивать вхождение не только в этот коридор, но одновременно и в сферу конкурентно-инновационного сотрудничества стран, лидирующих на пути постзападного развития. В силу этого, ***главный вопрос, который стоит перед страной и ее лидерами сейчас, это окончательно – методологически и практически – определиться с тем, какое государство мы начали строить.***

Россия конституционно идентифицирует себя как демократическое, федеративное, правовое, социальное и светское государство. Однако нетрудно выявить, что перечисленные признаки не абсолютны и реально-содержательно не тождественны аналогичным признакам других государств. Тем не менее декларирование всех этих качественных характеристик исключительно значимо для любой страны, а для России, которая постоянно «перестраивается» – особенно. Отказ хотя бы от одного из них может кардинально изменить судьбу не только правящих элит, но и каждого гражданина. Видимо, ощущая пагубность подобных метаморфоз, законодатели закрепили в ст. 135 Конституции РФ чрезвычайно сложную процедуру пересмотра соответствующих норм[66].

Национальным и региональным властям страны полезно было бы сегодня оставаться на позиции «преемственных прагматиков» (О. Колобов). И преодолевая последствия отсутствия реального государственного управления в течение многих лет, пора бы научиться без лишнего PR-пафоса доказать эффективность функционирования (реформируемой ныне) федеральной власти, демонстрировать ее способность решать общенациональные проблемы при возмож-

ности субъектов РФ развиваться с учетом их особенностей в границах единого правового и экономического поля. Стабильная страна, понятное для партнеров государство с адекватной региональной стратегией, – лучшее наследие для придущих на смену лидеров.

Если сегодня региональным и федеральным элитам удастся принять согласованное решение в отношении того, какой может быть структура Российской Федерации в XXI веке, то шанс возрождения величия страны непременно окажется высоким, а это значит, что у государства российского будет хорошее будущее[67]. Его надежным залогом явится и то, что современный федеральный центр поддержит обоснованные проекты объединения регионов. Ведь очевидно то обстоятельство, что ряд субъектов РФ экономически не обеспечены, им трудно существовать уже сейчас, и в обозримой перспективе они вряд ли станут состоятельными вне рациональной интеграции.

В условиях процесса глобализации, с одной стороны, и регионализации, с другой – траектории транзита переходных государств формируются под воздействием совокупного влияния таких наиболее значимых мега-тенденций, как традиционализм, модернизм и постмодернизм (А. Соловьев). В данном контакте выход индустриально и демократически развитых субъектов РФ (регионов-доноров и регионов-интеграторов) на путь постзападного развития в исторически обусловленной последовательности можно представить как реализацию двух «плоскостных» динамик: сначала в плоскости от традиционализма к модернизму, а затем – от модернизма к постмодернизму.

Однако в обстановке серьезных, качественных трансформаций в России выполнение такой грандиозной задачи передовыми регионами возможно пока лишь гипотетически, так как даже самые «продвинутые» из них реально находятся на этапе преобразований от традиционализма к модернизму (что, правда, не исключает определенных прорывов в отдельных областях знаний и технологий). Только дееспособное общенациональное государство с *единой для всех субъектов РФ стратегией пространственного развития* способно обеспечить резкую динамизацию процессов регионального транзита в современных условиях.

Формирование такой стратегии сегодня – предмет совместных усилий всех уровней государственной власти и местного самоуправления, всех сегментов элит, предпринимательских и научно-исследовательских кругов. В частности, самое значительное, что происходит в сфере «пространственной» тематики в Нижнем Новгороде, связано с деятельностью центра стратегических исследований Приволжского федерального округа (рук. П. Щедровицкий). Это подтвердил доклад «На пороге новой регионализации России» (2001), подготовленный центром для полномочного представителя Президента РФ в ПФО С. Кириенко.

Одно из его принципиальных положений гласит. Нынешнее государственное устройство России, в том числе и региональное, не отвечает требованиям настоящего (тем более будущего) времени. Субъекты РФ в большинстве своем обустроились, как феодальные вотчины правящих элит. Если до определенного момента такое состояние не препятствовало развитию, то сейчас «административные» регионы в кризисе. Он выразился в том, что субнациональная власть не может больше проводить протекционистскую политику в отношении как жителей, так и «лояльных» предприятий.

Люди, города, субъекты РФ, страна в целом нуждаются в четком представлении образа будущего. В докладе приводится пример с сырьевыми регионами округа – им удалось «вписаться» в глобальный мир, но только в качестве сырьевого придатка. Это неудовлетворительный образ будущего, но, тем не менее, самый лучший из тех, что предложили регионы ПФО. По нему можно оценить внутреннюю логику теоретического конструкта ЦСИ: мир глобализируется; его высшая ценность есть человеческий капитал; использование его обеспечивает стране лидерство; опора на иные ресурсы «консервирует» отставание – в видении будущего нет места бесперспективным явлениям.

Своеобразным резюме к приведенному примеру могут служить слова политолога А. Федорова: «Для России собственное будущее должно быть приоритетом. Шаги, которые в настоящее время предпринимаются в плане укрепления вертикали власти, – это лишь начало очень сложного и во многом противоречивого процесса, призванного в конечном счете обеспечить эффективное функционирование государственной машины»[68].

Среди новых теоретических аспектов, связанных с рассмотрением государства как субъекта политических процессов, можно выделить *проблему государства* и *государственности*. В современной России вопрос о соотношении этих понятий дискутируется с момента принятия Конституции РФ 1993 г. Так как в ст. 5 бывшие республики (21 субъект РФ) названы государствами, а другие 68, так же «равноправных» с ними субъектов РФ, государствами не являются. В силу нерешенности в законодательстве того, что собой представляют последние, большинством специалистов они характеризуются как государственные образования.

Интерес к качествам государственности субъектов РФ возрос на рубеже веков и в связи с тем, что, толкуя Конституцию страны, Конституционный суд РФ постановил: государственным суверенитетом субъекты РФ не обладают. Чем лишний раз подчеркнул изменчивость как самого понятия «государства», так и смысла термина «государственность». Хотя по традиции, идущей еще от Аристотеля, государство продолжают рассматривать как политическое сообщество. Но в отличие от ранних трактовок политический характер сообщества объясняют ныне не столько существованием «общих дел», сколько социальной ассиметрией общества. Истоки последней коренятся не только в неравенстве

людей, их разных способностях, но и в стремлении (и факте) присвоения (людьми, группами людей) такой доли общественных благ, создаваемых трудом всего социума, которая не соответствует вкладу людей, их групп в общественное достояние[69].

Понятно, что в постсоветском российском варианте это касается определенных элитных групп и в центре, и на местах, уже обладавших властными позициями к периоду перемен начала 90-х годов, что и позволило им «приватизировать» часть национального богатства, создаваемого во множестве регионов. Дальше – больше. Перестав быть заложниками прежней иерархической системы, политико-административные элиты и бизнес-структуры вплоть до 2000 г. в процессе распределения собственности и общественных благ обходили государственные органы, пользуясь услугами центральной и местной бюрократии.

Президент и правительство, ослабленные многочисленными кризисами и внутренними конфликтами, переоценили значение политических, институциональных правил для повседневного управления страной и потому боролись за восстановление централизованного контроля, но примитивными средствами. В своих политических отношениях с республиканским и региональным руководством они подчеркивали конституционный и правовой подход. Всегда выражали возмущение по поводу давления со стороны субъектов РФ, вынуждавших Кремль стать на путь фиксации прерогатив региональных властей в двусторонних соглашениях. В итоге – «при Ельцине президентский аппарат и правительство затратили много энергии на законодательные битвы, в эффективном же строительстве институтов власти достигли скромных результатов»[70].

Неоформленное представление о природе современного государства как такового, чем в равной мере страдают российские политики, должностные лица, предприниматели и депутаты всех уровней, отчасти можно объяснить тем, что они сами поглощены приспособлением к тем разительным переменам, которые произошли в экономике и распределении богатств. С другой стороны, одной из иллюзий 90-х годов являлась убежденность в том, что либерализация и приватизация сами по себе служат необходимыми и достаточными предпосылками для установления режима гарантий прав собственности и создания равных условий конкуренции для всех экономических акторов.

Опыт Восточной Европы, Китая и стран СНГ показал, что новые эффективные рыночные институты могут быть созданы только сильным (национальным) государством, которое умеет управлять своей собственностью, отвечает по своим обязательствам и жестко наказывает как рыночных агентов, не соблюдающих действующие правила игры, так и собственный аппарат, искажающий эти правила бюрократическими приемами[71]. Таким образом, после десятилетия реформ (1993 – 2003гг.) регулирующая, а не только координирующая составляющая государства российского вновь возрастает.

Здесь возникают проблемы разграничения компетенции государства и гражданского общества и невмешательства государства в дела последнего. При этом самоорганизация населения должна обосновываться как наличием четко сформированных задач, так и доказательством их адекватности целевым воздействиям государства. В России данная проблематика осложняется реальной «размытостью» гражданского общества, отсутствием цивилизованного рынка и традиций демократического госрегулирования.

Современная практика государства свидетельствует об ограниченном вмешательстве публичной политической власти в рыночную экономику и иные сферы общественных отношений. Существующие ныне реалии государственного (в т.ч. регионального и муниципального) управления продолжают нести отпечаток стихийного демонтажа социалистической системы с ее тоталитарным контролем государства над экономикой и обществом. В результате, с одной стороны, недопустимо ослаблены воздействия государства на ряд определяющих жизнедеятельность общества процессов (правопорядка, развития образования и фундаментальной науки, безопасности жизни и др., существенно скорректированных бюджетом страны на 2004 год). С другой стороны, сохраняется инерция необоснованного и ресурсно-необеспеченного, а потому вредного вмешательства государства в процессы развития социума и рынка, имеющие большой потенциал саморегулирования.

Опыт последних лет показывает, что меняется роль государства и как социально-политического арбитра в обществе. Если еще недавно госарбитраж носил (а кое-где сохраняет и сейчас) далеко не беспристрастный характер, выражающийся в защите интересов экономически, а следовательно, и политически доминирующего в обществе социального слоя – «олигархов» и «региональных баронов», то сегодня он все более становится социально ориентированным, выходящим за рамки реформ ЖКХ, электроэнергетики, пенсионной системы и т.д.

В обстановке социокультурного и экономического расколов российского общества государство восстанавливает необходимый спектр своих социальных и идеологических функций, свою роль в качестве «воспитателя» и «опекуна» граждан (А. Зудин). *Активное поведение* Президента в публичном пространстве как нельзя лучше содействует укреплению авторитета государственной власти. Оно призвано, кроме прочего, ускорить решение трех основных задач: демократической консолидации элит; социальной интеграции и культурной реинтеграции постсоветского общества; продолжения в новом формате модернизационных процессов.

Глубокая политическая и социальная консолидация сегодня – это основа формирования сильного и результативного Российского государства, необходимое условие укрепления правового фундамента федерализма и устойчивого развития российских регионов. Это так или иначе выходит на проблему: *каким*

должно быть современное государство? «Становление новой модели общественного устройства России пройдет в более сжатые исторические сроки. Причем роль государства в этом процессе будет более значительной, чем на Западе, – считает А. Кочетков. – Главная его задача – создание соответствующих предпосылок и условий, при которых идущие в обществе преобразования могли бы войти в нормальное русло, поддавались бы демократическому управлению и регулированию»[72].

Более конкретное представление о современном государстве дает В. Чиркин. В самое последнее время получил поддержку тезис о том, что государство должно быть не слабым или сильным, а эффективным. Конкретно это сводится к вопросу: человечеству нужно государство благоденствия (welfare state) или иное государство? ... Недавно издана крупная работа коллектива философов, экономистов, социологов и политологов, которые выделили три разновидности государства благоденствия: либеральное (США), социал-демократическое (Нидерланды), корпоративное (Германия)[73]. Для Российской Федерации наличие государства данного типа, близкое к корпоративному, – это скорее одна из целей государственного строительства, учитывающего уроки отечественной истории.

Так, в начале 90-х наш «доморощенный» либеральный подход – поспешная реализация модели «субсидиарного государства», основанной на принципе: государство отвечает лишь за обеспечение минимума социальных услуг, остальное граждане должны зарабатывать сами – имел следствием системный социально-экономический кризис и снижение легитимности государственной власти (особенно федеральной).

Низкий уровень доверия к институтам государства был на рубеже веков практически повсеместным: и в массах (Г. Дилигенский, Д. Ольшанский, С. Пшизова), и во всех секторах российских элит (А.Дука, А. Кузьмин, С. Митрохин). Но для большинства граждан дискуссии относительно природы российского государства не представляли особого смысла. Собственно, как ни называй, скажем, нынешний Татарстан (ханство, автономная республика, суверенное государство или как-то еще), он продолжает занимать свое место внутри России. В результате реальность оказывалась более стабильной, чем описывающие ее дефиниции. Для правящих в центре и на местах групп, осознававших неопределенность перспектив дальнейшего политического развития страны, угроза таилась в том, что происходящие события могут оказаться совершенно неожиданными для больших масс населения. И тогда решающим станет вопрос, как контролировать их поведение[74].

В XX в. наше государство уже распадалось – территориально, экономически, политически. Страна переживала крах именно тогда, когда обнаруживалось явное несоответствие содержания своему декларируемому назначению. В Российской империи народ отказался поддерживать и защищать государя-

императора, а довольно равнодушно в массе своей принял его отречение. Советский Союз также не соответствовал своему названию и попытка перестроить государство Советов, лишенное партийного руководства и контроля на фоне *безумных* экспериментов в сфере экономики и международных отношений, привело к распаду СССР [75].

К концу 90-х годов российская государственность и на федеральном, и на региональном уровне в силу отсутствия действительных демократии и федерализма, исполнения государством своих обязательств имела высокую институциональную неустойчивость и огромное недовольство властью со стороны населения. Своеобразную интерпретацию сложившейся ситуации дал Г. Дилигенский. «Время «демократии сверху» в России закончилось вместе с эпохой Б.Ельцина и вряд ли вернется вновь. Отныне возможна только «демократия снизу», и нынешняя слабость демократических тенденций в России может быть преодолена только в результате радикальных изменений в самом обществе: в сознании, общественном и политическом поведении ныне пассивных, разобщенных, неорганизованных масс, его граждан»[76].

В свою очередь, в качестве примера «инициативы снизу» уместно отметить и развивающийся в стране процесс регионализации. В научной литературе под ним часто понимают «дробление» государства на автономные регионы, способные стать фундаментом бесконфликтного единства (И. Бахлов). Регионализм при этом определяется как высокоразвитая форма территориального самоуправления в централизованном государстве. Образцом развития и взаимовлияния процессов федерализации и регионализации рассматривается объединяющаяся Европа.

В России процесс регионализации принял несколько иные очертания. Во-первых, в нем пока наблюдается взаимодействие элементов классического и советского федерализма. Во-вторых, в формировании так называемых экономико-географических регионов прослеживается понимание процесса регионализации как интеграционного в рамках систем «центр-регионы» и «регионы-регионы» преимущественно в экономической сфере. В-третьих, меняющаяся социальная и политическая роль государства, ориентирующаяся на приближение властных институтов к человеку – адресность власти, это уже элемент «социального федерализма» (В. Остром). В каком направлении поэтому будет развиваться процесс регионализации, покажет время. Понятно, что последнее направление наиболее перспективно, но и не менее трудоемко, так как требует наличия развитой политической культуры у управляющих и управляемых, навыков самоорганизации и самоуправления у тех и других.

И наконец, главное назначение государства – быть тем, чем оно декларируется – осуществлять свои функции и обязательства. Формируются они в естественно-исторических процессах разделения организационно-управленческого

труда между государством и гражданским обществом, в становлении и развитии государственности.

Однако, используя понятие «государственность» (хотя ни один словарь развернуто не разъясняет его смысла)[77], нам следует сделать выбор. Либо признать, что государственность – явление, не требующее специальных определений. Это вечный контекст. Это жизнь государства или государственно-организованного субъекта. Пусть термин «государственность» остается в наших ощущениях как государство «in vivo» – в процессе своей жизнедеятельности со всеми привходящими особенностями, коллизиями и парадоксами – нечто вечно познаваемое, но никогда до конца не познанное[78]. Либо попытаться как-то его уточнить, исходя из исследовательского опыта[79]. Отдавая предпочтение первой позиции, поскольку в рамках данной работы детализирующий аспект не представляется столь обязательным, ограничимся лишь приемлемым пояснением.

Во-первых, государственность это, действительно, нечто, безусловно, связанное с государством как единственной универсальной организацией в обществе, основанной на верховной публичной власти. Вместе с тем, ее нужно отличать от государственности субъектов Федерации и аналогичного состояния местного самоуправления, опять-таки имеющих много общего, но одновременно и специфического. Историко-коммуникативный характер развития каждой обусловлен тем, насколько они органичны для конкретной страны, региона, города на соответствующем этапе их существования. А также тем, насколько политическая воля, заложенная в каждую из выделенных государственностей, адекватна восприятию населения, что, в свою очередь, предопределяет вид поддержки и правомерность осуществления той или иной формы правления.

Во-вторых, государственность субъектов Федерации со своими относительно автономными источниками, богатым внутренне-дифференцированным содержанием и внешними (в известной степени унифицированными) атрибутами современности – это всегда качественное состояние государственной власти тех же российских регионов. Поскольку это динамичное состояние во многом результат взаимообусловленных глубинных (природно-климатических, исторических, цивилизационных, национальных и иных) особенностей, а также привходящих, актуализированных причин (конфликтов и трансформаций), то и *критерий оценки* государственности должен быть не частным (тактическим), а перспективным (стратегическим).

В-третьих, чтобы подчеркнуть его действенность и масштабность, назовем отличительные принципы такой «интер-меры». Это, как минимум:

– *комплексность*, нацеленность на все стороны развития государственности регионов (именно от успехов или неудач в социальной сфере ныне зависит оценка населением качества госуправления и регулирования);

– *долговременность*, расчет на многолетние действия, но фиксируемые (по времени и направленности) как промежуточные, так и поступательные эффекты;

– *сопряженность*, как со стратегией развития национального государства, так и с опытом политий отдельных регионов. Отсюда – критерием оценки «совокупного» состояния государственности субъектов Российской Федерации на современном этапе может выступать *качество демократии или процесс ее консолидации.*

Консолидация демократии на местах – это комплексный, длительный и взаимосвязанный процесс. На всем его протяжении в региональной политической системе накапливаются институциональные, структурные, ценностные, стилевые и иные изменения. Поэтому о качестве демократии как критерии государственности и одновременно механизме консолидации в том или ином субъекте Федерации следует судить не столько по формальным признакам, сколько по тому, как массы и элиты реально относятся к идее демократии, политическому режиму страны и региона, выборам и следующей за ними процедуре передачи власти.

Сегодня принято считать, что оценки «работы демократии» в конкретном сообществе детерминированы сложной архитектурой многих обстоятельств. Так, в методологическом плане – «новые формы организации не сменяют, а дополняют прежние. Они возникают не вместо, а вместе с прежними, существенно их при этом трансформируя и видоизменяя. Появляющиеся в ходе развития новые тенденции не замещают предшествующие общественные формы как "стадии" общественной эволюции, а сосуществуют, углубляя комплексность общества и природу социальной структуры»[80]. На этом основании процессы демократизации оцениваются не столько как беспрецедентные, сколько как подспудно существовавшие длительное время, но вышедшие на передний план в современную эпоху.

Не вызывает сомнений и то, что оценки работы демократии в региональных политических процессах обусловлены характером переходного государственного механизма, совокупностью способов и средств осуществления власти в центре и на местах, тем непосредственным влиянием, которое оказывают демократические институты, политические партии и негосударственные организации на политику, а также динамикой уровня и качества жизни населения, реального обеспечения прав и свобод граждан, их защиты от криминала, коррупции и бюрократии.

В принципе, демократия – это единственный из известных человечеству политических режимов, при котором не только уважается открытая конкуренция в борьбе за власть, но и признаются, а главное – обеспечиваются все права личности – гражданские, экономические, политические, культурные и социальные. Наиболее широко признанным критерием разграничения видов политиче-

ских режимов является, пожалуй, методика Freedom House. На ее основе группа международных экспертов унифицировано определяет рейтинг политических прав и гражданских свобод для каждой страны на протяжении последних 30 лет, где самый высокий показатель свободы равен единице, а самый низкий – семи.

По данным показателям страны делятся на три группы: «свободные», «частично свободные» и «несвободные», которые приблизительно соответствуют категориям «демократии», «транзитные режимы», «автократии». Данная схема (в частности, методика кодирования отдельных показателей и их экспертные оценки) по самым строгим меркам достаточно субъективна и открыта для коррекции. Но тем не менее, это одна из самых авторитетных на сегодняшний день программ, которой пользуется большинство современных исследователей.

Для выявления перспектив развития государственности субъектов РФ (с ориентацией на демократию) чрезвычайно важны и качественные изменения в границах федеративного устройства. Неизбежной становится реформа самой территориальной структуры. Кроме того, нужно иметь в виду, что социальная интеграция как основа консолидации демократии в конкретных сообществах зависит от институтов, основанных на легитимной власти (национальное государство) и солидарности (национальные элиты).

Институт, воплотивший политическую власть в современном обществе – национальное государство, как считает А. Мартинелли, – это безличная, суверенная политическая единица с высшей юрисдикцией над ясно обозначенными территорией и населением, претендующим на монополию принуждения силой, пользующаяся легитимностью в результате поддержки граждан. Оно развивалось путем роста гражданской бюрократии, армии и дипломатии, формирования нации как воображаемого сообщества, вытекавшей из действий национальных элит в процессе модернизации, способной ссылаться на (до)исторические этно-символические корни[81].

Принятый в современной сравнительной политологии метод характеристики национального государства предлагает выделение четырех этапов его развития: 1) государственное строительство; 2) национальное строительство; 3) достижение массового участия; 4) введение политики распределения. Следует отметить, что роль национальных государств в мире постепенно снижается вследствие роста международной рыночной торговли, усиления транснациональных корпораций, развития региональных экономических ассоциаций и т.д. Выделенные же этапы продуктивнее использовать в конструктах целеполагания и, стало быть, они далеко не всегда совпадают с реальными фазами исторического развития конкретной страны, тем более ее регионов. Единственный ареал, где развитие шло по такому сценарию, – это Западная Европа (государства ЕС).

В остальном же макросоциуме «пункты следования» могут различаться последовательностью, продолжительностью и даже набором этапов.

Особенность России как национального государства – незавершенность всех отмеченных (четырех) процессов и их «скученность». Исторический опыт, между тем, свидетельствует: национальное государство имеет оптимальные шансы успешно миновать все этапы там, где они отделены друг от друга промежутками времени, а значит, есть возможность справиться с ними по отдельности. В таких условиях легитимность политической системы и мощь ее институтов возрастает от этапа к этапу[82].

Прагматическая разумность подобной логики для отечественных элит, особенно в формате набирающей силу реформации всего механизма государства, более чем приоритетна. Это напрямую касается и интересов региональных правящих групп как консолидирующих звеньев идущих преобразований на местах. Ибо *специфика государственности субъектов Федерации такова, что она не только совокупный актор регионального политического процесса, но и неповторимый контекст государства российского*. А Россия «образца-93» и 2003 г. – суть две разные демократические, федеративные, правовые и социальные матрицы, и не исключено, что в 2006 – 2008 гг. в стране утвердится более эффективная модель государства. Именно та, что сформулирована в седьмой статье Конституции РФ.

Выполнение этой цели определяется наличием дифференцированной ответственности всех ветвей власти, партий, бизнеса и структур гражданского общества, федеральных и региональных элит. Хотя развитие государственности субъектов Федерации до означенной границы является прерогативой последних, именно федеральная власть ответственна за достижение и воспроизводство в каждом регионе некоторых общих стандартов уровня и качества жизни масс, а также принципиальных образцов устремлений, поведения и взаимодействия субнациональных элит и лидеров.

Анализ ситуации в современной России показывает, что в ней во многом реализуется как «градостроительная», перераспределительная, так и структурная модели региональной политики с определенным упором на т.н. «бюджетный федерализм». Политика государства начала 90-х годов, которая ознаменовалась подписанием множества программ регионального развития, созданием особых экономических зон и внутренних оффшоров на базе субъектов Федерации и закрытых административно-территориальных образований, заменяется политикой централизации финансов и приемлемого выделения средств по трансфертам.

Проблемы уровня и качества жизни населения страны, иначе говоря, бедности, заставляют федеральные власти провести разработку жестких принципов выделения средств территориям и обоснованную селекцию районов, нуждающихся в государственной поддержке, либо способных развиваться в усло-

виях относительной автономии. Ныне государство постоянно определяет, каким должно быть соотношение политических прав и экономических ресурсов между центром и регионами в целом и для конкретных территорий[83]. Это, безусловно, ограничивает влияние местных элит на политический процесс.

Кардинальное изменение парадигмы политического развития России вместе с тем показало, что нынешняя децентрализация структуры государственной власти и становление эффективного территориального самоуправления имеют важное значение с точки зрения, во-первых, наилучшего решения социально-экономических проблем, во-вторых, формирования относительно демократического порядка, в-третьих, развития и повышения качества региональных политических элит.

1.3. Место и роль элит в политическом процессе

Элиты – центральное понятие элитистских теорий. Они утверждают, что необходимыми структурными элементами любого общества являются высшие, привилегированные слои, осуществляющие творческие функции (управления, развития, власти) и остальная масса населения, выполняющая нетворческие, исполнительские функции (Г. Моска и В. Парето). В данной монографии элиты рассматриваются в современном контексте (Г. Лассуэлл) как ключевая, транзитивная единица, воплощающая в себе качества и навыки, способные удовлетворять потребность общества в регулировании, связанная практически со всеми социальными институтами и влияющая на характер и способы их институционализации.

Политическое поведение элит формируется в процессе их ориентаций на различные стороны социальных объектов. В публичной сфере ими могут выступать политические отношения, политическая система с ее институтами, социальные группы и лидеры, участвующие в политическом процессе. В совокупности они воплощают общие и особенные черты политического взаимодействия и тем самым задают ценностям и формам предметного самовыражения элит различную направленность их целей и деятельности. Значит, в понятии политической элиты исходно содержатся два сущностно связанных между собой элемента: сознание (ибо для практического осуществления политических целей и функций необходимо знание об объекте) и активность (особая деятельность) людей, ориентированных в политике на власть и управление.

Третий элемент – запускающий сам маховик разных типов отношений – власть. Политическое бытие власти богаче и разнообразнее, чем другие виды общественной активности, поскольку оно сводит воедино интересы всех людей конкретного общества в интегральное системное целое, отражает его качественный социальный организм через функционирование преимущественно формальных институтов. Социальное назначение власти заключается в том, что она

служит способом организации общества. Последнее имеет сложную иерархизированную, компонентно-разноуровневую структуру, пронизанную в сфере публичных общественных отношений процессуально главным – конкуренцией за государственную власть. В ходе нее происходит конституирование и смена элит.

Следовательно, в исследовании выделяются три базовых (онтологических) критерия анализа политических элит: ценностно-целевой, организационно-статусный и совокупно-деятельностный в их нормативной и реальной составляющих. Современное бытие политической власти продуцирует и два специфических направления интерпретации изучаемого явления. А именно: характер функционирования формальных политических институтов и уровень консолидации в конкретно-историческом политическом процессе (протекающем в рамках действующих институциональных ограничителей).

Каждый из выделенных критериев в развернутом виде представляет собой вполне самостоятельный объект анализа политического элитизма. Но воедино они и образуют основу для концептуальной (парадигмальной) модели политических элит, характеризующей степень устойчивости их «месторасположения» и одновременно траекторию транзита в политическом процессе того или иного уровня, роль в выборе перспектив и динамики социального движения. «Для всякого перехода, – считает А. Пшеворский – центральным является вопрос о прочной демократии, т.е. о создании такой системы правления, при которой политические силы ставят свои ценности и интересы в зависимость от не определенного заранее взаимодействия демократических институтов и подчиняются результатам демократического процесса»[84].

События первой половины 90-х годов, прошедшие в России под знаком демократизации, децентрализации и регионализации, явили, что одним из решающих факторов, с самого начала вставших на пути последовательно демократического развития постсоветской страны и продолжающих действовать в настоящее время, является отсутствие дееспособной и влиятельной демократической элиты. Ею не смогли стать ни малочисленные и не имевшие необходимого для конструктивной политической работы опыта группы диссидентов-правозащитников, ни деятели возникшего в конце 80-х начале 90-х годов нового демократического движения. Часть лидеров этого движения, приведшего к власти Б. Ельцина, проявила неспособность к политической деятельности в новых, крайне сложных условиях, часть озаботилась главным образом личной карьерой и обогащением[85].

Не смогли стать конструктивно-творческим звеном и региональные руководители, лишь временно (1993 – 1999) получившие простор для властного самовыражения в центре и на местах в силу ослабленности федеральной власти. Но именно этот период, разворачивающийся в плоскости дистанцирования субнациональных политических элит от федеральной и отчасти муниципальной

власти, позволил зафиксировать как качественные подвижки в самом феномене, так и перейти от его поверхностного описания к более адекватному.

Для политолога, рассматривающего политическую реальность, отличную от норматива, элита – «меньшинство общества, имеющее доступ к инструментам власти»[86]. Или «группы, обладающие реальной властью в принятии общественно важных решений»[87] и т.д. Однако не учитывается, что в политической науке «элита» стала общепринятой категорией, используемой в исследовании политического класса, в связи с работами Г. Лассуэла. Этот американский ученый выдвинул блестящую идею, согласно которой к элите могут быть отнесены только те, кто обладает особыми способностями к производству и распространению определенных *политических ценностей,* например, обеспечения индивидуальной безопасности человека и его общественного уважения, мобилизации активности населения и формирования определенного политического порядка.

И. Ильин в книге «Наши задачи» отмечал, что демократия заслуживает признания и поддержки только тогда, когда она осуществляет подлинную аристократию (т.е. выдвигает «наверх» лучших людей); а аристократия не вырождается и не вредит государству постольку, поскольку в ее состав вступают подлинно лучшие силы народа. Именно в рамках ценностных теорий получила свое развитие и плюралистическая интерпретация элит, и концепция демократического элитизма, видные представители которых (Р. Даль, Л. Зиглер, С. Липсет и др.) исходят из предложенного Й. Шумпетером понимания демократии как *конкуренции* между потенциальными лидерами за доверие и голоса избирателей.

Разумеется, как в классической, так и современной политической науке сохраняются значительные разночтения в трактовке термина «элита». Относительно же выделения именно политической, тем более региональной элиты в общей структуре правящих групп, в современной политологии ведется серьезная теоретическая дискуссия и вряд ли ее можно считать на сегодняшний день завершенной. Хотя для автора не вызывает сомнения, что структура политической элиты соответствует и территориальным уровням организации государственной власти, так как российская политическая элита включает в себя – центральную, региональную и местные ее сегменты.

Для отечественных элитологов не менее предметным, чем обращение к ведущим – позиционному, репутационному и десизиональному подходам, на наш взгляд, может стать и политико-культурный или «ценностно-цивилизационный» способ изучения явления (В.М. Вильчик, А.Т. Зуб, В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.И. Соловьев, В.С. Степин, Е.Б. Шестопал и др.). Он способствует наиболее полному измерению социо- и национально-культурного содержания государственной власти, нередко в российской истории альтернативной господствующему классу, пониманию и воссозданию своеобычности ре-

гионального портрета политических элит, более внятно отражающем сложность сочетания элементов отечественного традиционализма и европейского либерализма.

Однако не следует в этой связи противопоставлять выкристаллизировавшиеся по ходу широкого распространения в отечественной научной среде понятия «элита» два основных метода анализа – ценностного и структурно-функционального. И уж тем более сводить содержание первого к морально-нравственным характеристикам превосходства правящих групп. В таком формате ценностный подход не только качественно размывается, но и действительно «является неэффективным при анализе и политической элиты, и других элит общества»[88].

Проблема эта, безусловно, методологическая. Вспомним хотя бы представителя релятивистского функционализма Р. Мертона, который считает неправомерным преувеличением приписывание тому или иному элементу жизненно важной функции: некоторые структуры могут утратить ее и стать социально ненужными[89]. Но власть без культуры это такой же нонсенс как современное государство без гражданского общества. Поэтому одним из наиболее верных ответов на вопрос, в чем же состоит социокультурный смысл элиты как субъекта, обладающего властью, был бы, на наш взгляд, следующий: она служит организационной оформленности структуры социального и политического взаимодействия, обеспечивает в пределах своей компетенции организационную основу их целостности. Национальная культура – фундамент любой элиты.

Другое дело, что в методическом плане деление исследований элит по традиционным направлениям сменяется в настоящее время подразделением по функциональным процессам, которые действительно злободневны и в наибольшей степени интересуют ученых: механизмы принятия решений, трансформации, «циркуляции», коммуникации и др. Основные недостатки подобных исследований – слабость теоретического обоснования, абсолютизация властвующей роли элит, преобладание психолого-политического подхода (отношения господства и подчинения) при недооценке значения экономического и социокультурного факторов в деятельности правящих групп.

В связи с этим представляется важным уточнить отдельные предметно-теоретические критерии социокультурного, социально-экономического и структурно-деятельностного измерения политических элит.

Рассматривая многослойность социокультурной среды как величину, отражающую историчность явления, автор считает возможным определить через нее политические, творческие и иные особенности осуществления элитами, лидерами своих функций[90]. Для этого с учетом реального значения и роли в *формировании политической деятельности* этих субъектов выделяет *общекультурный* (мировоззренческий), *гражданский* и *собственно политический* уровни ценностей.

Мировоззренческий уровень политической культуры еще не содержит понимания специфики политических ролей или выраженных идеологических позиций. Здесь ценностная ориентация человека встраивает наиболее общие воззрения о политике в его индивидуальную картину мира, персональное восприятие жизни. Это заставляет субъекта соотносить свои нравственно-этические представления с особенностями политического процесса, почувствовать приобщенность к более широким социокультурным общностям (в том числе ощутить себя «частью нации» и даже «гражданином мира»). Формировать представления о роли политики в достижении им своих главных жизненных устремлений, степень предрасположенности к публичным, групповым видам деятельности и соответствующим средствам достижения цели. Здесь же происходит исходная интерпретация границы «элита – массы», первоначальное самоотнесение индивида к тем или иным позициям в обществе.

Мы разделяем понимание гражданской культуры как «воплощенного на практике кодекса гражданского поведения лидера, того стиля его помыслов и действий, который показывает, как он представляет и реализует данные ему права и свободы, осуществляя таким образом то или иное участие в регулировании общественных процессов в интересах тех или иных социальных или национальных групп»[91]. В этом случае гражданские ориентиры демонстрируют осознание человеком своих возможностей как участника публичных отношений.

Переосмысляя природу власти и свое отношение к ней, человек одновременно обретает и понимание собственного статуса как самостоятельного субъекта, и отчасти специфику тех органов государственного управления и политических институтов, чья деятельность влияет на наличие и реализацию его прав и свобод. Здесь закладываются основания субкультурных образований потенциальных представителей элитных групп. Начинается взаимоконкуренция и совмещение смыслозначимых оценок, складывающихся при отражении человеком способов осуществления власти в различных сферах жизни. В результате взаимодействия суждений, оценивающих прерогативы власти (государства) и личности в координатах нравственного, правового, экономического и других видов мышления, у субэлитных образований формируется массив представлений, обладающий тем или иным духовным вектором. На макро- и мезоуровнях они наиболее точно выражают национально-цивилизационный контекст того или иного политического процесса.

На третьем – собственно политическом уровне ценностей – человек вырабатывает свое отношение к практическим формам деятельности конкретного федерального или регионального истеблишмента, партий, официальных лиц и т. д. В свою очередь, субэлитные группы сужают свои ценностные предпочтения до специфических значений предметно направленной деятельности. Такое изменение масштаба и характера смыслозначимых ориентаций придает данному

уровню ряд свойств. К ним относятся: групповой (корпоративный, клановый) характер осознания властных (государственных) возможностей, целенаправленность и ситуативность мышления и действий, кризисность мотивации политического участия, затрудненность творческого самовыражения в сфере власти и принятия самостоятельных решений. Одновременно собственно политические ценности закладывают приоритеты компетентности политического участия и руководства, предъявляя профессиональные и публичные требования к зрелости оценок и сохранению ответственности за формы отправления элитами своих ролей и функций.

При всем различии ролевых нагрузок субэлит и элит, элит и контрэлит, концентрирующихся, как отмечал К. Манхейм в «интеграции волевых импульсов в области политики»[92]. В качестве наиболее важных политических ценностей «третьего» уровня выделяется отношение человека к правящему режиму, характеру организации власти (политической системы), конкретным субъектам (объектам) и институтам политического процесса, изменениям поворотного значения, требующим политического выбора и самоопределения. Сами по себе эти взгляды являются наиболее подвижными в структуре политических ценностей. Причем отношение к знаковым событиям (например, 1917, 1993 гг.) изменяется, как правило, значительно быстрее, нежели мировоззренческие установки, в силу чего восприятие новых целей и ценностей, переосмысление истории и личностей в ней, крайне неравномерно. Это придает динамике развития политической культуры, а на ее основе становлению элитных групп, сложность и противоречивость.

В целом же, уточнение предметно-теоретических критериев социокультурного измерения политических элит в связи с уровневой характеристикой политической культуры представляет возможность более дифференцировано определять социальную направленность конкретных акторов, соотносить их с общими нормами и требованиями, определять баланс действующих традиций и заимствований, адаптации старого и нового.

В качестве содержательно-необходимых трансформаций управленческих свойств и черт политической элиты выступают следующие: изменения характера деятельности агентов политической социализации, направленной на преодоление цивилизационной усеченности российского общества, создание атмосферы поддержки среднего класса и предпринимательских страт, интеграцию социума и консолидацию политических сил, перемещение центра тяжести в политической организации общества на соблюдение прав личности и создание условий для нормального политического плюрализма и конкуренции. Средоточением этих направлений является национальный политический режим, сочетающий последовательную институционализацию важнейших принципов и структур демократии с законными мерами обеспечения правопорядка, борьбы с

коррупцией и преступностью, бескомпромиссного пресечения политического радикализма и терроризма[93] в отношении граждан.

Следующей предметно-теоретической совокупностью критериев собственно «элитистской» парадигмы выступает, на наш взгляд, проблематика демократического транзита политических элит. Она сопряжена с общими представлениями о связи социально-экономического развития (здесь вполне уместно использование модифицированных положений К. Маркса и Ф. Энгельса) с типом политического класса, изложенных в работах современных исследователей Г.Л. Филда и Дж. Хигли[94]. Последние выделяют в историческом процессе четыре уровня социально-экономического развития, связанного с качеством урбанизации, развитием индустриального производства, соответственно, долей рабочих, служащих и занятых в сельском хозяйстве.

По мнению Г.Л. Филда и Дж. Хигли, элиты возникают на втором уровне развития, вместе с появлением промышленного общества и рабочего класса. Базовый тип элиты для таких социумов – «разъединенная элита». В связи со спецификой национально-исторических условий и социального развития конкретных стран, разъединенная элита может существовать и воспроизводиться (на втором и третьем – более открытом – уровнях общества) или сменяться: в результате революций – идеологически унифицированным политическим классом; в результате договорного процесса и межэлитного соглашения – консенсусно-единой элитой.

Роль переговоров и следующих за ними договорных отношений между различными фракциями элит и контрэлит как в этой концепции, так и в построениях других авторов весьма существенна. Первые «результативны также как социальные революции» (М. Бартон, Р. Гантер, Дж. Хигли). Договорный процесс «скрепляет воедино официальную политику, идущую от государства с национальной политикой, рожденной в расширяющемся поле гражданского и национального самоопределения»[95], т.е. организует встречные движения федеральных и региональных элит в современной российской действительности.

По представлениям Г.Л. Филда и Дж. Хигли, идеологически унифицированная и консенсусно-единая элиты, так же как и разъединенная, могут самовоспроизводиться. Но исторически их срок ограничен третьим уровнем социально-экономического развития. На четвертом – качественно достигнутом индустриально-развитыми странами Запада в 1950-1970 гг. – базовым типом элиты является консенсусно-единая. Весьма проблематично для авторов существование разъединенной и идеологически единой элиты на этой стадии развития. Теоретический выход – возможность бытия переходного типа – не полностью единой элиты. Такая схема основывается на взглядах, что существуют ограничения, накладываемые установками и ориентациями неэлит на деятельность элит.

Подобная интерпретация связана со следующими посылками: элиты всегда нуждаются в поддержке неэлитных групп, так как они принципиально ограничены в содержании своих призывов (вспомним Лассуэла), обращенных к поддерживающим их социальным группам. Политические аргументы элит должны соотноситься с установками неэлит, общие ориентации которых по отношению к социальным и политическим сферам детерминированы уровнем социально-экономического развития, достигнутого обществом. Действия элит вне поддержки неэлит грозят им потерей своего статуса. В итоге, тип элит в этой теории строится на основании вида взаимоотношений между фракциями элит и на основании базовых ориентаций неэлит[96], что также вписывается в общий контур цивилизационного подхода.

Как свидетельствуют данные отечественных социологов, наиболее заметное место в социокультурной детерминации гражданского поведения россиян занимают ценности *исполнительского* типа. Привычка к подчинению и следованию не является гарантией от «засорения» каналов воспроизводства элит случайными, а то и просто криминальными элементами. Фактором, препятствующим углублению подобных тенденций, может служить совершенствование механизмов взаимодействия элит политиков, предпринимателей и интеллектуалов, а также повышение действенности контроля за правовым функционированием системы элит со стороны общества в целом[97].

Социально-историческая миссия элит неизменно сопряжена с характером их структуры. Особенно эта зависимость усиливается по отношению к правящим группам. Уже в начале XX столетия В. Парето предложил трихотомическую и динамическую схему: элита – ее оппозиция – массы. Он считал, что элита способна организовать и упорядочить систему общественного взаимодействия. Энергичная деятельность элит определяет основу социальной интеграции. Элита противопоставляет разрушительному произволу или апатии масс свою волю и рациональность. Однако позднее в политической науке сложилось так, что вопрос о структуре элиты сводился в основном к проблеме ее внутренней согласованности, подменяемой на практике сплоченностью вокруг фигуры лидера, например, элита делится на «вождя», «генералов», «офицеров», «унтер офицеров» (И. Сталин).

С середины XX века теоретические представления о структуре «политического класса» оформляются в две основополагающие концепции власти: плюралистскую и элитистскую. Так, вполне реальной представляется схема последователя Г. Моски французского исследователя Г. Дорсо, обратившегося к учению о «политическом классе» и предложившего рассматривать его как «технический инструмент» правящей элиты, распадающийся в политическом процессе на «управляющий» и «оппозиционный» сегменты. Вследствие чего, как считает ученый, смена у власти правящих и оппозиционных фигур совершенно не сказывается на интересах и положении «господствующего класса».

Свой вклад в развитие элитизма, с другой стороны, внесли и так называемые неоэлитаристы (Л. Зиглер). Они признают наличие нескольких элит, но делают акцент на политических механизмах, позволяющих действующим элитам осуществлять свою власть фактически независимо от результатов волеизъявления граждан на выборах. Их господство основывается на административных возможностях, манипуляции, сговоре с «равными себе» и подчиненными.

Современное развитие элитистских концепций и по сей день не привело к утверждению единых подходов к интерпретации главных доминант организации элит, их взаимодействия с массами при изменении состава управляющих и отношения к укреплению демократии. Вместе с тем за плюралистской и элитистской логиками стоит вполне определенный образ власти и общественного устройства. Демократический образ власти характеризуется «…не отсутствием страты элиты, а скорее новым способом рекрутирования и новым самосознанием элиты»[98]. В этом отношении социокультурная модель элитной структуры, выделяющая те или иные типы ценностных ориентаций, дополняется отражением структуры и характера власти конкретного социума, его институционального порядка.

В первом случае мы можем говорить о двух типах обществ, выделяемых с точки зрения преобладающего характера власти, – *открытом* и *закрытом* с аналогичными системами отбора элит. Структура социального влияния в закрытом обществе представляет собой унифицированную иерархию позиций господства и тяготеет к типу государственной власти. Социальные роли и связанная с каждой из них степень влияния являются не следствием функционально значимых потребностей общественного организма – структура ролей становится отражением фундаментальной структуры господства. «Буржуазия – класс имущий, а потому господствующий. Номенклатура – класс господствующий, а потому имущий», – писал М.Восленский[99].

В обществах открытого типа степень влияния и власти в большей мере могут быть объяснены, исходя из функциональной значимости той или иной социальной позиции. Властные отношения являются не предпосылкой и абсолютной целью социального взаимодействия, а его организационным компонентом. Структура власти в таком обществе децентрализована, так как источником ее формирования выступают многочисленные автономные сферы общественной жизни.

Что же касается политического порядка, то в стабильном обществе он держится на совокупности «институционализированных иерархий» или монополии общественных институтов, «объединяющих реальных или потенциальных представителей властных групп уже на этапе социализации»[100]. В переходном (к демократии) социуме институциональный порядок зиждется, согласно полиархической конструкции Р. Даля, на плюрализме различных, сосуществующих в условиях диверсификации общества, сил, структурирующих его по-

литическую жизнь по вертикали. В этом смысле политическая элита представляет собой *динамическую величину или подвижный результат институционализации политического влияния избранных (привилегированных) социальных групп.*

В то же время больше корпоративные, чем идейно-политические расхождения интересов и личные амбиции отдельных лидеров неизбежно «подогревают» перманентную конкуренцию групповых субъектов, от степени и форм проявления которой непосредственно зависит стабильность политических отношений. Поэтому устойчивость институциональных политических порядков во многом определяется постепенностью внутриэлитных изменений и установлением (легитимацией) сбалансированных межгрупповых взаимодействий. Что и представляет собой процесс транзита политических элит.

В зависимости от характера внутренних и внешних условий его протекания на базе соответствующих структур социального действия и деятельности правящих групп во власти формируются различные типы политических элит. Так, для описания внутриэлитных межфракционных отношений, характеризующих состояние конкретной элиты, Г. Л. Филд и Дж. Хигли предложили рассмотреть два измерения ее структуры: *степень ценностного консенсуса* и *степень структурной интеграции.*

Ценностный (или собственно политический уровень ценностей в нашей интерпретации) консенсус связан с «единодушием», с которым лица, составляющие данную элиту, рассматривают основные неформальные правила и кодексы политического поведения. Структурная интеграция соотносится с экстенсивностью формальных и неформальных сетей личных коммуникаций, дружбы и влияния всех лиц, образующих элиту. На этих основаниях с учетом связи элит и неэлит исследователями выделяются четыре типа качественных состояний объекта:[101] *разъединенная, консенсусно-единая, не полностью (частично) единая и идеологически унифицированная элиты.*

Анализ элитистской концепции перехода от идеологически единой (не демократической) к консенсусно-единой (демократической) через этап разъединенной элиты показывает, как считает В. Гельман, что она уязвима, как минимум, в двух отношениях. Во-первых, если исходить из оснований предложенной типологии политических элит, теоретически следует предположить возможность четвертого идеального типа элитной структуры. Он характеризуется, с одной стороны, ценностным консенсусом и взаимодействием между фракциями элиты по отношению к существующим политическим институтам, обеспечивающим протекание политических конфликтов по принципу «игры с позитивной суммой», а с другой – присутствием доминирующей фракции, чья идеология определяет характер официального политического курса. Такая элитная структура соответствует политическому режиму с ограниченной конкуренцией акторов[102]. Во-вторых, за пределами модели транзита (в частности, «сообщества

элит») оказывается специфика содержания собственно переговоров и «пактов» вышеотмеченного «единодушия» элит.

Ведь не секрет, что именно закрытый характер договоренностей исходно лежал в основании российской автономии элит 90-х годов, традиции которого были восстановлены беловежскими соглашениями. В результате наиболее внушительным пакетом полномочий и обеспечивающих их ресурсов располагали «олигархи» и региональные элиты. По сути, их господство покоилось на социальных и политических привилегиях, которые предоставило им слабое государство. Образование элит происходило путем компромисса правящих и имущих; селекция и восполнение элитных групп – на основе авторитарно-демократических принципов. Создание действительно конкурентной среды автономных элит сдерживалось медленными темпами и неравномерностью процессов формирования модернизированных институциональных и культурных структур.

В свою очередь, в соревновательных системах Запада образование элит происходит на основе автономных социальных институтов. Они создают условия для формирования той цивилизованной общественной среды, которая, по выражению О. Штаммера, становится «материнской группой» для своей элиты. Плюралистическая структура элит опирается на различные «материнские группы» в сферах экономической, социальной и политической деятельности. Наличие стабильной, квалифицированной элиты, твердо ориентированной на ценности демократии, оказывает благоприятное влияние на политический процесс.

Таким образом, объединив вышеприведенные примеры, подчеркивающие масштаб и значимость цивилизационного подхода, можно в качестве первого элемента определения политической элиты выделить *подготовленность ее представителей к продуцированию политических ценностей и социальных целей.* И с учетом характеристик позиционного, репутационного и решенческого подходов принять в качестве инструментального определения следующее: ***политическая элита*** *– это группа лиц, занимающих руководящие посты в органах политической власти, подготовленных к продуцированию политических ценностей и социальных целей, обладающих в силу этого высоким авторитетом и влиянием, позволяющим контролировать процесс принятия решений.*

Современные политические элиты обладают большей или меньшей закрытостью или открытостью, наличием гегемонистских и демократических, автократических и олигархических черт, той или иной степенью внутригрупповой солидарности или конфронтационности (Э. Гидденс), соответствующими моделями социализации, рекрутирования и специализированного воздействия на общество. Именно в таком качестве политическая элита становится объектом анализа следующего уровня – *институционального.* Здесь углубляются представления о ее существенных параметрах как «создающего» и «преобразующегося» института политики в многообразии внутренних форм строения и отношений, а также внешних по отношению к социуму, его субъектам аспектов деятельности. В первом случае политическая элита рассматривается преимущественно как особая социальная группа, во втором – как не менее специфический социальный актор.

Как особая социальная группа политическая элита – это хотя и гетерогенная, но социальная общность. Ее основными источниками принято считать сходство социализации (Е.Б. Шестопал), ценностных установок, стереотипов и норм поведения (О.В. Гаман-Голутвина), «внутригрупповой» (А.И. Соловьев) или «корпоративный» (С.П. Перегудов) интерес сохранения элитой своих властных позиций в обществе, внутренняя однородность которого также своеобразный показатель сплоченности «политического класса».

Эти представления о внутренней интегрированности элиты ни коим образом не противоречат реальному плюрализму элитных групп и при углубленном изучении лишь подчеркивают определенность и избранность лиц, принадлежащих к «элите». Важная задача демократического контроля над элитой состоит в том, чтобы не допустить изоляцию последней от «материнских групп» – групп интересов, партий, общества, обусловить ее управление глубиной стоящих перед страной проблем. Так, по мере трансформации российского социума состоялось как становление новой элитной структуры – ныне действующего федерального центра, так и «нахождение» сплачивающего интересы меньшинства и большинства фактора – сильного демократического государства.

Не менее очевидно, что используемые элитой ресурсы не всегда и не обязательно являются политическими. Сходство социального происхождения, образования, круга общения и предначертанности карьеры (как атрибуты больше зарубежных, чем отечественных элит) есть следствия социокультурного и социально-профессионального характера ресурсов. Общим же является то, что политическая элита *это – группа лиц, профессионально занимающаяся деятельностью в сфере власти и государственного управления.*

При дальнейшем разборе ресурсного потенциала политических элит продуктивно работает теоретическое описание П. Бурдье многомерного социального пространства. В нем взаимодействуют и функционируют индивиды, располагающие различными видами капиталов: экономическим, социальным, культурным, символическим и т. д.[103] К перечисленным типам можно добавить, как считает О.В. Гаман-Голутвина еще один капитал – силовой, обладание которым, к сожалению, становится в современном российском обществе все более значимым фактором влияния. Капитал, относящийся к той или иной разновидности, может быть назван политическим, когда он задействован в процессе принятия решений с целью оказания на него влияния[104].

Важнейшая функция элиты – подготовка, принятие и реализация стратегических решений – определяет выработку и осуществление политического курса. Однако практика не подтверждает тезис о том, что эта деятельность элит

непосредственно определяется интересами населения. Исторически доказано и то, что в обществах, где доминируют патриархальные или подданнические политические ценности, способность неэлитных слоев воздействовать на решения элиты существенно ниже, чем в социумах с гражданской культурой. Правящие круги, следует признать, вообще слабо подвержены влиянию со стороны основной массы населения и строят свою линию поведения согласно нормам и стереотипам преимущественно внутриэлитарного характера. Национальную политику поэтому образуют скорее не требования масс, а гомогенные интересы доминирующих элитных групп.

Сходство базовых представлений и норм поведения, которое наблюдается, как мы выяснили, ввиду сужения ценностных координат до специфических значений предметно направленной деятельности, факт показательный. Но его проблема не в том, что представители как правящих, так и оппозиционных элит обычно относительно едины в своих взглядах касательно властных предпочтений – прерогатив государства, а в смещении акцента в конкурентной борьбе на внутригрупповые интересы. В реальной политической жизни во главу их могут быть поставлены: радикализм, консерватизм, популизм, демократия и т.д.

Как показывает опыт развитых западноевропейских государств, с точки зрения реализации социальных решений, наиболее выгодной и предпочтительной для правящих элит является политика центризма. Независимо от ее идеологической нагрузки, именно эта политика способствует минимизации конфликтов в сложноорганизованных обществах, помогает наиболее конструктивно использовать политический потенциал социума, поддерживать взаимоуважительные отношения между элитными и неэлитными слоями.

В то же время большинство переходных режимов в качестве одного из распространенных средств укрепления собственных позиций выбирает популизм, который «маскирует» развитие адаптационного ресурса элиты, ее корпоративизм. Следовательно, здесь проблема в переориентации самого корпоративизма. Она предполагает институционализацию интересов элит и их взаимодействие с системой власти в форме, совместимой с регулярными выборами и политической конкуренцией, открытым характером рекрутирования и рациональной легитимностью, и как следствие – более демократическую преемственность поколений элиты.

Процессы структурирования и реализации элитой своего адаптационного ресурса осуществляются на базе *нормативных отношений*. При этом содержание правил и институтов, формирующих элиту, меняется довольно медленно, что обеспечивает высокую степень внутренней преемственности. Сохраняя себя, элита контролирует процедуры, а следовательно, и созданные на их основе политические структуры и институты, доступ в которые ограничен. Это свидетельствует об элите как особой социально превосходной группе.

Элита как «становящийся» и «транзитивный» институт политики – это прежде всего сложная *совокупность процессов*. Элита формирует институты власти, иерархизирует их и одновременно переинституционализирует существование всех других организаций, которые, в свою очередь, воздействуют на нее и структурируют формы ее деятельности. «Институты не обязательно – и даже далеко не всегда – пишет Д. Норт, – создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»[105]. Однако подлинный источник институциональных нововведений остается в самой природе социальности, которая всегда культурно иерархична.

Согласно теоретикам нового институционализма (В. Ни, Н. Флигстайн) современный процесс создания и преобразования институтов политики разворачивается в формате попыток «инкумбентов» – влиятельных представителей политически доминирующих групп – установить определенные правила взаимодействия для стабилизации своего положения относительно других не менее влиятельных субъектов, а также относительно «претендентов», то есть тех политических акторов, которые таким влиянием обладают в меньшей степени. Именно в процессе институционализации своего влияния актуализируется властный потенциал лидеров, раскрывающий и степень их дееспособности в политике, и уровень обладания, и контроль за властью[106], одновременно позволяющий структурировать элиту на «лидеров» и «бюрократию».

Именно в процессе институционализации своего влияния политическая элита ***становится:***

– носителем определенного типа политической интеракции, властвующего отношения;

– причиной трансформации формальной структуры социальных и властных институтов, их (новой) иерархизации;

– выразителем властных предпочтений и ценностей правящих кругов, базовых ориентаций общества, связанных с управлением;

– источником продуцирования определенных систем общественных ценностей и правил взаимодействия (символов);

– силой, контролирующей процесс принятия решений, легитимизирующей создание и поддержание институционального порядка и, в конечном счете, закрепляющей способ организации и управления социально-политическим устройством в целом.

Эти внешние по отношению к обществу и его субъектам *аспекты деятельности и есть основные проявления ролевого предназначения политической элиты как социального актора*, который сам, в силу необходимости снижать уровень неопределенности в обществе, находится в состоянии транзита или перехода к иному социально и культурно обусловленному качеству.

«Внутренняя» система правил и норм, саморегулирующая комплексную трансформацию политической элиты как института, имеет два основных источника – социальные знания и социальные практики, опыт. Достигнутый обществом уровень знаний убеждает в том, что элитарные механизмы (формирования и воспроизводства) скорее всего навсегда останутся в структуре социума, сохранив свою лидирующую роль. С течением времени будет меняться лишь степень и характер их соотношения с механизмами самоорганизации и самоуправления общественной жизни.

В свою очередь, социальный опыт свидетельствует, что система конкретных правил и норм самоорганизации элиты непосредственным образом связана в *стабильном обществе* с характером политической системы, устройством и деятельностью государства, особенностями политического режима и политической культуры. Она не только зависит от политического уклада общества, но и существенно изменяется в зависимости от политической воли доминирующих слоев, собственных ориентаций и позиций групп, составляющих элиту. В *переходном социуме* она сопряжена как с принципиальным общественным переустройством, так и возникновением новых социальных потребностей, становлением взаимодействий по их удовлетворению, а также с появлением индивидов и групп, осуществляющих эти интеракции.

В то же время наиболее продуктивное поведение политической элиты, всестороннее включение ее в процесс демократического транзита возможно только при условии соответствующей рационализации властных отношений на пути качественных изменений ценностных, статусных (посредством выборов) и деятельностных характеристик элиты. Устранением из нее стагнирующих звеньев, свойственных начальному этапу всех перестроек, – жесткой преемственности, клиентелизма и олигархизации, деперсонификации ее рядов.

Качественное обновление политической элиты необходимо и осуществимо в формате полномасштабной модернизации. В этом смысле *транзит правящих групп можно рассматривать составной частью более широкого процесса институционализации элит в социетальной системе координат*. Исходным и важным условием демократизации выступает расширение политического участия граждан, требующее, в свою очередь, развития политических институтов иного типа. Можно утверждать, что «старые» управленческие элиты и правящие партии, сопротивляясь серьезным политическим и экономическим изменениям, не только не справляются на этом этапе с необходимостью стабилизации общества, но и всемерно препятствуют как становлению массового демократического движения, так и конституированию демократических элит.

Более того, за завесой неопределенности происходят два важных процесса. Первый – переинституционализация прежних властных групп, пытающихся помимо перераспределения национального богатства сохранить на новых началах свои иерархические позиции. Второй – институционализация относительно

новых элитных групп, оказавшихся конкурентоспособными, чтобы конвертировать общественные ресурсы демократизации во властные полномочия. Однако подобное утверждение не имеет глубокого смысла вне анализа контекста и специфики переходного периода той или иной государственности. Тем более, что общие процессы рассогласования норм, крушения старого и формирования нового институционального порядка, фактической смены элит и проведения реформ имеют отличное воплощение в разных странах.

Так, неудовлетворительно низкий уровень смены элит в ходе российской политической трансформации привел к появлению целого ряда переходных феноменов, которые, не являясь демократическими по существу, служат средствами адаптации авторитарных элит к новым конкурентным и институциональным условиям[107]. Наиболее яркие примеры такого рода феноменов – «расколы элит» как основания, по мнению В. Гельмана, формирования политической конкуренции в Российской Федерации. Они продуцируют конфликты между центром и периферией, ведущие к закреплению господства победившей стороны в контурах складывающихся политических режимов (М. Бри, В. Колосов, С. Рыженков, Р. Туровский, Д. Фурман и др.). Другой комплекс явлений связан с ассиметриями отечественного федерализма. Не секрет, что последний долгое время был прикрытием для самых архаичных, авторитарных элементов государственного устройства (Г. Голосов, Н. Петров, А. Рябов, С. Хенкин и др.).

Современное преодоление этих и подобных им явлений ведет Россию к государственной интеграции на качественно иных объединительных началах, постепенно наполняя конкурентные и институциональные формы цивилизованным содержанием. Более сложно и противоречиво, но в целом сходным образом обстоит дело и с политическими элитами. Они еще остаются *переходными* и потому являются прибежищем разных тенденций, развитие которых зависит от воздействия целого ряда культурных, социально-экономических, политических факторов и в каждом конкретном случае требует предметного анализа.

Характерной особенностью политического процесса страны является значительное усиление в 90-е годы и модификация сейчас роли региональных политических элит. Их позиции и взаимоотношения с федеральной элитой оказывают существенное влияние на жизнь и характер политической активности территориальных общностей, значение которых как субъекта политики неуклонно растет.

В связи с этим представляется целесообразным дать общий контур анализа конкретно-исторических форм институционализации и трансформации региональных политических элит. Он предполагает структурно-функциональный разбор субъектов соответствующего политического процесса, определение характера изменения их властного положения, направленности ценностей (интересов), задействованности определенных средств в ходе политических взаимо-

отношений с другими субъектами власти, политики и с населением (электоратом).

Следует отметить, что структурный анализ региональных политических элит представляет собой непростую задачу. Ее решение состоит в выявлении групповой структуры элиты, в анализе интересов и ресурсов каждого из ее секторов (в частности, государственного и негосударственного) с помощью экономического, социокультурного, политического, демографического, институционального и иных критериев, а затем и вычленении решений определенной группы, оказывающих принципиальное воздействие на ту или иную сферу общественной жизни.

Анализ ресурсов каждого сегмента элиты предполагает определение ее представительства и влияния в органах власти, связей с экономическими структурами и, соответственно, финансовых возможностей, информационных и организационных средств, а также факторов публичной поддержки и имиджа, выявляемых с помощью шкалы популярности группы и узнаваемости лидеров (О. Гаман-Голутвина, Д. Доленко, В. Колосов, Р. Туровский Л. Смирнягин, А. Черкасов и др.). В зависимости от структурных особенностей группы (упорядоченности внутри и во вне) определяют ее специфические интересы и продуктивность осуществления социальных функций.

Формулировка характера изменения властного положения региональных политических элит прежде всего связана с объяснением их собственных позиций и взаимодействий с общегосударственными структурами. Здесь в идентификации региональных элит весьма актуально использование позиционного подхода, согласно которому они стратифицированы и по месту в формальной структуре институтов власти, и по значимости влияния в масштабах территориальной организации.

Первенствует по данным параметрам в отдельно взятом субъекте РФ *«главная»* или *«системная»* региональная элита (смыслообразующий эпитет «центральная» представляется приемлемым оставить за членами общенациональной правящей группы). По своим статусным возможностям и потенциальности решений в главную региональную элиту входят: выдвиженцы территорий – депутаты Государственной думы (обеих палат), губернатор; назначаемый Президентом РФ полномочный представитель (одновременно являющийся представителем федеральной элиты), отчасти «олигархи» федерального значения, имеющие в краях, областях, республиках не только экономические, но и политические интересы.

Высшую региональную политическую элиту по устойчивости властных позиций и осуществлению функций составляют: председатель региональной легислатуры (законодательного органа), вице-губернаторы, мэр областной столицы, политически ангажированные крупные собственники и ведущие руководители экономических и финансовых структур. Региональная политическая

элита (непосредственные участники территориальной политики) – это депутаты всех уровней, их руководство, председатели региональных отделений общефедеральных политических партий, блоков, объединений, руководители местных партийно-гражданских и этно-конфессиональных образований.

В общей структуре региональных элит также следует выделить административный, экономический и интеллектуальный сектор. Административная элита (постоянно взаимодействующая с политической средой) – это руководители структур федерального значения, представители аппарата исполнительных органов государственной власти с уровня директоров департаментов областной (краевой, республиканской) администрации до соответствующего «этажа» муниципальных управленческих звеньев, вице-мэры, главы районных администраций и общественного самоуправления.

Региональная экономическая элита – это, прежде всего, бизнес-элита (гендиректора разнопрофильных акционерных обществ, предприниматели), руководители предприятий частной и государственной форм собственности, их заместители, директора структур коммунальной сферы хозяйствования. Интеллектуальная элита (часто не менее активно вовлеченная в политический процесс) – это « не только ученые, но и журналисты, писатели, актеры, художники, то есть те, кого можно назвать российской интеллигенцией»[108]. Сюда же относятся руководители ведущих масс-медиа и различных творческих союзов, крупных НИИ и КБ, ректорат вузов и актив профессорско-преподавательского состава (представители которых нередко выступают в роли политических советников), директорат разнообразных учебных и просветительских заведений, организаторы науки, искусства, высшей и средней школы.

Транзит отечественных региональных элит в конце предыдущего и начале нынешнего столетия напрямую связан с характером их взаимоотношений с федеральным центром и динамикой их собственного переходного состояния. Средоточениями транзита мы считаем факторы *политического самоопределения*, *самоорганизации* и *выбора модели интерактивности региональных элит* под влиянием процессов трансформации на общенациональном уровне. Это означает, что для нас в данном исследовании эти факторы являются приоритетными.

Политическое самоопределение, прежде всего, характеризуется как когнитивный процесс, в ходе которого конкретный властный субъект не только осваивает основные процедуры мышления и восприятия, но и нарабатывает комплекс знаний и ценностей, соответствующий потребностям легитимации. ***Процесс самоорганизации*** региональных элит, в основании которого лежат их смысловые системы и особый статус правящих на местах групп, позволяет принимать им существенные в масштабах территориальной единицы решения и формировать спектр внешних и внутренних отношений. В ***выборе модели интерактивности*** региональных политических элит сохраняется упор на ста-

бильность общественно-правовых взаимодействий и становление новых видов консолидации как «внутри себя», так и в общегосударственном масштабе.

Вместе с тем, незавершенность общественной модернизации и институционализации новых властных групп воздействует как на устойчивость выделенного комплекса изменений региональных политических элит, так и на дивергенцию субнациональных политических явлений (как деятельностей преследующих свои цели субъектов). Поэтому современная стратегия исследования «транзитивных» региональных элит, на наш взгляд, не может быть сегодня иной, кроме как обусловленной целями постиндустриального развития страны и одновременно спецификой места их достижения, тех же территориальных общностей.

В данном случае регион является «административной территориальной единицей», население которой объединено общими производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными СМИ, органами власти и МСУ. Регион – это естественно-историческое пространство, в рамках которого осуществляется социально-экономическая и общественная деятельность проживающих в нем людей[109]. Анализ возрастающей политической роли последних, в частности, на общенациональных выборах, предполагает необходимость учета двух основных компонентов: во-первых, обьективных институциональных предпосылок как условий выполнения этой роли, во-вторых, внутренних качеств территориальной общности, ее политической культуры.

Именно они до последнего времени фиксировали те особые социокультурные и институциональные рамки, которые скорее «не поощряют, а тормозят» политическую активность правящих в субъектах РФ групп. И в этом отношении, как считает Д. Норт, политические и экономические руководители имеют смешанный выбор возможностей, но все же по большей части эти возможности поощряют деятельность скорее по перераспределению, чем по производству материальных благ, формируют монополии, чем конкурентную среду, и ограничивают, чем расширяют, выбор[110]. Развитие либеральной демократии в условиях такой динамики и на фоне политической коррупции, развивает мысль В. Ковалев, становится более, чем проблематично, и перспективы демократизации российских региональных режимов вызывают больше сомнения. Возникает замкнутый круг, когда власть тормозит создание институциональных условий для экономической модернизации, а население, деморализованное растущей нищетой, не имеет воли и энергии для смены власти или эффективного контроля за ее деятельностью. В российских регионах это проявляется в полной мере[111].

В таком контексте с учетом изменений последних лет понимание и сущность региональных политических явлений приобретает важную особенность. Методологически она напоминает принцип «матрешки» и заключается в том,

что территориальное пространство, в котором разворачиваются взаимодействия социальных акторов по поводу завоевания, удержания, использования и передачи власти, есть сфера политической жизни регионального общества – политического пространства[112] или государственно-организованного общества.

Региональное политическое пространство – это не только и не столько географическое понятие. Это сфера существования традиций и архетипов политической жизни, всей политической истории региона, закрепленная в культурной «политической памяти» граждан и проявляющаяся во взглядах и навыках действий участников текущего политического процесса. Результатом институционализации политической жизни территории «становится политическая самоидентификация» (А. Дука) – формирование определенного типа самосознания и соответствующего ему типа самоорганизации – как у всего населения, так и у правящих и оппонирующим им элит.

В качестве исходной институциональной предпосылки, дающей территориальной общности возможность выступать в роли субъекта политики, следует повторно назвать наличие института власти на соответствующем уровне. То есть возможность иметь региону свою политическую систему, все основные учреждения и структуры власти, режим правления и управления социально-экономическими, общественно-политическими процессами. Претендующие на его создание акторы (кандидаты на выборные должности, кланы, финансовые и бизнес-группы) могут быть при этом как местными, так и федерального происхождения. Традиционным для провинциальной власти является феномен клиентелизма и землячества, «федералы» и отчасти «муниципалы» более расположены к реформам и резкой смене политических ориентаций.

Следовательно, региональное политическое пространство обладает значительной «растяжимостью»: оно может выходить за пределы административно-территориальной единицы, если социально-политические субъекты «смежных уровней» начинают активно участвовать в процессе передела региональной власти, вносить в характер политического участия иные элементы культуры, технологии и т.д. Тем не менее, на нынешнем этапе главная роль в территориальной организации общества (с точки зрения системного управления) принадлежит социально-политическим регионам[113], качество которых в целом помимо социокультурного фактора зависит от эффективности функционирования, органичных для людей государственных институтов, выборных территориальных органов власти и управленческих элит.

Употребление в данном формате понятий «региональная политическая элита» или «правящая группа» – не случайно. Хотя первое, безусловно, объемнее и имеет два основных значения. В широком смысле, признавая в качестве одного из важнейших критериев выделения региональной элиты формирование ею стратегических целей и задач в сфере своей компетенции, а также принятие решений и их реализацию в соответствии с поставленными целями. Это слой

региональных политиков, занимающий позицию между федеральной и местной элитами и напосредственно управляющий субъектами Федерации. В конкретно-прикладном варианте, субнациональная политическая элита – «узкий круг лиц, обладающих в регионе высшим административно-политическим статусом и облеченных достаточно большими полномочиями для осуществления соответствующих управленческих функций»[114].

И то, и другое значения методологически и инструментально необходимы. Поскольку позволяют в одном случае – формулировать, описывать, сравнивать и раскрывать особые интересы, ресурсы поведения и влияния политической элиты регионального уровня в противовес, например, федеральному; в другом случае – выявлять, анализировать и структурировать уровни самоопределения, самоорганизации, интерактивности и развития внутри элит того или иного региона. Для определения территориальной специфики феномена понятие «правящая (на местах) группа» наиболее приспособлено. Оно «более гибкое, более локальное и более персонифицированное, точнее отражает суть того коллективного актора, который в современных российских регионах выступает основным центром политической жизни и надинституциональным носителем властной воли»[115].

Однако было бы ошибкой, как справедливо замечает Р. Туровский, сводить понятия «региональная элита» лишь к первым лицам субъектов Федерации, облеченных властью. На самом деле речь идет о региональных элитах, сложившихся в субъектах Федерации в целом и отдельных населенных пунктах, которые состоят из лидеров и групп, связанных между собой различными типами отношений и вместе определяющих локальный политический процесс. На каждом территориальном уровне есть такая особая социально-политическая группировка (Д. Бадовский и А. Шутов, О. Гаман-Голутвина, В. Гельман, М. Лапина, А. Магомедов и др.). Популярным ее определением в России стало понятие «партия власти», обозначающая группу лиц, осуществляющих управление территорией. Понятие «региональная элита» шире, поскольку включает и оппозицию, и различные экономические группы влияния[116].

Критический разбор различных толкований феномена, опосредуемых спецификой отраслей знания и исследовательского интереса, необходимый элемент адаптации современного понимания региональных элит. В связи с этим актуальные системы взглядов на региональную политическую элиту классифицируются автором в следующие основные группы: 1. Концепции, согласно которым источником и содержанием элитизма является процесс их влияния. (Оно шире, чем понятие «принятие решений», но вполне адекватно «процессу управления», т.к. позволяет наблюдать и описывать формальные и неформальные практики деятельности правящих групп.) 2. Пересекающиеся с первыми функционально-ролевые концепции, раскрывающие значение региональных элит, исходя из статусных и формализованных

позиций в системе власти. 3. «Ценностные» концепции и примыкающие к ним интерпретации «групп интересов», согласно которым элита – демиург определяющих политических ценностей и выразитель разнообразных интересов малых и больших социальных групп. 4. «Субъект-объектные» концепции, в которых сущность и потенциал региональных элит объясняются через механизмы поддержки и интеграции с другими общностями. 5. Концепции неоэлитаризма, делающие акцент на механизмах самодостаточности правящих групп, контролирующих все политические и иные процессы.

По сути каждый исторический период серьезно изменял и обновлял такого рода системы взглядов. В своих первоначальных вариантах элитистские теории содержали весьма негативную оценку демократии. Впоследствии ситуация радикально изменялась. Элитизм стал рассматриваться как элемент современной политики, полностью совместимой с процедурами и институтами представительной демократии (Й. Шумпетер, М. Бартон, Р. Гантер, Р. Патнэм, Г. Филд, Дж. Хигли и др.).

Давление «сил современности» в последней четверти XX века заставило Россию в очередной раз вступить на путь модернизации. Преобразования всех сторон общественной жизни, экспансия «западной демократии» побуждали отечественных специалистов всесторонне анализировать происходящие в элитах процессы. Сразу выделилось несколько приоритетных аспектов проблемы. Синтез таких из них, как демократическая эволюция и анализ региональных элит в контексте теоретических пробелов переходных «ветвей развития», обусловил интерес к транзитологической тематике и на местах.. В частности, среди зарубежных исследователей, внимание которых занимают процессы, протекающие в региональном политическом пространстве РФ, следует отметить, прежде всего, М. Маколи, К. Мацузато, Е. Манчкува, А. Момэна, Р. Саквы, Д. Слидера и др.

Обнаружилось, что существуют не только концептуальные (В. Гельман, В. Елизаров, А. Мельвиль) и технологические (В. Подшивалкина, И. Пригожин, А. Соловьев) трудности применимости элитистских конструктов в демократизации российских регионов, а также проблемы совмещения теорий демократии и теорий элит (Г. Ашин, А. Богатуров), но и сама проблематика поставторитарных демократизаций, рассматривавшаяся до недавнего времени с точки зрения того, происходит ли движение данного общества к демократии или нет, на рубеже веков отчетливо приобретает иные очертания. На первый план выдвинулся вопрос о том, *какая* демократия возникает в том или ином обществе (Г. Вайнштейн, В. Ильин, А. Мельвиль, А. Панарин, И.Пантин, М. Урнов, Е. Шестопал и др.).

В свете общенаучной потребности их новой типологизации в монографии выражается следующий концептуальный подход. Исследования постсоветского транзита региональных элит в политическом процессе России связаны с изуче-

нием не только процесса их институционализации, но и определением динамики и вектора изменений их политического самоопределения, самоорганизации и интеракции, в каждом конкретном случае фиксирующими политический выбор территориальных правящих групп.

Таким образом, согласуя определенный теоретический потенциал элитизма с наработанным методологическим опытом, региональную политическую элиту можно определить как образование политического процесса, природа которого многообразна и полиструктурна, что находит отражение в специализированной ролевой составляющей правящих групп.

В целом же современная политическая элита российских регионов представляет собой переходно-сложное, достаточно интегрированное формирование профессионально действующего в политической сфере меньшинства территориальных обществ. Это организационно и профессионально подготовленная группа лиц для выражения политических ценностей и социальных интересов той или иной общности, принятия и реализации стратегических решений вверенной компетенции и располагающая для этого соответствующей структурой и ресурсной базой.

Взаимодействие отмеченных компонентов образует специфическую природу политического субъекта, несравнимого по силе влияния с другими институтами и структурами власти территориального уровня. Вместе с тем нужно еще более качественное изменение установок и функций региональных элит, всех отечественных институтов власти, логически ведущих к появлению структурно-институциональных новаций, позволяющих *человеку* быть доминирующим актором политических отношений. Только тогда политический процесс любого уровня исполнит свое цивилизационное предназначение.

Глава 2

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ

2.1. От трудностей концептуализации к потребностям государственного строительства

Россия начала 90-х годов XX века. Старт широких структурно-институциональных изменений. Приход к власти в провинции новых лидеров и элитных групп. Вне надлежащей концептуализации динамики этого процесса трудно отобразить действительные подвижки в современной жизни регионов, по-разному осваивающих практики рынка и демократии. «В этом смысле наиболее тревожным выглядят попытки оценивания процесса демократизации на основе обновления заворожившего многие поколения отечественных теоретиков образа "народовластия", на деле напрочь игнорирующего исторический опыт развития демократии»[117].

Не менее реальными представляются и отдельные оценки нового управляющего слоя, приходящего на смену номенклатуре. Процесс этот еще окончательно не завершился «… даже потому, что само посткоммунистическое развитие продолжается и не получило сколь-нибудь… выкристаллизовавшихся форм»[118]. Хотя социализм в нашей стране уже вряд ли сможет «обрести второе дыхание в создании общества устойчивого развития» (Г. Зюганов). В силу этой «неопределенности» часть авторов принципиально не желает различать советскую номенклатуру и нынешнюю элиту[119].

Другие же указывают на то, что в переходной стране с ее номенклатурной демократией, закрепившей «монопольное политическое господство» старой и «новой номенклатуры»,[120] «сохраняется номенклатурный принцип элитообразования»[121]. И «мы пока еще не вправе вообще говорить о формировании в России элит в общецивилизационно принятом понимании данной политологической категории»[122]. Это, по мнению В. Дахина, позволяет интерпретировать региональные элиты скорее как территориальные кланы, имеющие тенденцию превращения в клики[123].

Если следовать крайности этой логики, то страну ожидает беспредел «алчных картелей» (М. Олсон), делающих государственную власть заложницей групп политических и экономических «корыстолюбцев». Это ведет к прогрессирующей олигархизации политического режима и в итоге «политике как войне» (Дж. Сартори). Как мы видим сегодня – подобный прогноз не оправдался.

Действительно, в последнее десятилетие российских преобразований, «… активные институциональные реформы сменились ожесточенной борьбой различных групп элит за власть и собственность, а сам процесс социальных изменений стал малоконтролируемым…»[124]. Но иные обстоятельства, иная энер-

гетика, другая институциональная среда на рубеже веков существенно изменили способ мышления и деятельности федеральных и региональных властей. В силу этого, можно констатировать, что вместе с периодом «бури и натиска» с политической авансцены уходит элитная структура, характеризуемая как «номенклатурная», «тоталитарная», «идеологически унифицированная».

Концепт «номенклатуры» занимает свое место в исторической ретроспективе. В свою очередь, конструкт «элита», «региональная элита» приобретает содержательную адекватность и естественную соотносимость с особенностями переживаемого страной момента. Это наиболее очевидно на фоне того цивилизационного факта, что в высокоцентрализованных системах типа любой из китайских империй эпохи расцвета или Советского Союза сталинского времени, с их высочайшей пространственной мобилизацией элит, «региональная элита» как относительно замкнутое сообщество с общей идентичностью практически не имела возможностей ни формироваться, ни воспроизводиться, отмечает А. Кузьмин[125].

Сложившись на изломе прежней общественной системы как результат естественно-исторических, демографических и социально-экономических условий, а также сознательной ориентации людей к самоусовершенствованию, территориальная элита стала представлять собой видоизменяющуюся структуру. В ее развитии возобладало противоречивое единство процессов формирования и трансформации акторов, жизнедействующих как особая социальная группа, постоянно встраивающаяся в изменяющийся институциональный порядок.

Период с 1993 по 2004 год ознаменован весьма значительными трансформациями качественных характеристик региональных политических элит, что составляет основное содержание их постсоветского транзита. Как на уровне концептов, так и на уровне практического функционирования субъектов они явились преимущественно следствием общегосударственной политики реформ, которая включает в себя и опыт различных реорганизаций 50 – 80-х гг., и постперестроечные эффекты демократизации, федерализации, регионализации. Другой важной опосредующей стало повсеместное возрастание значения факторов политического самоопределения и самоорганизации территориальных властей и населения.

«Одна из самых *примечательных особенностей* нынешней России, – писал в 1993 г. А. Цыганков, – сосуществование необычайно дерзких, амбициозных реформаторских деклараций и отсутствие не только в массовых, но и во многом в правящих слоях общества четких представлений о механизмах и общей логике социальной эволюции. Выбор в пользу капитализма провозглашен, хотя и не всеми принят. От социализма официально отказались, хотя неофициально в ряде слоев общественного сознания ностальгия по этой системе, несомненно, живет. Принято считать, что выбор в пользу капитализма (как когда-то

уже происходило с социализмом) сделан. Неясно, правда, кем "сделан", и каковы шансы его необратимости»[126].

Эта «примечательная особенность» отчасти сохраняется и сегодня. С разницей лишь в том, что все предметнее становится тема начавшегося «градостроительства» как иллюстрация политического выбора наличной структуры власти. «… минимальная повестка дня для "собирательства" уже угадывается»[127]. Россия как индустриальное государство – это «взаимозависимое национальное сообщество. Чтобы решить стоящие перед ним современные проблемы (экономический спад, инфляция, безработица, экология и др.), необходим общенациональный подход. Невозможно на местном уровне решить и такие проблемы, как социальная защита населения, общественная безопасность, здравоохранение, обеспечение энергоресурсами, транспортом и т.д. Поэтому только политические демагоги могут призывать к передаче власти местным органам, оставляя за центром функцию координатора»[128].

При таком подходе региональная политическая элита – *становящийся субъект новой отечественной государственности, призванный консолидировать взаимоотношения между территориальными органами власти и населением путем осуществления себя социальной и демократической инстанцией.* Что уже само по себе является концептуальной проблемой. Понять ее в «синтезе» ключевых составляющих – значит, уметь одновременно и истолковать их в соответствующем историческом контексте, и поставить в единый ряд с развертывающимся политическим процессом. В свете задач прогнозирования дальнейших политических и социальных преобразований, а равно и их экспертного обеспечения важно иметь четкое представление о самих акторах политических изменений, т.е. о тех политических субъектах, которые обладали бы политической волей и необходимыми ресурсами для реализации преобразований, и о способах, механизмах, и тенденциях их собственных трансформаций.

Ведущей современной тенденцией в трансформации территориальных элит является их *транзит от дестабилизирующего характера деятельности к миссии снижения неопределенности в обществе, его стабилизации и интеграции.* Такой характер эволюции был задан прежде всего меняющейся ролью государства и аналогичным характером институционализации региональных политических элит.

Сегодня вряд ли кто из здравомыслящих людей будет спорить с тем, что России повсеместно нужна легитимная, независимая и сильная власть. Это не возврат к прошлому, когда советская номенклатура злоупотребляла репрессивной мощью. В то же время борьба против командно-административной системы за альтернативную власть фактически привела страну к подрыву государственной организации. Сильная власть, по мнению И. Ильина, должна быть, во-первых, национально убедительной, во-вторых, авторитетной и, в-третьих, волевым центром страны. Источник силы власти заключен в активной под-

держке народом при надлежащем выполнении ею социально-хозяйственной функции, подотчетности закону и обеспечении конституционных прав граждан всегда и во всем.

Первые шаги в этом направлении в России сделаны. Это деполитизация основных секторов экономики и упразднение права политической власти разрешать или запрещать любые виды деятельности и ассоциации в социальной сфере; исходная институционализация демократии: создание новых демократических институтов или наполнение уже существующих демократическим содержанием. Государство уходит из непосредственных областей человеческой жизнедеятельности, а политика превращается в одну из многих сфер жизни, таких как экономическая, социальная, семейная или личностная. Но, утрачивая свою роль всемогущего арбитра, государство должно оставаться эффективным регулятором, надлежаще исполняя функцию ответственности за безопасность своих граждан и их собственность, за уровень благосостояния, свобод и т.д., постоянно совершенствуя свою общественную ориентацию и функцию необходимого вмешательства.

«Неэффективность государства» для России – хроническая угроза. В целях ее преодоления В. Путин в послании Федеральному собранию РФ 2003 года указал на две существенные для страны проблемы. «Несоответствующее качество власти» в значительной степени имеет своим источником не что иное, как избыточные функции госорганов. При этом, несмотря на огромное число чиновников, в стране тяжелейший кадровый голод[129]. В числе обозначенных главой государства важнейших для России задач:

- увеличение валового внутреннего продукта в два раза;
- преодоление бедности;
- модернизация Вооруженных сил[130].

Можно с уверенностью говорить о том, что концептуальный президентский подход к реформам намного прогрессивнее ранее заявленных позиций большинства отечественных элит и их лидеров. Это лишь подтверждает, что главный барьер идущей в стране трансформации – всесилие явной и скрытой бюрократии, неадекватная модернизация основных секторов элит. Бюрократия стала основным поставщиком кадров правящим группам всех уровней власти, а кое-где и подменила их. Отсюда практически все руководители готовы лишь следовать, а не предлагать *собственные пути* выхода из критических ситуаций.

Глава государства указал эти пути – конкурентоспособность, рост благосостояния населения и консолидация. Понятно, что в стране с «недоделенной» властью и собственностью консолидировать общество может либо общенациональная катастрофа, либо умная и откровенно провозглашенная политика. Подход Президента основывается на прагматично-целевой последовательности в достижении нового величия России, построении сильного федеративного государства. И больше согласуется, на наш взгляд, не с догматикой

стандартного неолиберального перехода, а с «новой парадигмой развития». В частности, с концепцией, появившейся в конце 90-х годов в ведущих международных кругах под названием «Рамки всеобъемлющего развития».

Данный концепт определяет трансформацию как «…проблему социальных перемен, включающую административную способность государства, процессы демократизации, рыночные реформы и эволюцию новых форм социальной справедливости. Социальные, институциональные и организационные структуры посткоммунистических обществ – не внешние по отношению к процессам рынка, а эндогенные переменные, определяющие институты рынков и степень социального сплочения. В решении проблем интеграции институтов *роль локальных знаний* и *акторов* важнее, чем при применении конкретной модели капитализма»[131]. Новая парадигма убеждает, что демократия – лучшие «рамки» разрешения социальных конфликтов, долгосрочных роста и создания консолидирующих институтов. Их функционирование обеспечивается с учетом уроков посткоммунистической трансформации разных стран через процессы коммуникации, переговоров и обязательность исполнения договоренностей.

Не случайно среди российских исследователей получила распространение дефиниция демократии как переговорного процесса, протекающего в политическом пространстве[132]. Такое определение позволяет вывести за скобки обсуждения вопрос об истинности или ложности предикатов к субстрату «демократия», сохраняя при этом себетождественность феномена. Кроме того, в силу эластичности содержания оно способно стать адекватным инструментом анализа, особенно когда его предмет находится в процессе становления или перманентно меняется как исследуемые нами региональные элиты.

Одним из наиболее важных следствий, вытекающих из дефиниции, является, по мнению разработчиков, не телеологизм, а институционализм цели переговоров. Он сочетает идеал демократии как элемента политической конструкции с организацией интеракции по его достижению. Поскольку переговорный процесс осуществляется в политическом пространстве, начальный этап взаимодействия – это согласие состава участников по вопросу о власти. «Политическая власть и присущие ей способы контроля, – отмечает К.Поппер, – это самое главное в жизни общества»[133].

Место и время переговоров – актуальный политический процесс и режим власти. Стиль, язык, формат, в рамках которых они ведутся, определяются спецификой политической культуры изучаемого общества и его современной эволюцией. Она охватывает все уровни социальной вертикали: общенациональный, региональный, локальный, групповой, индивидуальный – и включает взаимообусловливающие процессы, идущие с разными скоростями.

В обзоре Европейского банка реконструкции и развития десяти лет перехода (2002) две главы отведены позитивным функциям посткоммунистического государства. «Факты ясно показывают, что главный урок переходов в том,

что рынки не функционируют хорошо без поддержки институтов государства, выполняющего свои базовые задачи, и здорового гражданского общества»[134], полноценное развитие которого также невозможно без эффективного государства. По этой причине пристальное внимание концентрируется именно на той роли государства, что исключает возврат к авторитарной модели.

Современный российский вариант сильного государства с формирующимся запросом на консерватизм, скорее центристский, чем правый, ближе, но не тождествен идеалу дистанцированной исполнительной власти, способной проводить радикальные реформы без учета организованных социальных интересов, которые характерны для отечественных неолибералов. Это в период их правления, по мнению Д. Фурмана, государство «начинает функционировать не как организм, в который проникли разные мафии, а как самая крупная мафия»; возникла своеобразная «народная монархия» с наследованием власти и последующей легитимацией наследника посредством «всенародного избрания»; а сама политика была сведена к «соперничеству придворных клик за доступ к телу»[135].

Исследователи российских трансформаций поэтому просто вынуждены уделять особое внимание сочетанию мнимых и реальных потребностей государства, власти, рынка, степени открытости политического процесса и активности гражданского общества. Взаимодействие этих компонентов – общее референтное место комплексных объяснений расхождения путей перехода в странах Восточной Европы и России. Для нее вновь свойственно выявление особенностей преимущественно самобытного национального политического капитализма образца XXI века. С этой точки зрения транзит региональных элит получает новый импульс – устойчивое содействие построению сильного, но демократического государства.

Изучение территориальных элит, да еще с такой функционально-стратегической нагрузкой, продуктивно лишь в том случае, если исследуется вся система властной вертикали, на уровни которой включены региональные правящие группы. В России последний пик их влияния на федеральном уровне пришелся на 1998 – 1999 годы. С началом административной реформы и введением федеральных округов – региональные элиты в основном субъекты внутринациональной политики.

Выход за ее пределы помимо обеих палат Государственной думы конституирован в лице региональных лидеров общенационального масштаба, периодически ротируемых в Госсовете. Положительный результат его деятельности сказался уже в том, что центральным пунктом его первого заседания 22 ноября 2000 года было обсуждение документа «Стратегия развития России до конца 2020 года», подготовленного рабочей группой В. Ишаева. Принципиальное отличие программы хабаровского губернатора от аналогичного документа правительства (правда, до 2010 г.) заключается в исходной позиции первого, выступающего, прежде всего, за укрепление роли государства и улучшение социальной обстановки в стране.

И все же, если эмпирически территориальные элиты преимущественно «вернулись на круги своя» – в систему регионального управления, получившую форму института для обеспечения собственной идентичности, то в плане концептуальных объяснений их ближайшего будущего существуют мощные барьеры. И первое, с чем мы сталкиваемся в нашем случае, – это то, что все общеинституциональные изменения, идущие в стране, имеют некие пределы, связанные с установками элит и неэлит на принятие тех или иных ценностей и готовности идти в направлении углубления начатых в 90-е годы демократических реформ. Понятно, что прежде всего это касается региональных элит, даже при признании того, что динамика трансформирующихся правящих групп большинства субъектов РФ проявляется ныне в преобладании договорной модели взаимоотношений между автономиями элит и контролем государства.

Однако не превратится ли контроль государства в очередную консервативную революцию, на которую, по мнению А. Дугина, «мы обречены… нас подтолкнут к ней извне и изнутри»[136]. Предполагает ли транзит региональных элит цепь изменений, ведущих на местах к рыночной экономике и демократии, связанных с отрывом от тоталитаризма, авторитаризма и с заменой эгалитарного общества социумом меритократии? Или речь идет о «застойном» этапе дальнейшей институционализации элит, камуфлирующем растрату в конфронтационный период развития навыков прогрессивного целеполагания и эффективного руководства? И т. д.

Определенности, тем более в контексте заметного переноса интересов обществоведов с анализа объективных социальных явлений на исследование субъективности, в ответах элитологов на поставленные вопросы нет[137]. Зато все чаще реконструкция социальных и политических процессов базируется, исходя из точек зрений их участников. Они же высказывают намерение, во-первых, разрушить неустранимую пока «сращенность» политической и экономической власти, развести власть и собственность, разрушить их своеобразный симбиоз, во-вторых, создать плюралистическую экономику и развитое гражданское общество, в-третьих, «преодолеть конфликт между политическими и экономическими институтами» (В. Мау).

Отсюда отчасти и истоки приоритета в исследовании региональных элит институционального анализа, представители которого, вслед за Ч. Миллсом, связывают деятельность правящих на местах групп с их возможностью посредством стратегических решений производить масштабные изменения в социуме. Происходит это в силу того, что элиты «командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества» (К. Манхейм).

Вместе с тем, для прогноза динамики режимов в территориальной организации учет текстуальных факторов – формирования и взаимодействия поли-

тических элит на основе «писаных и неписаных» правил игры (транзитологический подход) – продолжает сохранять актуальность[138]. Нынешний контекст, «упорядочиваемый» меняющейся ролью государства и предшествующие традиции дают своего рода содержательное наполнение выбираемым процедурам и формируемым институтам. В значительной мере именно структурные факторы, считает А. Мельвиль, определяют содержательное наполнение формальных процедур и институтов (и обьясняют, например, почему в одном случае выборы становятся важнейшим институтом рождающейся демократии, а в другом – используются новой олигархией как механизм самосохранения)[139].

Современный этап институционализации региональных элит, их становление, конституирование и позиционирование в политическом процессе, связан с общественным переустройством России, ее административной структурой. Сначала, в ходе рационализации властных отношений, старые номенклатурные слои пытались сохранить, а новые занять руководящие посты. Процесс растянулся на десятилетия, минуя стадии разрушения прежнего институционального порядка, глубинных конфликтов между ветвями власти и персоналиями. Сегодня этот процесс вошел в стадию функционирования на местах относительно устойчивых социальных групп, определяющихся той или иной совокупностью способов осуществления власти, отражающей состояние демократических прав и свобод, политический статус личности в конкретном регионе (режиме). Соответственно изменилось и само понятие «институционализации элит», равно как и ключевая характеристика пришедших к власти на местах.

Так, в зависимости от отношения к целям и характеру территориальной модернизации обычно выделяют четыре типа региональных элит: традиционная, либеральная, авторитарная, радикальная. Понятно, что каждому из них соответствует свой политический стиль. Его эффективность в первую очередь измеряется тем, как определенные элитные группы выполняют основные функции руководства, управления и лидерства, а также решения, актуальные для данного региона.

В течение последнего десятилетия под термином «институционализация элит» понимали: процессы ее формирования (обновления, рекрутирования), структурирования и «дистанцирования региональной власти от политико-административных структур общенационального уровня». В частности, Р. Туровский, А. Дука выделили несколько функций процесса «автономизации»: демонстрация силы и ресурсной оснащенности региональных кланов; повышение консолидации элит, основанной на реальной совместной деятельности в правящей территориальной группе с соответствующими нормами и ценностями, обращение к архетипам, копирующим поведение объекта[140]. Что, в свою очередь, А. Соловьев интерпретировал как способность к манипулированию общественным мнением, а В. Ковалев, А. Магомедов, А. Чернышов и др.– в гранях понимания «регионального интереса» как инструмента, который может обеспечить требуемый уровень легитимности власти.

На передний план тем самым выходит потребность региональных элит в *социально-политической идентификации*, которая удовлетворяется посредством процессов политического самоопределения и самоорганизации. Они могут осуществляться в различных формах, отличающихся психологическим механизмом, характером усваиваемых норм и ценностей, ролей и видов деятельности. Но главное – позволяют структурировать территориальное политическое пространство на предмет выявления устойчивых социальных групп, непосредственно осуществляющих политическое руководство региональными общностями, находясь у руля государственного управления на местах.

Коцентрация власти в руках таких организованных элитных групп российских регионов проявлялась:

– во-первых, в усилении власти исполнительных органов, во все более частном использовании права законодательной инициативы со стороны исполнительной власти;

– во-вторых, во влиянии специализированных органов (комиссий, комитетов) внутри законодательных структур, то есть бюрократизации принятия решений;

– в-третьих, активизации различных неформальных центров власти, выражающейся в отдельных субъектах РФ в авторитарно-криминальном характере трансформации региональных режимов.

Ставя во главу угла вопрос о характере и направленности трансформации политического режима на местах и рассмотрение меняющихся приоритетов его политики (в зависимости от поддержки ведущих групп интересов), в качестве промежуточного *результата социально-политическую идентификации переходных элит* мы имели совокупность конфликтов, разворачивающихся в плоскости: центр – региональная администрация – муниципалитет, повсеместно персонифицирующихся на территориальном уровне. Тем самым процессы автономизации и реконверсии бывшей советской номенклатуры фиксируют и раскрывают ту реальную смену состояний элит, что для транзитологов может служить источником и индикатором возможных вариантов проводимой ими политики, моделей поведения.

Уместно отметить, что попытки некоторых специалистов использовать при анализе политики в «деинституционализированном обществе» (Г. Дилигенский) теоретические положения транзитологии, уделяющей особое внимание внутриэлитным отношениям в ходе демократизации, выявляют определенное несовершенство данного подхода. Конфликт же рассматривается в качестве стратегического и тактического инструмента его преодоления: В. Гельман, А. Мельвиль, А. Щевцова, А. Цыганков и др.

Это вполне закономерно, так как демократия – это «обусловленный исход конфликта» (А. Пшеворский). В элитистской концепции перехода к демократии он выступает не только постоянным фоновым ингредиентом основных моделей демократизации: «пакта», «сообщества» и «конвергенции» элит, но и «предпосылкой для заключения пакта» (В. Елизаров) или в отечественном варианте «договора об общественном согласии» на формирование в стране «рационального легального демократического государства» (И. Дискин).

Отличительными особенностями «пактового» перехода являются: сакральность, замкнутый круг участников, краткосрочность: элиты либо быстро находят выход из ущербного для всех конфликта, вырабатывая основные компоненты консенсуса (что, впрочем, не обязательно предполагает достижение полного согласия), либо не находят его вообще. Конфликт усугубляется, превращаясь в различные формы кризиса. В целях его недопущения это требует большого искусства от правящих кругов в повсеместном создании разного рода балансирующих механизмов, согласительных процедур и компонентов, соответствующей информационной и публичной политики, утверждающих определенные образцы политической культуры «управляющих» и «управляемых». Одним словом, проведения внятной государственной политики и как ее следствие – достижения социально-политической стабильности.

Как источник политического процесса конфликт представляет собой разновидность и результат конкурентного «взаимодействия» нескольких «попарно-связанных» сторон. Государства и гражданского общества, элит и масс, групп влияния и отдельных лидеров, соперничающих между собой за статусы преобладающего влияния на власть и распределение средств в условиях явного несовпадения политических возможностей обладателей формальных прав и реальных ресурсов в переходный к демократии период.

Иначе говоря, демократический транзит не может «уничтожить» преимущественного влияния на власть групп или отдельных персоналий, владеющих важнейшими экономическими, политическими, информационными и иными ресурсами. Вот почему укрепление демократии напрямую зависит от примирения интересов и позиций обладателей формальных прав (личности, общества) и владельцев реальных ресурсов (политиков, бизнесменов, СМИ), подконтрольной консолидации последних на уровне элит. Большинство факторов, воздействующих на становление демократии, так или иначе проявляются «в волевом замысле элитарных кругов» (А. Соловьев), ставящих (или не ставящих) целью создание в стране демократических политических порядков.

К территориальным элитам как носителям данных установок и субъектам влияния на внутрирегиональную жизнь относятся следующие группы: региональные представители федеральных структур, губернатор и его окружение, «руководители функциональных подразделений исполнительной власти», «дружественные руководству региона экономические структуры» и представительные органы власти субъекта Федерации[141]. Это, в свою очередь, предполагает в рамках дальнейшей концептуализации феномена корреляцию вышеотмеченной структуры территориальных элит с другими исследовательскими моделями, например, типологией региональных конфликтов Л. Смирнягина[142] или дополняющими транзитологический подход типологиями Карл и Шмиттера, Мунка и Лефф[143].

В частности, авторы обеих последних типологий фиксируют два основных параметра переходного процесса: а) *ведущие акторы* (элиты/массы в модели Карл-Шмиттера; старые элиты/контрэлиты в модели Мунка – Лефф) и *их стратегии* или паттерн соревнования в процессе транзита (компромиссные/силовые – в первом случае; конфронтация/аккомодация – во втором). Соответственно сочетанию названных параметров выявляются четыре идеальных типа перехода и зона промежуточных вариантов. Более детально разработанная, нежели в классической элитистской теории, типология переходных режимов позволяет использовать ее в качестве аналитического инструментария при изучении российской политики. Прежде всего, это относится к отсутствующей в классической элитистской теории концепции «навязывания» (по Карл – Шмиттеру), или «революции сверху» (по Мунку – Лефф), которая может быть использована при описании событий 1964 и 1985 гг., 1991 и 1993 гг. XX века, а также реформации начала нового тысячелетия.

Однако и эти интерпретации элитистской теории перехода к демократии не лишены недостатков. «Наиболее часто под демократизацией (в них) понимается, – пишет У. Хоффман-Ланге, – соглашение между соперничающими фракциями элиты, решившими положить конец глубокому политическому кризису. Однако сравнительно мало говорится о специфических характеристиках элиты, предопределяющих ее готовность к вводу демократических институтов, а также о степени элитной трансформации, необходимой для консолидации новой демократии»[144]. Между тем от того, как и какие изменения происходят в правящих группах, чем они обусловлены и сопровождаются, зависит, в конечном счете, в какие общественные цели эти изменения выкристаллизируются, а затем их реализация будет осуществляться под руководством элит. Объективно такая значимость элитной трансформации для субъектов РФ связана с неразвитостью демократических институтов и гражданского общества.

Региональная политическая практика отчетливо демонстрирует, что результатом элитных инициатив и взаимодействий может оказаться и не достижение нормативной демократии, а ситуационное разрешение внутриэлитного кризиса (в форме «навязывания» или «пакта»), то есть стабилизация через установление временной консолидации. Кроме того, преимущественно зарубежными авторами не раз отмечалось, что недемократические, элитистские способы определения путей решения стоящих перед обществом проблем и разрешения властных конфликтов, а также и переговоры властных групп, от которых массы

отстранены, могут привести к демократическим результатам[145]. Подобная предопределенность с учетом проблематичности региональных институтов демократии отчасти снимается тем, что в условиях рыночной экономики и связанной с ней политической системой правящие группы могут максимально реализовать свои интересы, а значит, и продвинуть свои регионы к современным потребностям. Это вполне согласуется с элитистской моделью перехода к демократии.

При всей спорности терминов «транзит», «транзиция», «демократический транзит» большинство авторов, отмечает А. Шатилов, оперируют именно ими, рассматривая национальные политические культуры в контексте глобальных политических и экономических трансформаций рубежа XX–XXI веков[146]. В первую очередь это относится к современной России и ее регионам. Их былая периферийность преодолела на пути концептуализации посткоммунистических перемен как особых версий общей проблемы развития и демократизации. Решающее значение в ней – за элитами, но под контролем за их действиями со стороны гражданского общества.

Выделение этих институций в качестве центральных вполне закономерно. «Понятия элиты и гражданского общества концептуализируют общество и социальные перемены различным образом: первое рассматривает их в перспективе сверху вниз, второе – наоборот»[147]. Но в таком случае они не обязательно альтернативны, так как, образно говоря, движутся навстречу друг другу. Соответственно распределена и ответственность, и власть – в одном случае они принадлежат правящей элите; в другом: чем здоровее гражданское общество, тем дифференцированнее в нем интересы, тем более проявлены усилия адекватно выразить их, и более силен надзор над их последовательным представлением той или иной элитой.

Изучение элитной трансформации, сопровождающей изменение политических режимов в субъектах РФ, выступает важной предпосылкой анализа динамики демократических переходов. Безусловно, характер и степень данной трансформации отнюдь не единственно значимые факторы. Они сами, в свою очередь, – результат социально-экономического (С. Липсет), социокультурного (Г. Алмонд и С. Верба) процессов и взаимодействий регионального, национального и международного факторов. Но именно элиты занимаются переходами. Их неудача означает, что одна форма авторитаризма переходит в другую. Такая преемственность базируется на подданнической политической культуре, псевдорыночной экономике и олицетворяется, по существу, закрытой элитой с жесткой иерархией и субординацией по правилам лидера. Таковы, например, элиты Башкортостана, Калмыкии, Татарстана с тяготеющими к ним элитами Воронежской, Кемеровской, Саратовской, Смоленской, Ульяновской и других областей.

Об удавшейся их демократизации путем системной трансформации или поставторитарного перехода можно будет судить тогда, когда демократия на местах консолидируется. В свою очередь, демократическая консолидация (в том числе и элит) наступает после завершения правящими группами и поддерживаемых их населением строительства легитимных демократических учреждений [148]. Иначе говоря, успех современных поставторитарных транзитов зависит в первую очередь от конституционного устройства правового и демократического государства, его бесперебойного функционирования. Что и составляет современный смысл понятия «порядок».

Предпосылки общественно признанного успеха транзита подразделяются на субъективные (связанные преимущественно с «первыми лицами»), процедурные и структурные. Вопрос в том, как ими эффективнее «распорядиться» с учетом того, что субъективный фактор в российской модернизации практически всегда доминировал. Преобладает он и сегодня. Не только в границах показательного «равного удаления» от национальной политики всех «необузданных» сил, но и в режиме «либеральной милитократии»[149], как примера для подражания региональными элитами.

Для ответа на поставленный вопрос вновь обратимся далее к двум (исходящим из одного корня) научным подходам. Они чаще других используются исследователями при изучении политических трансформаций режима в компаративном аспекте. Опять лишь вопрос в том, какие постоянные и какие переменные факторы выделяются в ходе этого сравнения и какие для этого есть основания.

Первый подход, обозначаемый как «структурный» (А. Мельвиль), связывает причины и следствия смены политического режима (элиты) с объективными предпосылками политических изменений. В качестве них могут выступать такие макропеременные как уровень социально-экономического развития (Н. Зубаревич), социокультурный фактор (А. Соловьев), этатистский потенциал элит и неэлит (А. Понеделков). Кроме того, исследователи отмечают, что сегодня уже не только стратегические интересы государства могут детерминировать важнейшие политические изменения, но и такие неформальные практики как сговор представителей «теневых сообществ» в правительстве (Р. Максудов и М. Флямер), «всепронизывающий клиентелизм» (М. Афанасьев) и т.д.

Однако оценки воздействия этих объективных причин обретают надежность (репрезентативность) лишь при анализе долгосрочных интересов. В то время как в краткосрочной перспективе они наталкиваются на вызовы со стороны реального политического развития субъектов РФ в виде тех же корпоративных интересов. А они «… есть именно интересы региональной элиты, которая закладывает программу собственной активности через идеологические вызовы и ответы»[150]. В результате аналитики не могут через призму этих «объективизмов» объяснить сходства и различия тех или иных политических режимов

даже при выделении таких явных характеристик, как наличие или отсутствие политической оппозиции и конкуренции. В силу этого на повестку дня текущих исследований нередко выходит идея «интуитивного понимания пространственно-временного калейдоскопа происходящих в России перемен», то есть, по существу, эклектика[151].

Второй подход – процедурный (А. Мельвиль) или «рационально-процедурный» (А. Соловьев) – собственно и есть транзитологическое направление исследований. Одним из первых его понимание предложил и закрепил М. Вебер в своей плебисцитарно-вождистской теории демократии. По его мнению, демократия представляет собой «средство» властвования, полностью обесценивающее понятия «народного суверенитета», общей «воли народа» и т.п. Для защиты своих интересов граждане должны передать свое право контроля за властью и аппаратом управления всенародно избранному лидеру. При таком независимом от бюрократии источнике легитимной власти люди и будут иметь возможность реализовать свои ожидания. Поэтому демократия, по Веберу, есть совокупность процедур и соглашений, «когда народ выбирает лидера, которому он доверяет»[152]. Минул век, но подобные взгляды при тех или иных модификациях продолжают оставаться актуальными и в России, и за рубежом.

Заметная часть отечественных исследователей, кто без существенных изменений, кто в переработанном виде, пытаются использовать подобный транзитологический подход в своем анализе постсоветского общества и его правящих групп[153]. В качестве основного спектра переменных здесь используются композиции акторов, их стратегий и характер взаимодействий в рамках элит – тот же вышеотмеченный вариант элит и контрэлит в модели Мунка – Лефф. Кроме того, понятие «транзит» предполагает, по нашему мнению, наличие ведущего субъекта, задающего цель движения и пользующегося доверием тех, кого он ведет в избранном и опять же социально одобряемом направлении.

Применительно к региональному сообществу это зиждется на наличии сильной власти, руководствующейся конкретной идеей, а также авторитетной команды, преследующей ясно поставленную и реалистическую цель, опирающейся на обоснованную программу действий и пользующейся широкой поддержкой элит и граждан. При этом важно, чтобы цели команды лидера соответствовали интересам общества, а программа – имеющимся возможностям. Тогда транзитологический подход действительно продуктивен с точки зрения ответов на вопрос: как и куда осуществляется процесс перехода.

Сразу следует отметить и контраргументы. Познавательная ценность транзитологии подрывается, во-первых, тем, что она не позволяет ответить на вопрос «почему» происходят или не происходят те или иные политические изменения. Отчего в очередной раз возникает классический русский вопрос: кто виноват? Во-вторых, «преимущество (и соблазн) этого перехода – в демократической перспективе развития трансформирующегося общества»[154]. Иначе го-

воря, все транзиты раньше или позже должны достичь демократии как финиш-цели политического развития. Хотя еще в конце 80-х гг. Г.О' Доннел и Ф. Шмиттер, определяя переход как смену определенного авторитарного правления на неопределенное «что-то иное», предупреждали, что его финалом может быть как демократия, так и новая форма авторитарного режима. О чем и свидетельствуют ныне многочисленные факты из политической жизни от Латинской Америки до стран пост-СССР. В силу этого нет никаких оснований полагать, что транзит к демократии в российских регионах будет всеобщим и неизбежным, если, конечно, не выдавать желаемое за действительное.

Примечательно и то, что практически такой же телеологической логике только с обратным эффектом подвержено и бытующее в рамках структурного подхода представление о том, что некоторые общества (включая отдельных субъектов РФ) «обречены» быть недемократическими в связи с «неправильными» социально-экономическими и/или социокультурными предпосылками (С. Хантингтон). Хотя этот тезис и перекрывается сторонниками процедурного подхода тем, что демократия выступает в качестве своеобразного «политического проекта», который реализуется в уже сложившихся условиях той или иной страны.

Степень же внутренней готовности к установлению демократического порядка рассматривается как сопутствующий фактор, способный либо ускорить, либо затормозить формирование соответствующего режима (Д. Линц, А. Пшеворский, Ф. Шмиттер и др.) Тем не менее, компромиссный вариант, ставящий потенциальные преимущества структурного и процедурного подходов на «службу» более гибкого и непредвзятого, более конструктивного, чем нормативное исследование российской действительности, остается насущной необходимостью.

Отечественные ученые плодотворно работают в этом «синтетическом» направлении. Так, А. Мельвиль, используя идею «воронки причинности» (Д. Кемпбелла), предложил учитывать позиции, сужающие факторный анализ с макро- до микрозначений. В частности, он выделил следующие семь уровней переменных, влияющих на становление демократии:

– внешняя международная среда (международная экономическая ситуация, межправительственные и неправительственные связи и отношения);

– государство – и нациеобразующие факторы (единая территория, единое государство, чувство национальной идентичности);

– общий социально-экономический уровень развития страны;

– социально-классовые процессы и условия (степень социальной дифференциации и развития общества, отношения между классами и социальными группами);

– социокультурные и ценностные факторы, культурно-политические ценности и ориентации, доминирующие в обществе;

– политические факторы и процессы (взаимодействия партий, общественно-политических движений, организованных групп, их политические стратегии и тактики);

– индивидуальные, личностные и политико-психологические факторы (конкретные решения и действия ключевых акторов). Если же суммировать отечественные специфические особенности, развивает мысль А. Мельвиль, их можно условно сгруппировать в две категории: первая относится к общему контексту и условиям, в которых сначала в СССР, а затем в России начинались и протекали реформы и преобразования; вторая – к внутренним особенностям самих этих процессов[155].

В. Гельман представляет альтернативный взгляд на трансформацию политического режима как на «процесс с открытым финалом». По крайней мере, считает он, если мы знаем «точку отсчета» – позднесоветский политический режим, то не имеем априорных знаний о «точке прибытия», и предлагает конфигуративную схему анализа. Ее центральная идея включает рассмотрение различных факторов возникновения новых режимов – от начала и до завершения перехода – и тестирование их на основе сравнения отдельных случаев.

Следуя этой схеме, историческая обусловленность структурного подхода замещается моделью «обусловленного пути», основанной на анализе как предпосылок, так и процесса транзита. Предпосылки перехода налагают ограничения вариаций процесса перехода как такового, но последствия транзита обусловлены констелляцией этих факторов[156]. В силу этого, применительно к субъектам РФ, мы, по крайней мере, узнаем, какие региональные особенности более способствовали возникновению в постсоветский период политической конкуренции в рамках формальных институтов, то есть переходу к демократии.

Следует отметить, что подобные концептуальные прорывы (согласуясь с зарубежной мыслью) представляют собой вполне самостоятельные исследовательские практики. Их отечественный объективизм не только подтверждает, что российский демократический транзит стоит особняком в отношении известных моделей переходов к демократии, но и своевременно проблематизирует своеобычность постсоветских транзитов в разных уголках России. Это дает широкие возможности для учета самых разнообразных условий и факторов, влияющих на становление демократических политических порядков в субъектах РФ.

Если же судить по сложившейся на сегодняшний день региональной практике, то можно сказать, что базовыми предпосылками успешности современных поставторитарных переходов являются:

– определенные духовноисторические традиции, позволяющие совместить социальное и культурное многообразие российских территорий с единством их политических сил, достижением органической целостности отечественной цивилизации, органической (И. Ильин) или творческой демократии;

– ускорение взаимоадаптации европейских демократических стандартов и особенностей региональной действительности, укрепление социальных основ демократии, прежде всего, в виде хозяйственной самостоятельности граждан, их политической независимости, крепости семейных уз и уважения к труду;

– достаточно высокий уровень экономического развития страны и соответствующий ему уровень благосостояния граждан, ликвидация бедности, наличие рыночных отношений и модернизированной экономики;

– последовательная реформация и демократизация, в основание которых заложены механизмы территориальной целостности и национальной идентичности, доверия политической системе и ответственности личности и власти перед обществом и государством;

– урбанизация, развитость массовых коммуникаций и регулирующих возможностей разных сетей, формирование среднего класса и действительного политического плюрализма;

– опыт (методологический аспект, демонстрационный эффект) и помощь уже воплотивших демократию зарубежных стран, разностороннее межрегиональное сотрудничество.

Учитывая противоречивую сущность перехода к демократии, сложность ее духовных, социальных основ и предварительных условий, И. Ильин пророчески предостерегал те политические силы и их лидеров, лозунгом которых является: «демократия – немедленно и во что бы то ни стало». Он считал, что страна, лишенная необходимых предпосылок для здоровой, творческой демократии, не должна вводить у себя этого режима до тех пор, пока эти основные условия не будут созданы. Большинство же современных авторов придерживаются другого мнения. Тот же А. Мельвиль убежден, что начинать строить демократию можно, не дожидаясь пока созреют подходящие и благоприятные условия, но предшествующие традиции и общий контекст, в котором осуществляется выбор, оказывают свое влияние на ход и результаты демократического транзита.

Однако практически все предпосылки, воздействующие на конституирование демократии в российских регионах, так или иначе, преломляются в ценаправленном характере волевых усилий субъекта выбора – элитарных слоев. Их пристрастия, по мнению Н. Федоркина, выступают фактором интеграции общества, особенно в «неустойчивых», «переходных» системах[157]. Наряду с онтологическими, гносеологическими, политическими и идеологическими аргументами в их пользу, это придает особую результативность «транзитологически-компаративному» методу исследования территориальных элит: *внимание к их специфике, предыстории и новизне опыта все усложняющегося перехода.*

На текущий момент региональные элиты добились известной автономии, установили в регионах собственный порядок и интегрировались с лидирующими экономическими группировками. Этим они заложили фундамент консоли-

дации нового правящего слоя, идентифицирующего себя с нормами и ценностями центризма, выступающего в качестве организованных меньшинств, сплотившихся вокруг глав исполнительной власти и играющих стратегическую роль в принятии решений на местном уровне"[158]. Это свидетельствует об образовании относительно единого внутриэлитного пространства, соотносимого с частично восстановленной политико-административной структурой регионов и страны.

Поскольку объединяющей его представителей социализации исторически быть не могло, то реальный облик внутригрупповой организации региональных элит часто базируется на плюрализме различных сил, субкультур конкурентно со-существующих в условиях (де)централизации государства и диверсификации общества. Но упорядочиваются они, прежде всего, интересами, которые реализует власть. Единство такой структуры – противоречивый симбиоз. Поэтому ученые, ставящие задачу изучения политического самоопределения элитных групп, продолжают опираться на критерии классической типологии: «правые – левые – центр», а исследователи, интересующиеся проблемой самоорганизации элит, уделяют в последнее время большее внимание функциональным критериям, что вполне уместно.

В условиях неадекватно трансформирующейся провинции единство внутриэлитной организации нередко достигается установлением жесткой функциональной зависимости, должностной соподчиненности в иерархии власти, получением представителями правящего слоя из финансовых и промышленных групп статуса депутатов местных легислатур, а также благодаря комплексу неформальных (клиентарных) связей и совпадающих интересов на личном уровне. Корпоративный интерес элит при этом часто оказывается выше внутренних специфик: «кто за кем стоит» и «кто чем значим». В силу этого, вместе с упрочением и удержанием своих властных позиций в обществе, региональные элиты больше стремятся к стабильному развитию ситуации и административно-правовому контролю над демократическими процессами.

Иными словами, необходимость снижения уровня неопределенности в регионах требует от элит умения взаимодействовать с гражданским, политическим и экономическим (рыночным) сообществами. Последние являются сферами, в которых консолидированная демократия получает поддержку и воплощение (Х. Линц и А. Степан). «Демократия – пишет А. Пшеворский, – это царство неопределенности; она не занимается предначертанием будущего. Конфликты ценностей и интересов присущи всем обществам. Демократия нужна именно потому, что мы не можем договориться…»[159]. Навыки переговоров, договоров (как мы уже отмечали) являются, таким образом, одним из наиболее существенных аспектов деятельности современных элит. Они предполагают способность понимать людей, мотивировать их и взаимодействовать с ними.

По сути, навыки договорных отношений являются следствием способности присоединиться к картине мира других организационных групп, установить контакт и направить эти группы к взаимоприемлемому осознанию и решению задач. Поскольку правящая элита должна достичь своего видения и выполнить свою миссию путем влияния на других людей, навыки договорных отношений вкупе с основными представлениями (обычно соотносимыми с реальной палитрой интересов), навыками стратегического мышления и системного функционирования составляют основу механизма спецификации, отражающего сущность регионального элитизма.

В данном случае под элитизмом понимается *создание и поддержание определенного качества ценностей и количества институтов, формирующих «политический класс», доступ к которым ограничен, что свидетельствует об известном социальном преимуществе элиты.*

Содержание регионального элитизма определяется, с одной стороны, институциональной спецификой феномена, а с другой – социокультурной природой его формирования и общественного функционирования. Вопрос о сущности регионального элитизма связан с выявлением его смысла, того, что оно есть само по себе, тех особенностей, которые характеризуют организационную сторону этого явления внутри и во внешнем обеспечении.

Основная системообразующая характеристика региональной элиты может быть понята через разнообразие актов ценностно-ориентированной политической деятельности субъекта, реализующего себя в сфере публичных общественных отношений посредством конкуренции за политическое доминирование. М. Вебер раскрыл суть политической деятельности следующим образом: «… кто занимается политикой, тот стремится к власти»[160]. Политическая власть, способ ее достижения и использования, главным образом, и раскрывает сущность регионального элитизма. При той особенности, что взошедшие на вершину социальной пирамиды люди «… отличаются не тем, что обладают лучшими нравственными или творческими качествами, а тем, что обладают наибольшей властью в обществе»[161].

Главная цель региональных политических элит – это возможность и способность влиять на других в направлении достижения определенной цели. Этим они в корне отличаются от политических клик, понимаемых нами, как неформальные обьединения государственных или политических деятелей, ставящих своей целью захват государственной власти (установление тотального контроля над ней) путем использования нелегальных и криминальных средств.

В контексте современных задач государственного строительства мезоэлитизм – это, прежде всего, *влияние на людей с целью объединения их в общность, мотивированную в своем развитии общенациональными интересами.* Опять же с той лишь особенностью, что региональные элиты – это *становящийся* элемент развивающейся общественной системы, способный одновре-

менно влиять на нее и быть объектом ее воздействия. Еще в 1884 г. Г. Моска сформулировал проблему исследования содержания «политического класса» так: «В любое время и в любом месте все то, что в управлении является предписывающейся частью, осуществлением власти и содержит в себе команду и ответственность, есть всегда компетенция особого класса, элементы которого могут действительно варьироваться самым различным образом в зависимости от специфики века и страны…»[162] (чем одновременно указал и на необходимость соблюдения принципа концептуальности).

Современная региональная элита – это полиструктурный феномен, формы существования каждого из сегментов которого могут существенно отличаться как внутри одной территории, так и от региона к центру. По своему содержанию он представляет проблемное поле или особое внутриэлитное пространство. Ныне, в результате парламентских выборов 1999 и 2003 гг., территориальных трансформаций этого периода, региональная правящая элита – это преимущественно административно-политическое образование, состав и содержание которого определяются взаимодействием следующих основных элементов:

1. Субъект управления и лидерства (национальное, окружное, региональное, местное руководство).

2. Объект управления и лидерства (с одной стороны, социальная общность, состоящая из территориальных единиц, с другой – структура политической власти).

3. Цель управления и лидерства (утверждение России посредством модернизации в постиндустриальную державу).

4. Региональные элиты как субъект влияния (их ценности, поведение, формы и методы осуществления власти в границах региональных режимов).

5. Региональные элиты как объект влияния (со стороны федерального центра).

6. Субъектно-объектные отношения (доминирование, влияние, подчинение, следование, в частности, региональных элит цели управления и лидерства).

7. Контекст субъектно-объектных отношений (как, в конечном счете, условия осуществления руководства регионами и достижения желаемого общенационального результата).

В зависимости от типичности или своеобычности конфигураций отмеченных элементов складываются те или иные структуры региональных политических элит и лидеров. Включение последних в содержание регионального элитизма обусловлено тем, что лидер часто наиболее эффективный инструмент достижения целей элитной группы. Совместными усилиями ему создается «беспроигрышный» имидж, публичный стиль видения и ведения стратегических направлений политики. Фактически все региональные лидеры – ставленники тех или иных элитных групп.

Региональный элитизм – феномен исторически подвижный (принцип историзма и эволюционизма), соизменяющийся с развитием общества и динамикой самоусовершенствования (принцип системности). Опираясь на данные принципы, следует различать типы элит в зависимости от того, в какой качественно своеобразный период истории они действуют и как трансформируются в лице конкретных социальных групп, составляющих элиту.

Их системообразующие критерии в виде политических ориентаций (Б. Макаренко, Р. Туровский), групп интересов (М. Афанасьев, А. Дука, И. Куколев) или специализированных аспектов политической деятельности, средств достижения и осуществления власти (В. Гельман, М. Казаков, А. Кузьмин) и др. должны отвечать сегодня жестким требованиям. Они обязаны учитывать и отражать наиболее принципиальные, существенные стороны региональной политико-административной структуры, фиксировать и объяснять наиболее долговременные тенденции динамики территориальных элит. Например, демократизации, корпоративизации и т.д.

Так, в контексте демократизации политического процесса различаются региональные элиты – инициаторы становления новых социально-экономических (и политических) институтов (И. Дискин) и элиты, имитирующие данный процесс в территориальных общностях. В частности, И. Дискин рассматривал поведение элит в качестве показателя происходящих процессов, инструмента для понимания текущих кризисов и предупреждения будущих катаклизмов[163]. В таком же ключе для обозначения корпоративизации региональных элитных структур, созданных на основе групп частных интересов, И. Куколевым был введен термин «политико-финансовые группировки».

Ныне, когда существование региональных элит в стране не подлежит сомнению и становится ясным их воздействие на общество, проблема демократии и роли элит в ее развитии продолжает оставаться не менее актуальной. Демократия, если рассматривать ее через призму данной проблемы, *есть форма контроля над элитами.* В свою очередь, под влиянием контроля вызревает их здоровый, развитый институт, который предполагает жизнедеятельность элит различного масштаба. Сотрудничество, деловая конкуренция и соперничество между ними – свидетельство развития определенного уровня гражданского общества, сети многообразных частных интересов, контролируемости ситуации в стране. Ее стабильность достигается не только через государственное строительство, но и «общественное единство» (С. Франк), через исполнение элитами таких функций:

– разработка и реализация экономических, политических и социальных программ реформ;

– создание нравственных ориентиров и цивилизационных перспектив общества;

– формирование общественного мнения, где образ элиты является индикатором стабильности политической жизни территорий, государства в целом.

В этом отношении серьезный урон демократизации страны был нанесен, на наш взгляд, образованием и существованием, по сути, закрытых «губернаторских коалиций», описываемых концептуальной моделью альянса «новых» экономических и политических «русских», успешно работающей в середине последнего десятилетия прошлого века. Не остались незамеченными отечественными исследователями и изменения с конца 90-х годов в ориентациях и роли экономических групп в структуре региональных политических элит. Во-первых, территориальный экономический сектор был вынужден ориентироваться на монополистов, фактически поделивших общефедеральный рынок. Во-вторых, владея крупным пакетом акций ФПГ, региональные власти стали использовать «подведомственную» экономическую структуру для укрепления собственных позиций. В силу этого та «субсидирует, организует, выкручивает руки кому надо, однако это уже роль второго плана»[164].

Но ни экономически-интегрированные образования, ни союзы директората с легислатурами и органами местного самоуправления, усиливающие корпоративизацию регионального политического процесса, не обладали на рубеже веков той мощью влияния, какой располагала правящая элита. Как самостоятельная структурная «единица» она и по сей день является не столько слепком губернаторской или полпредовской коалиции, сколько олицетворением клановых интересов взаимосвязанной бюрократии. Транзитологический подход для «распутывания клубка» взаимоотношений этого конгломерата тем продуктивен, что позволяет выйти на уровень ценностной и структурной интеграции феномена в целом, обнаружить взаимовлияние его исторических и современных черт, свойств, трансформаций.

Региональная политическая элита как продукт сложных социальных изменений выступает сегодня носителем местной управленческой традиции, гарантом преемственности властных отношений и одновременно отражает объективную потребность территориальных обществ, их правящих структур *в сознательной саморегуляции и саморазвитии*. Более развернуто данная потребность детерминируется отношениями: поселения – региональная власть – федеральная власть и регламентируется Конституцией.

Наша история неоднократно показывала, что реформы, которые шли «сверху», рано или поздно «выдыхались». Поэтому создание условий для повышения самостоятельности, инициативы и ответственности людей на местах – залог сохранения энергии перемен. Федерализм в России – это способ существования демократии[165]. Тем более, что федерализм есть все-таки результат волеизъявления граждан, а не компромисс, достигнутый в торге между федеральной и региональными властями[166].

В концептуальном плане – необходимость постоянно поддерживать свою легитимность, «фабрично воспроизводиться» (Э. Дюргейм) и целерационально функционировать в относительно стабильной политико-территориальной, социально-экономической среде делают демократию и рынок важными условиями цивилизованного существования региональных элит. Вполне возможно, что и демократия, и рынок одновременно являются специфическими ценностными ориентациями правящих групп в ходе их долгосрочного транзита.

Однако не менее уникальным свойством современного российского истеблишмента является наследование от номенклатуры стремления к безраздельному господству и повсеместному контролю, что позволяет ученым именно в этом смысле называть нынешнюю элиту «новой номенклатурой». В одном из исследований, посвященном психологии региональной элиты, отмечается, что для этой функциональной группы «клановые интересы играют неизмеримо большую роль, чем идеологические и мировоззренческие моменты». Они состоят во «всесилии» бюрократического аппарата, «ставке на принуждении и осуществлении власти», что порождает «культ незыблемости и социально-политической прочности правящего клана …культ личной власти, возвышение лидера над правовым пространством и подчинение информационного поля»[167].

В общероссийском масштабе, по мнению Ю. Афанасьева, мы получили «номенклатурный капитализм», при котором *чиновник стал главным предпринимателем*, конкурирующим с другими с помощью рычагов власти, *и он же сделался главным политиком,* добивающимся политического влияния с применением тех же государственных рычагов управления. В «классическом», модельном виде этот феномен воплотился в Москве, но само явление утверждается практически повсеместно[168].

В таком ключе сплоченность центральных и территориальных элит России оказывается не столько реальным политическим фактом, сколько фантомом сознания правящего меньшинства. В свою очередь, перманентные сколачивания и перегруппировки избирательных блоков демонстрируют не партийно-политическое строительство и противоборство, характерные для структурированных обществ, а сбор под предвыборные знамена путем взаимного компромисса корпоративных сил страны. Среди них региональные элиты «больше похожи на акционерные компании пайщиков, имеющие пока что в качестве активов корпоративные наделы в виде городов и губерний» (Ю. Афанасьев) и желающие во что бы то ни стало сохранить и приумножить контрольный пакет акций. Отсюда острейшая борьба за укрепление и повышение своего статуса, но уже в рамках закрытой правящей корпорации нелиберального типа.

Разумеется, такой вывод всего лишь один из аспектов бурной интеллектуальной полемики последних лет. Однако в его распространении в одинаковой мере «повинны» и элиты, и общество. Как известно, в сравнительной ретроспективе различают две модели элитной трансформации: а) долгосрочная –

«конвергенция элит», складывающаяся под влиянием протекающего десятилетиями, а иногда и веками «процесса накопления», ведущего к созданию основанного на согласии союза элит; 2) краткосрочная – «сообщество элит», когда элиты, после непримиримой конфронтации, внезапно и осознанно реорганизуют свои интересы, договариваясь о компромиссах по важнейшим пунктам разногласия[169].

Отечественные и региональные элиты пошли по второму пути и перегрузили себя заботами о самообеспечении (период олигархизации) и самосохранении настолько, что не просто удалились от общества, но и вступили в негласное противодействие с ним. В свою очередь, население территорий не только терпит такую власть, но и является соучастником в творении «номенклатурного капитализма», а вместе с ним и своей участи. Поэтому при всей неоднозначности оценок процессов государственного строительства именно социально-политическое качество государства становится мерой того, какими общество и его политические элиты вступили в новое тысячелетие.

На настоящем этапе государственного строительства региональные элиты призваны решать ряд первостепенных задач. Среди них: 1) повсеместно укреплять политическую стабильность, методично трансформируя ее в социальную; 2) поддерживать устойчивость развития рыночной экономики, выступать субъектами создания и развития соответствующей инфраструктуры, укрепляя социально-экономическую базу своего существования; 3) не допускать превращения проблем ЖКХ (социальной сферы в целом) в политический вопрос. «Такая роль элит проявляется в осуществлении реформ, а именно: в способствовании институционализации изменений, законодательном и ином закреплении в жизнедеятельности общества новых социальных форм»[170].

Федеративная реформа, инициированная Президентом РФ В. Путиным и проходящая сейчас в стране, – также одна из насущных задач региональных элит. От того, насколько успешно будут реализованы изменения в данной сфере, насколько эффективны будут новые структуры в деле управления территориями, взаимодействия между федеральными и региональными уровнями власти, в значительной степени будет зависеть дальнейшее экономическое и политическое развитие «провинциальной» России на среднесрочную перспективу.

Эти и другие задачи территориальные элиты в состоянии выполнить лишь при условии осознания общественных интересов и своего социального предназначения. Пока подобная мотивация прослеживается слабо. В принципиальных действиях региональных элит, к примеру, таких как деприватизация собственности в субъектах РФ, можно усмотреть все, что угодно, – вплоть до привычных корыстных намерений влиятельных группировок и их стремления подвести финансовые основы под партийное строительство для обеспечения победы своего клана на следующих выборах.

В известной степени учет общественных интересов предполагает увеличение функционально-ролевых нагрузок на правящие группы. В число мер, преследующих общий мотив, совпадающий с правами и интересами граждан, включаются:

– формирование и презентация групповых интересов различных слоев населения провинции;

– продуцирование правящими группами политических ценностей, способных превратить региональное сообщество в активного участника процессов в сфере власти (и не только выборов);

– формирование разнообразных мифологем и социальных проектов, необходимых для мобилизации граждан и использования их энергии для решения насущных общественных задач;

– контроль за реализацией этих задач, перманентное принятие новых важных решений, закрепляющих общий государственный интерес в управлении регионами;

– организация взаимодействия между регионами и федеральным режимом, способность «добиваться» его поддержки; организация равновесия между приоритетом «местных» интересов и задачами федерального центра при достижении совместных целей;

– выработка адекватной линии (стратегии) политического поведения внутри региона и во взаимоотношении с федеральным режимом, обеспечивающей устойчивое развитие территориальной общности и государства в целом.

Эффективность осуществления региональной политической элитой ее основных задач и функций обеспечивается обладанием всеми необходимыми в российском обществе способами управления и власти. «Единство государственной власти следует понимать, – считает И. Ильин, – не в смысле единства «органа» или нераспределяемости функции и компетенции, но в смысле единого организованного воленаправления, выражающегося в единстве обретаемого и осуществляемого права»[171]. Тогда оно обеспечит требуемый уровень легитимности власти, поддержку ее общественным мнением.

Вместе с тем реальное включение правящих на местах групп в процесс перехода к современному цивилизованному типу власти возможно только при наличии четкого разделения собственности и власти как главного условия снятия имеющихся бюрократических барьеров на пути обновления их составов, предотвращения стагнации вследствие олигархизации и реноменклатуризации (Я. Василевский) элиты, использования ею населения, его общественных организаций в качестве инструмента в борьбе со своими оппонентами.

Гражданское общество тем самым низводилось до средства решения внутриэлитных конфликтов. Это, в частности, является одним из источников олигархизации элит, делать выводы об «окончательной стадии» которой, как указывают отдельные эксперты (Ю. Голубчиков, А. Зудин, А. Сюткина и др.),

еще преждевременно. И именно потому, что в стране еще нет нормально функционирующей *структуры власти*, той системы распределения (разделения) властных полномочий между ее ветвями, которая координирует интересы различных слоев общества по всей вертикали.

Вполне закономерно, что в отсутствие или затянувшегося формирования такой структуры преобладающей формой политической борьбы в регионах России стала преимущественно межэлитная конфронтация. В такой системе институциональные и правовые предпосылки декодированы, господствует принудительное и контролируемое правящей элитой согласие. В то же время можно сделать промежуточный вывод, что даже в условиях, когда национальная политика представляет форму достижения целей, максимально учитывающих все групповые интересы, политическая борьба, соперничество и конкуренция остаются в современных условиях сущностной характеристикой взаимодействия политических акторов.

Взаимная конкуренция элит и их зависимость от поддержки своих избирателей и сторонников препятствуют, по мнению Р. Даля, олигархизации руководящих группировок, их сращиванию в единый господствующий класс. Такую плюралистическую политическую систему известный американский политолог назвал «полиархией». С точки зрения Р. Даля, «полиархия» – это соответствующая сложному дифференцированному обществу современная политическая форма государства-нации, которая наследует демократические идеалы, но концептуально отлична как от «элитистских», так и от «коллективистских» теорий демократии. Как тип политического режима полиархия определяется совмещением двух важнейших характеристик: относительно высокой терпимостью к оппозиции и относительно широкими возможностями населения участвовать во влиянии на правительство и даже смещать легальным путем официальных лиц[172].

Но без устоявшейся *структуры политической элиты* и конкурентной среды их соперничество ведет к постепенному отрыву элиты от общества, превращению ее в узкую привилегированную касту, что и произошло в нашей стране в советские и отчасти в 90-е годы. Для понимания механизмов государственного строительства и модернизации его участников уже недостаточно использования категорий «правящей элиты» и «контрэлиты». Сама жизнь указывает на присутствие даже в этих основных группах различных по степени влияния на власть, последователей и массы, месту и роли в принятии решений – политических, административных, интеллектуальных и иных сегментов.

В середине 90-х годов О. Крыштановская отмечала: «Новая российская элита напоминает трехслойный пирог: сверху – политики, разделенные на борющиеся за власть группировки; далее – предприниматели, финансирующие избирательные кампании, лоббистские структуры, газеты, телевидение; внизу – маленькие армии, “газетные силовые структуры”, исполняющие не только

функции обеспечения безопасности, но и функции немого давления силы»[173]. В конце 90-х А. Чернышов указывал: «В провинции… завершается формирование… социальных сообществ мобилизационного, авторитарного характера. Усиление авторитарности в регионах – это еще большая политическая консолидация номенклатуры, наведение в ее рядах почти военного порядка»[174]. По мнению исследователя, структура региональной политической элиты складывается из групп «поддержки», « участия» и «обеспечения».

В свое время В. Весоловский[175], затем В. Милановски и ряд других польских политологов[176] предложили рассматривать структуру элитных кругов в зависимости от выполнения их внутриэлитными группировками своеобразных функций в сфере политического управления обществом. Расширим и дополним этот подход. Так, прежде всего, следует учитывать особое место «селектората», включающего в себя тех лиц, которые потенциально готовы к выполнению профессиональных функций в политической сфере. В «селекторат» входят и те, кто оказывает влияние на выдвижение представителей населения, и те, кто сами готовятся к исполнению специализированных ролей. Своим «селекторатом», таким образом, располагают и правящие, и оппозиционные элиты, соответствующие как центральным, так и территориальным уровням организации государственной власти.

Объединяя широкий круг политических профессионалов и активистов, селекторат включает в себя три по-своему специфичных структурных образования: «потенциальные элиты», «самодеятельные» или «косвенные» – «элиты в политике». Первые представляют собой разрозненные элитные фракции, еще только стремящиеся к власти и поэтому проясняющие свои идеологические приоритеты и властные ниши, формируясь в границах «команд» отдельных лидеров.

Выборы как механизм выражения голосованием предпочтений граждан и рекрутирования правителей дополнительно дифференцируют политическую элиту, ее селекторат на победителей – правящую элиту и проигравших – «самодеятельные элиты». Представители последних, оставаясь в поле публичной политики после неудач на выборном поприще (чего не скажешь об отдельных участниках парламентской баталии 2003 г.), располагают лишь косвенной возможностью влиять на принимаемые в государстве политические решения. Наиболее авторитетные из них находят себе место в администрациях тех или иных исполнительных органов государственной власти, предприятий и учреждений государственного и частного сектора экономики или пополняют ряды руководителей «активной общественности» (Р. Дарендорф).

В свою очередь, именно в «самодеятельных элитах» формируются две основные, противоположные по своему политическому предназначению элитные группы: оппозиция, резервный «проправительственный» или «пропрезидентский» блок сторонников. Это важно еще и потому, что в своих стремлениях ук-

репить собственные позиции во власти и оппозиция, и коалиция сторонников (не осевшая по тем или иным кремлям) есть неотъемлемые части политического сообщества, которые уравновешивают функционирование друг друга. А «нормальная», упорядоченная ситуация (согласно Ж. Блонделя) как раз и «порождает» тот «тип лидера-менеджера» (организатора социального взаимодействия), что мы наблюдаем в политике Президента В.Путина.

Близким к «самодеятельным элитам» и вместе с тем весьма своеобразным структурным элементом политической элиты являются «элиты в политике». Они состоят из выдающихся представителей технической и гуманитарной, научной и творческой интеллигенции, руководителей гражданских структур и организаций, образующих ядро «элиты интеллектуалов». За счет своего авторитета они содействуют укреплению позиций как правящих, так и самодеятельных элит. Видные писатели, ученые, спортсмены и артисты, они менее избираемы, но по-разному продуктивны в политике, в частности, на выборах, в плане поддержки как проводимого правительством курса, так и призывов к выражению протеста или доверия политическим лидерам.

Однако самой мощной и дифференцированной группой в структуре политической элиты выступает «правящая политическая элита». Она непосредственно осуществляет функции управления и руководства государством (территориальными общностями) на основе легитимности правления в условиях демократии или на этапе перехода к ней. С момента обретения (на выборах) любой из потенциальных элит статуса «правящей» обнаруживается глубокая противоречивость этого конструкта. С одной стороны, это единый властный организм или «единая властная элита» (Р. Миллс), с другой – в силу сложности и многогранности процесса «управления – руководства» он разделяется на ряд функциональных составляющих.

В «правящую политическую элиту» входит и одновременно «выходит за ее пределы» «связанная группа» (В. Весоловский). Она представляет собой неформальное, надстроечное объединение политиков «господствующего класса», действующих в рамках теневого правления. Она нередко координирует «за спиной» официальных органов власти очередность и характер тех решений, которые впоследствии могут оформляться коллективными органами страны (правительством или парламентом). Ядро этой группы чаще всего составляют как «экс», так и действующие обладатели высших властных полномочий в государстве, включая избранных из ближайшего их окружения лиц, располагающих формальным или неформальным статусом в реальной системе власти. (Российская «семья» в лице отдельных персоналий, еще сохранивших за собой ответственные посты в структуре власти при смене политического режима, – некое подобие «связанной группы».)

На следующем, «нижнем», этаже правящей политической элиты располагается т.н. «группа вето» (А. Соловьев) или целевая лидерская группа. Обычно

она состоит из официальных руководителей экономических, политических, силовых и иных институтов и служб правительственной власти как страны, так и региона. Каждый из них, выполняя предписанные ему (его ведомству) задачи и функции, составляет «костяк» руководства конкретной административной единицы. Оно обеспечивает (тут точки зрения исследователей расходятся) в силу «обладания механизмами власти» (Н. Изергина) или за счет «своего контроля за капиталом» (Ш. Линдблом), или собственного политического капитала (П. Бурдье) организацию процесса правления. В нынешней России при осуществлении государственной власти задействованы все три позиции.

Формируется «группа вето» при главе государства (региона), который чаще всего располагает правом запрета, налагаемым на решения других государственных органов. В демократических государствах право вето обычно предоставляется его главе – президенту – в отношении законов, принятых парламентом. Избираемые в него политики образуют поэтому следующий круг правящей политической элиты, как бы они ни относились к проводимому курсу. Здесь могут взаимодействовать несколько по-разному связанные и оппонирующие друг другу группировки (например думские фракции), непосредственно зависящие от поддержки своих избирателей и сторонников в исполнительной власти.

Среди механизмов и методов осуществления политической власти «народными избранниками» автор выделяет: 1) идеологическое воздействие и убеждение; 2) информационное воздействие и моральное стимулирование; 3) законотворческое воздействие и инициативу. Что касается российской Государственной думы, то «заставить уважать себя» она с самого начала пыталась двумя путями. Это подготовка к следующим президентским выборам, в которой особую активность проявляли и продолжают проявлять лидеры думских фракций, и непосредственное собирание депутатских сил. Таким образом, в рамках Конституции 1993 г. депутаты Госдумы РФ были сразу же поставлены перед выбором – либо играть в одну игру с Президентом, либо фрондировать в расчете на усиление своего статуса[177].

Другой социально-профессиональной группой, потенциально способной в условиях федеративного государства на противопоставление и даже конфликт с руководством страны, являются региональные элиты. Их интересы всегда двойственны. Разброс последних – от лояльности центру и соответствующего вхождения в состав правящей элиты до разнообразного участия в оппозиции. Не менее противоречивы и главные функции. С одной стороны, региональные элиты выражают и отстаивают интересы территориальных общностей. С другой – свои собственные как высокостатусной группы, обладающей и часто не желающей «делиться» с кем-либо политической властью. В силу этого региональные элиты – структурный элемент как потенциальных, так и правящих элитных групп.

Так как ответственность за состояние конкретного региона, функционирование аппарата исполнительной власти вплоть до низовой поселковой администрации лежит на губернаторах, именно они – основной источник транзитов или застоя в региональной политике (относительно России последних лет). В свою очередь, влияние, которое губернаторы оказывают на дела подведомственных территорий, во многом зависит от объема полномочий, от того, как и насколько централизованным является подчиненный им административный корпус. В нем, кроме прочего, как и в законодательных собраниях (ассамблеях), местном самоуправлении формируются кадры региональных элит. А это – «злокачественная» проблема отечественной власти. От ее решения не в малой степени зависит характер дальнейшей элитной трансформации в стране, осуществимость собственного демократического перехода региональных элит к цивилизационному типу власти.

Вопрос в том, насколько адекватно нынешнее региональное руководство осознает опасность кадровой проблемы на стыке потребностей модернизации и строительства сильного государства. «Состояние перманентного конфликта» как «специфического свойства новой российской политической системы» (Н. Зубаревич), «олигархизация элит» (А. Дука), «корпоративизм власти» (С. Перегудов), коррупция как связующий и «вытекающий из самой их сути элемент» (А. Соловьев), крупномасштабные ошибки при проведении преобразований как со стороны центральных, так и местных властей – все это следствия отсутствия должной кадровой политики в стране. В результате – сужение зоны модернизации, логика преодоления которой «подталкивает» правящую элиту во главе с Президентом страны к наблюдаемым сегодня действиям:

– продолжающейся деавтономизации и «технизации» ключевых политических институтов и игроков, установление над ними контроля из центра;

– укрепление новой иерархии взаимоотношений, предусматривающей приоритет высших ранговых позиций за федеральной административной элитой;

– перегруппировка политической базы эпицентра реформ (президентской вертикали) в элитах, бюрократии, обществе настолько, насколько она сможет «вписаться» в политическую систему, закрепляющую новую роль государства.

Формы и меры эти носят опять-таки вынужденный, но сознательный характер и малосозвучны классическим моделям перехода. В цивилизованном мире, как известно, реально правит не единая элита, а несколько конкурирующих друг с другом элитных групп. Общество должно заботиться о проблемах воспроизводства (через систему отбора, специального образования и ориентированной профессиональной подготовки) элиты современности: элиты политиков, элиты предпринимателей и элиты интеллектуалов.

В нынешней России почти все зависит от Президента, а в повсеместном «фаворе» у правящих кругов – *лояльная* бизнес-элита. Ее деятельность (вне по

литики) Й. Шумпетер считал основой развития, а функцию предпринимателей видел в том, чтобы «реформировать или революционизировать производство, используя новые технологические решения для выпуска новых товаров или производства старых товаров новым способом»[178]. Одной из особенностей отечественного бизнеса является то, что его конституирование шло одновременно с формированием новой политической элиты в центре и на местах. В последующем изложении мы более подробно рассмотрим метаморфозы влияния российского бизнеса на становление региональной политической элиты.

Особой кооперацией наемных, профессиональных исполнителей, практически всегда «соучаствующей» в акциях правящей элиты, является бюрократия. Ее роль как искаженной формы административного аппарата, обособленной от населения, в современной политической жизни довольно специфична. Она возрастает там, где энергетика менеджеров или «рациональных администраторов» (М. Вебер) не находит себе простора для удовлетворения. В силу своей сплоченности и мобилизованности бюрократия внутри структуры правящих групп может оказаться еще более опасной для их общих интересов, чем, к примеру, их конфликты с региональными элитами.

Как правило, но не всегда, положение чиновников более стабильно, чем членов правящей политической элиты. Последняя, хотя и формирует административный аппарат под себя, значительную часть бюрократии получает по "наследству" и сразу же начинает с ней свою деятельность. Без немедленного запуска этого административно-бюрократического механизма, функционирующего в режиме единства целей (элит – администраций – бюрократий), политическая воля правящей группы может остаться благим намерением. Однако без надлежащего контроля за чиновниками нет гарантий от того, что организованная «сверху – вниз» и иерархически сильная бюрократия не «проинтерпретирует» волю правящей элиты в собственных интересах – сохранения и расширения своего статуса на том или ином уровне государства.

В подобных случаях бюрократия выступает относительно самостоятельной, закрытой элитной группой с особыми устремлениями к монополизации государственных ресурсов. Реализовать их она может посредством отдельных лиц, заинтересованных групп и лоббистских структур, постоянно занимающихся ведением общенациональных, региональных и иных дел. Но даже это не предотвращает появление в чиновничьей среде конкурирующих и конфликтующих фракций. Как и сама правящая политическая элита, бюрократия далека от того, чтобы быть однородной группой, поскольку интересы ее представителей, находящихся на разных уровнях власти, далеко не одинаковы.

Такая ситуация позволяет и элитологам, и исследователям бюрократии говорить об определенным образом «стратифицированном» делении изучаемых явлений. Для политической элиты и обслуживающей ее бюрократии общим признаком является в этом смысле не столько предполагаемый доступ к власти

(организации управления кем-либо), сколько объем полномочий и соответствующих ресурсов при реализации собственных интересов в тех или иных процессах.

Корпоративный характер государственной власти являлся предметом острой дискуссии в течение всех последних лет – диапазон точек зрения простирался от безоговорочного принятия корпоративизма как модели, наиболее адекватно описывающей нынешнее состояние российского общества (С. Перегудов), до абсолютного отрицания корпоративных форм как несоответствующих нынешнему – олигархическому – типу согласования интересов (А. Зудин)[179]. В региональной среде спор усиливало наличие обширного поля «совместного ведения» тех проблем и вопросов, которые центр и регионы должны решать объединенными усилиями (С. Шахрай).

Для анализа постсоветской политической действительности с учетом того, что в системе власти внутри страны знаковым контекстом для взаимодействия элит остается историческая концентрация полномочий в руках тех или иных лидеров, а становление «консенсусно-единой» элиты идет через этап функционирования «фрагментированной» структуры понимание корпоративизма как формы, совместимой с демократическими приметами – регулярными выборами и конкуренцией, – сверхактуально. Но при определяющем значении демократического подхода[180], где сама демократия, согласно Дж. Сартори, есть селективная полиархия по основанию достоинств[181], а взаимодействию элит свойственен публичный, соревновательно-коалиционный характер взаимоотношений.

Согласно нашей концептуальной логики, путь к такому взаимодействию элит в регионах формируется как совокупность становящихся институтов, работающих на выходе из политической системы. Роль элиты как становящегося института характеризуется ее внутренней самоорганизацией, пролегающей через преодоление разъединенной, конкурентной структуры и последовательным осуществлением внешней институализирующей функции, обеспечивающей организационную оформленность социальной и политической интеракции.

Для наличной фрагментированной структуры территориальных элит еще характерна жесткая борьба, укоренившееся в сознании бюрократии стремление нарушать соглашения и избавляться от оппонента, а вовсе не способность находить компромиссы и достигать консенсуса. Как долго может продлиться начавшийся с приходом В. Путина этап «расчиновничанья» и консолидации российской политической элиты, прогнозировать трудно. Понятно другое: элитная структура на местах еще довольно продолжительное время будет сохранять диффузный, разъединенный характер, что подтверждается ныне камуфлированной, но от этого не менее *конфликтной практикой между уровнями власти.* Но даже там, где ее фактически нет, еще не ясно, рождаются ли «внутри» вла-

сти консенсусная элитная структура или это тактическая пауза, обусловленная перегруппировкой элит перед очередной схваткой за власть.

Реальные характеристики элитных структур довольно заметно отличаются от идеальнотипических особенно там, где смены элит практически не произошло, и прежняя номенклатура de facto осталась у власти, лишь «перекрасив свой фасад с партократического на псевдодемократический»[182]. Преимущественно это республики. Обусловлены эти отличия не только тем, что в них у власти пока еще остаются лидеры «советской закалки», сознательно запутывающие современный контекст, но и потому, что в самих сообществах сильно влияние традиций, объективных общественных условий. Они позволяют лидерам действовать так, как им выгодно, и не способствовать воспроизводству «плеяды» профессиональных и демократически ориентированных элит, свободно и открыто соревнующихся между собой за общественную востребованность.

Утверждение на столичном уровне своеобычно единой элиты и преобладание в регионах разъединенной элитной структуры позволяет констатировать: Россия в своем демократическом транзите явно задержалась на «промежуточно-диффузном» типе элит, свойственном «полудемократиям» Юго-Восточной Азии и частично периоду нэпа в нашей стране. Данный тип характеризуется, «с одной стороны, ценностным консенсусом и взаимодействием между фракциями элиты по отношению к существующим политическим институтам, обеспечивающим протекание политических конфликтов по принципу "игры с позитивной суммой", а с другой – присутствием доминирующей фракции, чья идеология определяет характер официального политического курса»[183]. Но в главном это еще не целостный институт в плане смыслообразующей деятельности, формирующей социально-политическую идентичность включенных в нее индивидов и обьединяющей как их, так и сообщества людей в общем поле социально-исторического действия.

Однако политическая жизнь всегда богаче любой типологии или схемы. В условиях государственного строительства и продолжающейся регионализации территориальные элиты меняют свое значение. Складывающийся структурно-функциональный механизм их трансформации еще долго и специфично будет влиять на ход реформации российского общества. Уже в силу того, что в социально-политической реальности субъектов РФ имеют место разные группы элит, различающиеся положением в структуре власти, объемом ресурсов, интересами, имиджами и, как следствие, играющие неодинаковую роль в процессах «регионособирания» и их развития.

Наличие разных элит и специфики выполняемых каждой из них функций призвано свести к минимуму возможность просчетов и ошибок при принятии решений общенационального масштаба. Но такое положение лишь усиливает обязательность для территориальных общностей раздельного формирования и функционирования ветвей власти, воспроизводства правящих групп, близких

по своим качествам и навыкам к трем видам элит современности: элите политиков, элите предпринимателей и элите интеллектуалов, создания их устойчивых структур и механизмов защиты от образования в них авторитарных тенденций.

Таким образом, результат государственного строительства напрямую зависит от компетентных и социально привлекательных элитных групп, в своем становлении и переходе к демократическим формам развития годных к повсеместному и эффективному выполнению возлагаемых на них прав и обязанностей. Данная потребность реализуется в процессах политического сомоопределения, самоорганизации и интеракции региональных элит.

2.2. Политическое самоопределение региональных элит

Политическое самоопределение (политическая самоориентация, политическая самоидентификация) субъекта – личности, группы, страты – рассматривается нами в контексте понятия «политической культуры» или более широкого – «социокультурной среды» как процесс выявления собственной воли субъекта относительно государственного и политического устройства.

Следует отметить, что элиты как олицетворение политической воли всегда вызывали повышенный интерес исследователей, занимающихся изучением политической истории и культуры. «История народа принадлежит царю», – писал Н.М. Карамзин. Применительно к индустриальным обществам различие между массовой и элитарной культурами оказалось серьезной альтернативой марксистскому подходу, поддержанной представителями бихевиористского, структурно-функционального, а позже и транзитологического направлений.

Классический элитистский тезис – «История политики – это история элит» (К. Превит) – находит свое отражение и в анализе современной культуры России. В ней политическое самоопределение региональных элит входит в состав различных субкультурных форм, которые, в свою очередь, структурируются на ряд элементов. Проинтерпретируем их в духе исследовательской традиции, заложенной Г. Алмондом, С. Вербой и уточненной Р. Патнэмом в монографии «Сравнительное исследование политических элит».

Во-первых, политическое самоопределение региональных элит возникает и складывается как некий результат освоения этим субъектом политики определенной системы ценностей, представленной в познавательных и нормативных ориентациях. Познавательные – дают представления о том, *как работает* политическая система, нормативные ориентации – это представления о том, как *она должна работать*. Вместе с ними субъект обретает понимание собственной миссии и роли других.

Во-вторых, политическое самоопределение в нашем случае выступает как одно из проявлений объективно протекающих процессов становления и развития в переходном социуме новой автономной общности – региональной элиты.

Не являясь организацией в собственном смысле слова, она обладает одновременно как отдельными ее признаками, так и интерперсональными ориентациями, фиксирующими представления членов элиты относительно друг друга. В этом смысле политическое самоопределение руководящих или правящих групп – важный фактор элитогенеза, содержащий и консолидирующее, и дифференцирующее начала. Характерно в этом отношении замечание И.Е. Дискина: «… важнейшие реформаторские преобразования и соответствующие им организационные и управленческие процедуры реализуются сегодня в довольно определенном социальном слое, который хотя и не вполне самоидентифицирует себя в качестве элит, но одновременно способен … достаточно четко отграничить себя от внеэлитной среды»[184].

В-третьих, политическое самоопределение региональных элит тесно связано с окружающей социокультурной средой, различными (идеологическими, партийными, индивидуальными и др.) установками людей относительно целей и средств действий властей, политических коалиций, лидеров и т.д. Они могут более или менее соответствовать друг другу или расходиться, но в любом случае степень соответствия и различия сказывается на политическом поведении самоопределяющегося субъекта. В этой связи выделяются структурные характеристики политической культуры элиты как способ взаимосвязи познавательных, нормативных и интерперсональных ориентаций.

Как правило, базовые взгляды конкретных элит, обращенные на политический процесс, относительно систематизированы. Но сами способы систематизации – языки политики – по разным причинам различны, ибо национальный язык, по образному выражение М. Таунсона, есть политический институт. Он выступает и как средство осмысления и презентации политической реальности, и как инструмент идеологического воздействия. Одна из важнейших его функций – идентификация и демаркация наличествующих в обществе социальных групп, а также конструирование образа настоящего, прошлого и желаемого будущего – основы консолидации и мобилизации сторонников различных политических сил[185].

Российскому государству на протяжении его истории были известны различные и по социальному составу, и по способу формирования, и по средству идеологической индоктринации местные политические клиентелы: княжеские дружины, дворянская опричнина, городские и земские управители. После 1917 г. место прежних территориальных правящих групп заняла номенклатура. Общая черта региональных политических элит сегодняшнего дня очевидна: все они переходны. Вопрос – в особенностях и векторах состояния. Для пытающихся заглянуть в будущее он не менее конкретен: имеет ли идея демократии для ныне действующих политиков значение «общего дела» и считают ли они свою профессию средством ее реализации?

Заставить элиту не опросами, а делами ответить на этот вопрос – задача огромной важности. В противном случае страна не сможет избежать ни нового произвола, ни нового застоя, а бюрократия останется той силой, которая сможет загубить любую реформу. Тем более, что в нашем отечестве такой опыт уже есть и он исторически «выпадает» на этап первичного становления в стране региональных элит, стартовавший во времена «хрушевской оттепели». Вполне уместным в этой связи выглядит замечание советолога С. Коэна: «… необходимо рассматривать происходящее в России сегодня в историческом плане, обратить внимание на сравнительное, а не исключительно межстрановое исследование России в прошлом и настоящем, вновь обратиться к фундаментальной проблеме предшественности и изменений»[186].

Ответ на поставленный вопрос также требует учета некоторых поправок. Во-первых, на каждом из исторических периодов по мере своего развития, собственных особенностей и структурных предпосылок территориальные элиты избирают различные модели политического самоопределения со свойственными им формами идентификации и поведения.

Так, Н. Лапина и А. Чирикова выделяют пять таких моделей, фиксирующих политические ориентации современных региональных элит[187]. Перегруппировав их по степени готовности элит к политическому участию и конкуренции, мы получаем следующую модельную цепочку. «Политическая вовлеченность» – «ориентация на сильную личность (действующую VIP-персону или кандидата)» – «политическая зависимость» – «политическая неопределенность» – «политическая неангажированность», которую намерены использовать при проведении исторической реконструкции процессов формирования и трансформации отечественных территориальных элит.

Во-вторых, указывая на организационную культуру региональных элит, обеспечивающую при всей своей многослойности, прежде всего, относительно согласованное восприятие реальности и адекватные ему действия членов данной общности, не стоит как недооценивать, так и преувеличивать объяснение их поведенческих актов позиционными характеристиками. Именно во взаимодействии персонально-личностных, социокультурных и организационно-статусных компонентов как раз и обнаруживается специфика ведущей роли элит.

Так, если персонально-личностные характеристики особенно политических лидеров чаще всего задают характер и направления реформации российских регионов (к примеру, роль Б. Немцова в нижегородском политическом процессе)[188], то степень решающего влияния правящей элиты на повседневную жизнь провинции во многом определяется статусом, позициями ее представителей в формальной структуре институтов. В свою очередь, специфическое воздействие социокультурных компонентов структуры элиты на характер самоопределения и осуществление функций нарастает по мере эволюции их смысло-жизненных ориентаций в процессе модернизации, аккультурации новых ценностей, интегрирования в свою внутреннюю динамику требований общественного мнения и вызовов времени.

Таким образом, политическое самоопределение правящих территориальных элит как необходимое звено демократического транзита – это выявление и оформление политической воли субъекта относительно политико – административной структуры общества, ее состояния и перспектив развития. Следствием выявления политической воли региональных элит становится их социально-политическая самоидентификация, результатом оформления – конституирование определенного типа самосознания и самоорганизации. В этой связи изучение социокультурных, ценностных и организационно-статусных характеристик территориальных элит, их историко-сравнительный, политологический анализ имеет научно-практическое значение, поскольку позволяет с повышенной степенью достоверности прогнозировать региональное развитие, возможности формирования и воспроизводства территориальных правящих групп.

Отсчет своей собственной истории региональные элиты ведут в СССР со второй половины 50-х годов XX столетия. Обусловлено это рядом субъективных и объективных причин. В стране шел процесс разконсервации общества. Во всех его сферах вызревала первая волна демократизации. «Когда мы говорим о повороте середины 50-х годов, – отмечает Е. Зубкова, – то прежде всего мы имеем в виду развитие процессов политического и духовно-нравственного порядка, т.е. всего того комплекса практических шагов и субъективных ощущений, который современники объединили в одно понятие – «оттепель»[189].

На гребне общественного подъема рождались новые литература, наука, искусство. Противоречиво самоутверждалась разноликая многонациональная элита. Наиболее важным уровнем, характеризующим состояние ее политической культуры того времени, являются базовые убеждения, установки, ориентации, символы и мотивированные ими поступки, действия правящих групп, обращенные на обновляющуюся политическую систему.

Курс на социальную переориентацию экономики как ее основы, инициируемый в 1953 – 54 гг. Председателем Совета министров СССР Г. Маленковым, был интуитивно подхвачен Н. Хрущевым и развернут преимущественно в масштабах социальной политики. Похоже, что собственно экономические и управленческие проблемы не воспринимались им соответственно их природе, поэтому хозяйственные задачи Хрущев пытался решить *типично политическими приемами и методами прошлого.* Стоит ли удивляться, что партийность регионального руководителя определялась тогда его отношением к посевам кукурузы, а рост урожайности ставился в прямую зависимость от зрелости политических ориентаций, уровня политической сознательности.

Вместе с этим переход от отраслевого к территориальному принципу управления народным хозяйством дал формированию региональных элит мощный импульс. Повсеместное форсирование развития науки на крупных промышленных производствах страны требовало и соответствующих им кадров управления. Сыграло свою роль и заново перечитываемое в тот момент ленинское наследие. В частности, нахождение в нем «ситуаций-рекомендаций» (подобных тому, как В. Ленин подходил к подбору наркома земледелия в начале 1921 г., а именно: от него требовались знание крестьянского хозяйства, уважение к крестьянству, крестьянское происхождение, и, кроме того, такие личные качества как твердость, ум, надлежащий возраст и т.д.[190] Это способствовало определению комбинированных подходов к работе с управленческими кадрами. На практике все чаще руководителями предприятий становились не столичные назначенцы, а заместители директоров, прошедшие практически все этапы своей карьеры в конкретных краях и областях страны. Другими словами, начинала складываться региональная экономическая элита.

XX съезд КПСС, поднявший вопрос о «культе личности» Сталина и последующие за ним политические и социальные преобразования – Закон о пенсиях, паспортизация на селе, сокращение рабочего дня, невиданный ранее размах жилищного строительства – содействовали росту активности «снизу». Процесс шел одновременно, и сознательно, и стихийно. Изначальная неподготовленность общенационального руководства к его управлению, отсутствие уверенности в том, носит ли нарастающая динамика социалистический характер или нет, делали курс общественного обновления неустойчивым, подверженным влиянию субъективных и разного рода привходящих факторов (типа венгерских событий 1956 г., понятых главным образом как «издержки» демократии).

Среди субъективных моментов, прежде всего, выделяется роль партии, подчинившей судьбу реформ представлениям и деятельности победителей в борьбе за власть внутри «себя». «При Хрущеве коммунистическая партия вновь обрела утраченную при Сталине руководящую роль по отношению к государственному аппарату и политической полиции», – считает советолог У. Лакер. Прежних руководителей убирали одного за другим: за устранением «антипартийной группы последовала “отставка” Булганина (1958) и Ворошилова (1960), а также снятие маршала Жукова, сыгравшего решающую роль в приходе Хрущева к власти»[191].

Но самое интересное, что на региональном уровне все начинания Первого секретаря ЦК КПСС, по мнению того же исследователя, «отдавали предпочтение тем, кто уже работал в промышленности, сельском хозяйстве или какой-либо другой отрасли». В полной мере это относится и к партийным работникам. Их продвижение по иерархической лестнице формализуется, «чехарда» с назначениями на руководящие посты прекращается. Возрастает роль таких объективных критериев как социальное происхождение, уровень образованности, степень профессионализации, опыт и результаты прежней деятельности и т.п.

Хрущевский призыв региональных партийных руководителей (секретарей райкомов и обкомов) это часто выходцы из местной номенклатуры с ее нормами и традициями. Но само их участие в новых общественно-политических процессах ставило перед ними вопрос как осуществлять свое партийное, руководящее влияние в меняющихся обстоятельствах и какими ресурсами пользоваться. Это означало спрос на функциональное качество политического самоопределения как процесса выработки и трансляции в общество некой системы знаний и правил.

Социально довольно однородное, но культурно весьма путано упорядоченное образование – региональные административно-политические элиты тех лет вполне соответствовали господствующему «государственно-партийно-идеологическому принципу» (И. Клямкин) организации мышления и общественной практики. «В теории – особая роль государственного начала вообще и централизма – в частности. Единая форма собственности. Традиционный патернализм. (Признание человека всего лишь предметом приложения к государственной политике.) Недопущение частного интереса и плюрализма в любой сфере общественной жизни»[192].

Но за этими приоритетами так или иначе присутствовали представления конкретных руководителей, социальных групп о собственном месте в политическом процессе, внутреннее определение которого во многом характеризует степень готовности субъекта к участию в политической жизни региона, страны. Так, политические ориентации высших руководителей (и тогда, и ныне) практически всегда граничили с *завышенной самооценкой и авторитарными наклонностями, исключающими по отношению к себе какие-либо формы демократического контроля*. Отчасти и поэтому представления лидеров о сущности либерализации в период «оттепели» скорее напоминали положение «ослабленного поводка», нежели идею духовного раскрепощения личности. Вопрос о «дозе» демократии по-прежнему решался «сверху вниз». За попытками углубить и расширить этот процесс виделись происки «ревизионистов», угроза «реставрации» и прочие идеализированные предвосхищения.

Будучи конкретным воплощением отношений существующей власти, региональные административно-политические элиты преследовали меж тем несколько иные функциональные цели. Важнейшая из них заключалась в укреплении позиций местных управленческих и хозяйственных кадров, повышении согласованности их действий в жизненно важных сферах территориального сообщества. И делалось это не столько вопреки, сколько из собственного понимания, идентификации своих властнозначимых (или как бы мы сказали сейчас) корпоративных интересов.

За исторической возможностью политической самоидентификации (пусть зависимой и ограниченной жесткими рамками госсоциализма), представившейся региональным протоэлитам в период правления Хрущева, последовал длительный этап их качественной самоориентации и самообустройства. Но именно эти первичные процессы «укоренизации» (А. Кузьмин) областных, краевых и республиканских партийно-хозяйственных кадров второй половины 50-х годов со свойственными им избраниями различных моделей политического самоопределения можно считать *отправной точкой регионального элитогенеза в нашей стране.*

Одной из фундаментальных тенденций новейшей политической истории государства является процесс перманентной трансформации политической элиты, распада одних и образования других ее сегментов. В этом смысле принципы элитообразования были, есть и еще долго будут оставаться ключевым фактором, определяющим характер развертывания политического процесса в России и ее территориях. Это обусловлено в первую очередь тем, что формирование новой политической элиты во многом идет на основе заимствования старых образцов как на персональном уровне (адаптация и перетекание значительной части прежней элиты в новую), так и на организационном и процессуальном уровнях (использование прежних механизмов рекрутирования и функционирования элиты)[193]. Не менее существенно в интересующем нас историко-компаративном аспекте на динамику регионального элитогенеза и, прежде всего, на выявление и оформление политической воли территориальных правящих групп оказывает влияние социокультурная среда.

Это обстоятельство в середине прошлого века было связано с исходными вызовами из недр советского общества – изменениями в экономической и социальной структуре, в состояниях государства и общества, в «триаде»: «власть – личность – собственность». По сути, авторитарным путем был «приторможен» откат к вотчинному идеалу власти[194]. Обозначились некоторые политические намерения в сторону демократического (по-социалистически) транзита. Подвижки общенационального характера создавали условия для включения становящихся региональных элит в новые для них виды деятельности. Это период так называемой «территориальной экономики», дачно-кооперативного движения, ранних попыток теневого капитала в экономической сфере и первых неформальных общественных инициатив в политической жизни.

В этой связи автор прежде всего выделяет основные противоречия и особенности реальных политико-культурных процессов, в которых формируется региональная элита. Так, на общекультурном уровне особое внимание заслуживает анализ противоречий и их следствий, что *«блокируют» восприятие частью политиков ценностей демократии.* Для обьяснения этого противоречия выделяются определенные черты русского национального характера, отдельные социокультурные традиции, связанные, в частности, с привычкой к повиновению, недооценкой этноконфессионального фактора, сохранившие свое значение и до наших дней[195]. Преобладание в обществе людей, привыкших подчиняться и следовать «твердой руке», является питательной средой авторитарных порядков.

На общегражданском уровне политической культуры подтверждают свою концептуальную продуктивность характеристики ценностных ориентаций отечественных элит: тоталитарно-авторитарного, исполнительского, адаптационного, радикалистского, активистского характера. Оценивая в общем политическую культуру 60-х годов прошлого века, автор полагает, что ее состояние в значительной степени было обусловлено *преобладанием авторитарных, исполнительских и адаптационных стереотипов над активистскими нормами и образцами.* В силу этого, начав отсчет нового этапа своего развития в период «хрущевской оттепели», советская политическая культура предстала в «двоякой» способности порождать новые, нетрадиционные для общества формы социальной и политической активности и одновременно воспроизводить типичные, даже потестарные ориентации в политическом сознании простых людей и руководителей.

Н. Хрущев до конца своей политической карьеры «… оставался пленником военно-коммунистического идеала. Он пытался его очистить, очеловечить, уничтожить его "военную" составляющую, но он не покушался … на казарменную уравниловку… – отмечает И. Клямкин, – И потому он, реабилитировав настоящее и индивидуальную жизнь, продолжал указывать на коммунистический свет в конце туннеля и требовать подчинения личных интересов общественным»[196].

Региональные партруководители тех лет были так же далеки от необходимости коренных институциональных преобразований, как были они далеки от сомнений в подлинности существующей общественной системы. Она воспринималась ими однозначно как «правильная», нуждающаяся лишь в совершенствовании. В этом смысле они не только мало чем отличались от общенациональных вождей, но, привыкшие следовать их предписаниям, еще и выступали «толмачами», проводниками их идей на местах. Среди них в обыденном сознании новых территориальных элит идея демократии как бы *изначально приобретала характер аморфной мифологемы, символизирующей обобщенный идеальный образ желанного будущего.*

В провинции «идеи овладевают массами» лишь по мере удовлетворения их элементарных нужд. Одной из серьезнейших проблем, с которой столкнулся Хрущев и набранный при нем «штат» региональных руководителей, оказалось жалкое положение сельского хозяйства и социальная необеспеченность его тружеников. Поэтому одним из востребованных направлений деятельности местных протоэлит конца 50-х – начала 60-х гг. стало решение практических вопросов экономического и социального развития территорий, линия на автоном-

ный подъем материального достатка советских граждан, в первую очередь, деревенских жителей. Ее (хотя и непоследовательное) осуществление, одновременно с развернувшейся в стране борьбой с тунеядством, взяточничеством и коррупцией преимущественно в средних и низовых эшелонах власти, выявили порочность усиливающейся социальной дифференциации общества и, прежде всего, привилегированного положения «номенклатуры», живущей не по средствам.

Отечественная номенклатура сложилась в первые годы советской власти из взаимодействия партии профессиональных революционеров и дезориентированного большевизмом пролетариата. «Отчуждение социальной самодеятельности посредством создания имитирующих ее искусственных структур… подлог действительных социальных субъектов … составляло сущность партии "нового типа" и ее расширенного, тоталитарного издания после октября 1917 г.» – номенклатуры[197]. Уже к началу 20-х годов, по мнению Т. Коржихиной, номенклатуру центральных органов ВКП(б) составляли три категории назначений. В список № 1 входили должности, назначение на которые осуществлялось постановлением Политбюро ЦК; в список № 2 – должности, курируемые Орграспредотделом ЦК. Кроме того, осуществлялись назначения по спискам, устанавливаемым госучреждениями, но по согласованию с Орграспредотделом ЦК – т.н. «ведомственная номенклатура» № 3. По указанному перечню проходили должности не только в государственных учреждениях – административных, советских, судебных, но и в общественных организациях – профсоюзах, комсомоле, всех кооперативных центрах и т.д.[198]

Территориальные партийные комитеты всех уровней имели соответственно свой перечень функционеров. Вкупе с «ведомственной» номенклатурой на местах и «группой поддержки» – «массовой пролетарской клиентелой» большевистской власти в городе и деревне (рекрутантами из рабоче-крестьянских низов в госаппарате, Красной Армии, ВЧК, комбедах и т.д.) – они обеспечивали монопольное влияние коммунистических вождей на жизнь «рукотворного» социума «диктатуры пролетариата».

Н. Хрущев, призвавший заменить этот конструкт на идею общенародного государства (чем, безусловно, затронул позиции-привилегии отдельных номенклатурных слоев), открыл «шлюзы» становлению не менее искусственной общности «советский народ». Но ничем не «покусился» на основу номенклатурной системы 20-х годов – «сращенность» политической и экономической власти, кроме того, что обозначил в ней самостоятельный статус местных интересов, обслуживать которые обязаны идеологически преданные и проверенные в работе кадры, апробированные, как специалисты ни где-нибудь, а в сферах жизнедеятельности конкретных регионов. Здесь они и составили основной резерв для последующих выдвижений и ротаций управленческого звена.

Хотя лицам, осознавшим перспективность «творения» карьеры в привычных условиях, первоначально приходилось отстаивать свои права в борьбе с вышестоящим руководством, сама тенденция постепенно облекалась в форму взаимоприемлемых идейно-политических предпочтений. «Знание людей и обстановки изнутри» учитывалось «наверху» при назначении «первого» на тот или иной уровень региональной власти, в свою очередь, гарантировавшего исполнение предъявляемых к его посту требований. Местные аппаратчики, открыто признающие зависимость политического самоопределения от установок «лидера», имели возможность как более быстрого решения проблем в знакомой ситуации, так и приобщения к «теневым» отношениям. *Промежуточным образованием на пути к собственно региональным элитам 90-х годов стали с начала 60-х по конец 70-х гг. республиканские и областные партхозактивы.*

Региональные партхозактивы – это особая измененная форма номенклатурной организации. От классических элит (Г. Моска, В. Парето) их отличает специфическое сочетание формальных и неформальных признаков. К примеру, «членство» в партхозактивах конституировалось должностью, объемом властных полномочий; обязательным пребыванием в рядах КПСС, подтверждающее правомерность политического руководства над сферами общества; соблюдением «неписаных» правил поведения существующей иерархии власти; общепринятым стилем управления. В этих характеристиках партхозактивов указывалось на их закрытость, номенклатурный подбор кадров и официально-нормативную регламентацию формирования и воспроизводства.

Причины возникновения в партхозактивах неформальных признаков кроются, во-первых, в ограниченности официальных предписаний, которые в принципе не могут охватить и регулировать все процессы функционирования; во-вторых, в специфике деятельности регионального руководителя, в возможности его нестандартных действий в условиях непосредственного взаимодействия с элементами социокультурной среды (разнообразными потребностями, интересами, ценностями и влияниями).

Таким образом, эффекты десталинизации и демократизации 60-х годов способствовали становлению партхозактивов и превращению их в востребованных субъектов складывающегося регионального политического процесса, безусловно, жестко контролируемого и, по существу, «подковерного». С другой стороны, они привели к возникновению особой социальной общности – совокупности должностных лиц с неформализованными служебными отношениями, которые несут функциональное содержание и существуют параллельно с официальными в деловых и межличностных связях. Это обстоятельство характеризует партхозактивы как группу лиц, не только «обладающих властными позициями» (элита по Этциони), но и умеющих сообразно ситуации консолидировать нужные, не всегда официальные ресурсы для собственного благополучия.

После «полудобровольного ухода Хрущева с политической арены» (Н. Барсуков) и единодушного избрания внеочередным Пленумом ЦК КПСС 14 октября 1964 г. на пост Первого секретаря ЦК Л. Брежнева в центральном эшелоне власти окончательно закрепились представители «третьего поколения» советских руководителей. Первый взлет их карьеры так или иначе был связан с «кадровой революцией» конца 30-х годов, когда шло обновление аппарата, изрядно поредевшего после 1937 г. Эти люди прошли главные этапы своего становления уже внутри сталинской системы и, составив костяк брежневского призыва «аппаратных циников», в социокультурном плане представляли собой абсолютный конформизм и карьеризм.

Для них, практически не привыкших иметь собственную политическую позицию и брать ответственность на себя, двойная мораль являлась чуть ли не нормой жизни, а противоречие между словом и делом – обычным способом существования. Поэтому, когда в середине 60-х г. пришло время ответственных решений по обеспечению кардинального поворота в организации политической, духовной, но особенно экономической жизни, большая часть руководителей всех уровней оказалась к ним просто не готовой, что в общем предопределило изначально половинчатый характер политики новых вождей.

В политическом сознании этой «прослойки» сложился весьма сложный симбиоз противоречивых ориентаций. Его доминанту определяло стремление к стабильности. Но ее достижение виделось не в поэтапной перестройке основ политического и экономического развития, а через «революционное» вмешательство руководства в ход общественных процессов. (Против чего в последние годы выступал Хрущев, предлагая на региональном уровне «исключить» всякое вмешательство партийных органов в хозяйственную деятельность колхозов и совхозов, ликвидировать парткомы колхозно-совхозных управлений, заменив их замполитами, в основном с культурно-просветительными функциями»[199]).

С целью привлечения на свою сторону областные и районные партаппараты Брежнев еще на том историческом Пленуме сместил акцент от руководящей роли партии к руководящей роли партийных органов, демонстрируя, что не даст в обиду региональные партийные кадры. Сочетание инстинктов самосохранения административно-командной системы, идущих «сверху» и массовых настроений в пользу наведения порядка «революционным» путем могло тогда усилить тенденцию общественного тяготения к «сильной руке». (Сама собой напрашивается параллель с нынешней надеждой масс на порядок. Фигурирует и тогда, и сегодня, по мнению Ю. Левады, очень беспокоящая цифра: 75-80% населения говорят, что важнее всего порядок, и только жалкие 13-15% скажут, что демократия все-таки важнее)[200].

Очевидно, осознавая угрозу силовой реставрации как наибольшее зло, демократические общественные силы «пропустили» тот момент, когда у власти окончательно закрепились «псевдоумеренные», выражающие интересы «верхушки» партийно-государственной бюрократии. Вследствие этого компромисса в стране сложилась ситуация, выгодная лишь «горстке» аппаратных функционеров, сумевших заручиться поддержкой неэлит за счет манипуляций с социальным контрактом и коммунистическим прожектом. В результате «вариант Брежнева», первоначально воспринимаемый во внутрипартийных кругах как временный, приобрел, черты устойчивости и органично вписался в структуру власти номенклатурной олигархии.

Советская номенклатурная олигархия это не вид политического режима, а состояние правящей элиты, которое характеризуется «неограниченностью власти» (П. Шаран). В силу этого номенклатурные «бонзы» не только сами являлись высшей властью, но и с помошью ее территориальных субъектов перекраивали по своему образу и подобию все общество. Ведущий принцип внутренней организации номенклатурной олигархии – всемогущественное вмешательство партийных иерархов посредством замещения и дублирования функций социального и политического управления практически во все сферы социалистического социума. Прикрываясь «мнимым конституционализмом» (А. Медушевский) и давно лично попранными идеологическими штампами, номенклатурные олигархи через партийно-государственный аппарат «вытравляли» гражданскую самодеятельность социальных субъектов и структур, возводя на пустотах суррогатные основания своей пирамиды господства.

Позднее она стала и их усыпальницей. Но сначала номенклатурная олигархия создала химеру «застоя». (Ныне нередко интерпретируемого как особый тип стабильности). В ее социальных и политических проявлениях именно власть оказалась наиболее чудовищно-извращенной формой. «Наверху» – персонифицированная, контактная группа аппаратных функционеров и плутократов. «На местах» их клиентелы – лично зависимые или выдвинувшиеся на гребне внутрипартийной конъюнктуры – «лукавые» кадры. Следовательно, для понимания того, как происходила последующая трансформация региональных протоэлит (партхозактивов) в авторское исследование необходимо включить краткий анализ социальных связей этого спрута в период с 1965 по 1985 гг.[201]

К этому времени потребность в перестройке устаревшей системы хозяйствования и методов управления достигла апогея. По мере исчерпания естественных, природных и демографических ресурсов и угасания мобилизационного потенциала централизованной экономики возрастали самовольные социальные перемещения. Выходцы из деревень занимали места пролетариев, оседали в сфере услуг, низовом звене правоохранительных органов. «Рабочие уходили со своих предприятий в поисках различных благ: более высокой заработной платы, хорошего продовольственного снабжения, лучших жилищных условий… При отсутствии коллективного права на забастовки, – считает Дж. Хоскинг, – право уволиться было наиболее доступной для советского рабочего свободой»[202]. Горизонтальная социальная мобильность способствовала стабилизации

управленческих кадров, которая кроме прочего, означала закрытие номенклатурных «лифтов» для широкого выдвижения представителей трудящихся масс.

В сентябре 1965 г. Пленум ЦК КПСС принял специальное постановление «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Официально с него началась хозяйственная реформа. С первых ее шагов региональные партхозактивы были поставлены в достаточно жесткие, но весьма противоречивые номенклатурные рамки: от содействия переменам до приспособления к складывающейся обстановке.

Такой подход не только определял *промежуточные* возможности политики местного руководства, но и задавал тон качеству и динамике их политической самоориентации – отчуждению. Оно *становилось типом социального отношения, содержанием политического самоопределения тех лет, выражающего чуждость человека культуре как таковой.*

Суть данной отчужденности – в «замещенной» природе социализма. Люди создавали «светлое завтра», но в этом процессе, как отмечал еще К. Маркс, теряли себя, становясь отчужденными по отношению к предметам и господствующим институтам, которые их контролировали. В этих пределах противоречивость положения формирующихся региональных элит была обусловлена целым рядом причин: влиянием общей политической ситуации, сменой субъективных (эмоциональных, оценочных) установок центрального руководства, реальной организацией власти на местах, слабой обеспеченностью идей реформы адекватными научными знаниями и действенными механизмами ее практического воплощения в сложной окружающей среде.

Следует особо отметить, что в нашей исторически расколотой, фрагментированной и цивилизационно усеченной социокультурной среде, куда неотъемлемо входит «и государство» (Д. Лихачев), любые преобразования связаны с процессами науки и просвещения, образования и воспитания. С их помощью «та или иная общественная группа, большая или малая, передает приобретенные ею власть и свои цели для того, чтобы обеспечить продолжение своего существования и роста» (Дж. Дьюи)[203]. Советское индустриальное общество, по Д. Беллу, «в основном обрабатывающее», требовало «ограниченной» НТР и идеологически «выверенного» развития средней и высшей школы, «на выходе» получая «мастеров» – квалифицированных рабочих, техническую и управленческую интеллигенцию, выполняющих строго определенную профессиональную деятельность (В. Мацкевич, В. Мишин).

Не до конца изученным, но от этого не малозначимым является и тот факт, что «в Советском Союзе господствовали отношения личной зависимости. При этом СССР, – как утверждает А. Булкин, – находился, в лучшем случае, на стадии феодальной общественно-экономической формации, в которой отношения личной зависимости пронизывали все стороны общественной и политической жизни»[204]. Поскольку высшее образование в номенклатурно-организованном социуме выступало альтернативным способом продвижения «наверх» и одной из возможностей избавиться от неприятностей подобной опеки, то отношения личной зависимости укреплялись здесь еще и контролем за «правильным» усвоением знаний и норм социалистического общества учащимися всех возрастов и категорий со стороны партийно-государственного аппарата.

Повсеместный контроль осуществлялся через ректоров и завкафедрами вузов, парткомы и преподавателей-«осведомителей», включенных в различные клиентелы. И выражался не только в соответствующей организации образовательно-воспитательного процесса (для первых) и отслеживании «правильности» его хода (для вторых), но и негласном пересекающемся курировании персональной динамики будущих специалистов. Своеобразным результатом совместной деятельности «контролеров» было то, что наиболее востребованными качествами специалистов 60-х г. стали: революционный оптимизм, вера в близость и достижимость больших целей, особый традиционализм мышления и образа действий для претворения намеченных (КПСС) планов в жизнь.

При вовлечении работников с таким набором черт в сферу регионального управления отмеченный «образ действий» практически всегда трансформировался в доминирующую тенденцию – не столько построить, сколько установить (по якобы имеющимся «чертежам» сверху) «самое справедливое общество» на той или иной территории. Спустя десятилетия эта тенденция заставила считаться с собой и в 1985, и в 1993 годах как с серьезной преградой более конструктивным политическим решениям, в значительной мере учитывающим достижения свободной науки и высшей школы.

Но тогда, в середине 60-х г., даже не столь радикальная мысль об обеспечении поворота к науке в руководстве экономикой (Л. Леонтьев, Е. Либерман, В. Немчинов и др.) и шире – обществом, продвигалась с трудом. Определяемый ей вектор совершенствования хозяйственного механизма – от реорганизации центрального планирования до разработки экономических основ развития производственного самоуправления – был предпочтительней реально осуществляемого экономического курса. Тот оказался гораздо консервативнее хотя бы потому, что ориентировался не на замену, а на восстановление старых форм хозяйственной организации, не на расширение хозяйственной самостоятельности предприятий с одновременным освобождением партии от не свойственного ей вмешательства в производственные дела, а наоборот, на более последовательное осуществление практики партийного руководства экономикой.

В общем, интересы «управляющих» и «управляемых» в очередной раз разошлись. Советская экономика не обрела для своего устойчивого развития необходимой системы практических гарантий, обеспечивающей функционирование перспективного варианта хозяйственного механизма. В результате реальное

содержание реформы обернулось лишь «некоторым перераспределением обязанностей в рамках все той же в целом централизованной системы» (Г. Попов). Возможность волюнтаризма при составлении централизованного планового задания сохранилась, дополнившись возможностью субъективизма со стороны отчитывающегося местного директората и партийных чиновников, отвечающих за состояние промышленности территорий. Региональный субъективизм в деятельности определенной части партхозактивов выразился в тенденции к увеличению численности работников, в стремлении к выпуску «дорогой» продукции в ущерб «дешевому» ассортименту, в попытках скорректировать планы в сторону занижения, появлении «приписок» и т.д.

Собственно, при проведении экономического курса политические лидеры страны строили свою «программу» действий без каких-либо допусков инициативы снизу. Демократическая оппозиция в лице остатков диссидентского движения 60-х – начала 70-х гг. планомерно устранялась. Такая установка предопределила ведущую роль центра во всех событиях и сферах жизнедеятельности, ставила судьбу реформ в зависимость от расстановки сил в высшем эшелоне власти, а характер следующих за ними перемен – в прямую зависимость от персональных качеств тех, кто оказался в победителях «острой и масштабной борьбы личных клик в партийном руководстве» (М. Афанасьев).

М. Восленский ярко описывает перипетии борьбы в ЦК КПСС «брежневцев» и «шелепенцев», приводит список руководящих лиц, входивших в личную клиентелу Л. Брежнева. Ее ядро составляли выходцы из Днепропетровска и Днепродзержинска. Не удостоенное такой чести большинство региональных элит, за ширмой общественных дискуссий вокруг принципов формирования высшего слоя руководителей, продолжало укреплять свои позиции в виде собственных клиентел конкретных территорий. Этому содействовала не только поддержка влиятельных федеральных патронов, но и получивший неофициальное распространение среди номенклатуры главный принцип Брежнева «живи и дай жить другим» (У. Лакер).

Генсек «твердо верил в "стабильность кадров", которая заключалась в том, что ведущих коммунистов следовало заменять только в случае откровенного отсутствия лояльности или при полной некомпетентности. Тот факт, что районный партийный секретарь или директор фабрики были лишь заурядными работниками, не является достаточным основанием для их понижения»[205].

Не менее порочной была и философия образа жизни «дорвался и пользуйся», демонстрируемая номенклатурной вертикалью. Вкупе с другими обусловливающими фактами она не только порождала злоупотребление и преступления нижестоящих должностных лиц, но и определяла масштаб их негативных функциональных возможностей. От доступа к благам, их распределению и способам потребления, сообразно месту и связям в номенклатурной системе, до

попыток преодоления предельной меры за счет собственного «мздоимства и казнокрадства» (М. Салтыков-Щедрин).

В свете «поворотных» к экономической стагнации и политической реакции решений XXIII съезда КПСС (1966 г.) в стране начался процесс «галопирующей регрессии». Его симптомы постепенно проявлялись в самых различных общественных сферах, но громче других заявили о себе изменениями на уровнях власти. Региональные лидеры (особенно республиканские) стали напоминать удельных князей и вождей нации: достижение и обеспечение номенклатурной автономии стало осознанной целью, критерием силы и авторитета территориальных властей. Политические ориентации их представителей концентрировались в основном вокруг двух ключевых параметров: признании приемлемости государственного курса и патернализма, понимаемого как поддержка со стороны покровителя.

Патронат провинциального партийного вождя охватывал обычно всю областную номенклатуру от руководителей регионального Совета и Исполкома (Правительства) до редакторов газет и заведующих вузовскими кафедрами. Ряд должностей, прежде всего, в силовых структурах, находился в двойном подчинении – местном и ведомственном. Руководители особо крупных и важных предприятий входили в центральную (федеральную) номенклатуру и могли даже конкурировать за влияние с «первым». Поэтому в индустриальных регионах (типа Горьковской или Свердловской областей) номенклатурный социум был устроен сложнее и не сводился к единой клиентеле областного руководителя.

Важнейшей составляющей его персонального патроната были торговые работники, через которые функционер-руководитель осуществлял непосредственный обмен власти на материальные блага. Наверху руководители регионов были лично связаны с теми или иными сотрудниками аппарата ЦК и Совмина, Секретарями ЦК, в идеале – Генеральным. От силы этих личных связей зависел неофициальный номенклатурный ранг не только самого регионального руководителя, но и возглавляемой им территории с ее производственными, социальными комплексами, со всеми подведомственным населением[206].

Наличие в крупных промышленных центрах и областях нескольких клиентел давало передовой части региональных партхозактивов некоторую свободу маневра в политическом самоопределении: от уклонения до компромиссного участия в политике. Но поворот к пессимизму и принятию номенклатурных дисфункций уже вызревал. До декларации факта о построении в СССР «развитого социализма»(1976 г.) советский «средний класс» (преимущественно интеллигенция) еще ожидал от центрального руководства шагов по пути демократического обновления общества. После того, как началась лицемерная подгонка живых общественных процессов под новую идеологическую схему, последовал усугубленный «чехословацкими событиями» «крах последних иллюзий и надежд» (А. Кондратович).

«Жизнь и идеология окончательно разошлись, жертвовать настоящим ради будущего уже никто не хотел, но исхитрялись, демонстрировали редкую словесную изворотливость, и получалось, что никакого конфликта нет, что все движется в нужном направлении»[207]. Эта антисоциальная псевдостабильность породила тип руководителя-конформиста, скептика и циника, ведущего агента клиентарных отношений 70 – 80 гг., независимо от уровня власти.

В региональных партхозактивах данный тип руководителя был представлен преимущественно людьми посредственными, с деформированными идеалами и прагматическими интересами. Их ценностный круг ограничивался приоритетами карьеры и выгоды: от поиска обходных путей доступа к благам до «обыденного» воровства. Эти руководители сохраняли собственный инстинкт жизни, но перестали быть гражданами. «Исчезло гражданское общество, исчезла его основа – честные, работящие люди, граждане. А человек, переставший быть гражданином, равнодушный к обществу, имеет определенные преимущества потому, – считает В. Шубкин, – что лишен всяких моральных ограничений»[208]. Если атрофирована совесть и ответственность – нет и политической воли.

Такой тип личности и свойственные ему отношения, понятно, имели и более глубинные причины образования. «Более серьезные критики связывали эти явления, – отмечает бельгийский политолог Э.Мандель, – с кризисом экономических и политических структур, охватившим советское общество»[209]. В качестве другого объясняющего фактора предлагаются психологические механизмы функционирования. «В качестве таковых, – считает В.Шепель, – выступают социально психологические процессы. К ним относятся: адаптация, коммуникация, идентификация и интеграция»[210]. На основе доминирующего архетипа «бытия – сознания» этими процессами формируется определенная система неофициальных связей «застойных» руководителей (как между собой и вышестоящим начальством, как и с подчиненными в рамках той или иной организации).

С учетом этих тенденций и подходов управленческая практика «развитого социализма» эпохи Брежнева – это безволие верхов, беспредел бюрократии и апатия масс, обусловленные «подлинным кризисом строя» (Э. Мандель). Любое из этих проявлений негативно отражалось на качественном состоянии территориальных властей и партхозактивов. Но «культ руководящей посредственности» в различных звеньях макро-и мезоуровня власти оказался наиболее пагубным тем, что работал на закрепление особого распределительного механизма, характеризующего тогда систему «кормлений», а ныне – коррупции.

С другой стороны, резко сниженный с начала 70-х годов темп вертикальной мобильности в партхозактивах, когда «новичок», не имеющий устоявшихся социальных связей в действующей элите, был практически полностью лишен перспектив «социального лифта» и обращался к обходным путям продвижения

наверх, порождал существенные напряжения внутри «поколенческих страт» региональных элит. Поэтому во многом перестроечные процессы второй половины 80-х годов прошлого столетия были сопряжены не только с кадровыми перестановками, но и с изменениями «менталитетного пространства», более адекватными целям преобразований.

Однако в середине 70-х не помышлявший ни о каких подвижках Л. Брежнев одновременно льстил и угрожал как бюрократам, так и «наместникам» тем, что «урежет» им номенклатурную ренту. Те, не споря, соглашались с ним, обещали самостоятельно «устранить недостатки». Но, как обычно, ничего не менялось. Возрастали лишь непотизм и коррупция. Их функциональная роль в условиях стагнирующего социалистического общества обнаруживает себя в том, что, сопровождая процессы распада, они являются инструментами становления частной собственности, на укрепляющейся базе которой впоследствии стали формироваться новые элитные группы, заинтересованные в демократии.

Районные и областные партсекретари, стараясь не замечать возрастающего отчуждения, продолжали руководить подведомственными территориями по праву «кормления». То же самое, но с учетом больших ресурсных возможностей, можно сказать о первых секретарях республик. Они любили на пышных встречах с Генсеком рапортовать о фальсифицированных достижениях во всех сферах, сознательно умалчивая о том, что в их регионах (преимущественно Средняя Азия и Кавказ) «распространялись организации типа мафии, которые в сотрудничестве с местной администрацией более или менее официально собирали деньги за покровительство»[211].

Сложившаяся к началу восьмидесятых годов система социально-экономических отношений с ее неутешительными результатами – «практически нулевыми темпами роста экономики» (А. Аганбегян) и обнаружением «новых бедных в масштабах всей страны» (Э. Мандель) – фактически меняла социальную структуру страны. В недрах советского общества складывался проторынок. Из-за спины представителей «теневой» экономики брезжило появление нарождающегося предпринимательства. Постепенно сформировалась и новая общественная плутократия – результат слияния высокопоставленной номенклатуры с крупным «теневым» бизнесом[212].

Областные и республиканские партхозактивы к этому времени в полной мере могли быть охарактеризованы как региональные элиты, хотя и не в лучших традициях. В противовес позиции В. Дахина о невозможности их формирования в условиях распада[213], автор утверждает: отечественная региональная элита – специфический продукт общественной эволюции и собственного самоопределения «эпохи заката СССР». Она является производной от трансформации советской власти, реальным распределителем функций которой был государственно-номенклатурный аппарат[214].

Схематически динамику формирования региональной элиты можно представить следующим образом: группа интересов (конец 50-х – 60-е гг.) – клиентарная общность (70-е – начало 80-х гг.). На каждой из стадий социального и политического вызревания территориальной элиты доминируют определенные тенденции самоопределения – необоснованный оптимизм в первом случае и отчуждение – во втором. Они могут противостоять, тормозить, но никоим образом не блокировать окончательно внутреннюю динамику саморазвития феномена.

Специфика «правды жизни» 80-х годов – преобладание теневых форм социальности (в отсутствии нормального гражданского общества) и экономики (из-за размытости государственных норм регулирования сферы материального интереса) – содействовала особой политико-культурной ориентации региональных элит. Резко обнажившаяся бесперспективность дальнейшего «молчаливого сговора об обоюдной безнаказанности при нарушении закона» (Э. Соловьев) управляющих и управляемых укрепляла в их среде настроения недовольства и «подстраховочного» стяжательства.

Массовое раздражение превратилось в убеждение, что во всем виноваты «бюрократы-начальники». В привилегированных кругах усилилось расслоение на более дробные элитные группы (Дж. Ледони, Н. Смелзер). К обладающим (уже не в равной мере) реальной властью партийным и хозяйственным элитам «пристраивались», субъективно усвоившие свою «элитарность» комсомольские, профсоюзные, финансовые и иные структуры. Выросшие из местных партхозактивов правящие группы тяготели к промышленно-хозяйственному слою. Отсюда и их устремления к обустройству (капитализации) «тылов» в пределах имеющихся ресурсов и полномочий.

Поскольку «вещизм» и неограниченный потребительский индивидуализм, стайность и клиентарные связи суть закономерные продукты распада номенклатурно-организованного социума»[215], то интересы территориальных верхов первоначально концентрировались именно вокруг них в русле привычного увеличения доходной ренты и подавления открытого инакомыслия. Их отношение к последнему представлялось двояким. Региональным элитам был созвучен определенный интерес к духовному пробуждению, но не понятны героические усилия А. Сахарова или А. Солженицына. Скорее В. Высоцкого, чем их, они способны были воспринимать символом грядущего национального самосознания.

По мере того, как политическая и экономическая жизнь в стране превращалась в ее имитацию, крушение социальных и нравственных ориентиров приняло характер «дегуманизации» общественной среды, в политических ориентациях местных элит заметно усилилось превалирование локальных интересов над общенациональными. Большинство из них избрало близкую к абсентеизму модель «фрагментарного» уклонения от участия в политике – «аполитичность».

В своем активе она имела как официально-лояльный, так и неформально-радикальный спектр установок, по-разному формирующих стиль политического поведения. Но так как в тот период «единственно возможный» выбор социалистического пути еще особому сомнению не подвергался (тем более в глубинке), то публичные заверения региональных властей в лояльности были лучшим прикрытием начавшейся капитализации их властного статуса и внутренней политической индифферентности.

В повседневной практике это выглядело почти так. Разуверившиеся в идеалах прошлого и смутно представляющие уже ближайшие социальные и личные перспективы, многие представители местных правящих групп попросту переставали брать на себя какие-либо политические обязательства. Чаще всего они формально перераспределяли их среди нижестоящих звеньев власти, отслеживая лишь результат, приемлемый для отчета наверх.

Позже, когда в конце 80-х годов между сегментами региональных номенклатур развернулось открытое противоборство за власть и собственность, эта позиция «правления вне обязательств» была приспособлена партруководством под лозунг политических «неформалов»: «хозяйственники должны хозяйствовать, профсоюзы – защищать интересы конкретных слоев населения, ученые – разрабатывать теории, а журналисты писать правду. Общественно-политические объединения должны заниматься политической деятельностью»[216].

В итоге, если результаты кулуарного самоопределения правящих элит во «внутреннем круге власти» (М. Юсим) привели к тому, что партийное руководство территорий в целом «колебалось вместе с генеральной линией», то демократическое движение, проделав за несколько лет путь от общественных инициатив до «политической машины протестной мобилизации масс» (С. Митрохин), к выборам 1989 г. в Верховный и местные советы набрало достаточный вес для публичной конкуренции с властями. Вместе с возрождением политического неформалитета в середине 80-х годов (т.е. почти через 30 лет как он возник после XX съезда КПСС) этому сопутствовало и то, что массовой и идеологической основой демдвижения стали «шестидесятники»[217]. Именно они в большей мере, чем последующие персонифицированные фамилиями генсеков кадры, способствовали формированию у «новых демократов» убежденности в позитивный для страны исход политических перемен.

Для страны, а не для себя – дилемма, которую не разрешила после Н. Хрущева пока ни одна политическая власть в России. Наиболее наглядная и лично не менее драматичная попытка выхода за ее пределы связана с политической судьбой Ю. Андропова, первого и последнего Президента СССР М. Горбачева, его призыва центральных и региональных руководителей. Их главная особенность заключалась в том, что они сложились в условиях распада административной системы и идеологии тоталитарного типа, но, придя к власти, про-

должали исполнять несвойственные партии функции в ущерб провозглашенным целям и набирающим силу процессам перемен.

Судя по результатам апрельского 1991 г. всесоюзного референдума значительная часть граждан поддерживала курс демократического реформирования прежних экономической и политической систем. Но он был провален, равно как и была отторгнута воля большинства населения страны, высказавшегося на том же референдуме за сохранение СССР. Лидеры трех республик – России, Украины и Белоруссии – «всуе» приняли решение о его упразднении. Верховный Совет СССР самораспустился. Эти факты лишь подтверждают, что страной управляла нормальная, по советским меркам, политическая элита, состоящая из людей, имеющих необходимое образование и пожизненно занимающихся политической деятельностью…»[218], но совершенно не подготовленная для осуществления либеральных российских реформ.

К группе особенностей самих процессов преобразований в посткоммунистической России можно отнести, по мнению А. Мельвиля, следующие:

– особенности формирования демократической оппозиции в СССР и России, в конечном счете повлиявшие на характер ее взаимоотношений с новой российской властью;

– отсутствие пакта, предварительной договоренности между радикалами и консерваторами;

– отсутствие первых «учредительных» выборов, легитимизирующих новый баланс общественных и политических сил;

– сохранение основных элементов старой номенклатуры на властных позициях в составе нового правящего класса;

– традиционный административный способ осуществления политических и экономических реформ, сохраняющий и углубляющий раскол между властью и обществом;

– сохраняющееся влияние авторитарных сил и тенденций[219].

Перестройка изначально несла с собой невиданную угрозу слою «вырождающихся» (В. Пугачев) советских политиков. По мере того, как рядовые граждане получали «доступ к правдивой информации о стране и мире, непрофессионализм, групповой эгоизм, идеологическая закомплексованность, полнейшая безответственность и безынициативность правящей элиты стали особенно очевидными»[220]. А ее положение – более противоречивым. Социологический мониторинг за ходом перестройки, который осуществлялся Институтом социологии с 1987 по 1990 гг., выявил сильное негативное (антилиберальное, как и при Хрущеве) влияние номенклатурно-управленческого аппарата на развитие этого процесса. Доля опрошенных, указавших на сопротивление управленческого аппарата или на бездеятельность территориальных администраций как на фактор, мешающий перестройке, увеличилась с 1987 по 1990 гг. с 16,9 % до 38,6%[221].

Очередное и повсеместное расслоение всех сегментов элиты по политическим предпочтениям (демократы – партократы) содействовало распространению такой модели их самоопределения как «политическая вовлеченность». Лица, придерживающиеся данной стратегии, разделяют осознанные политические установки. Полюса здесь – демократическая и коммунистическая точки зрения. С той лишь разницей, что на периферии в отсутствии ярких лидеров в обоих «станах» местным администрациям удавалось «фрустрализировать» значительный потенциал политического энтузиазма масс. Достаточно вспомнить высокую активность людей на первых альтернативных выборах и те злонамеренные уловки, которые предпринимались партийным и советским руководством, для того, чтобы «протащить» в народные депутаты представителей номенклатуры с помощью закулисно составленных партийных, профсоюзных и других списков.

Там же, где лидеры были (пусть и с одной стороны, как, например, в Нижегородской области), ситуация на тех же выборах в регионах развивалась по биполярной схеме: «КПСС против антикоммунистической оппозиции» (В. Гельман). Политическим итогом как выборных успехов демократов в центре и на местах, так и скрытого саботажа административным аппаратом либеральных реформ, стала всеобщая дискредитация местного руководства. Она проявилась в форме его раскола. На одной стороне оказались давно самоопределившиеся «партократы» – узкий, радикально-консервативный слой, стремящийся сохранить отживающую госсистему. На другой – «демократы», такой же узкий, радикально-оппозиционный слой, сознательно стремящийся к уничтожению советской государственности и постепенно прибирающий к своим рукам власть.

Идеологическая перегруппировка региональных элит к началу 90-х означала, что последние окончательно утвердились в этом статусе и самоопределились к усиливающейся в стране конфронтации в рамках политики суверенизации, то есть, по сути, развала союзного государства. В августе 1991 г. с подачи ГКЧП была сметена партийная элита. Недолгий «бракоразводный процесс» либеральных и демократических аппаратчиков закончился юридическим оформлением республиканских элит и сложением полномочий М. Горбачевым. Российская Федерация вступила на путь самостоятельного существования.

Процесс смены правящих групп в регионах обрел «свежее дыхание» под флагом десоветизации. Все чаще наместниками первого президента РФ в них становились «защитники» Белого дома в Москве и «иже с ними». Так, Б. Немцов был назначен представителем Президента по Нижегородской области, Председателем Совета – его сподвижник по оппозиции, один из умеренных депутатов группы «Демократическая реформа» Е. Крестьянинов[222]. Казалось бы, конфликт в пределах разъединенной элитной структуры в «демократически продвинутых» регионах логически завершился как «игра с нулевой суммой»

(Дж. Сартори): демократы заняли ключевые властные позиции, полностью вытеснив своих коммунистический противников.

Однако негласный союз «верхов» двух политических элит – новой (демократической) и старой (в лице прежней преимущественно хозяйственной номенклатуры) – диктовал свои правила. За новой элитой на местах оставались органы исполнительной власти, за старой – места в Советах и экономических структурах. Это создавало возможность нового жесткого политического противостояния, что и произошло.

Причины, приведшие к распаду СССР в начале 90-х гг., сказались на нарастании центробежных, сепаративных тенденций внутри России. Судьба ее государственности в этот период во многом определялась исходом конфронтации республиканского, а затем и собственно регионального руководства с федеральной властью. В основе тиражируемого ими «парада суверенитетов» лежало желание местных лидеров «самостийно» распоряжаться ресурсами и плодами труда вверенных территорий.

Правительство РФ, в свою очередь, не имело последовательной региональной политики. Первым серьезным шагом на пути сохранения единства страны стал Федеративный договор. Он включил в себя три близких по содержанию договора о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Федерации всех трех типов (суверенных республик в составе РФ; краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга; автономных областей и автономных округов).

В основу компромиссного Федеративного договора был заложен принцип учета интересов всех народов России. С его подписанием (кроме Татарстана и Чечни) Россия из Конституционной Федерации превратилась в Конституционно-договорную, а с причислением к субъектам РФ краев и областей (а также приравненных к ним городов Москвы и Санкт-Петербурга) еще и в «полную» Федерацию. Федеративный договор несколько снизил внутриполитическое напряжение в стране, но вовлек далеко не всю региональную элиту в системообразующий политический процесс.

В условиях обострения экономического кризиса и проведения «шоковой терапии», обнищания большинства населения и взаимных неплатежей предприятий региональная хозяйственная элита упрочила свое влияние на массы. «Кровносвязанная» с номенклатурной оппозицией и частично разделявшая ее цели – захват власти, жесткий парламентский контроль над правительством – ее уже не устраивала возможность влиять за счет преобладания в областных Советах на исполнительные органы.

В то же время «демократы» расслаиваются на «разделяющих» и «не поддерживающих» курс Президента на ликвидацию власти Советов. Одним из следствий нарастающего противостояния законодательной и исполнительной

ветвей власти «снизу до верху» (за исключением немногих регионов, где «пактовая» модель согласия хоть как-то себя проявила) становится ускоренное формирование территориальных контрэлит. Их возникновение и самоопределение как самостоятельных социальных групп, претендующих на властные позиции, – результат глубоких общеполитических расколов и конфликтов внутри некогда целостных провинциальных номенклатур. Поэтому в отличие от оппозиционных групп в восточноевропейских социалистических странах они были порождением не гражданского общества, а эрзаца государства и в социокультурном отношении несли в себе нереализованный потенциал авторитарных, харизматических и карьерных устремлений[223].

Региональные контрэлиты и правящие группы начала 90-х мало чем отличались друг от друга. Они характеризовались определенным мифологизированным сознанием относительно демократии и рынка, некой сплоченностью и ценностным единодушием по поводу формальных и неформальных правил политического поведения, различались же лишь в отношении легитимности существующих политических институтов. Объединяло их и то, что все они боролись за власть и привилегии для себя, но почти никто – за демонополизацию и институциональное ограничение власти как таковой. Та или иная монополия и связанная с ней рента оставались традиционным содержанием групповых интересов элит и контрэлит.

Политический кризис и «расстрел парламента» в 1993 г. нанесли непоправимый удар по иллюзиям в отношении демократии в России. Оба драматических обстоятельства интенсифицировали возникновение и развитие глубокого идеологического кризиса, ценностного вакуума не только в массовом, но и в элитарном преимущественно демократическом сознании. Процессы самоопределения вновь приобрели у региональных политических элит черты неопределенности, разбросанности, проявившиеся, в частности, в усилении этноконфессионального сепаратизма и конфронтации. Противостояние территориальных элит и контрэлит, пакты между ними и определяли региональную политику в России начала – середины 90-х в той мере, в которой она была не только политикой «навязанных переходов», инициируемых центром и осуществляемых под его давлением, но и собственно региональной политикой[224].

В процессе систематизации этапов трансформации территориальных элит (в общенациональном контексте) можно выделить наиболее адекватные им доминирующие модели политического самоопределения.

Середина 50-х – начало 60-х годов XX века. Повсеместная «оттепель» политического сознания и пробуждение гражданской активности общественных групп. Руководством страны обозначается определенная самостоятельность местных интересов, требующих для своей реализации идеологически преданных и профессиональных кадров. Видоизменяется и закрепляется модель «политической зависимости» региональных номенклатур. Ее привержен-

цы открыто заявляют о невозможности иметь собственную политическую позицию и признают зависимость политического выбора от установок «первого лица» страны, региона, района. (Связка с традиционной моделью политической самоидентификации – ориентацией на «сильную личность» или «твердую руку» – очевидна.) Отказ от политического самоопределения объясняется устойчивостью исторических стереотипов и «нелиберальной» политической практикой.

Начало 60-х – конец 70-х годов. Период «ползучей реакции» (Е. Зубкова) и внутреннего самоосознания региональным руководством особенностей своей власти, ее ресурсов и пределов. Начинается «распараллеливание» (И. Куколев) политической власти страны: центр становится менее «страшным», местные ресурсы позволяют латентно формировать собственные элитные группы посредством партхозактивов. Наряду с моделью «политической зависимости» все большее распространение среди региональных номенклатур (клиентел) получает модель «отложенного самоопределения». Ее сторонники либо скрывают свои предпочтения, либо откладывают (даже не столько самоопределение), сколько его публичную демонстрацию для «нужной» ситуации, чтобы лучше оценить общий расклад политических сил и сориентироваться в решающий момент.

Конец 70-х – середина 80-х годов. В стране усиливаются настроения политической непредсказуемости и общественного протеста. Вследствие утрат политической культурой веры в идеал, в будущее, в авторитет, перманентных выплесков диссидентства и их подавления (И. Дедков) в интеллигентской среде зарождаются «контрэлиты». Кризис политической системы, отчуждение как тип социального отношения стимулируют требования реформ. Правящая элита публично расслаивается на «ортодоксальную» и «реформаторскую». Представители последней уходят из партийных органов в систему Советов и объединяются с «контрэлитой». Партийные структуры все больше превращаются в очаги непотизма, коррупции и идеологической ортодоксии. Среди региональных элит получает развитие модель «политической неангажированности», предполагающая уклонение субъектов от ответственного участия в политике. Ее привеженцы намеренно отказываются афишировать свои политические обязательства и предпочтения. Что стояло за этой индифферентностью – нежелание высказывать свои политические убеждения или страх перед их обнаружением – в тех условиях уже становилось вопросом времени и внутренней готовности элит к переменам.

Середина 80-х – начало 90-х годов. «Перестройка»: первые альтернативные выборы, гласность, открытая политическая борьба. Сокрушение партийной ортодоксии окончательно смещает центр власти в сторону Советов. Развал СССР. Коммунистическая номенклатура, показав свою полную неэффективность, распалась на ряд самостоятельных республиканских и региональных

элит. Одновременно в кругах «суверенных» победителей намечается раскол между «прагматиками» (партфункционерами второго и третьего эшелона) и «демромантиками». Опираясь на федеральную власть (фактически путем сговора), прагматический сегмент региональных элит закрепляется в местных администрациях. Это расценивается демократами как «возвращение» номенклатуры. Параллельно идет конвертация статуса номенклатуры в экономический и политический капитал. Нарастающий конфликт между администрациями и Советами заканчивается разгромом последних.

На новой основе восстанавливается власть региональных элит – где «демромантиков», где «прагматиков». В зависимости от отношения к рынку и государственному устройству, они располагают разными идеологемами контрактивности. Фактически, это – период формирования предпосылок для образования сообщества элит, время установления новых правил игры. Для процессов плюрализации элит и региональной внутрифракционной напряженности характерна такая модель политического самоопределения как «политическая вовлеченность». Лица, придерживающиеся данной стратегии, располагают осознанными политическими установками. Полюса здесь – коммунистическая и демократическая точки зрения на роль государства в трансформационных изменениях, затрагивающих весь спектр общественных отношений, в том числе и переход от советского типа элит к современному.

Сложность и противоречивость этого процесса (о чем пойдет речь в следующих параграфах) задают исходную многовариантность осуществления региональными элитами модели «политической вовлеченности» (от личного участия в политике до воздействия на нее через «доверенных лиц или косвенное влияние). Поэтому на последующих этапах элитной трансформации в российских регионах – **начала-конца 90-х годов и с конца 90-х г. прошлого века по настоящее время –** мы наблюдаем образование территориальными элитами новых стратегий политического самоопределения, в том числе в виде региональных идеологий. Они отражают заинтересованность правящих групп, не успевших «превратиться» в элиту либерально-демократического толка, в создании системы элитарного управления.

Ей, как и всякой способной к развитию системе, присущи свои проблемы и противоречия. Одним из определяющих следует признать противоречие между элитарностью и демократией, между элитарным механизмом управления и принципом равных возможностей. Результативность данной системы в конкретно-исторических условиях России напрямую связана с доступом к лидерству, со «сменой поколений» управляющих, с формированием «свежего» кадрового корпуса власти в центре и на местах, чьи суждения, решения и действия имеют важные определяющие последствия (С. Келлер) для большинства управляемых.

2.3. Формирование элитных групп в переходных условиях

В переходных обществах высока скорость социальных изменений, подвижность политических институтов. Это не только интенсифицирует политическое взаимодействие групп, общностей, индивидов, но и усиливает противоречивость развития каждого субъекта. Вопрос о формировании (особенностях изменений, рекрутирования) политической элиты – один из наиболее дискутируемых в политологии[225]. Исследователи различают «закрытую» и «открытую» элиты в зависимости от оценки того, как осуществляется ротация ее состава за счет выходцев из внеэлитных слоев. Элиту называют «открытой», если доступ в нее открыт представителям различных социальных страт. «Закрытой» элита является в случае, когда процесс рекрутирования приобрел самовоспроизводящийся характер[226].

В отличие от иных профессиональных сообществ региональная политическая элита представляет собой «открытую» и «становящуюся» систему. Это свойство обусловливается тем, что происходящие в ней метаморфозы являются формой выражения не только политических, но и экономических, социокультурных, институциональных, национальных, демографических и других обстоятельств. В состав региональной элиты поэтому могут входить лица различных профессий и пола, обладающие неодинаковым социальным, имущественным, образовательным и иным статусом.

Складывающаяся в регионах официальная система селекции политической элиты предполагает относительно широкие возможности для представителей любых общественных групп войти в верхний и средний эшелон политической власти, отличается высокой конкуренцией отбора, значимостью личных качеств и профессиональных знаний, небольшим числом формальных требований и участием широкого круга избирателей или всего электората территорий.

Выборы – неотъемлемая часть регионального политического процесса и элитной ротации в современной России. С точки зрения демократии, базирующейся на разнообразии институтов, они представляют собой «непрямой метод принятия политических решений»[227]. Во время выборов в активную политическую жизнь вовлекаются не только претенденты на властные позиции, но и простые граждане. Они начинают ощущать свою востребованность, возможность оказывать влияние на персональный состав государственных органов и элитных структур – парламентов разных уровней, институтов губернаторства и президентства страны. Кандидаты, соперничая между собой, демонстрируют собственную квалификацию как политиков, свои способности по сбору финансовых средств, составлению предвыборных программ и искусство взаимодействия с избирателями.

Новые элитные группы территорий – специфический продукт *инерции* и *современного этапа* развития механизмов рекрутирования. Они в известной

степени зависят от особенностей существующего общественного строя и характера политического процесса. В границах нынешней элитной трансформации в России он делится на два периода: *начало – конец 90-х годов прошлого века* и *с конца 90-х по настоящее время*. Характеризуя предшествующий этап, И. Дискин отмечал: «В результате произошедших перемен интегральная "номенклатура" фрагментировалась, а зачастую раскололась на враждующие группировки, объединенные социально-экономическими интересами, ресурсными возможностями, что создавало предпосылки для ускорения формирования системы корпоративных интересов»[228].

С возможностью самоорганизации и утверждением новых сфер жизнедеятельности – публичной политики и бизнеса – для «потенциального» сегмента региональных элит открылись ранее неизвестные каналы рекрутирования и обновления. Обычно политологи относят к числу основных путей продвижения к вершине политической иерархии государственный аппарат, политические партии, органы местного самоуправления, систему образования. По источнику формирования (механизму рекрутирования) истории известны три доминирующих типа элит: «элита крови», «элита богатства» и «элита знания».

Складывающиеся в регионах экономическая и политическая системы требовали (и требуют) значительного числа подготовленных акторов. Все большее значение начинает приобретать элита знаний, но реально более прочные позиции занимает технократия как разновидность элиты знания, «скрещенной» с элитой богатств и заслуг. Это объясняется тем, что само российское общество, до конца не определившееся в координатах исторических эпох, являет собой сложное образование переходного типа.

В *начале 90-х г.* по ходу череды кризисов, поставивших страну на грань гражданской войны, в стране формируются главные субъекты элитной структуры: администрация Президента, правительство, парламент, бизнес-элита и региональные элиты. После силового введения новых правил игры (1993) устанавливается расклад сил, не снимающий напряженности между различными элитными группировками, как на федеральном, так и на местном уровнях, но одновременно и не позволяющий ни одной из фракций элиты занять доминирующее положение.

Политическая конфигурация этого периода, отмеченная жесткой конфронтацией внутриэлитных фракций за лидирующие позиции, неразборчивым выбором средств и апеллированием к обществу, выделяет более выгодное положение коалиции, ориентирующейся на администрацию Президента. Итоги думских выборов приводят к важным кадровым перестановкам в парламенте и правительстве, однако слабо способствуют нормализации взаимоотношений между элитными группами.

Политический процесс национального уровня того этапа определяли две основные тенденции. Первой из них являлось движение в сторону «суперпре-

зидентской» республики. Как отмечает Л. Шевцова, «после 1993 г. мы явственно видим все более очевидную эволюцию ельцинского режима в сторону неопатримониального режима»[229]. Другая тенденция – стремление к консолидации, о чем свидетельствуют события вокруг президентских выборов 1996 г. и интеграционные процессы на региональном уровне, где с 1994 г. начинается форсированное оформление института губернаторства, постсоветских политических элит, а в ходе их взаимодействия и собственно региональной политики страны.

С середины 90-х территориальные правящие группы окончательно конституируются как вполне самостоятельный элемент среди действующих субъектов политики, занимают новое место (по сравнению с прошлым этапом) в структуре федеральной власти. Автономия региональных элит включает как неоспариваемый центром контроль над вверенной территорией, так и солидный пакет политических ресурсов. Их апелляция к провинциальным общностям при отстаивании собственных интересов усиливается, представительство в национальной политической элите возрастает.

С *конца 90-х* годов федеральная элита начинает выстраивать новые отношения с ведущими политическими институтами и игроками. Алгоритм конфронтации публично сменяется ставкой на сотрудничество. Накануне серьезных мер по реформированию государственной системы власти замещаются ключевые фигуры в правительстве. После парламентских «выборов – 99» устанавливается более оптимальный для углубленной трансформации российского общества расклад сил в Государственной думе и, наконец, в декабре 1999 г. первый Президент РФ Б. Ельцин «прекращает исполнение полномочий» в пользу своего преемника – В. Путина.

Уже в первом Послании Федеральному собранию РФ легитимный глава государства, оценивая предыдущий период правления, констатировал, что «вакуум власти привел к перехвату государственных функций частными корпорациями и кланами. Они обросли собственными теневыми группами, группами влияния, сомнительными службами безопасности, использующими незаконные способы получения информации»[230]. Проблема государства, зазвучавшая по-новому в предвыборных выступлениях В. Путина, способствовала его победе на выборах. Голосуя «за Путина», избиратели надеялись на то, что он наведет порядок во власти и обществе. Сумеет (как по М. Веберу) наладить экономическую жизнь в стране, без чего нельзя решать социальные вопросы. Большинство граждан России поэтому поддерживают Президента и сейчас.

Но не только конкретное состояние общества и его электората актуализировало содержание изменений в каналах и механизмах рекрутирования, формирования правящих групп. Во многом обусловленные традициями политического развития и особенностями политического режима, эти изменения связаны и с более глубинным фактором. Россия продолжает осуществлять транзит от

одного исторического типа общественного строя к другому и без социальной интеграции, равно как без консолидации элит его не завершить.

Опыт функционирования государств и демократий XX века показывает, что в переломные эпохи, особенно если процессы трансформации инициируются сверху (путем «навязывания» по «Карл – Шмиттеру» или «революции сверху» по «Мунку – Лефф»), роль правящих элит не только возрастает, но и существенно меняется. В нынешней российской ситуации она определяется успехами их перехода к демократическому и федеративному, правовому и социальному государству, к рыночной экономике, мерами по преодолению отставания страны от мировых тенденций экономического и общественного развития.

Отечественные регионы и правящие в них группы переживают в этом контексте сложнейшую фазу транзита, связанную как с широкими структурно – институциональными изменениями, так и с пересмотром самих принципов вхождения во власть новых людей. И здесь следует подчеркнуть, что особенности доминирующих механизмов рекрутирования не всегда коррелируются как с состоянием общества, так и спецификой элитного формирования.

Так, в первом случае продолжают содержательно меняться институты власти и экономики. В частности, трансформация последних осуществлялась в 90-е годы при отсутствии в исходной точке капиталистических отношений – рыночном механизме – настоящих и прозрачных форм. Часть политических институтов претерпевает существенные видоизменения до сих пор. «Демократия как открытая конкурентная система, – отмечает А. Панарин, – предполагает возможность появления новых политических субъектов, новых партий, выходящих на политический рынок с качественно новыми требованиями и новыми "товарами" – программами, предназначенными эти требования учесть и удовлетворить»[231].

Однако сложившиеся за последнее десятилетие региональные системы, оставляют довольно узкий коридор для собственно рыночных, открыто соревновательных взаимоотношений в элитном сообществе на местах. На вновь образованных в большинстве субъектов РФ политических полях в лучшем случае действуют интерпретации национальных «правил игры». Политическая многофигурность реально умещается во властные иерархии, свойственные двух- (от силы – трех-) полюсной модели развития политической жизни. При этом роль общества во влиянии на формирование элитных групп сокращается.

Особенностью правящих групп, их неотъемлемым свойством, функцией является, по мнению Х. Линца, навязывание своего образа мира всему обществу. В этом смысле существует *опасность механического переноса их оценки на относительно самостоятельную проблему конституирования региональных элит.* Тем более, что правительственный официоз всех уровней полон оптимизма в попытке доказать возможности страны в кратчайшие сроки пройти этап господства элиты богатства (вчерашнего дня современной цивилизации) и

перейти к доминированию элиты знания, как предвестника формирования постиндустриального, информационного общества[232].

Таким образом, основные понятия, используемые при анализе формирования элит в переходных условиях, – структурно-институциональные изменения, рекрутирование номенклатуры и новой региональной элиты, персональные и демографические изменения ее состава, в том числе и посредством выборов. Они становятся важным механизмом легитимации власти, инструментом пополнения и внутреннего структурирования центральных и местных правящих групп, а также индикатором их взаимоотношений.

Роль выборов в демократических государствах, к которым причисляет себя и Россия, довольно многозначна. Они лежат в основании общенационального политического процесса. Их влияние на местах особенно возрастает тогда, когда закладываются ведущие направления политико-экономической и социокультурной динамики территорий на предстоящий период и определяются ключевые фигуры властных процессов – губернаторы, мэры, парламентарии. В связи с этим претенденты на разные этажи выборной власти формируют и переформляют каналы взаимосвязей не только со своими социальными общностями, что необходимо для победы, но и федеральными структурами, что не менее важно для результативности их правления – после нее.

Вместо насильственных смен элит, а значит, и переделов собственности выборы предлагают регулярную процедуру обновления правителей и законодателей, а через них и соответствующих ветвей власти, поэтому они – важнейший механизм формирования элит и стабилизации режима. Как уникальный инструмент политической социализации, аккультурации и артикуляции различных социальных интересов, институционализирующих отношения участия и представительства, выборы – это ядро демократического транзита, показатель качества и динамики открытости государства, правящей элиты в центре и на местах.

В концепции «сильного государства» отдельные зарубежные авторы выделяют два его соотносимых положения: когда народ поддерживает курс и состояние автономии государства и когда народ сам определяет направление политического курса посредством выборов[233]. Оптимальность второго положения (если таковое возможно) для отечественной политической практики скорее идеальный тип. Его достижение, в конечном счете, результат рациональности постсоветского общества. Пока она лишь дифференцирует национальное государство в состояниях «слабого» и «сильного», а суть демократии целесообразно сводит к праву замены его лидеров без какого-либо опасения угроз или наказаний граждан.

В принципе современному российскому государству с его всенародноизбранным главой приемлема попытка соединения демократии и государственной власти. Принятый закон о партиях, новое законодательство о выборах вкупе с реорганизацией институтов государственного управления, активизировали об-

разование консолидированного регионального политического класса. Но не стоит забывать, что выборы «как демократический метод формирования органов власти есть форма самоорганизации территориальных общностей, но подчеркнем: только в том случае, если эта форма возникла в ходе естественного процесса самоорганизации, а не навязана искусственно»[234].

В начале 90-х годов меж тем «порядок хозяйственной и политической деятельности на территории субъектов Федерации стал устанавливаться, прежде всего, их органами государственной власти … к середине 90-х власть фактически «перетекла» с федерального уровня на региональный. Далеко не всегда это способствовало укреплению общенационального единства российского государства, а также расширению прав и свобод российских граждан»[235].

Вполне закономерно поэтому, что в своих представлениях о сильном государстве В. Путин отказывается трактовать подлинную силу государства как неприкосновенную ценность и призывает к конституированию государства, сила которого определяется лишь мерой необходимости и не противоречит демократическим ценностям. С этих позиций и рассмотрим проблему *формирования региональных правящих групп в ходе выборов*, являющихся такой ценностью и отражающих процесс общественно-политических и внутриэлитных изменений в России в условиях трансформации национального государства от состояния «слабого» к положению «сильного», что изначально предполагает, по мнению Р. Такера, выделение ключевых обстоятельств, в которых формируются элиты.

Так, историк В. Данилов считает, что в середине 80-х годов наиболее образованный, прагматический и неудовлетворенный своим положением эшелон партийно-комсомольской номенклатуры, инициировал общественное движение за перестройку общественного устройства, предусмотрительно «взяв в долю» экономически предприимчивую и политически активную часть среднего класса. Стремительно проведенная противоправная приватизация государственной собственности окончательно утвердила обновленную номенклатуру в статусе правящего класса общества, сосредоточившего в своих руках все политические и экономические ресурсы[236]. В этом смысле современная федеральная элита в значительной степени образовалась из относительно молодого поколения советской номенклатуры, а региональная – из «сплава» представителей местных партхозактивов и комсомольской «верхушки» конца восьмидесятых годов.

При опоре больше на традиционные механизмы рекрутирования, из коллективных лоббистов «передельческих» интересов в начале 90-х гг. обе группы в ходе рыночных преобразований и выборов обрели к середине этого десятилетия имущественный и властный статус. Они составили функциональный костяк суныне действующих политиков национального и регионального масштаба, сумевших «фактически реализовать» революционный настрой передовой части общества «в форме реформ “сверху” в интересах «политического класса» (Е. Ясин).

Противопоставляя сторонникам концепции «Великой российской революции 1991 – 93 гг.» (Е. Гайдар, В. Мау, Е. Ясин и др.) ряд возражений, социолог Т. Заславская подчеркивает:

Во-первых, новая элита, возглавившая российское общество в начале 90-х годов, на три четверти состояла из прежней номенклатуры (в то время как в странах Центральной Восточной Европы (ЦВЕ) к власти пришли оппозиционные социальные силы). Во-вторых, массовые общественные движения в России, в отличие от стран ЦВЕ, не получили большего развития, поэтому главным актором социальных преобразований на протяжении всего периода оставалась верховная власть как «самовоспроизводящаяся величина» (Л. Шевцова). В-третьих, как справедливо отмечает И. Клямкин, «в других революциях на радикальной фазе решались проблемы большинства, а у нас этот вопрос не решался вообще и не решен до сих пор». В-четвертых, масштабы политического насилия в России были весьма ограничены даже в сравнении с «бархатными» революциями в ЦВЕ. И, наконец, не поддается рациональному объяснению тот факт, что Великая социальная революция могла остаться практически не замеченной тем обществом, в котором она совершилась[237] или хотя бы его авангардом.

Действительно, демократические силы, представляющие этот авангард, были слабы, организационно и идейно разобщены не только в столице, но и в сотнях городов. Они не имели ни политической стратегии (последняя в странах ЦВЕ предполагала последовательную политическую демократизацию, закрепление эффективных институтов и создание того, что Х.Линц и А.Степан называли «экономическим обществом»), ни навыков политической борьбы, ни существенного политического влияния, способных обеспечить массовую поддержку демократии в ходе последующих реформ. Наиболее наглядно это прослеживается в *персональных* изменениях, происходящих в крупных региональных центрах.

В начале 90-х во власть в них пришли новые люди. А. Дука, в частности, выделяет в связи с этим два периода. «Первый связан с приходом участников протестного движения и превращением их в участников официальной политики и процесса принятия решений (истоки "феномена Немцова" – прим. *М.К.*) Произошло почти полное обновление представительной власти»[238]. Второй период осуществляется в ходе ротации лидеров демократического блока уже внутри действующей власти. Постепенно вожаков общественных движений, во многом определяющих характер деятельности последних Советов, сменяют менее политизированные депутаты, склонные исполнять более рутинную административную и политическую работу.

Складывающийся приоритет политико-аппаратных, карьерных мотивов, нежелание (и неумение) народных избранников сосредоточить внимание на важных для электората вопросах приводят к тому, что избиратели, помня о КПСС,

в массе своей отказывают в поддержке партиям и движениям. Строительство демократических институтов «затормаживается». Эта тенденция начинает прогрессировать уже в ходе хронологически первых свободных парламентских выборов в декабре 1993 г., которые, как замечает А. Мельвиль, по общей логике демократических преобразований выполняли функцию вторых выборов («выборов разочарования»).

Многоопытная номенклатура (а на местах это складывающиеся «партии власти»), лишь персонально изменившаяся в VIP-ряду и сосредоточившая в своих руках все значимые ресурсы, легко оттеснила демократов от ведущих позиций и «предотвратила народно-демократическую революцию» (Т. Заславская). В начале 90-х, по мнению Л. Шевцовой, речь шла «о системно ограниченной революционности, которая не привела к изменению сущности власти: власть до сих остается в рамках традиционно русской парадигмы моносубъектности…»[239].

Ее обратной стороной и одновременно особенностью формирования элитных групп в регионах выступают три обстоятельства. Во-первых, отсутствие стимулов для адекватного, основанного не на отношении к государству, а на отношениях частной собственности и демократии, развития политического участия среднего класса. Во-вторых, разделение территориальной элиты на правящую, имеющую доступ к ресурсам власти, и политическую, «косвенную» по отношению к последним. В-третьих, сохранение номенклатурного принципа элитообразования, обусловливающего антиобщественную стратегию местной «партии власти» в отношении регионального «политического класса». Она (с учетом местной специфики) не создавала ни политических институтов демократии для поддержки экономических реформ, ни институтов поддержки рыночной экономики, ни адекватных систем социального обеспечения и отбора кадров.

В итоге и выборы с их «пятипроцентными цензами и другими ухищрениями мажоритарной политической системы» в виде выхолощенных демократических процедур и такой же многопартийности явились, по мнению А. Панарина, «подменой подлинной конкуренции», предназначение «которых – вывести из игры и маргинализировать новационные политические меньшинства»[240]. Однако *корпоративная модель выборов, разделяющая не только массы и элиты, но и ставящая правящие круги особняком от всех иных политических сил, не сразу стала доминирующей. А лишь после того, как сам механизм выборов претерпел ряд существенных изменений по ходу структурно-институциональных подвижек.*

Во-первых, общие «эффекты демократизации в начале 1990-х годов привели к установлению парламентских и/или смешанных режимов и превращению региональных ассамблей из полностью подчиненных органам КПСС в автономные, а в ряде случаев в доминирующие институты, в то время как роспуск

Советов в 1993 г. способствовал снижению статуса ассамблей до подчиненного или полностью подчиненного и переходу к преимущественно президентскому типу разделения властей»[241] в провинции. В этих структурно-институциональных обстоятельствах выборы превращаются в постоянно трансформирующийся механизм прихода к власти. Сначала он меняется из идеологически зависимого в конституционно устанавливаемое демократическое устройство, а затем по мере коммерциализации и «индустриализации» избирательного процесса в одну из обязательных норм политической игры правящего режима.

Во-вторых, вместе с различиями в характере организации выборного марафона в конкретных регионах избирательный процесс становится инструментом разрешения конфликтов между фракциями внутри правящих и оппозиционных им элит. Последние обрекаются на аутсайдерство и вынуждены объединяться в структуры «выживающей» ориентации, противостоять друг другу в конкурентной борьбе за соответствующую нишу. Причем в целом это соперничество, как правило, носит межличностный, а для правящих групп – межклановый характер и не выходит на сущностные проблемы электората.

Так, прошедшие в 1993 – 1996 гг. федеральные и региональные выборы ни по способу проведения, ни по результату не были «триумфом демократии», но отличались разнообразием избирательной практики. Членов Совета Федерации в 1993 г. избирали по мажоритарной системе в один тур в двухмандатных округах. На выборах в Государственную думу была апробирована смешанная мажоритарно-пропорциональная система. Выборы законодательных органов в субъектах РФ проводились, как правило, по мажоритарной системе, причем в 20 субъектах Федерации образовались многомандатные округа (в Ингушетии, Калмыкии, Ненецком АО – общенациональные многомандатные округа), а в Республике Марий Эл, Туве, Саратовской области применялась смешанная система.

Кроме того, в отдельных случаях совмещались выборы депутатов Государственной думы и губернатора области, а в городах Нижнем Новгороде и Дзержинске, Городецком районе – выборы глав местного самоуправления внесли значительные коррективы в деятельность региональной избирательной комиссии. «На первый план выдвинулся вопрос о координации действий ветвей власти»[242], выработке новой модели сознания и поведения выбираемых и выбирающих. Этим был сделан важный шаг по пути приобщения России к тому демократическому, правовому механизму периодической проверки мандата власти всеобщим голосованием, который выработала мировая (а по своему генезису – европейская) цивилизация[243].

Вместе с тем, «политическая стабилизация, начавшаяся с 1994 г., отразила не консолидацию демократии, а выдающуюся способность Ельцина удерживать элементы режимной системы в состоянии шаткого равновесия. Перед нами, констатирует английский политолог Ричард Саква, сложное

уравнение, элементами которого выступают классовые фракции, новые и старые элиты, а также сама режимная власть, действующая как относительно автономная сила, чтобы обеспечить своему правлению социальную базу и одновременно освободиться от зависимости по отношению к любой конкретной группе избирателей[244].

В этом смысле выборы, с точки зрения демократизации, явили собой противоречивые результаты. Они подтвердили ориентационное и «догоняющее» по отношению к федеральному центру политическое развитие регионов и, прежде всего, в вопросах формирования структуры власти с учетом процессов элитообразования, а также усиливающуюся динамику авторитарной адаптации выборов[245], которая лишь возрастает в условиях преобладания в Российской Федерации территорий с режимом недемократического типа.

Среди причин «ползучего авторитаризма» исследователи обычно называют негативное влияния утвердившегося в регионах «президентского типа разделения властей», усиленного административно-патерналистскими традициями уклада жизни российской провинции; социокультурную неразвитость региональных социумов и политических сообществ в условиях доминирования патриархального и подданнического типов политической культуры, недостаточные вес и самостоятельность неправящих региональных элит, принявших правила электоральной политики государства и способствующих с целью «выживания» концентрации политической власти на местах в определенных руках[246].

Сюда же необходимо отнести и то, что «сами эти элиты во многих регионах… куда более напоминали бульон, в лучшем случае желе, но не нечто плотное и основательное: систематические переделы нераздельной собственности – власти/власти – собственности (вплоть до дефолта 1998 года – прим. *М.К.*) не давали… устояться и отстояться внутрирегиональным «правилам игры…»[247]. Они возникали то в виде законодательных инициатив по разграничению полномочий местных органов государственной власти (тех или иных уставов), то в форме «неписаных» контрольных предписаний клиентел, которые, не успев появиться, быстро менялись.

С началом действия Закона о системе органов государственной власти в конкретном субъекте РФ структурирование региональной власти формально завершается. Власть назначенных глав исполнительной вертикали с формированием дееспособных представительных органов областного (районного) уровня и приданием последним статуса законодательных легислатур – ограничивается. С 1994 г. наступает завершающий этап властных институциональных изменений, в ходе которых закладываются основы «смены поколений» региональных элит. При этом не следует недооценивать того факта, что, избрав большинство из них в качестве своей опоры во внутриэлитном противостоянии на национальном уровне, центр вовлек значительные слои региональных пра-

вящих групп в федеральную орбиту, позиционируя эти элиты не только и не столько как региональные, но и как важнейшую часть национальной политики.

Однако выборы 1994 г. остались в истории России свидетельством существенных перемен в структурах и кадрах представительных органов власти территорий и органов местного самоуправления. В соответствии с Указами Президента РФ от 9 октября 1993 г. № 1617 «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления в Российской Федерации», от 22 октября 1993 г. № 1723 «Об основных началах организации государственной власти в субъектах Российской федерации», от 27 октября 1993 г. № 1765 «Об утверждении Основных положений о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа» и от 29 октября 1993 г. № 1797 «Об утверждении Основных положений о выборах в органы местного самоуправления» впервые в Российской Федерации выборы в указанные структуры проходили не по единым общероссийским актам прямого действия, а на основе разработанных и принятых самими регионами нормативных актов о выборах.

Не секрет, что в части субъектов РФ не было общего подхода к определению ряда процедур. Но в одном проявилось единство взглядов и мнений – в стремлении простых людей сформировать профессиональную региональную власть, компетентную и подконтрольную обществу политическую элиту, достигающую этого качества в том числе и через жизнеспособность избирательной системы. Тогда она проявилась в том, что выборы в представительные органы власти и органы местного самоуправления состоялись в преобладающем большинстве регионов.

За период с декабря 1993 г. по март 1994 г. выборы проводились в 67 регионах России. Из них в 60 были сформированы полномочные органы государственной власти, в том числе в 18 – в полном составе. Из 10 тысяч кандидатов было избрано 1692 депутата, или 83,2% от числа депутатских мандатов. В 50 субъектах в основном осенью 1994 г. прошли также повторные выборы в округах, где они ранее были признаны несостоявшимися или недействительными (особая примета нового времени). В итоге к 1 января 1995 г. законодательные органы государственной власти в составе, необходимом для осуществления их полномочий, были избраны в 74 субъектах РФ. В ряде регионов (Республики Татарстан, Коми и др.) выборы прошли в течение 1995 г.

В Нижегородской области выборы в Законодательное собрание и в сельские, поселковые, городские думы проводились 27 марта 1994 г. Согласно Положению о выборах они осуществлялись на альтернативной основе по мажоритарной избирательной системе. На 45 депутатских мандатов в ОЗС при сборе подписей не менее 2 тыс. избирателей соответствующего округа выдвигалось 206 кандидатов в депутаты. В 74 сельские, поселковые и городские думы при сборе подписей не менее чем от 1% избирателей соответствующего округа на

646 депутатских мандатов выдвигалось 2106 кандидатов в депутаты. На этих выборах из 45 было избрано 32 депутата в Законодательное собрание области, и оно в полномочном составе приступило к работе. В указанные сельские, поселковые и городские думы на 646 «мест» был избран 551 депутат, после чего все они, в т.ч. и депутаты Думы Нижнего Новгорода, также приступили к исполнению своих обязанностей.

По-разному интерпретируя результаты выборов 1993 – 1994 годов, представители противоборствующих политических сторон сошлись в том, что без адекватных партий, располагающих сильными региональными структурами, победу на последующих выборах не одержать[248]. Уже на довыборах в ОЗС и Думу Нижнего Новгорода в избирательную кампанию активно включились представители региональных организаций «Демократического выбора России», ЛДПР, Социал-демократической партии России, КПРФ, массового общественного движения «Трудовой Нижний Новгород», общественного объединения избирателей «Союз Весна» и т. д. Их участие показало, что выдвижение кандидатов в депутаты не только по одномандатным округам, но и по партийным спискам по общерегиональному округу значительно ускоряет процессы формирования в регионах действительных политических образований и становления демократического механизма прихода к власти.

Выборы начала 90-х сформировали в большинстве регионов специфический политический резерв (важнейший участок подбора кадров) и вполне устойчивый потенциал представительной власти из людей, готовых как к участию в конкурентных избирательных кампаниях, так и способных по их завершению к работе в действующих структурах на профессиональной основе. Эти тенденции подтвердились в последующих кадровых перестановках и в ходе выборов середины – конца 90-х гг. Они оказались достаточно успешными для определенных «кандидатов-депутатов», если и не входящих, то поддерживающих регионально-интегрированную административную группу.

Но далеко не всем и не всегда даже в переходные времена вход в элиту того или иного уровня бывает открытым. К примеру, в 1989 г. так называемое окружное собрание не допустило Б. Немцова к выборам народных депутатов СССР – системе не нужен был диссидент. В 1995 г. и позже практически по тем же причинам была предпринята попытка не допустить до выборов А. Климентьева. «… оставим за скобками природу диссидентства этих двоих и настоящие цели их участия в выборах. Значимо то, что в обоих случаях власть посредством правоохранительных и избирательных органов пыталась оградить избирателей от голосования за наиболее перспективных кандидатов, по существу, сделать предварительный отбор кандидатур»[249].

Почти «то же самое» произошло с Д. Бедняковым на отмеченных выборах мэра в г. Нижнем Новгороде в марте 1994 г., в марте 1998 г., когда победивший на выборах главы местного самоуправления А. Климентьев был взят под стра-

жу и осужден. Этими и другими менее заметными для страны фактами был, в частности, предопределен раскол нижегородской правящей элиты на рубеже веков. Но что не менее важно – подобные сбои это не только рецидивы номенклатурного рекрутирования руководящих кадров. Ими же порождаются, возможно, кому-то и «нужные», но нерепрезентативные фигуры временщиков, не подготовленные к осуществлению должностных функций и ориентирующиеся на узкоклановые и корыстные цели в сфере власти.

Вместе с авторитарной адаптацией выборов, влянием местных «партий власти», которое может варьироваться (в зависимости от региональных условий) в диапазоне от активного конституирования подконтрольной политической инфраструктуры (Орловская, Саратовская области) до целенаправленных усилий по маргинализации политических групп независимо от их партийных пристрастий (большинство национальных республик), на передний план региональных политических процессов все заметнее выходят вопросы формирования правящих элит.

Значимость проблем формирования и рекрутирования правящей элиты определяется таким образом: если обосновать, что правящая группа формируется на основе нерациональных принципов, не соответствующих интересам общества, это значит, доказать неоправданность ее господства.

Для советской областной номенклатуры было характерно отборочное рекрутирование кадров под контролем КПСС. «… первоочередная задача момента не декреты, не реорганизации, – писал В. Ленин, – а подбор людей…»[250]. С учетом особенностей этапа общественного развития, политической системы и в зависимости от того, в какой сегмент власти «отбирался» кандидат: избираемый или назначаемый, какого уровня и т.д. – действовала «своя», но единая в общих принципах система комплектования территориального руководства. Она определяла критерии и порядок отбора претендентов, круг селектората, но главное – приход во власть проверенных и политически преданных людей. Иной аспект категорически не признавался, ибо являлся движителем «не запланированной» дифференциации и угрозой распада коммунистической номенклатуры, а значит, и режима.

В постсоветском контексте понятие «номенклатура» – это не столько обозначение определенной профессиональной категории, сколько способ идентификации разноликого социального слоя. Д. Фурман, например, описывает номенклатуру как разветвленную сеть персональных отношений и кланов. Внутри коммунистической номенклатуры, безусловно, имела место значительная дифференциация, вследствие «капитализации» ресурсов которой (Р. Рывкина), одна ее часть занялась бизнесом, другая осталась чисто административной, а третья – не столько политически, сколько популистически, используя ценности и устремления людей, – охватила и эти, и иные сферы. Суть такого «рассредоточения» А. Аг определил так: на смену принципа контроля, основанного на но-

менклатуре, пришел новый принцип, основанный на клиентеле»[251], но по-прежнему направленный на сохранение политической лояльности «вплоть до макро-структур власти» (М. Афанасьев).

Именно такие элиты еще правят во многих российских регионах и республиках. Это позволило, в частности, японскому исследователю Кимитака Мацузато, анализируя властные группы определенных территорий, утверждать: «сущностью советской и российской политики в период с 1990 по 1995 год является не противоборство демократов и коммунистов (или неокоммунистов), но внутрипартийный раскол и переориентация бывших лидеров КПСС»[252].

Помимо освоенных новых правил «командной игры», они по-разному унаследовали от советского прошлого основные пути вхождения во власть в контексте общего – «гильдийского» и национального тех лет – «номенклатурного» способа рекрутирования кадров. Это как минимум: 1) «чиновничий путь наверх» (В. Пугачев, А. Соловьев) или «бюрократическая выслуга» (А. Дука); 2) перемещения из ниже – в вышестоящие структуры, связанные преимущественно с чьим-либо выдвижением («протеже») или мобилизацией, чем с профессиональным ростом работника; 3) партийный (комсомольский, профсоюзный и т.п.) «лифт» и 4) хозяйственный «спрос» как на специалиста из реального сектора экономики.

Во всех случаях вхождение в административную советскую элиту в стабильных условиях предполагало прохождение кандидатом множества фильтрующих («проверочных») инстанций, иерархичность, протекционизм, личную выслугу претендента на руководящую должность. В ситуации, когда принадлежность к классу номенклатуры в СССР стала фактически наследственной, произошло вырождение советской политической элиты.

Кризисное состояние российского общества в 90-х гг., модернизация властных институтов, бурное становление одних и распад других общественно-политических структур естественным образом изменило характер рекрутирования правящих групп. Заданный центром вектор трансформации России в «элитную демократию» (Р. Саква) при нестабильной социально-экономической ситуации в провинции имел своим следствием смешанный, многовариантный процесс формирования состава элит. В отдельных регионах содержательно он не завершился и к настоящему времени.

В отличие от федерального уровня, где на рубеже веков «сложились условия для появления политиков нового типа» (Г. Артемов), в провинции пока нет ни устойчивых предпосылок, ни новых политических лидеров. Зато есть относительно устойчивые социальные группы, определяющиеся тем или иным способом принятия и реализации политических решений, более или менее актуальных для конкретных регионов.

В 90-х годах (в рамках такой модели политического самоопределения региональных элит как «политическая вовлеченность») ими был освоен ряд спе-

цифических приемов вхождения во власть. С большой долей условности их можно отнести к «антрепренерскому», представляющему собой по преимуществу способ демократического отбора элит. В нем оценка качеств претендента во власть не столько зависит от социального происхождения, партийности и опыта хозяйственной деятельности, сколько от репутации, общественного мнения и результатов участия в выборах. При этом былые статусные «заслуги» не играют особой роли и рассматриваются (селекторатом) с т.з. их социальной эффективности, возможности реализовать принятые решения.

Национальными особенностями интерпретации элитами антрепренерского метода отбора явились действия «таких механизмов, одни из которых обеспечивали так называемую "смену волн" партийно-хозяйственной номенклатуры у рычагов власти; другие характеризовали процесс "конвертации" многочисленными носителями партийно-комсомольских статусов в обладание собственностью, таким образом они становились ведущими фигурами в правящем классе; третьи раскладывали специфику действий региональных элит, делегировавших на федеральный уровень своих представителей и т.д.»[253]

С учетом возросшей практики самовыдвижения на выборах и венчурным вхождением во власть этот период характеризовался хаотичностью рекрутирования и случайностью попадания в элиту. «В идеологическом хаосе приток новых сил в политику происходил спонтанно, с явным преобладанием выигрышно-конъюнктурных моментов… Лишь у весьма не значительной группы политиков сложились последовательные демократические ориентиры культурного, а не поверхностного свойства»[254].

Противоречивость ситуации усиливало и то, что общего механизма передачи власти от компартаппарата к создаваемым демократическим институтам в свое время не было создано. Отказ «августовского режима» санкционировать «чистку» номенклатуры посредством законов о люстрации, как того требовали радикальные демократы, предопределил реальность предупреждений многих политологов: «как на пути от старого авторитаризма к предполагаемому демократическому строю лежит режимная система, так и переход – от старого чиновничества к меритократической… структуре идет через неформальную, или теневую, систему»[255].

Показательным в этом отношении выглядит опыт «столиц реформ» – Петербурга и Нижнего Новгорода, где при избранном мэре А. Собчаке и лично назначенном Президентом губернаторе Б. Немцове административная элита формировалась следующим образом:

1. Введение во власть людей, тесно связанных с «первым лицом». Эти связи базируются на совместной депутатской деятельности, межличностной симпатии и лояльности, такой политической самоидентификации элит как «ориентация на сильную личность лидера».

2. Выдвижение в структуры администрации прежних функционеров КПСС и Советов. Так, значительная часть Управления делами бывшего областного комитета КПСС, по инициативе А. Собчака, перешла работать в мэрию, а его прежний руководитель стал заместителем начальника аналогичной структуры городской администрации. В областной администрации Б. Немцова среди руководителей высшего уровня выходцы из партийно-советской номенклатуры составляли 40%, а среди руководителей среднего звена – 75%.

3. Сохранение в администрации демократов-реформистов, имеющих поддержку на федеральном уровне и играющих по правилам лидера. Наиболее значимым кадровым решением Б. Немцова в этом смысле стало назначение в декабре 1991 г. на пост мэра Нижнего Новгорода начальника факультета Высшей школы МВД Д. Беднякова, работавшего с «первым» в качестве эксперта Верховного Совета России. Дистанцирование Немцова от «маргинализирующихся» в политической жизни региона соратников по демократическому движению.

4. Сохранение специалистов в управлении. К 1993 г. около половины чиновников мэрии А. Собчака сохранили свои позиции. Б. Немцов, пригласив к сотрудничеству молодых и перспективных интеллектуалов-технократов как из региона, так и со стороны («Команда Явлинского»), в то же время ориентировался на сохранение и выдвижение прежних управленцев. Так, при наличии 48 вакансий глав администраций районов области новые люди были назначены лишь в 6 случаях.

5. Введение во внутренний круг власти влиятельных директоров предприятий. В разное время в его состав у Б. Немцова входили и менялись не только они, но и бизнесмены, руководители ведущих коммерческих банков и фирм – С. Кириенко, Б. Бревнов, А. Климентьев и др.

В результате административная элита в обоих «полигонах реформ» стала более гомогенной и, тем самым, достаточно эффективной с точки зрения возможностей поддержки политической стабильности. Но стиль деятельности стал менее демократичным и более авторитарным[256], свидетельствующим о складывании даже в «продвинутых» регионах структурированной предпосылки к созданию гибридного режима «полудемократии».

Если «гибридизация» и персонализация власти, характерная для многих территорий РФ, шла в них от авторитаризма к «полудемократии», то в Петербурге и Нижегородской области, наоборот – от идеалов демократии к реально-возможному «сообществу элит». Но по ходу движения растрачивались субъективные (в т.ч. и альтернативные) источники и ресурсы реформации («процесс есть – субъектов не хватает»), что и ставило на пути демократизации новые пределы. Однако тогда – в ходе рыночных преобразований и предстоящих выборов всех уровней 93-94 гг. – порочность данной тенденции была предметом озабоченности в лучшем случаи неангажированной части научного сообщества[257].

Изменения противоречивого характера затронули не только административные, но и политические (выборные), экономические и иные слои региональных элит. Примечательно то, насколько не велики были трансформации их составов: в 1994 г. персонал высшей администрации и законодательных органов на 82,3% состоял из представителей бывшей номенклатуры. По данным О. Крыштановской, 75% новый политический и 61% новой деловой элиты вышли из ее рядов. Большая часть предпринимателей – это бывшие комсомольские деятели (38%) и прежняя экономическая бюрократия (38%)[258]. По другим источникам, выборы в региональные парламенты (ассамблеи), состоявшиеся в 1993 – 1994 гг., повлекли за собой преобладание в их составе двух категорий депутатов – чиновников исполнительной власти и директоров предприятий, образующих до 1/3 состава ассамблей каждая[259]. В то время как влияние политических партий в плане продвижения их представителей оказалось незначительным даже в тех регионах, где были введены элементы пропорциональных избирательных систем (Марий Эл, Саратовская область).

Центр в лице Президента, не вмешивающегося до поры из-за дефицита социальной базы и легитимности федеральной власти во внутриполитические конфликты определенных регионов (как плата за лояльность их лидеров правящему режиму), предоставил последним «свободу рук» по реформированию систем органов власти на местах. На практике это имело своим следствием значительную диверсификацию порядка реформирования и функционирования региональных ассамблей, но менее существенные подвижки в механизме рекрутирования политической элиты.

В первом случае в ряде республик была введена двухпалатная структура парламентов, что было вызвано как отчасти стремлением к внедрению атрибутов демократической государственности, так и намерением ослабить новоизбранные ассамблеи. Их верхние палаты в Карелии, Татарстане, Башкортостане и других регионах действовали на непостоянной основе и формировались по принципу представительства административных единиц, а не граждан, и в большей степени состояли из назначаемых главой региона глав районных администраций.

В результате диверсификации региональных политических систем спектр политических возможностей ассамблей колебался от полной подчиненности в Калмыкии до автономного парламента в Свердловской области. Там сложилось устойчивое большинство, оппозиционное по отношению к главе региона (Э. Росселю), добившееся летом 1995 г. его смещения в ходе губернаторских выборов. Полем для конфликтов региональных ассамблей с региональными кабинетами (правительствами или областными администрациями) становились принятие региональных бюджетов (Санкт-Петербург), формирование систем местного самоуправления (Волгоградская область). Но главным образом – принятие региональных Уставов (в т.ч. и городских – конфликт в Нижнем Новгороде), выборы губернаторов и мэров «столичных» городов.

Политическая и «рекрутинговая» практики тех лет, во-первых, фактически подтвердили еще перестроечную гипотезу о «врастании номенклатуры в новую элиту» (Д. Бадовский, А. Шутов и др.), о прохождении ею стадии «номенклатурного реванша», закрепленного режимом «номенклатурной демократии» (Ю. Буртин и Г. Водолазов). Ряд ученых вывели главную роль второго и третьего эшелонов советской номенклатуры, практически составивших фундамент новой власти. Чем лишний раз «явили миру» о том, что вопрос о генезисе российских (в том числе и региональных) элит при всей своей «всесторонней изученности» – не решен[260].

Во-вторых, результаты «выборов – 94» продемонстрировали отход от схемы «кризисного» (С. Терроу и Л. Смит) рекрутирования в условиях «демократической мятежности» в лоно «неономенклатурного» отбора кадров, соответствующего стабилизирующейся обстановке в стране середины девяностых. В-третьих, публично осужденные, но не устранимые последствия номенклатурной системы в виде повсеместной тенденции особенно усиливаются в тех сегментах государственной власти, где прежняя стратификация и старые порядки жестко ограничивают возможность овладения людьми новыми символами общественного успеха (Р. Мертон), прогрессирует процесс реноменклатуризации элиты[261].

И, наконец, в современных индустриальных регионах, по нашему мнению, сосуществуют четыре основных типа селекции (отбора) территориальных элит:

- делегирование;
- призвание (назначение);
- протекция;
- самосовершенствование (самовыдвижение).

По сути, самовыдвижение или самовключение себя в состав элиты следует рассматривать как действие, происходящее за рамками официального механизма селекции. Оно выступает скорее исключением, чем правилом, так как существующие правила отбора предполагают соответствие качеств кандидата комплексу представлений, уже господствующих в правящей элите. Естественно, что обьективная ценность самовыдвиженца может быть совсем не адекватной данному комплексу, да и обществу в целом. В выборной реальности ситуация несколько иная, здесь самовыдвижение – приемлемый элемент общей системы, получивший свое развитие в отечественной практике преимущественно во второй половине 90-х годов.

В этот период именно выборы (не считая влияния «партий власти») оказывают позитивное влияние на динамику смены механизма прихода в политику. Укрепление их правовых основ пересекается с началом формирования в

крупных областных центрах структурированных групп интересов, профессионализацией политической элиты, вытеснением из нее заидеологизированных и радикальных элементов, часто оппозиционных в отношении к складывающимся группировкам клиентелистского типа. Связанные с исполнительной региональной властью или с аналогичными политико-финансовыми группами в центре, последние укрепляли сложившиеся соотношения сил на местах: доминирование органов исполнительной власти, снижение политического воздействия представительных структур, стремящихся (и через выборы) к паритету в формировании и осуществлении региональной политики.

В контексте этого и других противоборств, заданных самой логикой общественного развития и важнейшими политическими событиями национального и местного значения, шло поэтапное формирование экономических элит регионов. Первоначально их костяк составляли, как уже отмечалось, выходцы из партхозактивов. Анализ изданий по элите Нижегородского региона, в частности, «Промышленно-хозяйственной элиты Нижегородской области 1917 – 1996 гг.» (с учетом данных ежегодного справочника биографий «Кто есть кто» в Нижегородской области) показывает: к середине 90-х г. людей, имевших опыт работы в партийных, советских и комсомольских органах времен СССР, в составе верхнего уровня экономической элиты региона было свыше 53%[262].

По мере того, как разрешительные предписания власти (в духе исторической для легализации отечественного предпринимательства записки ЦК КПСС[263]) трансформировались в разного рода законодательные послабления, а после событий 1991 – 93 гг. – и в специфические финансовые взаимоотношения бизнеса с режимом, экономическая элита регионов заметно эволюционировала. Во-первых, она распалась, условно, на «хозяйственников», назначенных на свою должность еще в советское время, и «бизнесменов», сформировавшихся на этапе перехода к рыночным отношениям. Во-вторых, сменила номенклатурный типаж на образ предпринимателя, чередующего не только различные имиджи, но и формы воздействия на правящую элиту: от финансовой поддержки на выборах до вторжения в сферу принятия политических решений.

При этом, как и в политике, с середины 90-х г. в экономической сфере прослеживается некоторая рецессия. Результаты социологических исследований свидетельствуют, что «переход от административно - командного управления по-советски сменился таким же видом управления, только уже по-постсоветски»[264]. Происходит «консервация» околоэлитных групп, близких к прежней номенклатуре. Это наблюдается, прежде всего, в экономических структурах, возглавляемых бывшими аппаратчиками. И проявляется в сужении бассейна рекрутирования («только из своих»), в усилении властной вертикали и спектра зависимостей внутри фирм, нацеленности таких «команд» к монополизации ресурсов и максимализации выгоды. Можно предположить, что *именно эти постноменклатурные образования стали «пионерами олигархизации» экономических элит на местах* в отличие от «молодых, хорошо образованных, энергичных, не отягощенных традициями предприимчивых бизнесменов и банкиров… составляющих новую генерацию промышленно-хозяйственной элиты»[265].

По ходу становления бизнес-структур, роста их капитала и «перехвата» влияния у «хозяйственников» предприниматели обретают особое политическое сознание «состоятельных» и «востребованных» людей. Сначала их собственное («самодеятельное») благосостояние не связывается ими с взаимообусловленным утверждением в стране рыночных и демократических ценностей. Это сказывается на их политическом выборе с явным преобладанием требования к административной и политической элитам «навести порядок» в государстве и «во власти» в регионах.

В начале 90-х годов одно французско-российское социологическое исследование выявило примечательную особенность политической самоидентификации части т.н. «новых русских»: убежденность в том, что рынок может быть построен без демократии. Тогда же Н. Лапина (участник совместного проекта) сформулировала гипотезу, что предприниматели способны стать социальной базой для развития как политической демократии, так и диктаторского режима[266]. Гипотеза имела место и в середине 90-х, но по мере сформированности собственных политических интересов бизнеса стала «сходить на нет». Класс предпринимателей продемонстрировал большую приверженность ценностям демократии. В контексте «плутократизации» (М. Вебер) правящих групп в центре и на местах подспудно вызревающий приход членов экономических, финансовых структур во власть (политику) с целью отстаивания своих приоритетов на государственном уровне был предрешен.

Непосредственным включением части региональных экономических элит в политический процесс явилось их активное участие в выборах и создание собственных общественных организаций. Если на национальном уровне ими стали партии: Партия экономической свободы (К. Боровой, И. Хакамада), Партия свободного труда (И. Кивилиди), Русская социалистическая партия (В. Брынцалов) и др., то на местах – союзы и ассоциации. Последние в виде разнообразных преимущественно некоммерческих объединений (НКО), войдя в гражданскую инфраструктуру политической жизни субъектов РФ[267], позволяли предпринимателям реализовывать себя в иных видах деятельности. Поддержка ими региональных ассамблей в их попытке отменить мораторий Президента на выборы глав регионов; участие в процессе принятия Уставов субъектов РФ и областных центров; критика и противодействие политике тех или иных губернаторов стали своеобразной «школой» политической демократии бизнес- слоев, содействовали быстрому появлению внутри них группы лидеров из числа ведущих менеджеров и бизнесменов.

Ограниченность действия этого фактора влияния на формирование региональной элиты заключалась, прежде всего, в недостаточно широкой социальной базе предпринимательских кругов, а также в сложившемся к ним отношении властей и части населения как субъектам определенной, нередко «паразитической деятельности», основанной на присвоении чужого труда. Отсюда истоки участившихся было случаев вхождения бизнесменов во власть путем самовыдвижения – вне «заинтересованных групп» и чиновничьих структур. Косвенные формы воздействия экономических элит на региональную политику осуществлялись в середине 90-х гг. также через избирательную поддержку политических партий (местных отделений и их лидеров), сотрудничество с общественными организациями, оказание давления на органы представительной и исполнительной власти (лоббизм).

Финансовые ресурсы, которыми они располагали, безусловно, серьезно влияли на избирательный процесс, определяя не только стилистику предвыборных баталий, но, порой, и результаты голосования. Но решающее влияние на выборы (глав регионов 1996 – 1997 гг.) все же «оказала сплоченность региональной властной и хозяйственных элит, сосредоточивших в своих руках все рычаги электорального процесса, что в ряде регионов с развитыми оппозиционными настроениями позволило уверенно выиграть действующим руководителям. И, наоборот, при расколе местных элит губернаторы терпели крупные поражения (как в Красноярском крае, позже в Нижнем Новгороде – прим. *М.К.*)… на выборах чаще всего побеждала коалиция… Претендентов, как правило, поддерживал широкий спектр политических сил и экономических группировок»[268] или по-другому – «партия власти».

Территориальная «партия власти» в те годы, без сомнения, – главный актор региональной политики, ключевой субъект формирования региональных элит. Практически все ее представители, осуществляющие отбор той или иной кандидатуры или играющие ведущую роль в данном процессе, руководствовались четырьмя типами мотивов, сформулированных в свое время еще М. Вебером. Во-первых, традиционными, то есть стремлением выдвигать лиц своего круга и тем самым способствовать сплоченности правящей группы.

Во-вторых, эмоциональными, то есть субъективными симпатиями и антипатиями к тому или иному претенденту или социальному слою, из которого он происходит.

В-третьих, оценочно-рациональными, то есть, применяя по отношению к кандидатам в состав правящей элиты существующие в ней ориентации и представления о принципах поведения человека и обязательных для него взглядах.

В-четвертых, рациональными, то есть обьективно доказанной способностью претендента выполнять положенные ему функции и предписания. В результате лица, рассчитывающие «самовключиться» в состав «партии власти», как, к примеру, предприниматели, должны не только подтвердить свои знания,

умения, способности, но и быть готовами практически доказать ей свою лояльность в образе жизнедеятельности. Причем ныне это не столько определенный тип воспитания, образования, вероисповедования, профессии и т.д., сколько «правильное» политическое поведение.

Так, рыночные принципы проведения избирательных кампаний, призванных «произвести запланированные результаты», становятся привычным явлением в жизни российской провинции. Освоив их в бизнесе, часть предпринимателей пытается применять их и в региональной политике. Бизнесмены «учатся» формулировать не только социально-экономические, но и партийно-идеологические платформы, выдвигают на одних выборах «своих», на других поддерживают «единых» (от элит) кандидатов, спонсируют (не без пользы собственного роста) кампании известных политиков разного уровня, проводят рекламные и благотворительные акции и т.д., а иногда и просто совершают противоправные действия, подкупают электорат, склонные к этому заинтересованные группы, СМИ, но если на то есть негласное «добро» правящей коалиции.

В то же время применительно к оценке внутренних механизмов и перспектив (национального и регионального) развития (и на основе сложившихся реалий) для предпринимательской среды характерен вновь разгоревшийся спор между сторонниками демократии и авторитаризма. Отсюда, в частности, понятны вхождение членов экономических элит как в стан правых, так и левых партий, или в число «государственников».

Аморфность политических ориентаций определенной части экономических элит, используемая властями в собственных политических играх, способна повысить непредсказуемость электорального выбора регионов и сделать их (при склонности бизнеса к инновациям) полигоном свежеиспеченных избирательных технологий и манипуляций. С другой стороны, сознательные и согласованные действия предпринимателей способствовали как усилению, так и ослаблению позиций той или иной элитной группы. Опять же в сравнении с национальным уровнем, где прежде всего это касалось правительства и лично премьера, в региональном масштабе целевой фигурой воздействия бизнес-сообществ был губернатор.

Такая значимость главы исполнительной власти субъекта РФ определяется тем, что, направляя деятельность государственных структур вверенной на *выборах* территории, он, по существу, представляет собой тот институт, который при осуществлении широкого круга организационно-управленческих функций обязан творчески и целенаправлено отвечать на вызовы сложившейся ситуации. Адекватно оценивать реальное положение, инициировать соответствующие проекты, содействовать необходимым изменениям правящей элиты, совершенствованию средств и методов деятельности региональной власти при проведении определенной политической линии. Губернатор один из ключевых субъектов влияния на формирование и развитие территориальной элиты.

Однако следует отдавать отчет в том, что губернатор-назначенец и всенародно избранный глава администрации – это принципиально отличные по типу легитимации и, соответственно, объему полномочий, характеру исполнения организационно-управленческих и мобилизационно-коммуникативных функций персоны. В связи с этим представляется уместным обращение к отдельным аспектам ретроспективы политической борьбы в регионах за назначение выборов губернаторов в контексте интересующей нас проблемы.

Напомним лишь, что после роспуска Верховного Совета Российской Федерации и сентябрьско-октябрьских событий 1993 г. Указом Президента РФ от 22 октября 1993 г. «Об основных положениях организации государственной власти в субъектах Российской Федерации» было установлено, что главы администраций назначаются и освобождаются от должности Президентом РФ по представлению Председателя Правительства Российской Федерации. Первоначально выборы глав администраций планировалось провести в 1995 г., но политические реалии внесли свои коррективы.

Попытки региональных парламентов, поддержанные активной частью экономических элит и общественностью, добиться безотлагательного назначения выборов губернаторов натолкнулись на противодействие со стороны администрации Президента. Центр стремился не допустить губернаторских выборов до президентской кампании 1996 года, не без основания рассчитывая на «административный ресурс» мобилизации масс. Указ № 951 от 17 сентября 1995 г., повторно пролонгировал мораторий на губернаторские выборы (до конца 1996 г.) и рекомендовал региональным ассамблеям продлевать свои полномочия на период до конца 1997 года. С его помощью Кремль фактически перевел «неформальный контракт» между центром и субъектами РФ в плоскость (зависящих от его воли) компенсационных мер «взаимной страховки» (В. Гельман) столичной и местных политико-административных элит от утраты статусных позиций в случае неизбрания на федеральных или региональных выборах.

В конце концов, полемика о выборах губернаторов, протекавшая в преддверии президентских и парламентских кампаний, завершилась компромиссом между Думой, Советом Федерации и Президентом России. После долгих дебатов[269] в соответствии со ст. 96 ч. 2 Конституции РФ в декабре 1995 года вступил в силу закон «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации». Он предлагал должностной принцип рекрутирования верхней палаты российского парламента из числа представителей ассамблей и глав регионов.

В формировании территориальных политических элит эта норма сыграла двоякую роль. С одной стороны, статус представителей ассамблей был поднят на уровень членов Совета Федерации. Отчасти это способствовало иерархическим тенденциям в их деятельности и гарантировало признание местных парламентов в качестве актора регионального, а их председателей – и национального политических процессов. Важное значение, с другой стороны, имела закрепленная в законе норма об обязательности вхождения в состав Совета Федерации только избранных (а не назначенных Президентом) глав регионов. Таким образом, Кремль «сохранил контроль над возможностями губернаторов по административной мобилизации в обмен на статус региональных ассамблей и глав регионов в федеральных властных структурах; пойдя на расширение эффектов федерализации, центр вновь блокировал процесс демократизации в регионах»[270].

Состоявшиеся в порядке исключения в декабре 1995 – июне 1996 гг. в 16 субъектах РФ выборы глав регионов после изнурительного президентского марафона с осени 1996 года приобрели повсеместный характер и к началу 1997 года «закончились в 47 регионах из 52» (В. Колосов, Р. Туровский). К осени этого года в России не осталось ни одного главы субъекта РФ, назначенного центром: одержали победу председатели ассамблей Алтайского края, Владимирской, Воронежской, Калужской, Камчатской, Курганской, Свердловской, Тамбовской областей. «… лишь 23 прежних главы исполнительной власти сумели добиться переизбрания – яркое свидетельство того, что даже мощных административных рычагов, сосредоточенных финансовых ресурсов, контроля за местными средствами массовой информации и властной вертикалью, которыми обычно обладает действующий губернатор, еще не достаточно для победы»[271]. Одновременно такой исход голосования говорил и о недовольстве избирателей несправедливым характером выборов, выходящим за рамки расстановки сил в том или ином субъекте Российской Федерации.

И все же закрепление процедуры выборов имело свои положительные следствия для формирования территориальных элит. Во-первых, факт смены власти «первых лиц» путем выборов стал первым после периода перестройки существенным проявлением демократизации на региональном уровне. Несмотря на их противоречивый характер, в 27 субъектах РФ (с учетом повторных выборов) граждане переизбрали региональных руководителей. В отличие от общенационального уровня, где правящей элите удалось не допустить подобного сценария, в более чем половине субъектов РФ свободное волеизъявление избирателей (пусть и в форме протестного голосования) дало весьма значимые результаты с точки зрения перспектив упрочения демократических институтов.

Во-вторых, все избранные главы регионов получили опыт демократической легитимности, став полноправными и относительно независимыми от кадровой политики центра субъектами. Это обстоятельство перевело взаимоотношения «центр – регионы» от политики давления на Кремль в целях формирования вертикали власти снизу в плоскость политических переговоров. Правда, они быстро трансформировались в формы политической конкуренции, регулирующиеся конвенциональными договоренностями, слабо ограничивающими политический торг и конфликт.

В-третьих, с формированием в субъектах РФ правовых систем «сдержек и противовесов» (по типу взаимоотношений Президента и Федерального собрания) и с завершением (выборами губернаторов) первого локального электорального цикла региональные политические режимы обрели конкретные организационно-правовые рамки. В них с учетом диверсификации региональные политические режимы функционировали на рубеже XX – XXI веков до начала новой фазы политического развития, во многом подготовленной внутриэлитными разломами.

Особым результатом выборов и связанных с ними изменений явилось обозначение для «партии власти» нового конкурента в лице альянса прежней номенклатуры и необюрократии, символизирующей образование нового властного регионального слоя. На его формирование оказали влияние следующие основные внутриэлитные трансформации:

– стабилизация состава элит по сравнению с началом 90-х годов. Этому способствовало последующее ограничение каналов вертикальной мобильности и «вымывание» из правящих групп значительной части оказавшихся в их составе в 1990 – 1993 гг. политиков-«демократов» и управленцев-неофитов, реализующих собственную прагматическую стратегию; усиление влияния территориальных элит на федеральные выборы посредством организации электорального процесса на местах.

– изменение структуры внутриэлитных связей, что выразилось в доминировании как минимум двух разных клиентелистских групп частных интересов, причем одна из этих групп связана с руководителем региональной исполнительной власти, в то время как другая находится в позиции «партии власти» или «партии рвущихся к власти» (новый альянс); не включенные в эти группировки деятели и структуры оказываются на обочине политического процесса и либо вступают в «войну со всеми», либо маргинализируются[272];

– изменение характера конфликтов внутрирегиональных элит: во-первых, центр, утративший способность быть политическим арбитром в таких спорах, играет (в лице тех или иных групп, отдельных фигур) роль орудия в борьбе внутри региона; во-вторых, конфликты элитных группировок уже не сопровождаются массовой политической мобилизацией сторонников; в них ведущую роль начинают играть экономические элиты; в-третьих, если продолжить сравнение переходного процесса с шахматной партией (О. Доннел, Р. Шмиттер), то можно говорить если не об устоявших «правилах игры» в регионах, то как минимум об отказе от приемов типа «ход шахматной доской по голове» (В. Гельман).

Конечно, это еще не означало перехода внутриэлитных конфликтов в правовое поле. Но вкупе с изменением структуры региональных элит и утверждающейся практикой их отхода от раскола (хотя бы формального), жесткой борьбы за власть без правил… эти характеристики делают объективно воз-

можным рассмотрение дальнейшей эволюции правящих территориальных групп в рамках «институционального транзита», ведущего к складыванию в России политической элиты нового типа.

Однако по-прежнему среди условий его формирования важным остается вопрос о социально-демографическом составе региональных элит. Ибо свойственные второй половине 90-х годов и монократические, и демократические формы правления, характер взаимоотношений правящих элит, равно как и доступы в них, зависели и зависят от количественных и качественных подвижек в этом универсальном человеческом ресурсе.

Сразу необходимо отметить, что *доля выходцев из рядов советской номенклатуры имеет явную тенденцию к сокращения в правящих элитах*. Это связано, прежде всего, с естественными причинами. Возраст «бывших» предопределяет их постепенное отстранение от властных позиций. Хотя отдельные из них преимущественно в республиках еще сохраняют. Однако в большинстве российских регионов выходцы из номенклатуры осваивают положение советников и консультантов, составляя уже «околовластную» группу, в отличие от более молодого поколения прагматичных «комсомольцев». Часть их заняла кресла политико-административной элиты, часть стала «генералами бизнеса» (Г. Ашин, В. Владыцкая О. Крыштановска, И. Куколев).

Исследования элитологов показывают, что по своим социально-демографическим характеристикам современный правящий слой субъектов РФ заметно отличается от руководящей партийно-хозяйственной номенклатуры советской эпохи. Он существенно моложе на момент вхождения во власть и наделения статусными полномочиями на уровне региона. Как свидетельствует в своем исследовании А. Дука, по возрастному составу члены региональной элиты «тяготеют, скорее, к среднему поколению, тем, кому за 40, но меньше 56. Это когорта людей, достигших зрелости, накопивших немалый опыт, приобретших необходимые профессиональные знания и деловые навыки и потенциально имеющих еще достаточно времени и сил для свершения задуманного»[273].

Среди них превалирует достаточно высокий образовательный ценз. Более специфичны взаимосвязи возрастной переменной с признаками «тип образования» и «сектор элиты». При нетипичном губернаторстве Б. Немцова, к примеру, нижегородская политическая элита во многом состояла не из гуманитариев, а из «молодых интеллектуалов-технократов» (Н. Распопов). Ведущие представители из обеих групп выполняли функции как официальных, так и не формальных советников губернатора, с заметной симпатий Б. Немцова к последним.

В начале 90-х годов О. Крыштановская, чуть позже Н. Лапина, зафиксировали в составе новых правящих групп по сравнению с советской номенклатурой меньшее число дипломированных инженеров и, наоборот, значительно больше лиц с другим типом образования, особенно юристов и экономистов[274].

С середины 90-х в элитной среде получает повсеместное развитие практика «второго высшего образования» и, по возможности, защиты ученой степени: первое – техническое или естественно-научное, второе – экономическое или юридическое, отвечающее духу времени с его требованием профессионализации управления. Первыми в списке укрепляющих собой образовательный статус стоят члены новой административной элиты, вторыми – политической.

Образуя особый ресурс понимания и разрешения региональных проблем, оснащенные современными знаниями элиты закладывают основу для специализированной деятельности по урегулированию политических и экономических конфликтов. В этом аспекте обращает на себя внимание возрастной контраст между политической и экономической элитами регионов. Последняя образована из представителей преимущественно молодого и среднего поколения. Ее представители менее отягощены традициями и самоидентифицируют себя в рамках венчурных форм ведения бизнеса, нередко переносимых в политику при вхождении во власть через выборы.

Политико-административная элита – это своеобразный синтез возрастных и поколенческих страт с присущими им нормами и правилами отбора. Так, более зрелым не «понаслышке» знакомы атрибуты номенклатурной селекции: рабоче-крестьянское происхождение, стаж работы, перестраивающееся по ходу переломных моментов политическое самоопределение. Ее членам свойственно воспроизводство привычных (хотя и видоизмененных) образцов правления, либо, что *характерно новым элитам, обращение к определенным технологиям решения конкретных задач.* Именно поэтому с помощью задействованных социальных, экономических и политических технологий ими выявляется новый смысл и суть власти, переоцениваются каналы рекрутирования элитных групп, бесспорным «лидером» среди которых остается государственная служба.

Вне всяких сомнений, избирательные технологии – это наиболее разработанный и продвинутый в политическую практику субъектов РФ вид технологий. Но они социально эффективны лишь при готовности политических верхов обеспечивать честные выборы и подчиняться их результатам, что отдельными исследователями ставится под сомнение. «… качество теперешней политической элиты таково, – считает В. Хорос, – что она всячески противится проведению нормальных выборов, не мыслит их без манипулирования электоратом, подставок и пиара; а без “серии реально альтернативных выборов” невозможны глубокие изменения, как в ней самой»[275], так и в других социально значимых группах, пополняющих состав элиты.

В настоящее время региональная политическая элита не может обновляться и сохранять свои позиции, не прибегая к тем или иным демократическим процедурам. Однако в постсоветской России зачатки демократии возникали на узком общественном ландшафте, на котором ничтожно малы сколько-

нибудь развитые признаки дифференцированной социальной структуры, социально-экономических интересов и выражающих их организаций[276].

Ситуация мало изменилась и к нашим дням, если не считать наличия у представителей регионального политического истеблишмента устойчивых экономических интересов, прямой заинтересованности в участии по перераспределению собственности и монополизации власти. К тому же обратим внимание на *отсутствие в современной системе отбора территориальных элит сдерживающих факторов в виде общенациональной идеологической доктрины и регламентирующих органов в виде полноценной многопартийности.* Это повышает коррумпированность правящего на местах слоя.

Распределение региональных элит по признаку социального происхождения и пола как социокультурному критерию относительно устойчивое: довольно сбалансированное в первом случае и исторически неуравновешенное – во втором. Выходцы из прежней и складывающейся социальной структуры с традиционным преобладанием мужчин над женщинами более или менее равномерно пополняют состав элитных образований.

Для региональных элит отмеченные признаки имеют две заметно выраженные зависимости – от фактора «малой родины» (шире – «региона») и связанной с ним самоидентификационной компонентой. Неслучайно среди первопричин становления территориальных элит как таковых помимо социальных и политических предпосылок факт опосредованного самоопределения специалистов сыграл одну из ведущих ролей в закреплении у власти местных кадров в 60-е годы. «Сегодня не вызывает сомнения и тот факт, что характер происходящих в стране трансформаций во многом зависит от глубины перемен в недрах малой родины. Поскольку это то политико-социокультурное образование России, сменить вектор развития которого пытаются самые разнообразные политические силы»[277].

Несмотря на традиционно-специализированное участие женщин в общественной жизни как способе самореализации, их профессиональные возможности в сфере политики по-прежнему блокируют теперь уже рыночные отношения. *Институты власти и сейчас остаются для женщин малодоступными.* Эту зафиксированную ранее тенденцию подтверждают и результаты авторского исследования «Женская элита в политическом процессе нижегородского региона», проводимого совместно с комитетом по делам семьи, женщин и детей департамента по труду и социальной защите населения администрации Нижегородской области в 1995 – 1997 годах[278].

Уровень решения задачи доступа женщин к власти может быть оценен сегодня ниже удовлетворительного. Несмотря на то, что по всей стране возникают женские организации разного профиля, проводятся семинары и конференции, подчеркивающие усиливающуюся политическую роль женщин, а в отдельных субъектах РФ женщины в профессиональном единоборстве даже тес-

нят мужчин при занятии ответственных должностей – приход женщин в российскую (региональную) политику представляет собой проблему. Он не столько не соответствует внешним демократическим стандартам, сколько изнутри превращается в предмет предварительного торга. Ибо не секрет, чтобы быть избранным, нужно стать кандидатом в благоприятном избирательном округе, располагать важными средствами (финансовыми, благосклонностью местных властей, связями с СМИ и т.д.), знать «пружины и приводные ремни» этого особого механизма, называемого региональным политическим процессом[279]. Тем не менее, наличие того или иного капитала еще не означает, что приход женщин в политику даже на местном уровне гарантирован, равно как и закрепление в ней.

Женская политическая элита в стране есть. Но она не представляет собой организованного целого, программно и идеологически оформленного, а главное, социально и электорально консолидированного. А ведь женщины сегодня – это электоральное большинство. Вступление их в политику (независимо от уровня) остается делом рискованным и у тех, кто на это все-таки решился, возможности к завоеванию власти остаются проблематичными[280].

Региональная женская элита таит в себе немалую политическую силу. Изучать ее вне учета параллельной деятельности мужчин-политиков и их взаимодействия невозможно. Начавшийся в стране демонтаж патриархальных политических отношений свидетельствует: *по своему потенциалу женская элита представляет собой перспективное ядро демократической формы правления. Иметь ее в качестве равноправного союзника, партнера, безусловно, нуждающегося сегодня в поддержке, значит, видеть цивилизованной политическую власть в России.* Ее настоящие субъекты в лице мужчин и женщин со смешанными или рабочего-крестьянскими корнями располагаются во всех секторах региональной элиты в соизмеримых пределах. Последних заметно больше в структурах районного и областного управления. Выходцы из семей интеллигенции и служащие чаще иных категорий граждан (в 4 – 5 раз) занимают статусные позиции в городских органах исполнительной и представительной власти.

В 90-е годы данное соотношение несколько корректировалось сменой лидеров и их кадровыми предпочтения. Но при любых реорганизациях (обычно заканчивающихся перестановками в руководящем звене, причем более радикальных в городских, по сравнению с областными, структурах) отмеченные пропорции в основном сохранялись, видоизменяясь по ходу стратификации российского общества. В конечном счете, *коалиционная тенденция во взаимодействии социальных групп должна найти свое выражение при определении руководящего состава органов государственного управления РФ.*

Правда, в политике стран, вступивших на путь демократического развития, принцип «большой коалиции» имел место в постреволюционный и даже

послевоенный период и связан не только с сотрудничеством политических лидеров значительных сегментов общества, но и большей независимостью СМИ. Нечто подобное наблюдалось в России с 1992 по 1994 год. Когда складывающаяся политическая система срочно требовала разработки организационных и законодательных мер, а средства массовой информации являлись одним из повсеместных субъектов, влияющих на смену составов (поколений) политической элиты и пребывание в ней отдельных персоналий (Г. Попов, А. Собчак, Б. Немцов, А. Тулеев, Н. Федоров и др.)

Однако в последующие годы резкая политизация и «магнатизация» СМИ, их зависимость от внешних – социально-экономических и политических факторов, внутренней незрелости, допускающей недемократическую ангажированность и псевдооппозиционность «читаемых» изданий и «раскрученных» авторов», повлекли за собой сначало понижение влияния средств массовой информации как собственно «четвертой» власти, а затем почти «растворения» в политике правящей элиты в центре и на местах.

Современные элитные группы территорий, как правило, складываются в каждом из направлений социальной стратификации (общественного расслоения) – маргинальной среде, структуре среднего класса и сравнительно небольшом элитном слое. Но в отличие от западных демократий высокий статус в одном из измерений стратификации не предполагает сочетания с высоким положением во всех или большей части других. Ныне региональная политическая элита формируется не столько в саморегламентируемых пределах (как с 1994 по 2000 гг.), сколько с учетом меняющихся характера государственной власти и электоральной практики в обществе. К тому же в ближайшее десятилетие в силу вопиющего общественного расслоения ей придется осваивать более социально адаптированную модель рекрутирования правящих групп, несмотря на сегодняшнюю противоречивость ее оценок.

Большинство исследователей[281], отмечая краткосрочность возможностей стихийной вертикальной мобилизации, признают устойчивость исторически традиционных (хотя и видоизмененных) форм рекрутирования территориальных элит. Их образование шло (и идет) преимущественно сверху вниз. Воспол-няемость – на основе конъюнктурной череды авторитарно-демократических принципов. Селекция – на базе «клиентарного отбора» из номенклатурных или статусных ныне источников, а также посредством избирательного процесса с различными степенями контроля.

В целом, на протяжении 90-х годов выборы «почти не изменили "генетический" код российской региональной элиты. Борьба велась в основном между "агентами" старой партийно-советской элиты, и смена власти чаще всего означала либо восстановление позиций прежних руководителей с помощью НПСР, либо вытеснение первого и второго эшелона номенклатуры третьим ее слоем –

советскими хозяйственниками и "новичками". Значит, произошло весьма своеобразное обновление региональной элиты»[282].

После второго президентского марафона Б. Ельцина «… местные выборы окончательно перестали быть главным средством политического регулирования в переходный период. Они постепенно превратились в рычаг, с помощью которого региональная элита продолжила перераспределение власти и собственности между собой…»[283]. В связи с процессом олигархизации в сферу перераспределения национальных ресурсов вошли представители правящих групп, члены «капитализировавшейся» номенклатуры, финансовой и бизнес-элиты, административной «верхушки» общественности.

В 1998 – 2000 гг. глава Кузбасса (впрочем, как и лидеры многих регионов) набирает в свою «команду» уже не харизматиков-популистов, «борющихся за народное счастье», а влиятельных и опытных управленцев (номенклатуру) разных уровней – промышленных директоров, чиновников, профсоюзных активистов, При этом поскольку сам Тулеев пока не заинтересован в формировании устойчивой партийной структуры «под себя», а другие элитные группы и «гражданское общество» (снизу) к этому не готовы, в Кузбассе до сих пор отсутствует сколько-нибудь полноценная партийная система, а связанные с ней структуры выполняют сугубо декоративные функции[284]. Все это лишь заставляет повторять, что *качество элиты – исходная болезнь страны, одна из повсеместных проблем российского общества, находящегося практически в полной зависимости от правящей элиты и ее решений, несмотря на утверждение рыночных отношений.*

«Рынок в постсоциалистический период стремится стать механизмом регуляции, – отмечает французский социолог Д. Мартэн, – но по модели несовершенной конкуренции. Государство явно потеряло всемогущую роль, но сохраняет важную власть ориентации и вмешательства. Регулирование через микроиерархии усиливает власть менеджеров, но патерналистское и корпоративное наследие еще действует»[285]. Его символом в России девяностых годов стала мимикрирующая номенклатура, захватившая власть и сковавшая национальное развитие. Ей удалось в процессе собственной трансформации посредством мифов и концентрации статусных атрибутов на власть и собственность «интегрировать» в наличную региональную элиту малую часть политического и социального авангарда территорий, а большую – в виде активных общественных групп вывести на обочину модернизации.

Потенциально готовый к действенным преобразованиям авангард страны – отечественный средний класс. Его элита – это элита формирующегося гражданского общества. Как и иные элитные группы, она выделяется по уровню доходов, профессиональным ролям и роду занятий, статусу и уровню образования, а также по отношению к политической власти. Но в ходе постсоветского транзита значительная часть меритократии оказалась профессионально и политически невостребованной, неподходящей для «свит» и «пирамид» региональных лидеров. Это не столько особенность, сколько факт порочной рекрутации территориальных элит новейшей истории.

В наступившем тысячелетии со средним классом, способным делегировать своих лучших представителей во властные структуры любого уровня и контролировать их деятельность, связаны надежды как во внутриполитической модернизации страны, так и на реальное вхождение России в постиндустриальный мир. Такой союз укрепляет стабильность элиты и содержит динамику к открытому обществу. Его блокада бюрократически-властвующим меньшинством способствует разрушительным тенденциям. Об истинной заинтересованности национального политического режима в контроле над ним и создании условий для сокращения неравенства россиян можно будет судить уже по результатам идущих реформ в плане роста общественных благ от перехода «слабого» государства в «сильное».

Поворот к более продуктивному политическому участию среднего класса был возможен, по мнению Д. Фурмана, в конце 90-х годов при условии замены режима Б. Ельцина коалиционным правлением региональной «партии власти»: «На смену "разрушителям", осуществлявшим приватизацию, должны прийти "созидатели", закрепляющие приватизированное»[286]. Но именно выборы в «Госдуму – 99» стали финалом этой альтернативы, равно как и тех «изменений к лучшему», что связывались в определенных кругах общества с проигравшим на них блоком. Одна из причин его неуспеха – сугубо номенклатурная. Она проявилась в политико-культурной беспринципности представителей центральной и территориальной элит, попросту «перебежавших» в стан более конкурентоспособного лидера. Идейно-политический арсенал стратегий региональной коалиции, зафиксированный в программных и иных документах[287], между тем был задействован соответствующей думской фракцией и развит в востребованных электоратом тезисах стабильного демократического порядка и государственного реформирования, принесших на президентских «выборах – 2000» убедительную победу В. Путину.

Выборы как демократический институт обновления элиты и политической системы в условиях рационализации постсоветского политического пространства сыграли существенную роль в формировании по-новому профессионального властного регионального слоя. Выступая специфическим механизмом отбора «первых лиц» элиты, они выявили живучесть «рекрутинговых» практик

прошлого, определили в качестве современных источников рекрутирования на местах политические партии и организации клиентарного типа. Избирательный процесс обнажил преимущества на выборах тех, в чьем распоряжении экономический, политический и административный капитал с инновационно-технологическими механизмами его использования; выявил зависимость стремлений части постсоветских правящих групп к выработке традиционных механизмов и процедур вхождения во власть от структуры внутриэлитных отношений; «обнародовал» тех, кто наиболее подготовлен опытом работы в кризисных условиях и практическим участием в политическом процессе к подтверждению своих лидерских позиций.

Выборы стали объектом их политической деятельности, постепенно видоизменяясь в особый индустриально-технологический процесс.

Субъектом изменений и политической коммуникации в нем чаще всего выступали действующие лидеры, правящие и потенциальные контрэлиты. Они, прежде всего, заинтересованы в эффективности «выборного» действия, пусть даже и ценой манипулятивных средств для достижения поставленных целей.

Но чем тотальнее камуфлированный внешней информационной прозрачностью реальный контроль главы региона (его аппарата) над организацией выборов, тем жестче зависимость трансформации электорального процесса от изменений внутри системы региональной власти. Поэтому, классифицируя выборы в субъектах РФ по характеру «властной детерминанты», мы можем условно подразделить их на следующие основные типы:

а) автократически-контролируемые;

б) авторитарно-контролируемые;

в) полиархические или протодемократические выборы с контролем «пактового» или «беспактового» сообщества элит;

г) собственно демократические выборы с контролем структур правового государства и гражданского общества.

В конечном счете, успех организаторов (и манипуляторов) выборов зависит от режима, в котором они действуют. О чем и пойдет речь в следующем параграфе. Но главная задача выборов неизменна – научить управляющих и управляемых быть гражданами своей страны и принимать те решения, что в принципе сделают невозможным отказ от демократических прав и свобод.

Однако наличие авторитарного сознания и желание политиков формировать элиту демократическим путем противоречили друг другу. Это неибежно приводило к проблемам, конфликтам и непоследовательному их разрешению.

В результате на рубеже веков в российских регионах сформировался конгломерат влиятельных должностных лиц и элитных экономических групп, состовляющих в совокупности политическую корпорацию, автономно распоряжающуюся всеми имеющимися на местах ресурсами власти. Типичная природа значительной части ее представителей не позволяет отнести их к элите как одной из несущих конструкций гражданского общества. В регионах есть профессионально подготовленные люди, но нет общественных условий для конституирования элиты знаний и демократической ориентации как функционально оформившейся данности, имеющей социальный статус и способной оказывать решающее воздействие на поступательный характер изменений политических режимов территорий.

2.4. Региональные режимы как формы самоорганизации элит

За последнее десятилетие в субъектах Российской Федерации сложился своеобразный политический режим(ы). В нем можно найти как черты крайнего авторитаризма, так и формальные элементы демократического общества. Чтобы понять существо сложившегося режима, проанализируем основные действующие формальные институты и неформальную сторону региональной политической жизни. Именно эти компоненты отражают конкуренцию в политической науке двух основных подходов в трактовке режима: *юридического,* делающего акцент на формальные нормы и правила отправления власти институтами государства, и *социологического*, опирающегося на анализ тех средств и ресурсов, с помощью которых осуществляется публичная власть.

В ключе последнего современный территориальный политический режим – это *единство переходного разнообразия наиболее типичных методов и средств осуществления власти в данном регионе.* Однако в контексте «перехода к демократии» данное понятие следует трактовать более функционально: не столько как форму правления, сколько как *совокупность присущих конкретному политическому образованию институтов (со свойственными им чертами функционирования) и акторов (с их ресурсами и стратегиями).* Это позволяет в динамике эволюции политических режимов страны выделять именно переходные образования с реальным влиянием формальных и неформальных институтов, синтезом тех или иных практик.

Переходное состояние регионального политического режима обусловлено действием, прежде всего, двух комплексов взаимосвязанных причин. Первый отражает многогранное и координирующее влияние федерального центра (в

том числе и общероссийских хозяйствующих субъектов) на структуры, ход и направленность регионального процесса. Второй комплекс причин связан с формированием необходимых, относительно автономных институтов и механизмов, обеспечивающих приемлемое вступление и участие субъектов РФ в общенациональном политическом пространстве.

Ключевым актором обоих процессов в условиях «делегативной демократии» выступают правящие в центре и на местах элиты. Своеобразие региональных политических режимов – от практически полноценных парламентских республик до типичных ханств – и поддерживающих их институциональных выборов едва ли не наиболее очевидное свидетельство того, что мера, в которой территориальные элиты влияют на политику в своих регионах, достаточно высока. В свою очередь, многообразие центров политической власти и влияния – отличительная особенность политического режима страны в 1994 – 1999 гг. в целом.

«Приняв как данность», что отмеченная демократия «близка к современной российской реальности (если не на федеральном, то на региональном уровне в большинстве субъектов Федерации), стоит задаться вопросом, – считает В. Гельман, – настолько устойчивы региональные режимы "делегативной демократии" и каковы условия их возможной эволюции в сторону демократии представительной»[288]. При правомерности такой постановки вопроса в контексте «развилки» – наступления на регионы новой волны демократизации (со стороны центра), либо в результате институционализации внутринациональных элит – наиболее перспективным для России является развитие объединяющего фактора в виде создания повсеместно сильного демократического государства.

В нем подчинение всех правящих групп Закону благоприятствует нормативной рационализации властных подсистем, содействует общественному разделению труда и, таким образом, становится причиной эффективности деятельности элит и самого государства. Тем более, что и федеральное, и региональное руководство в этом отношении заявляет о модернизации и демократизации как главных политических целях.

Критериями необратимости демократии, как известно, являются: превращение государства в гаранта демократического обновления и национальной безопасности; автономность общественных сфер и эволюция партийной системы; быстрый экономический рост, повышение уровня жизни населения; рост политической активности граждан, приверженных ценностям демократии (М. Гарретон). Это выражается на этапе демократической консолидации элит (Г.О'Доннел, Ф. Шмиттер, А. Пшеворский) в обеспечении лояльности основных акторов (оппозиции, бизнеса, армии, гражданского общества) по отношению к демократическим целям в процессе децентрализации власти и осуществления соответствующих реформ.

Связав свою легитимность со стратегией модернизации, новый президентский режим в России до последнего времени успешно выполнял функции стабилизатора политической системы в расколотом обществе. (Что в ретроспективе порождает сомнение в подобной возможности со стороны региональной «партии власти» образца – 99 года, ориентировавшейся на курс модернизаторского авторитаризма.)[289] Пусковой механизм развития политической системы при В. Путине – преобразование институтов государственной власти (прежде всего, с целью достижения современной управляемости России) и государственной службы, т.е. формирование рациональной бюрократии, способной результативно действовать на правовой основе и в центре, и на местах.

Выстраиваемая вертикаль власти вместе с тем еще не решила проблему управления страной в должной мере. По мнения некоторых экспертов, введение института представителей Президента в образованных семи округах означает выстраивание новой структуры управления, которая порождает неопределенность, дублирование, усложняет регулирование. При этом произошел рост государственного аппарата. Так, к середине 2001 г. он увеличился на 80 тыс. чел. Расходы на этот аппарат с 1995 по 2000 возросли с 4,4 млн руб. до 40,7 млн руб. Таким образом, с точки зрения управления, проблема формирования сильного государства в современной России нуждается в дальнейшем решении[290].

Остается неэффективным управление государственной собственностью и экономическими ресурсами. Другой вопрос, что нарастающая концентрация капитала в руках трансрегиональных, как правило, общероссийских, хозяйствующих субъектов приводит к их серьезному вовлечению в региональные процессы – и нетождественный Норникелю Интеррос впрямую контролирует Таймыр, общероссийские Юкос и Сибнефть – Эвенкию и Чукотку, потеснив региональную элиту. Заметим, однако, что имеющиеся примеры подобного контроля относятся к субъектам РФ с весьма слабыми во всех отношениях региональными элитами. В то же время многочисленные попытки Газпрома и РАО ЕЭС, железнодорожников и того же Лукойла обрести «карманного губернатора» в регионах масштаба хотя бы Рязанской или Калужской областей пока, по крайней мере, успехом не увенчались[291].

Рост госаппарата, клиентарные формы и каналы доступа к руководящим постам, реноменклатуризация элиты, коррупция на всех ее уровнях – все это также атрибуты российского истеблишмента, продуцируемые на места. Взяточничество и коррупция – бич всех уровней власти. Понимаемые как элементы поведения государственных чиновников, пренебрегающих правом и социальными нормами в собственных целях, они принимают все более ухищренные формы. Опять же, как и в случае с манипуляторами выборов, коррупция процветает в зависимости от того, в какой системе или режиме она существует[292].

В условиях *демократии* коррупция вполне устойчивое явление. Но она выполняет важную функцию – сигнализирует о необходимости проведения ре-

форм в тех областях, где коррупция особенно процветает, где правовые нормы нарушаются или рационально не действуют. Разумеется, эта функция может быть реализована только потому, что при демократии работают механизмы контроля и гласности (свободная пресса, специализированные институты и органы надзора).

При *авторитаризме* коррупция может привести к тому, что для восстановления авторитета власти «запускается» государственный аппарат принуждения. Но даже если таким образом власть снова консолидируется, в условиях авторитарного режима преобладает небрежное, неуважительное отношение к правовому процессу. Насильственное восстановление действий законов не может быть длительным, если правящие круги не воспринимают всерьез ими же установленные конституционные и правовые нормы (как это наблюдалось в среде региональных элит по отношению к принятым ими Уставам) и, соответственно, используют «дозированную» коррупцию как фактор, стабилизирующий систему. При *автократическом правлении* элита «заполучает» себе госаппарат и заинтересованную общественность, позволяя им безнаказанно вести себя коррупционным путем в «неписаных» пределах. О каких же масштабах злоупотреблений в «эпоху реформ» может идти речь в нашей стране, если общим для аналитиков является вывод о прободании в России регионов с режимом автократического и авторитарного типа?

Классифицируя региональные политические режимы по характеру осуществления власти, мы можем условно подразделить их на следующие основные типы: 1) прото или формально демократические – упорядоченно-полиархические, предполагающие соглашение («пакт») примерно равных по силам фракций региональной элиты о разделе власти и сфер влияния со сравнительно мягким устранением от властных рычагов и ресурсов всех иных групп; 2) неупорядоченно-полиархические (где такого соглашения о разделении сфер влияния заключить не удалось, что порождает общую слабость и неэффективность региональной политической власти, сопровождаемой периодическими кризисами); 3) авторитарные, предполагающие традиционную концентрацию ресурсов и полномочий в руках одной группы, но при этом допускающие ограниченную автономию экономических и иных элитных структур, неспособных либо добровольно отказывающихся бороться за власть; 4) автократические – с практически полным контролем главы региона и выдвинувших его элитных групп за органами власти, экономическими ресурсами, политическим и информационным пространством территории. Главное достоинство подобных классификаций, отмеченное рядом исследователей – М. Афанасьевым, С. Борисовым, С. Бирюковым, В. Гельманом, В. Колосовым, В. Лысенко, Е. Мельниченко, Л. Смирнягиным и др., – в их применяемости как ко всему спектру отношений власти в регионе, так и к конкретным субъектам переходного процесса[293].

Отношение власти к оппозиции – исходный атрибут данной типологии и одновременно принципиальный индикатор степени демократичности любого политического режима. Анализ ситуации в субъектах РФ с этой точки зрения позволяет выстроить три основные региональные модели: а) полиархическая или плюралистическая демократия; б) разновидности «модернизационного» (В. Хорос), «просвещенного» (А. Мигранян) и подобных им (пост)авторитаризмов как проявления «ограниченной демократии» (А. Медушевский); в) автократия или жесткий авторитаризм. Главное различие между ними обусловлено различным типом взаимоотношений между политическим режимом и оппозицией.

Первая модель характеризуется наличием и активным участием оппозиции в региональном политическом процессе. Речь идет преимущественно о политических режимах центральных областей России, где оппозиция (как правая, так и левая) власти (больше губернаторской, чем полпредовской) присутствует в основном в представительных органах власти. Она рассредоточена по линиям базовых региональных конфликтов. Ориентируется на своих лидеров, опираясь на определенный круг средств массовой информации и имея финансовую поддержку как на местном, так и центральном уровнях.

Несмотря на слабость в России гражданского общества и сложность партийных метаморфоз[294], деятельность оппозиции активизируется в ходе избирательных кампаний в представительные органы власти, а также в период выборов губернаторов и мэров. Ее роль была весьма заметной в ходе этих мероприятий в Красноярском крае, Нижегородской, Свердловской и других областях страны. В этой группе регионов даже там, где оппозиции не удалось провести своих кандидатов, она остается постоянной компонентой не только в законодательных собраниях, но и во фракциях исполнительной власти, соперничающих за первенство между собой. В результате выборы из столкновения альтернативных стратегий развития региона превращаются в арену противоборства территориальных центров власти, а иногда и в противостояние их лидеров. Такая ситуация в ряде мест (в частности, Ульяновской и Нижегородской областях) разрешилась сменой «первых лиц», сам факт которой представляет собой пограничную точку между первой и второй моделями.

Модель «ограниченной демократии» представлена регионами, где существование оппозиции «разрешается» административной элитой. Она участвует в обсуждении политических проблем, имеет голос в представительных учреждениях, но не оказывает прямого влияния на принятие решений или может быть вытеснена из этих структур и существовать на периферии политического процесса как маргинальное образование. В Иркутской и Калининградской областях, Приморье и Красноярском крае оппозиция была представлена до недавнего времени в Законодательных собраниях, но подвергалась серьезной «опеке» со стороны исполнительной власти. Контроль последней над финансами, СМИ и правосудием давал оппозиции мало шансов быть услышанной. (Характерно,

что оппозиционные губернаторской власти течения в 90-е годы могли существовать в регионах лишь при поддержке из центра.)

Автократическая модель отношений власти и оппозиции представлена субъектами РФ, где легитимная оппозиция фактически отсутствует. Если первая модель условно может быть названа плюралистической, то третья (при признании пограничной ситуации перехода к ней в Приморье до избрания губернатором там Дарькина) может быть охарактеризована как монистическая. Она тяготеет к крайним формам авторитаризма и наиболее четко выражена в Татарстане, Башкортостане, Калмыкии. Там власть избранного лидера до недавнего времени вообще нельзя было публично поставить под сомнение, чтобы не стать объектом репрессивных санкций.

Где открытая оппозиция невозможна, ее заменяет бюрократическая фронда или «подковерная» интрига, правила которой соответствуют старой номенклатурной традиции. В Татарстане, к примеру, нет оппозиции в парламенте и средствах массовой информации, как нет и представительства политических партий в органах власти. Почти полное подавление оппозиции в отдельных республиках РФ, ее маргинализация в преобладающей части российских регионов свидетельствуют не столько о стабильности этих режимов, сколько об особом «механизме воспроизводства архаической сакральности власти» (А. Ахиезер). Этот механизм дезорганизует саму возможность современного развития локальных правящих групп, действуя в «ущерб базовому консенсусу» элит[295], символом которого является создание сильного демократического государства.

С учетом отношения региональных властей к оппозиции и складывающегося из него характера взаимодействия со средой политические режимы могут быть открытыми или закрытыми с переносом соответствующего качества на основные типы территориальных элит. В меньшей части субъектов РФ наблюдается *открытая элита* (Г. Ашин, О. Гаман-Голутвина, А. Медушевский). Для нее характерно отсутствие унифицированной внутренней структуры и жесткой иерархии, открыт доступ выходцам из внеэлитных слоев. Существует определенный плюрализм элит, устанавливающих консенсус путем взаимных переговоров и компромиссов (например, модель «сообщества» элит в Самарской и их «картельного соглашения» в Нижегородской областях.) В этом случае можно говорить о формально-демократической, автономной элите – деловой, политической, интеллектуальной и т.п., а также о вполне цивилизованном соперничестве между ними. Оно предполагает, что «в новом общественном устройстве, нет места неорганизованной оппозиции, непредсказуемым выборам и непокорным нуворишам, любым необузданным силам»[296].

На территориях с централизованной авторитарной властью сложилась самовоспроизводящаяся *закрытая элита* с жесткой иерархией и субординацией, правила существования которых устанавливаются монопольным арбитром – региональным руководителем (или его альянсом с экономическими конгломератами). Таковы элиты Татарстана, Башкортостана, Калмыкии. В республиках, где политика не носит партийного и идеологического соперничества, как, например, в Башкортостане, она выражается во внутриэлитной борьбе, которая жестко контролируется патрон-президентом. Данная модель при всей ее архаичности, однако, начинает казаться привлекательной и некоторым лидерам «русских» регионов страны, что лишь увеличивает потенциальное распространение разновидностей закрытой элиты. Два типа элит в принципе соответствуют полиархической (полицентричной) и авторитарной (моноцентричной) формам организации власти на местах.

Среди причин «авторитарного синдрома», охватившего значительную часть субъектов РФ, аналитики традиционно называют негативное влияние утвердившегося в регионах «президентского типа» разделения властей, добавим – обусловленного особенностями российской истории[297], культуры[298] и трансформации политического пространства. Вот как описал смену его характера в первой половине 90-х годов М. Ильин: «Чтобы стать другой, система должна обладать внутренней основой для изменения, своим иным, то есть двойной или хотя бы двусмысленной идентификацией. Переход в иное качество становится возможным благодаря "притворству" функций и структур (новый монарх притворяется президентом, новые аристократии – парламентариями и т.п.)»[299].

На региональном уровне партийный и хозяйственный аппарат, действительно, был видоизменен в исполнительную власть, а советские органы – в законодательную. Однако благодаря «волне переименований» (определения функций и структур политической системы), даже не соответствующей сути, новый глава «секретарем» уже не являлся – даже в качестве «президента» или «губернатора» и при умелом «притворстве». Введение демократических институтов предполагало (если не обязывало) и изменение форм распределения власти. Но за 70 лет и «управляющие» и «управляемые» привыкли действовать определенным образом. Лишенная возможности действовать «по-прежнему», власть вынуждена была функционировать в диапазоне несовместимых институциональных схем, перестраиваясь на ходу, заимствуя и экспериментируя.

Сложность формирования региональных политических режимов делает возможным их анализ с различных позиций, отсюда и разнообразие мнений, и типологий. И все же основным и решающим преимуществом «президентско-губернаторского» режима в России, сделавшим его легитимным в глазах населения страны, стало обеспечение политической стабильности в условиях поставторитарных переходов.

В свою очередь, об их успешности можно будет говорить тогда, когда безопасность общества и управление им станет соответствовать цивилизационным стандартам, когда демократия в центре и на местах консолидируется, что, прежде всего, зависит от эффективности правового и социального государства.

Однако не стоит забывать, что принципиальными особенностями переходного политического режима явились: 1) тотальный кризис самой государственности – власти и системы управления страной; 2) повсеместный кризис правовой и социокультурной систем России, аналоги которому трудно найти в истории; 3) влияние общемировых тенденций, в силу чего нынешний политический режим страны, регионов выражает объективную тенденцию к усилению исполнительной власти[300], призванной стимулировать и решать задачи децентрализации управления путем реального, а не формального разделения властей.

Опыт современных политических режимов в сравнительной перспективе показывает, что даже в развитых демократиях формальные и неформальные параметры разделения властей не всегда совпадают. Тем более ныне, когда наблюдается смещение политической власти от нижних ее звеньев и уровней в сторону общенациональных правительств. Устойчивая тенденция к усилению исполнительной власти, расширению ее полномочий за счет законодательной, происходит в разных странах независимо от форм правления (М. Дюверже)[301].

В российских регионах принцип разделения властей реализуется также по-разному. В подавляющем большинстве субъектов РФ воспроизводится общероссийская конституционная модель, дающая большие полномочия избранному Президенту. Соответственно, в регионах она «интерпретируется» правящими группами по-своему, но преимущественно в рамках обязательных всеобщих выборов главы субъекта Федерации, формирующего с учетом *местной специфики* исполнительный орган власти и имеющего широкие нормотворческие полномочия. Рассматривая проявления этой специфики на примере «авторитарного режима в Кузбассе», С. Бирюков и Е. Мельниченко отмечают, что его оформление «в итоге не позволило сформироваться устойчивой социальной структуре, сильным и независимым от власти элитным группам и институтам гражданского общества»[302].

Модели организации исполнительной власти (далеко не всегда «всесильной» в ряде республик) в отдельных из них закреплены в конституциях. Так, в Башкортостане глава кабинета министров – премьер-министр, в Бурятии – президент (совмещающий функции главы республики и председателя правительства), в Дагестане правительство образуется Госсоветом. В то же время «смешанная» Республика Башкортостан с двухпалатным парламентом – Государственным собранием – с помощью договоров смогла отстоять самостоятельность по отношению к федеральной власти. Это позволяет сохранять (до поры) систему непрофессионального парламента и фактически совмещенной законодательной и исполнительной власти. Исполнительная вертикаль, замыкающаяся на президента и обеспеченная депутатскими мандатами, в этих условиях беспрепятственно проводит свои решения в парламенте. Сходная ситуация с формальным разделением властей «по-президентски» наблюдается в Татарстане, ранее в

Приморье и отчасти в Калининградской, Саратовской, Ульяновской и других областях.

В Свердловской области установилась реально смешанная форма правления с развитой системой сдержек и противовесов. Ее особенность – наличие двухпалатного Законодательного собрания, «равносильного» губернаторской власти. Однако, как выясняется, и сложная система разделения властей, и менее развитая, как, например, в Пензенской или Ростовской областях, не защищает региональный режим от «авторитарного синдрома». Несмотря на постепенное освоение демократических принципов, соответствующих институциональных форм и общих для всех конкурирующих элит «правил игры» власть, по-прежнему, сосредотачивается в регионах, если не «в одних» (Р. Галлямов, А. Медушевский), то в руках исключительно немногих. Даже там, где казалось, были созданы первичные условия для относительно успешного перехода к демократии.

Так, модель президентской республики со спецификой концентрации реальной власти в руках «сообщества элит» была реализована в Нижегородской области (1991 – 1997). «Борьба по правилам» демократической игры в условиях политической неопределенности 90-х годов прослеживалась в Удмуртии (1994 – 1997), на рубеже веков – в Волгоградской, Свердловской и других областях. Конфликт «по правилам» с учетом местных особенностей во взаимоотношениях по линии федеральный центр – губернатор – ОЗС имел место на последних выборах губернатора Красноярского края (тоже президентская республика) и со спецификой отношений по линии федеральный центр – губернатор – мэр – местное самоуправление на выборах мэра Нижнего Новгорода в 2002 году.

Региональная специфика, как видим, прежде всего, проявляется в реальном механизме взаимоотношений властных институтов и элит как во вне, так и внутри территорий. Они могут характеризоваться как конфликтные, прагматические и партнерские с преобладанием той или иной нормативно-правовой процедуры. Тем самым учитывается не только деление региональных элит на группы, но и их связи, ценности, интересы – преимущественно «передельческие» «охранительные», «модернизационные». Пересекаясь в границах этапов институционализации элит, все эти элементы вносят и закрепляют в региональном политическом процессе особо значимые приметы – конфликт, подлог, сговор, сотрудничество и т.д.

Каждому региону присуща своя «элитная карта» (Р. Туровский), демонстрирующая как расстановку сил, так и «победившую» стратегию развития. Уже в ходе «шоковых» преобразований оформились такие внутринациональные схемы вхождения в рынок как «нижегородский пролог», саратовская, ульяновская и иные модели, отличающиеся отношением к рыночным реформам, темпам и методам их проведения.

Для развития демократии, – писал автор в середине 90-х годов, – перспективен конструктивный тип лидерства (личности руководителя, правящей группы, политического класса региона). Он отличается от преобладающего сегодня харизматического типа тем, что видит основное значение реформ в расширении прав и возможностей различных социальных групп влиять на процесс принятия решений. Нижегородский тип лидерства отражает многие противоречия реальной демократии, ситуации в стране. Своеобразной гарантией его эволюции в сторону конструктивизма является избранная областным руководством стратегия реформ. По существу, речь идет о приносящем свои результаты механизме саморазвития[303]. Сформированный на его базе политический режим принимает форму территориального самоуправления (региональной самоорганизации элит) в децентрализованном государстве.

На противоположном полюсе по степени распространенности и тогда, и сегодня – иной тип территориальных элит – самовоспроизводящийся и доминируемый. Он не столько контрреформационен или неконструктивен, сколько характеризуется тем, что не выводит взаимоотношения или исполнение фракциями элиты их непосредственных функций за рамки сложившихся базовых значений и зависим в своих изменениях от определяющих субъектов и условий.

В зависимости от характера отношений между управляющими и управляемыми режим такого типа может подразделяться: на «доверительно доминируемый», «жестко доминируемый» и «насильственно доминируемый». Когда политический режим сознательно нацелен на социальные рычаги, вызывающие принуждение и страх, последний из вариантов наименее эффективен. Но в сочетании с другими он способен воспроизводить немалый временный эффект с опорой на методы политико-административного свойства. Ареал формирования и функционирования режима территориального доминирования – это преимущественно дотационные или этнические регионы России.

Главным ресурсом власти для политических элит здесь, как отмечает нижегородский исследователь Н. Распопов, служит лоббирование местных интересов на федеральном уровне, а также традиционное выполнение распределительных и контрольных функций в области приватизации (ныне – в акциях банкротства предприятий разных форм собственности), расходования бюджетных средств, кадровой политики и т.д. В условиях значительного ослабления исполнительной вертикали «федеральный центр-регионы», утраты политической властью целого ряда распорядительных полномочий, с одной стороны, а с другой – появление в процессе приватизации новых мощных центров влияния вынуждало региональные политические элиты поступаться частью своих традиционных прерогатив, прежде всего, в пользу экономических структур. Это ставило на повестку дня вопрос об их объединении.

Ключевыми направлениями в процессе консолидации нового правящего класса в регионах с середины 90-х гг. становятся:

– установление бюрократической элитой собственного политического господства, сопровождаемое кадровыми перестановками;

– кристаллизация и согласование интересов политических и экономических групп; стремящихся к максимализации выгоды в пределах сроков полномочий;

– процессы регионализации элит, при рекрутировании в ряды которых существенно возрастали требования к профессиональным качествам и степени лояльности претендентов.

В результате, в регионах почти повсеместно складывались режимы, где имела место жесткая борьба за власть замкнутых группировок, но ни одна из сторон не могла навязать свою волю другой. Параллельно и одновременно происходили как процессы интеграции политических и экономических элит, так и сращивания отдельных теневых групп, в частности, номенклатуры и криминализированного бизнеса. При низкой представленности не только в исполнительной, но и законодательной власти действенных партобъединений все это формировало «регрессирующие» правящие коалиции. В свою очередь, в самоорганизуемых ими режимах можно было наблюдать ряд характерных признаков:

– деятельность по принципу управленческих команд, контролируемых главой исполнительной власти региона;

– обязательность принципа личной преданности первому лицу на любом уровне;

– наличие на каждом «этаже» региональной пирамиды своих лидеров с собственными клиентелами;

– маскируемая вовлеченность номенклатуры в раздел приватизированного имущества, ретуширование ее роли как главного социального агента в слиянии функции власти и собственности;

– связь с организованной преступностью и теневым бизнесом, лоббирование «заказных» интересов в центре и на местах. И т.д.

По уровню развития (Г. Алмонд и Д. Пауэлл) такие режимы оставались *традиционными* с преобладанием в них дифференцированных государственных структур (административных, законодательных, судебных органов), но в элитах и обществе доминировала культура подчинения, санкционированного участия людей в акциях власти. Пример таких систем в прошлом – феодальные системы. Неудивительно, что общим результатом трансформаций традиционных режимов явилось такое качество постсоветского российского государства как дефективного политического субъекта, не имеющего устойчивого стратегического курса. Оно во многом определялось полицентрическим характером режима в целом и свойственной ему автономией ключевых акторов.

Помимо федеральных и региональных элит к таковым в 90-е годы относились и олигархи, в большинстве своем строящие взаимоотношения с центром

(Президентом и правительством) по формуле: политическая лояльность в обмен на автономию. Слабость федерального центра, его зависимость от местных автократий и олигархов, отягощенная особыми патронажно-клиентельными связями создавало серьезную проблему для демократической консолидации элит[304]. Первоначально ее источником было политическое противостояние Президента и КПРФ, сплотившее лишь часть территориальной элиты.

Правда, формально можно говорить о расширении демократических основ региональной системы власти: с 1996 года, как уже отмечалось, губернаторы из назначенцев конституируются в избираемых политических лидеров. Выборы становятся повсеместной и повсеуровневой практикой. Создаются условия для формирования многопартийности и разделения властей. Но это не привело к интеграции региональных элит на основе демократических институтов. И прежде всего потому, что незаконченный (прерванный) демократический транзит в России стал не столько радикальным разрывом с прошлой советской системой, а ее специфической метаморфозой. В результате под лозунгами демократии и антикоммунизма фактически было сохранено ядро старой номенклатуры в рамках обновленного правящего класса, включившего в себя как старые кадры партийных и хозяйственных прагматиков, так и новых карьерных профессионалов из демократических рядов[305]. После президентских выборов 1996 г. между ними началась яростная политическая борьба, с учетом местных особенностей происходившая на региональном уровне.

Здесь конфликт приобрел клановый характер и сместился внутрь перегруппировавшегося истеблишмента. Множились неформальные центры влияния и власти. Система принятия стратегических решений все больше ориентировалась на институционально нерегламентированную сферу взаимодействия элит. В ней политическая конкуренция акторов уже не регулировалась конституционными нормами, а опиралась на межклановые договоренности. Содержание действующих демократических институтов выхолащивалось. Выборы в условиях прогрессирующего отчуждения общества от власти становились фарсом и средством перераспределения власти региональных элит. Все это расшатывало плюралистическую структуру власти, но укрепляло политическую иерархию территорий.

Собственно экономические изменения, такие как переделы «бюджетного пирога», играли в этом отношении, по мнению А. Кузьмина, куда меньшую роль[306]. С той лишь поправкой, что абсолютно доминирующие в том или ином субъекте РФ экономические акторы (будь-то транснациональные Лукойл и Газпром или региональные на тот момент новолипецкая или череповецкая металлургии, нижегородское автомобилестроение, самарское производство космической и авиационной техники) приобретали в соответствующих регионах как минимум характер «групп вето», а нередко и предопределяли политику субъекта РФ полностью (можно то, что мы разрешили, а то, что мы приказали, –

должно). Сами же переделы бюджета в сторону регионов скорее свидетельствовали о росте влияния территориальных элит как представителей элиты национальной и, прежде всего, в лице губернаторов.

В 90-е годы это действительно ключевые фигуры во всех сдвигах региональной политики – и в возвращении в высшие эшелоны власти «прежних» людей, и в сплочении вокруг себя местных элит, и в функционировании региональных режимов, где иммунитет всенародноизбранных губернаторов обеспечивал подлинное разделение полномочий между уровнями государственной власти (И. Бунин, Б. Макаренко). В первых двух аспектах определяющую роль, безусловно, играет личность губернатора, в последнем – статус и способности адекватно воспринимать неоднозначную политику федерального центра.

Но в любом случае, копируя или интерпретируя президентский стиль правления, если губернатор был ориентирован на осуществление реформаторского курса, остальные сегменты режима действовали преимущественно как группы поддержки вне зависимости от особенностей собственных предысторий. Если же глава администрации – противник реформ, то его оппозиционность чаще всего носила конъюнктурный или внутрирегиональный характер, отражаясь на судьбах местных политиков. А в более широком плане – на структуре регионального «политического класса»: востребованности одних и маргинализации других элитных групп. Во второй половине 90-х годов это выражалось, в частности, в приоритете представителей старой хозяйственной и новой экономической элиты по сравнению с членами партийных и гражданских сообществ.

Губернаторы и приближенные к ним носители наиболее ярко выраженных политико-экономических, управленческих и правотворческих функций, их непосредственное окружение (лидеры, поддерживающих социально-политических сил, клиентелы), находящиеся в отношениях взаимозависимости, и образовывали относительно устойчивые общности, что формировали региональные режимы того времени. Их внутреннее устройство в реальной политической жизни определялось в первую очередь положением правящих групп и характером взаимоотношений последних с другими элитными и статусными образованиями.

На рубеже веков положение правящих региональных элит характеризовалось: 1) наличием у них определенных политико-административных и коммуникационно-технологических возможностей – способностей к взаимодействию с центром и организации горизонтальных связей между собой; 2) зависимостью от общественного мнения территорий в период выборов, представления и выражения «местных» интересов; 3) обладанием конституционно закрепленной и конвенционально скрепленной компетенции, а также средством защиты собственных интересов, особенно со стороны органа регионального представительства – Совета Федерации.

Взаимоотношения правящих элит (в лице сложившихся повсеместно на базе местных администраций «партий власти») с другими элитными и статусными группами строились в диапазоне от авторитарно-патерналистских до партнерских и зависимых[307] внутри регионов. И от сепаратистских до протекционистских стратегий во взаимоотношениях с центром. Своеобразным их отражением во второй половине 90-х гг. явилась самоорганизация нескольких типов региональных политических элит (режимов) в зависимости от характера их политического поведения и взаимоотношений с федеральным центром.

Одни стремились путем сепаратизма к максимальной самостоятельности (конфедерации). Вторые под руководством лидеров-харизматиков, оснащенных региональной идеей, воспроизводя общефедеральные процессы, пытались мобилизовать территориальные общности на построение «светлого будущего» в рамках отдельно взятого субъекта РФ (Калмыкия, Татарстан). Третьи, опережая федеральный центр в продвижении экономических реформ, искали партнеров за рубежом. Четвертые, прагматично взаимодействовали с Кремлем с целью получения финансовой помощи из федерального бюджета.

В конечном счете, лидеры всех этих «государственно-номенклатурных, капитализированных» образований использовали свое политическое искусство и автономные ресурсы для укрепления собственных позиций на местах, экспансии за их пределы и политическом торге с федеральным центром. Развитие региональных режимов подчинялось центробежному вектору, а государство низводилось до совокупности их конгломератов.

С другой стороны, центр всегда, по возможности, стремился сдерживать «региональную вольницу» (С. Хенкин). Важными инструментами для решения этой задачи были то местное самоуправление, то представители Президента. Но их влияния при «слабом национальном лидере» оказалось недостаточным для сохранения сложившейся иерархии во взаимоотношениях с Кремлем.

Региональные элиты все более самоутверждались и автономизировались на базе собственных экономических, политических интересов и легитимных ресурсов, что в итоге привело к политической десубординации элит страны. Она завершается борьбой этих групп против Кремля и взятием курса на демонтаж сложившейся формы президентской власти. Итак, *все последнее десятилетие XX века в России, так или иначе, прошло под знаком самоопределения и автономизации региональных элит, что, на наш взгляд, является не только главной особенностью переходных режимов субъектов РФ, но и процесса политической трансформации отечественной государственности этого периода.*

Здесь же следует уточнить, что в основе *автономии* территориальных элит лежал официально зафиксированный и закрепленный договорами по оси «центр – регионы» объем полномочий. Эта ось предполагала «не оспариваемый центром контроль над корпоративным «доменом» (регионом, ведомством,

крупной фирмой или холдингом). Автономия включала и солидный «пакет» политических ресурсов. Наиболее внушительным «пакетом» располагали региональные лидеры, совмещавшие положения в вертикали власти со статусом автономных политических игроков, имевших собственное представительство в федеральном центре, независимые от него «партии власти» и ресурсы местной экономики»[308].

Но этот масштаб влияния, как показывает время, все же был не столько «детищем» территориальных элит, воплощением их самоорганизации, сколько порождением недееспособности центральной власти. И постепенное усиление последней – через итоги выборов в Государственную думу, работу новых полпредов, но главное через прямое взаимодействие Президента с обществом – сразу же ограничило национальную роль региональных элит. Новые принципы формирования верхней палаты парламента, предложенные В. Путиным, лишили территориальных лидеров возможности торга – блага в обмен на лояльность, заставили их развернуться в сторону более эффективного сотрудничества центральных и региональных политических элит[309].

В целом надо отметить, что консенсус, взаимовыгодное сотрудничество элит – необходимое условие устойчивого развития любого федеративного государства, тем более это важно для Российской Федерации, переживающей процесс глубокой политической трансформации. Однако, по мнению В. Гельмана и Г. Голосова, успешности консенсуса как демократического процесса содействует ряд предпосылок, связанных не с поисками консенсуса, а с «конкуренцией и с борьбой акторов за свое выживание»:

Во-первых, возникновение политической конкуренции в рамках формальных институтов становится возможным лишь при существовании структурных предпосылок внутриэлитного конфликта – таких, как укорененная автономия акторов и неустранимые расколы элит, а не просто в силу намерений участников процесса перехода. Во-вторых, эти конфликты не должны иметь разрешения по принципу «игры с нулевой суммой», то есть не иметь завершением полную победу одного из акторов. В-третьих, эти конфликты не должны быть элиминированы патронажной политикой и «картельными соглашениями». В-четвертых, наконец, инсталляция институциональных изменений и формальных институтов (прежде всего, но не только – конкурентных выборов) должна перенести внутриэлитные конфликты, как в правовые рамки, так и на арену электоральной политики[310].

В свете этих наблюдений случаи успешной демократизации региональных режимов могут быть объяснены как «обусловленный путь» – своего рода диахроническая проекция следующих условий[311]:

а) структурные расколы, задающие рамки спектра политических возможностей акторов, делают их конкуренцию неизбежной и неустранимой;

б) актуализация внутриэлитных расколов в процессе инсталляции формальных институтов влечет за собой использование формальных норм и правил в качестве орудия в борьбе за политическое выживание;

в) перенос внутриэлитных и социетальных расколов на поле электоральной конкуренции, если он проходит в условиях фиксированной конфигурации соревновательных акторов в рамках формальных институтов, делает процесс демократизации самоподдерживающимся[312].

Замечание о «самоподдерживающемся» характере демократизации вновь отражает представление о *различной значимости* структурных и процедурных факторов на разных этапах перехода. Можно вспомнить, что автономия и структурные расколы воздействуют в первую очередь на процесс трансформации (ослабления) прежнего режима, тогда как крушение режима и период неопределенности (включая выход из нее) в основном связано со стратегическим выбором акторов, который, в свою очередь, обусловлен как субъективными, так и структурными предпосылками. Но формирование нового режима (безотносительно к характеристикам «авторитарного» или «демократического» качества либо «чего-то еще») вновь *становится более зависимым от структурных факторов*. Это в полной мере относится и к настоящим региональным режимам. Однако невозможно понять логику «смены значимостей» в ходе перехода в отдельно взятой территории без учета влияния внешней (национальной или международной) среды на эти процессы[313].

Системным субъектом отечественной политической среды объективно выступает государство, персонифицированное и ведомое в современных условиях политической волей демократически избранного лидера. В духе предшествующих политических практик России – это определяющий актор развития страны, а ныне и главный реализатор общедемократической программы. Остальные ее участники – бизнес, партийная оппозиция, СМИ – призваны сделать выбор: либо соучаствовать во всех начинаниях президентской власти, либо не мешать воссозданию сильного демократического государства.

По справедливому замечанию Ю. Левады, власти в России противостоит не общество как система страт, классов и групп, а индивид, обретающий целостность, субъектность только в идентификации с государством[314]. По тому, насколько эффективным и стабильным станет российское государство, можно будет судить о перспективах демократии в стране. И наоборот, результативная и прочная демократия в центре и на местах означает силу государства в истинно либеральном смысле, где не столько тип режима, его институтов, элит и формальных связей, а *то, как они функционируют*, в конкретном социальном и культурном контексте, является актуальнейшей проблемой и критерием оценки власти.

Впрочем, однозначные критерии, по мнению многих отечественных исследователей, к нынешним региональным режимам с учетом того, что большинство из них ограничивают возможности полноценного массового участия, а сама конкуренция на элитном уровне носит закрытый, кланово-корпоративный характер, вряд ли применимы. Если, конечно, не договориться, что «единственным мерилом функционального качества» (И. Дискин) становящихся элит являются реальные и неопровержимые достижения, улучшающие жизнь значительной части граждан.

Вопрос о том, как функционируют и взаимодействуют различные институты в ходе строительства «сильного демократического государства», чрезвычайно сложен и первично связан с гибкой характеристикой самого этого государства в виде основных его позиций, отражающих «переход власти от группы людей к набору правил» (А. Пшеворский). Сильная и демократическая Россия, таким образом, не миф, а с учетом все более серьезного влияния региональной специфики на состояние общества и государства – «только в таком сочетании страна может реально высвободить имеющиеся у нее ресурсы и использовать их во всеобщее благо» (Отто Граф Ламбсдорфф).

Сильное демократическое государство (в дальнейшем – СДГ) – это государство как структурно-функциональное целое, следующее принципам целесообразности и законности. Оно обеспечивает возможность рационального и эффективного управления обществом как в условиях обычной жизни, поддерживая его идентичность, как целостного социального субъекта, так и в условиях его модернизации, осуществляя преемственность и переход от прошлого к будущему, защищая суверенитет, гарантируя безопасность общества и его граждан на всех уровнях. Другие институты социума, в частности, гражданского общества, могут профессионально дополнять усилия государства. Вследствие плюрализма интересов они не могут подменять многие его управленческие функции, но вправе фокусировать внимание на сути исполняемых государством процедур.

Во-вторых, СДГ в системе разделения властей имеет сильные и авторитетные ветви власти. Оно наделено соответствующими механизмами и балансами, регулирующими и уравновешивающими их. Эта позиция присуща президентской, полупрезидентской, парламентской республикам и т.д., где существует система разделения властей. В то же время СДГ предлагает наличие сильной исполнительной власти. Она является главным субъектом, ответственным за исполнение управленческих функций в государстве. В связи с этим оно сильно бюрократизировано в лучшем, веберовском, смысле этого слова, обладает профессиональной, выстроенной по вертикали и горизонтали, сплоченной администрацией, которая способна координировать и согласовывать интересы всех слоев общества, все аспекты его жизнедеятельности. Защищая интерес общества в целом, его слоев и каждого гражданина по отдельности, СДГ – это легитимная власть, поддерживаемая большинством народа.

В-третьих, СДГ – это, по существу, социальное государство. Его институты, ориентируясь в своей деятельности на обеспечение достаточного социального качества жизни граждан, обязаны проводить последовательную социальную политику, социальную защиту населения, гармонизируя его интересы. Главными среди них являются высокий жизненный уровень, надлежащая степень безопасности и свободы, удовлетворение которых может привести к «сочетанию частного интереса граждан с общей целью государства» (Г.В.Ф. Гегель). И, наоборот – к отчуждению народа от власти и власти от народа, поэтому в своих Посланиях Федеральному собранию В. Путин выделил *в качестве ключевого вопрос о доверии граждан государству.*

В-четвертых, СДГ – это правовое государство, где существует главенство законов и равенство всех перед ним. Как замечал М. Вебер, в обществе нужны четкие и формальные правила, без которых может обойтись авантюристический, спекулятивно-торговый капитализм и политически-обусловленный капитализм всевозможных видов, но не рациональное частно-хозяйственное предприятие с его основным капиталом и четкой калькуляцией. Но чтобы эти правила работали, государство обязано создать правовую структуру рынка, включая защиту собственности и самого собственника, а также уметь принуждать его к исполнению обязательств и контрактов.

Правовые институты (парламент, суды и сама федеральная система) в партнерстве с правозащитными, некоммерческими структурами гражданского общества сохраняют способность к независимым инициативам и являются фундаментом демократических преобразований режима. Сосуществование режимной политики и демократии предполагает рациональное распределение сфер ответственности и компетенции. При этом должны быть четкий баланс между «правилами игры» и управленческими функциями, осуществляемыми государством, и «правилами игры», вырабатываемыми субъектами гражданского общества.

В-пятых, СДГ при федеральном устройстве имеет сильную федерацию. В нем оптимально распределены властные полномочия между федеральным центром и региональными субъектами Федерации, а также органами местного самоуправления. Главное в реализации принципов федерализма – поиск рационального соотношения между национальным и территориальным. При этом велика роль центра как связующего все государственные образования в единое целое, одновременно сохраняющего и развивающего его. Этого требует демократизация федеративного устройства с тем, чтобы каждый народ, каждая национальность, каждый этнос на равных принимали участие в выработке решений, касающихся страны, их собственной судьбы и места в обществе. Укреплением роли парламента как главной политической сцены этого и иных процессов в федеративном государстве необходимо заниматься регулярно.

Не только нормативное, но и реально существующее российское государство нуждается сегодня в интеграции, преодолении практики несогласованности действий и расхождений декларируемой и фактически проводимой политики. В условиях разделения властей и федерализма необходимы установление и неуклонное соблюдение таких принципов, как распределение компетенции и ответственности, непротиворечивость, реализуемость и верховенство законов, исключение взаимопересечений и дублирования регулятивных воздействий, приоритет федерального законодательства. Естественным должно стать невмешательство общенациональных властей в решения, самостоятельно принимаемые и реализуемые на уровне субъектов Федерации, равно как и региональных властей – в соответствующие решения органов местного самоуправления.

Один из главных приоритетов в деле построения сильного демократического Российского государства – достижение консенсуса по основным «правилам игры» между Президентом, госаппаратом и правительственными структурами, с одной стороны, и ключевыми экономическими и политическими акторами (бизнесом, региональными элитами, бюрократией, политическими партиями, СМИ и т.д.) – с другой. В настоящее время многим из этих субъектов еще выгодна неэффективность рыночных и демократических институтов. Задача состоит в преодолении их сопротивления с опорой на структуры гражданского общества и вовлечении в процесс подготовки, принятия решений представителей среднего класса, честной оппозиции и нового (ответственного) предпринимательства.

Целям демократической консолидации элит и общества соответствуют, по мнению А. Кузьмина, и тактика наложения «вето» обновившимся Советом Федерации, и адекватное понимание регионами требования приведения местного законодательства в соответствие с федеральным. Но в ряде случаев политически важные для территориальных сообществ правила меняются лишь по форме. Представители правящих групп зачастую слабо осуществляют свои функции, не обеспечивают эффективное социально- политическое развитие, в нужной мере не защищают граждан от беззакония, преступности и терроризма. Наиболее явные причины тому – монополизм и бесконтрольность отдельных ветвей власти, складывание на местах своего рода однопартийных политических систем с лидером, ставящим во главу угла «охранительные» интересы собственных клиентел, формальное местное самоуправление, как например, в Москве и Татарстане[315] в противовес действительному, скажем, в Мордовии или Угличе[316].

Показателен и опыт консолидации элит Москвы и Татарстана. Так, сплочение элитных групп в столичном регионе и Татарстане (где причудливость неофеодальных отношений определяется И. Бусыгиной, Н. Зубаревич, А. Медушевским, М. Фарукшиным и др. не иначе как патернализм, неопатримониализм, корпоративизм, боссизм, непотизм и т.д.) выражалось в сходных проявл-

лениях и ролях правящих групп. А именно: отсечением неугодных, нелояльных власти элементов, искусственным изменением внутренней структуры и иерархии, венчаемой «хозяином» и обновляющейся путем устранения оппонирующих и конкурирующих с его окружением групп.

Среди освоенных элитами ролей (начиная с рыночных реформ) можно выделить: относительно автономное руководство (включающее и прагматичное участие в общероссийской политике, и самостоятельность в принятии решений на местном уровне); политическое (преимущественно административное) и экономическое предпринимательство; социальный патронаж и традиционную легитимность (нередко взимоувязывающие элементы культового почитания «первых лиц» с региональной идеей); собственный сценарий внешней и внутренней политики, опирающийся на особый менталитет и специфику самоопределения. По поводу последней «роли» в Татарстане М. Фарукшин замечает: «… местная политическая элита способна, идя методом "проб и ошибок", вносить определенные коррективы в текущую политику, но не способна на выработку какой-то принципиально иной стратегии развития»[317].

Сопроводительными чертами этого набора ролей, характеризующего преобладающий тип властных отношений в российских регионах, являются атрибутизация и харизматизация лидера. Территориальное политическое лидерство еще во многом носит харизматический характер, который будет сохраняться до окончательного оформления реального многообразия политических интересов и изживаться по мере углубления демократического процесса.

Объективную ограниченность инновационного функционирования региональных элит и лидеров не следует уподоблять субъективной «немощи» ряда других местных руководителей – прежде второсортных номенклатурщиков, ныне – «демократов поневоле». Они предпочитают решать региональные проблемы под влиянием политической конъюнктуры, обычно административно, без огласки «наверху» и путем корпоративных сделок с оппонентами, конкурентами и даже лидерами общественного мнения, СМИ – «внизу»[318].

Иное дело, по-разному отмеченный большинством исследователей (В. Лысов, Н. Распопов, С. Борисов и др.) новационный потенциал отдельных региональных элит. Так, новационный артефакт нижегородской элиты во главе с Б. Немцовым был достаточно впечатляющ. К его составляющим можно отнести:

а) концептуальность;

б) создание новых технологий при решении сложных задач;

в) умение рисковать и нетрадиционность в подходах;

г) постоянный поиск источников финансирования региональных программ;

д) выдвижение новых способных кадров;

е) решение проблемы открытости власти.

В конечном счете, это вылилось в эффект демонстрационной стратегии – имидж области и ее руководителя, оцениваемые ныне временем на их соответствие реальному положению дел. Но главное сегодня в другом. В понимании внутренних слагаемых *политического искусства* тех региональных лидерских групп, что становились признанными инициаторами происходящих на местах перемен, с которыми в общественном мнении связывались надежды на лучшее будущее. Оно состояло, прежде всего, *в поиске компромисса* путем сохранения устойчивого политического равновесия и способности маневрировать границами уступок. Это давало возможность, оставаясь выше отдельных соперничающих группировок и кланов, владеть ситуацией, держать в «узде» бюрократию и свое окружение, контролировать практически все связи между звеньями правящего режима.

В целом облик регионального режима в 90-е годы зачастую определялся не только и даже не столько макрофакторами, скажем, социальной структурой территориальной общности, ее традициями и т.п., сколько значительно более частными параметрами: *в первую очередь межгрупповыми отношениями внутри правящей элиты и личностными, социокультурными и организационно-статусными характеристиками политических лидеров.*

Так, в частности, с назначением и приездом С. Кириенко в Нижний Новгород в статусе полпреда региональный политический процесс утратил двухполюсную направленность своего течения и плавно «перетек» в фазу «институционального компромисса». Противоборство губернатора и мэра (и раньше больше имиджевое, чем объективное) уже не объясняло глубинные изменения, преображающие нижегородскую политику. Приверженность биполярному сценарию для традиционных «ядер» консолидации региональной элиты могло обернуться их несоответствием требованиям все более усложняющейся конкуренции[319].

Другой пример консолидации региональной элиты представлен в тех субъектах РФ, где ранее, как, например, в Ульяновской, ныне – в Саратовской области, правящие группы представляли собой замкнутую на лидера и регулируемую межклановым конфликтом монистическую структуру политической власти. Функционирование такого режима обусловлено отчетливо выраженным «неформальным» комплексом. Он сочетает неономенклатурный, бюрократический корпоративизм (С. Перегудов) с культурно-идеологической беспринципностью (А. Соловьев), побуждающих местные элиты использовать любые предлоги для реализации своих сугубо эгоистических, антиэтатистских, по сути, целей (А. Понеделков)[320].

С экономической стороны это объясняется мнимой самодостаточностью регионов, не исчерпавших еще ресурсы «губернаторской экономики» – неформальной системы, которая «перенаправляет финансовые потоки региональным властям» (Л. Савулкин, А. Заостровский). Проблемы, связанные с понятием

«губернаторская экономика», слишком важны для России. Уместно поэтому привести целиком выдержку из статьи отмеченных авторов, где весьма содержательно и в краткой форме определено это явление: «Когда власти заинтересованы в какой-либо собственности, формальные права на нее невозможны без поддержки и одобрения со стороны политических патронов. А это значит, что такие права фактически принадлежат не их законным собственникам, а некоему верховному правителю или, лучше сказать, сюзерену, то есть местной исполнительной власти. В этом свете определение современной российской экономики как "индустриального феодализма" выглядит точным»[321].

Политическая подоплека такой авторитарно-консервативной консолидации региональных элит зиждется на двух ключевых предпосылках. Во-первых, высокая степень преемственности правящей группы, ее изоляционизм и неподотчетность формальным институтам не создают базу для новых идей и подходов. Во-вторых, инстинкт самосохранения тесно увязан с необходимостью амортизации тех издержек, которые возникают при переходе к рынку и демократии, путем реинтеграции исполнительных органов в экономику и распределение и подрыва структурных оснований политической конкуренции.

Смена доминирующих групп бюрократии или их эшелонов может сопровождаться в таких системах поворотом в экономической политике и изменением стиля соперничества, но может воспроизводить стагнацию в новых формах[322]. «Застой» – это всегда предтеча или кризиса, или роста, во время правления Ельцина экономика была не в застое, она падала[323]. Политическая борьба имела место при диктате неформальных практик, участники которых склонны были абсолютизировать институционализирующую функцию лидеров в региональной системе социального взаимодействия.

Ныне мы скорее имеем вариант перехода к неконкурентному режиму с последующей инсталляцией формальных институтов через централизацию и монополизацию власти в руках восстанавливающегося государства[324], поддерживающего тенденцию центризма как наиболее приемлемого курса для синтеза ведущих традиций. Одна из них связана с моделью «эффективного государства». Другая – с элементами демократической общественной организации.

В региональной практике такой тип режима предполагает сохранение существующего баланса сил между правящими группами и наличие в межэлитных отношениях таких характеристик как толерантность, стремление при решении своих проблем исходить из учета интересов различных социальных групп и умения налаживать сотрудничество с представляющими их организациями для достижения поставленных целей.

Однако эти качества и тенденции ограничиваются слабостью среднего класса, особенностями менталитета управляющих и управляемых на местах, «бытием» их взаимоотношений, перманентно продуцирующими кризисы доверия между представителями региональных властей и населением. На этом фоне

с учетом универсального неравенства и социальных страт и ресурсов политических конкурентов продолжает развиваться сложнейший процесс авторитарной адаптации региональных политических режимов.

В контексте того, что консервативные модификации режимов в современных субъектах РФ преобладают, сравнительное исследование позволяет установить основные особенности конституирования «сильной» региональной власти. Среди способов ее формирования выделяются: а) обеспечение политической стабильности как первичное условие; б) победа на выборах, для чего нужен и «кнут, и пряник» для электората в) поддержка местной консолидированной элиты; г) признание «своим» федеральным центром и контролируемыми им экономическими конгломератами. Кандидаты (мэры, губернаторы), опирающиеся на сплоченную элиту, легче получают и продлевают свой мандат доверия. Те же, кто терял лидерство над ней, оказывались в уязвимом положении даже при поддержке центра.

Различия между региональными элитами как центрами модернизации и очагами консервации – наглядный пример самоорганизации и трансформации конкретных режимов власти. Однако о *демократическом режиме* на территориальном уровне можно говорить лишь с известной долей условности, так как в лучшем случае речь идет о начальном образовании данных структур со свойственными им формами автономии акторов и менее жесткими методами регулирования общественного порядка. Ясно одно, что с точки зрения их формирования – это вопрос о сроках достижения исторического компромисса между центром и субъектами РФ с позиций сильного демократического государства, вопрос о степени зрелости духовных и социально-экономических предпосылок самих территорий, проблема легитимности региональной власти и ее адаптации к европейским цивилизационным стандартам.

На региональном уровне легитимность режима имеет сложную природу. Ранее, как минимум, активно функционировали четыре основных источника: состояние экономической структуры, самоактуальные политические приоритеты региональной элиты (по большому счету – движение к современности или его имитация); исторические традиции (советские, национальные) и особенности местной политической культуры; отношение центра к территориальным властям (преимущественно «первым лицам»).

В конце 90-х годов Россия вступила в новый этап регионализации. На местах сформировалась политическая элита, интенсифицировался процесс создания партийной системы. Как показывает современная практика, авторитарные конструкции под влиянием внутренних и внешних факторов, особенно в условиях глобализации, имеют объективную возможность трансформироваться в демократические режимы. Однако при этом не только все серьезные переговоры обязаны сместиться в региональные легислатуры, а роль губернаторов сконцентрироваться в интеграционной функции общества и политической сис-

темы, но и все разнообразие типов региональных режимов должно явиться результатом компромиссов, достигнутых хотя и в сфере деятельности правящих групп, однако главным образом за счет социальной активности, обусловленной доверием к власти.

В предшествующие годы для обретения легитимности даже самые авторитарные республиканские режимы вынуждены были придавать себе черты правового государства, принимать конституцию, закрепляющую права личности и разделение властей. Помимо воссоздания «камуфлированных» этнократий это порождало и еще одно различие. Занятые повседневной борьбой за выживание, эти элитные группы (сознательно или бездумно) попустительствовали тому, что современные правовые и политические институты в региональных условиях приобретали архаическое содержание. В то время, как у отдельных субъектов модернизации (Нижегородская, Самарская области), постоянно согласовывающих свои интересы с фракциями федеральной элиты и крупного бизнеса, те же институты функционировали на местах более эффективно. Причем их деятельность все больше смещалась в сторону включения в систему международного разделения труда и межнациональных культурных обменов.

Обеспечение действенной модернизации местных режимов и одновременно свободной, достойной жизни граждан требует более гибких программ развития территорий и согласованных действий федерального центра, регионов и бизнеса. Создание правового и организационного механизма, обеспечивающего такое согласование – задача сильного демократического государства. Ее решение уже сегодня определяется возможностями участия и условиями консенсуса интересов основных субъектов федерального и регионального процессов на общенациональной платформе единения, предложенной политическим руководством страны. Прежде всего, это касается баланса взаимоотношений федерального центра (ответственного «за все»), региональных элит (ответственных за всестороннее развитие своих регионов) и бизнеса (ответственного за базовые отрасли экономики, взятые им под контроль).

Итоги последнего десятилетия многих убедили: целенаправленное, поэтапное движение от автономии акторов и структурных конфликтов через соревновательность и укоренение демократических институтов, и лишь затем к формам массового политического участия представляется хотя и долгим по срокам, но более надежным маршрутом достижения демократии, нежели попытки ее установления «декретом» или путем «самовызревания»[325]. Тем более, что эскалация расколов и «подрыв» региональных режимов изнутри (В. Гельман), к примеру, силами «потенциальных» элит выглядят сегодня нереальным вариантом на фоне формирования нового общенационального режима.

Однако следует отчетливо понимать: альтернативность возможных путей дальнейшего развития территорий, общества в целом не может отвергнуть того очевидного факта, что повсеместный демократический режим является наибо-

лее рациональной базовой моделью для постиндустриального развития страны. Именно он в наибольшей степени отвечает современным потребностям и «управляющих», и «управляемых» в самоопределении и самоуправлении.

Специфика существующего регионального режима обнаруживает себя в том, что он всегда соотносим с национальным политическим порядком и одновременно выступает воплощением самоорганизации местных правящих групп. Первая тенденция на текущий момент выражается в том, что воздвигая здание новой государственности, федеральный центр окончательно автономизировал и в значительной мере консолидировал региональные элиты, при частичном их вытеснении из общенациональной политики. Вторая тенденция проявляется в установлении особого статуса правящей элиты на местах, в выработке и определении ею правил организации, взаимодействия и жизнедеятельности субъектов в том или ином регионе.

Современный региональный режим – сочетание противоположных политических практик. Он еще авторитарен, так как располагает функционально сильной властью, опирающейся на традиции и неформальные уклады, а доминирующий тип регионального лидера по-прежнему постсоветский управленец из числа «крепких хозяйственников». Но он и демократичен по наличию и функционированию соответствующих институтов, в частности, действию механизма ротации по отношению к новым региональным руководителям или действию механизма бюджетного регулирования. Главное напряжение регионального политического режима сегодня проходит по линии его интеграции в единую национальную систему власти, которая позволит эволюционировать каждому из образующих его сегментов в соответствии со строгим разграничением прав и сфер ответственности.

Следовательно, основным результатом изменений региональных элит является признание их новой роли в интеграционной парадигме российской политики, сменившей прежнюю – конфронтационную, где региональные элиты проявили себя через политический вызов. Вектор дальнейшей их трансформации инвариантен. Но при любых сценариях (помимо крайних) путь превращения территориальных правящих групп в более демократически значимое сообщество региональных элит (располагающих наряду с федеральным центром, определенным потенциалом самостоятельности, необходимым для устойчивости системы) будет пролегать через политическую конкуренцию акторов разных уровней власти и достижение ими консенсуса по основным расхождениям. Данное движение сегодня приемлемо обеим сторонам и имеет достаточный импульс к укреплению. Что может его нарушить и каковы в нем тенденции развития транзита региональных элит, рассмотрим в следующей главе.

Таким образом, современный региональный политический режим сохраняет черты переходности. Особенность ситуации определяется тем, что внутри политических систем на местах идет соперничество различных его моделей,

большинство из которых имеют по-разному выраженные недемократические тенденции, что создает опасность консервации сложившегося равновесия. В этом случае при наличии общезначимых целей модернизации и совокупности демократических институтов «правит бал» жесткое доминирование лидера, вера и беспомощность масс перед принуждением, административный политический прессинг и коррупция, явные социальные диспропорции.

Анализ трансформации региональных режимов как форм самоорганизации правящих групп обнаруживает в них способность к компромиссам, а значит, и саму возможность цивилизованного взаимодействия элит с целенаправленными усилиями для «прорыва» к такой модели политического устройства, которая позволит территориальных общностям, стране в целом эволюционировать в направлении сильного, но правового и демократического государства. Действующее в соответствии с правовой процедурой и в контексте определенной политической культуры, оно в большей степени представляет собой не средство, а итог разрешения противоречий между субъектами политического процесса.

Глава 3

ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОСТСОВЕТСКОГО ТРАНЗИТА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

3.1. Противоречия ценностной эволюции региональных элит в процессе трансформации

Утверждение в России нового политического режима, центральное место в котором заняла фигура Президента В. Путина, интенсифицировало серьезные изменения в сознании и поведении элит. Проблема их ценностной эволюции, подвижек в политических и экономических ориентациях, задающих определенную направленность путям обновления систем управления и хозяйствования, превращается в проблему будущего социально-политического устройства страны. Сказанное в полной мере относится и к территориальным элитам, непосредственно осуществляющим курс реформ на местах и призванным отвечать за порядок в регионах. Сразу возникает многогранный вопрос: насколько они внутренне убеждены и готовы к построению в России демократической политической системы, опирающейся на рыночный механизм хозяйствования, и какими ресурсами для регионального и общенационального развития в ходе собственного транзита располагают?

Как уже отмечалось, элиты регионов избирают различные модели политического самоопределения, ставящие целью те или иные изменения на местах. Это определяет центральную роль тех идеально-типических представлений, которые закладываются в фундамент практической политики и являются источником *осознанного* созидания социальной реальности. В этом отношении исследование ценностных ориентаций территориальных элитных структур относительно институтов государства, рынка и демократии, анализ их эволюции имеет чрезвычайно важное значение для понимания социокультурных оснований, определяющих механизмы их участия и взаимодействия в региональном развитии.

Материалы интервью с представителями администрации Нижегородской области (при губернаторах И. Склярове и Г. Ходыреве, и главе местного самоуправления В. Булавинове), членами законодательных органов обоих уровней и их коллегами по Приволжскому федеральному округу (Самара, Ульяновск, Киров, Пенза) позволяют проиллюстрировать выделенные в ходе исследования противоречия в ориентациях региональных элит, а это значит, сопоставить их с общенациональными проблемами и конфликтами, обнаружить общее и особенное в ценностных разногласиях федеральных и территориальных правящих групп в процессе структурно-институциональной трансформации и на современном этапе.

Образование в России на рубеже веков определенного культурного и когнитивного фона со складывающимся приоритетом идеологии Конституции, доминирующей функцией «другого» государства и центристским решением проблем стало во многом закономерным. «Брожение в умах» и «смятение в душах», начавшееся задолго до заката «пролетарских» форм политического участия и взаимодействия, появление новых – с опорой на «средний класс», сформировало общий социальный мотив перемен. В этих условиях миссия элиты по объединению и стабилицации общества, а также потребность собственной легитимации как относительно единой группы, выделяющейся своим высоким статусом в социальной иерархии, нашли выражение в следующих тенденциях.

Во-первых, в «объяснении и оправдании» своей правозаконности, так как «институциональному миру требуется легитимация»[326]. Во-вторых, в признании народом и политическими силами правомерности, законности формируемой общественно-политической системы, аппарата ее интеграции. В-третьих, в собственной институционализации, структурировании и самоорганизации на основе синтеза традиций (в частности, усилении клиентарных связей) и новаций. В-четвертых, во внутренней дифференциации на различные группы по результатам политической борьбы и потребностям процесса «руководства-управления». Так, в соответствии с местом, полученным на первом этапе политической трансформации, со «старта» экономических реформ и начинается постсоветская жизнедеятельность региональных элит.

Ее социокультурная (ценностная) динамика представляет собой естественный процесс для формирования идейно-экономической и политической принадлежности. Изначально разногласия в правящих кругах по поводу содержания, темпов и форм проведения экономических реформ предопределили хаотичный характер осуществляемых преобразований. Соответственно весьма импульсивно проходило и становление базовых экономических институтов современности – рынка, предпринимательства и частной собственности – основы экономического благосостояния страны.

Поспешная, «номенклатурная приватизация» (Д. Бадовский) в условиях, когда в принципе не имело смысла говорить об экономической элите как таковой, ибо в конкретном случае само существование, как и деятельность, любых хозяйственных, предпринимательских структур было зависимым от исполнительной власти и санкционировалось ею – неопровержимый факт. «Следовательно, именно политическая элита оказывалась одновременно и экономической, приватизируя региональную экономику, рекрутируя в свой состав и выдвигая на управленческие должности представителей прежней хозяйственной элиты»[327]. Это на долгие годы обрекло формирование эффективных собственников в центре и на местах, стало одним из источников *дестабилизации* переходной России.

Однако главной ее причиной явилась не только структура власти, в основу которой были положены взаимоисключающие принципы федерализма и национальной государственности[328], но и система внутриэлитного взаимодействия. Региональная политическая практика свидетельствует, что возникающая напряженность в отношениях между уровнями власти и межнациональные конфликты имеют тенденцию сепаратистской направленности в том случае, если их разрешение становится затяжным и длительное время не регулируется центральными государственными органами; если региональная политическая элита постоянно использует нелегитимные средства и способы достижения своих псевдовозрожденческих целей; если национальная политика центра по отношению к населяемым страну этносам является сугубо насильственной, игнорирующей интересы и потребности каждой нации и народности, а по отношению к местным правящим группам – откровенно провокационной, исключающей равноправие договаривающихся сторон и, соответственно, конструктивный путь ликвидации того или иного кризиса.

Так, несмотря на то, что «чеченский узел» содержит в себе такие типы конфликта, как «центр – регион», «центр – население региона», межэтнический, несущий угрозу национальной безопасности России и поныне, именно отношения внутри политической элиты страны оказались эскалатором кризиса. Отсутствие единой политической воли, в первую очередь, у правящих режимов России и Чечни, влияние эгоистических интересов частных групп в процессе их взаимодействия привело в 1994 г. к первой чеченской баталии. Надлежащие выводы из нее не были сделаны ни одной из участвующих сторон, что в результате обусловило переход в очередную фазу военного противостояния и существование чеченского кризиса как *максимально конфликтной модели развития внутриэлитных отношений.*

Неэффективность собственности и власти как основания дезинтеграции региональной России, коррупция и масштаб распространения неправовых средств давления[329], как неотъемлемые их спутники, достигшие высшей точки в Чечне, порождали иные формы конфликта «верхов» в центральных субъектах РФ. Здесь структура политических и культурных разногласий, социально-экономических напряжений во многом определяла стиль функциональной деятельности политической элиты. С той лишь поправкой, что переходный период формировал в регионах более или менее изолированные сегменты власти с прагматическим набором интересов, которые в социокультурном отношении не стремились поддерживать ценности общественной солидарности, но раньше, чем в центре, осознали необходимость внутриэлитной консолидации.

Правда, воплощалась она в авторитарных формах и содействовала тому, что опирающиеся на политико-культурную и институциональную традиции и осознающие себя «всевластвующей» на местах монополией, региональные элиты устанавливали на вверенных территориях собственное господство

(К. Маркс, Р. Дарендорф). Оно поляризовало общество, но сплачивало правящую группу, одновременно маргинализируя другие. Его источником в условиях всеобщей трансформации являлись функции административного аппарата. Они были связаны с контролем над собственностью, процессами приватизации (совместно с федеральным центром), распределением бюджетных средств, трансфертов и разного рода инвестиций, кадровой политикой и лоббистской деятельностью, а также с подготовкой и принятием решений по стратегии развития регионов (формирующейся обычно на базе промышленной политики и соответствующих нормативных документов).

Однако мотивацию соответствующего поведения правящих групп нельзя понять, учитывая лишь обстоятельства функционального плана и внешнего окружения. Необходимо помнить, что эти группы вступают в сложные, причудливые взаимоотношения, так как каждому из их составляющих присущи особые психологические, когнитивные черты, т.е. внутренние механизмы мироориентации. Эти механизмы составляют «когнитивную карту» и управляющих, и управляемых.

В качестве основных элементов в нее входят: восприятие, концептуализация, вовлеченность, целе- и ценностно-рациональная аргументация в пользу того или иного политического участия. Именно в этом смысле региональная элита как самоопределяющийся и самоорганизующийся институт в обстоятельствах, когда сталкивались альтернативные идеологии и проекты социально-политического устройства, с опорой на статус и социальные преимущества берет на себя функцию выработки и трансляции в территориальное общество определенной системы знаний и правил, соответствующих ее политической культуре и интересам. Этим, в конечном счете, определяет и оформляет способы организации социального взаимодействия, общественной иерархии, власти и управления в нем. Таким образом, картина утверждения аппаратного господства правящих групп, сложившаяся прежде всего в депрессивных промышленных и сельскохозяйственных регионах, становится отражением *промежуточно конфликтной модели развития внутриэлитных отношений.*

В действительности же преобладало несовременное и искаженное восприятие социально-экономического пространства, в котором энергия масс уходила на то, чтобы выжить, а элит – обогатиться. С отличительной особенностью правящих групп 90-х гг. – следовать своим интересам, наращивая по ходу противостояния объем материальных ресурсов и гарантирующих их прав.

Из этих обстоятельств проистекали и далекоидущие последствия: аккультурация новых ценностей и становление адекватного им институционального порядка было, в принципе, затруднено двумя равно непродуктивными состоя-

ниями – «навязанного единства» и реального раскола (В. Лапкин и В. Пантин). Как их атрибуты – противопоставленность индивида иерархии власти, бездуховность и криминализация общества, бизнеса, бескомпромиссные внутриэлитные «войны» за власть, питаемые чувствами клановой принадлежности и вражды, но маскирующиеся популизмом, национализмом и различными проявлениями веры.

В частности, на Кавказе – крайнем выражении этих обстоятельств, обращение к полузабытым национальным и религиозным символам в условиях разраставшихся контактов с Западом, Турцией, Ираном, Арабским миром, территорией бывшей Югославии оказывалось для местных соперничающих элит незаменимым ресурсом в борьбе за статус, за доступ не только в коридоры российского центра, но и в международные структуры. Правовой нигилизм и вооруженный «беспредел» становились неотъемлемыми спутниками такого вхождения. А былые ревнители национальных наследий легко превращались в фигуры военно-криминального характера (З. Яндарбиев, Д. Иоселиани, А. Масхадов)[330].

Так что одна из «гримас» нашей недавней истории заключается в том, что объективно рассчитанный на долгие десятилетия путь гражданских и демократических преобразований и переход в особо усложненный постмодернистский мир оказался предпосылкой частичного духовного и социального регресса провинции. Последний стал платой за стимуляцию национальных возрождений без глубоких духовных традиций, исторических знаний и культурной преемственности. И касается это не только Кавказского региона или всего комплекса постсоветских «Востоков», но и в существенной мере, как самой России, так и постсоветских «Западов» (Украины, Белоруссии, Молдавии, Балтии)[331].

Неслучайно в Татарстане, а это уже Приволжский федеральный округ, «всякий раз, как только руководство республики в отношении с центром попадает в трудное положение, националисты появляются как по мановению волшебной палочки и выдвигают свои экстравагантные предложения»[332]. Таким образом, Президентская декларация 6 сентября 2001 г. с трибуны Нальчикского госуниверситета о необходимости государственной программы толерантности имеет существенный исторический смысл. Дело не просто в востребованных директивах, а в призвании раскалываемой эгоцентричными конфликтами России выжить и осуществить себя в поистине тектонических социо-культурных процессах будущего.

Знаковым событием, символизирующим его предтечу, стала реставрация Советского гимна, одобренная подавляющей частью общества. Теперь у страны есть свой гимн, флаг и герб. Есть свои знамена у Российской армии и Военно-морского флота. Принятие государственной символики восстанавливает и демонстрирует преемственность всех времен, всей отечественной истории. Но одновременно «это означает, что Россия готова и хочет развиваться дальше как

сильное самостоятельное государство, в котором начинает преобладать политическое согласие над логикой противостояния»[333].

Своеобразным подтверждением этому звучат слова экс-губернатора И. Склярова: «Времена, когда регионы вынуждены были превращаться в удельные княжества, к счастью, ушли в прошлое. Администрация области стала частью федеральной машины управления государством. Впервые мы стали работать не столько и не только по собственному плану, но и в тесном взаимодействии с центром»[334]. Так что вместе с символикой, новым политическим режимом в стране устанавливается и новый культурный фон (климат), привносящий во власть и социум дух единения. В связи с этим на первый план выходит проблема внутриэлитного доверия и общественного консенсуса по поводу наиболее существенных ценностей и способов социально-политического поведения.

В содержательном смысле этот климат не так уж и нов, так как в его основании лежит конфликт традиционалистской и либералистской субкультур. Другое дело, что идеологический переворот последних лет установил их новое соотношение: не доминирование одной над другой, а востребованность у каждой тех ценностей, что могут служить эталоном для организации нормальной жизни в экономике, политике, социальной сфере. Российское общество пока не может «похвалиться» особыми достижениями в этом процессе.

В результате легитимацию рыночной экономики и демократической политической системы отличает незаконченность, а состояние больше массового, чем элитарного сознания таково, что только активное подключение государства как проводника общественных интересов может позволить завершить признание народом и политическими силами правомерности, законности рациональных экономических и политических институтов. Это означает кроме прочего, что структуре обшественного согласия и внутриэлитного доверия соответствует набор разногласий в восприятии норм.

Так, по мнению респондентов с мест, в фундамент российской экономики должна быть положена не одна форма собственности – государственная или частная, а «смешанная» – «государство плюс либерализм» (С. Обозов). Выделяя разные приоритетные основания для функционирования различных отраслей, представители областных элит полагают обязательным сосуществование обеих форм собственности внутри каждой отрасли с контрольной функцией государства, причем действующего в рамках «тенденции смены экономического порядка, основанного на централизованном управлении экономикой, конкурентным порядком»[335].

В этой связи нами подчеркивается особая важность ценностных ориентаций региональных элит, связанных с рыночными и демократическими переменами, поскольку их видоизменение во многом объясняет двойственную природу власти (управления) переходного периода, когда территориальные элиты

еще остаются носителями характеристик исторического генотипа, традиций конфликта и в то же время испытывают на себе институционализирующее влияние новой эпохи, выражающееся в смене линий политического поведения и процедур доверия.

Так, на этапе административной или формально-нормативной стабилизации (1993 – 1997 гг.), обладая мощными рычагами воздействия, позволяющими регулировать кризисную ситуацию и серьезно корректировать систему формальных правил, представители элиты использовали свои допуски главным образом для того, чтобы «оснастить нормативную базу механизмами ее нейтрализации» (А. Даугавет). Это, в конечном счете, подтверждает тезис современных ученых, работающих на «стыке» политологии и биологии: когнитивно элита не заинтересована в собственной эволюции, особенно тогда, когда есть возможность в обход законов наращивать свой «властный» капитал.

Но в силу необходимости постоянно защищать пространство своей власти от проникновения общественного мнения и контроля, несанкционированного вмешательства государства региональная элита обречена непрерывно совершенствоваться, осваивать новые виды ресурсов и участвовать в их перераспределении. В этом смысле и нормативный конфликт, и «вынужденный» характер элитной трансформации, ведущие к инновациям, могут рассматриваться как элементы естественной среды демократических систем и одновременно как «технические» противоречия, разрешаемые по ходу их утверждения.

Соответственно, ведушая тенденция, заложенная в самом названии этапа, во взаимоотношениях между элитами сопровождается усилением неформальных факторов, сосредоточивающих внимание правящих групп на коммуникациях. При этом, несмотря на сохраняющиеся в региональной политике потенции оппозиционности закону или «рутинизации формальных действий» (П. Бергер и Т. Лукман), сегодня необходимо ставить общественное восприятие на первое место перед самоанализом элит. Пренебрежение такой перспективой для них не только чревато утратой социального доверия или «подмоченной репутацией», но и угрозой потери гражданской свободы – тенденция наших дней.

После «дефолта» 1998 года, морально (и изрядно материально) обанкротившего российский истеблишмент, тесно связавший себя с либерализмом и западничеством, территориальные элиты существенно корректируют свои установки с административно-стабилизационных на административно-политические. Заметнее всего это проявилось в деятельности экономических группировок, входящих как в состав местных «партий власти», так и образующих коалицию бизнес-элит. Если для первых точкой объединения усилий было противодействие росту политического влияния в регионах федеральных ФПГ, то для «новых хозяйственников» – они сначала касались привилегий для своих компаний (при этом уже в межрегиональном пространстве), а с усилением их

значимости лоббистские устремления бизнес-групп стали распространяться на законодательное регулирование «губернаторских экономик».

Парламентские выборы 1999 г. стимулировали *«поход»* части региональных бизнесменов в структуры исполнительной и представительной власти. Причем он сопровождался уже большим идеологическим разнообразием. В нем были представлены почти все основные политические ориентации: либералы, левоцентристы, консерваторы, державники и т.д. Приход к власти В. Путина и «окружнизация» политической жизни регионов, разрушив «плюралистическую» конфигурацию элит, не изменила динамику данного процесса. В результате это привело к возрастанию экономического влияния частного бизнеса, которое в какой-то степени компенсировало его утраченное политическое могущество[336] при смене общероссийского лидера.

Создание Совета по предпринимательству и Института постоянных консультаций с Российским союзом промышленников и предпринимателей (иными общественно-политическими организациями) стало подтверждением официально провозглашенной позиции Кремля «равного удаления» и по отношению к другим (несговорчивым) участникам политического процесса. Возникновение на базе выполнения предвыборных обещаний Президента сильного федерального центра привело ряд региональных режимов в состояние «утерянного равновесия». Но одновременно означало образование новой политической ниши для развития территориальных элит.

Они были вынуждены срочно переориентироваться: не только в своих публичных выступлениях, но и, по существу, к новому политическому курсу, где от них в первую очередь требовалось обеспечение собственной демократической легитимности и устойчивости государственных преобразований в масштабах провинции. Вновь оказались востребованы общие тезисы демократии, квалифицирующие характер взаимоотношений государства и общества, апелляции к последнему с целью обретения поддержки с его стороны.

Как подчеркивает Х. Линц, «демократия… это законное право формулировать и отстаивать политические альтернативы, которым сопутствует право на свободу объединений, свободу слова и другие главные политические права личностей; свободное и ненасильственное соревнование лидеров общества с периодической оценкой их претензий на управление обществом, включение в демократический процесс всех политических институтов, обеспечение условий политической активности для всех членов политического сообщества независимо от их политических предпочтений… Демократия не требует обязательной смены правящих партий, но возможность такой смены должна существовать, поскольку сам факт таких перемен является основным свидетельством демократического характера режима»[337].

Вопрос о соотношении демократии, рынка и государства в России продуктивнее рассматривать с позиции системного подхода. Демократия в таком

ключе – «грандиозное институциональное мероприятие» (Й. Шумпетер). Она организует и упорядочивает конфликтное соперничество интересов, сохраняя право потерпевших поражение групп на продолжение участия в оспаривании власти.

Действуя в условиях неопределенности, создавая новые, часто венчурные комбинации, позволяющие удовлетворять общественные потребности, рынок (в лице предпринимателей) берет на себя функцию риска и прогресса в экономике, а в нынешней ситуации решает и задачу межрегиональной интеграции. Функция контроля с тем, чтобы сохранить стабильность политики и экономики (демократии и рынка), возлагается на государство, правящие элиты, институты гражданского общества. Именно так распределяются функции между этими необходимыми и взаимобусловливающими друг друга компонентами административно-хозяйственного механизма.

От «строящегося» ныне государства российского ожидается поэтому такая форма регулирования, которая, с одной стороны, давала бы возможности для проявления инициативы и творчества сплоченных социальных и политических групп, с другой – устанавливала бы в интересах общества барьеры против произвола и бесконтрольности власти путем действительного ее разделения, структурирования новых экономических, политических институтов и реорганизации ныне действующих. Правда, результаты последних губернаторских выборов, не считая победы в Алтайском крае шоумена М. Евдокимова, больше свидетельствуют о недостатке принципиальных структурных изменений территориальных правящих групп.

Отмеченная смена линий политического поведения региональных элит, скорее отвлеченно, чем реально учитывающая нормативное соотношение демократии, рынка, государства и потому нерационально «делегитимизирующая» (Г. Майер) кулуарное, конфликтогенное, кланово-постноменклатурное прошлое (а кое-где и настоящее), – в значительной степени продукт эволюции их убеждений и ценностей. Но если первые не всегда верны, что вполне исправимо с помощью «подстройки и ведения» (Р. Дилтс) со стороны лидеров, то одно из первых противоречий ценностной эволюции элит – деление человеческих обществ на своих и чужих как основы абсолютизации различий между «нами» и «ими» – обусловлено наличием двух практик осуществления власти. А именно: формально-рациональной для публичного потребления и неформально-теневой для внутреннего использования (А. Даугавет) при доминировании последней в системе непосредственного элитного взаимодействия.

Однако как смыслообразующей системе ей свойственно формирование сложной картины приверженности индивидов ценностям обеих реальностей. Она характеризуется разными показателями интенсивности принятия формальных и неформальных правил, составляющих в последнем случае весомую часть институционального арсенала отечественной элиты; разными спо-

собами их овладения, соотнесения с реальным общественным окружением, описываемым в транзитивном социуме обычно с помощью таких понятий как «демократизм» и «авторитаризм», а также готовностью управляющих в каждый конкретно-исторический момент осуществить выбор между ними и властными практиками.

Для демократического выбора важно, в какой мере мотивация социального поведения элит является самоопределяемой и саморегулируемой, а также в какой мере эта мотивация задается и управляется общественным мнением и средствами современного социального контроля. Наконец, каковы формы участия во власти рядовых граждан, степень и масштаб воздействия на нее тех, кто оказывается в управляемом положении? В ответах на эти вопросы, а в действительности – в достигнутых компромиссах, и проходит водораздел между ценностями демократического общества и неструктурированными относительно «рыночной» демократической политики ориентациями правящих групп.

В настоящее время можно констатировать, что региональная политическая элита развивается от авторитарно консолидированной или демократически разобщенной к компромиссно консенсусной, то есть способной, маневрируя границами доверия, решать не только свои, но и общественные вопросы.

«Я думаю, что одна из проблем и, наверно, самая главная, которую надо решать – это проблема полиэлитарности, – говорит в интервью экс-директор департамента экономики, заместитель губернатора И. Склярова (1997 – 2001) М. Теодорович. Теперь в Нижегородской области элит много, они окрепли и их просто так «почистить» уже нельзя… Но нужно найти модель управления, которая, тем не менее, приводит их всех к общему знаменателю…. Таким является *социальный продукт.* Для его производства нужна адекватная система управления. Адекватная система общественного партнерства, своего рода общественный договор, сначала как идеология, как философия, а потом и как система отношений… Мы в этом смысле являемся одним из наиболее авангардных регионов, и нет другого пути к гражданскому согласию, а стало быть, и к свободной экономике, чем этот»[338].

Специфика становления гражданского общества в регионах России – дефицит консолидированных общественных интересов и вовлечение подавляющего большинства населения страны в «неформальную (вторичную, дополнительную, теневую) занятость» (Р. Рывкина) – позволяет считать нашим респондентам наиболее проблемной сферой жизни в провинции экономику.

Сложившийся за годы перемен тип рыночного хозяйствования продолжает вызывать крайне противоречивые отклики у представителей правящих групп, прокладывающих путь социальных трансформаций на местах. Большинство членов региональных элит выражает мнение, что рынок заработал только сейчас, в силу чего и правомерен вопрос о роли государства в экономике. При этом его главной задачей в целях успешного развития, по мнению респонден-

тов, должно стать формирование благоприятного климата для инвестирования, совершенствование частных начал в сфере управления и поддержка регионов со стороны государства в устранении социальных диспропорций[339].

Действительно, одна из особенностей «десятилетия транзита», пережитого страной, – вопиющие социальные диспропорции. Это касается как разрыва в уровне дохода между богатыми и бедными, так и различий между дотационными субъектами РФ и регионами – донорами, между «точками роста» и депрессивными отраслями. Пока острота этих диспропорций не будет смягчена, как считает большинство опрошенных нами представителей региональных элит, не станет действенным гражданское общество. Трудно надеяться на образование в нем «критической массы», необходимой и для поступательного развития конкурентоспособного рынка, экономики, и для успеха социальных реформ (в первую очередь, жилищно-коммунальной), и для создания национального консенсуса по вопросам государственного строительства и демократического будущего страны.

Масштаб социальной дифференциации приводит и к мысли о том, что незавершенность экономической модернизации, тормозящей развитие гражданского общества на периферии, имеет своим следствием незавершенность формирования региональных элит. «Достройка» правящих в субъектах РФ групп, следовательно, в первую очередь состоит в наполнении их ресурсного потенциала социальными интересами, находящими ныне свое понимание преимущественно в законодательстве. Вполне очевидно, что, принимая и голосуя за те или иные правовые положения, представители элит разделяют экономические, политические, социальные и гуманитарные ценности, которые лежат в основании этих норм. В частности, продемонстрированная респондентами убежденность в целесообразности смешанной формы организации экономики фиксирует отсутствие радикализма и преобладание центристской позиции в одном из фундаментальных принципов экономической стратегии.

Как отмечают наши респонденты – наиболее эффективными способами решения вопросов диспропорций и удержания под контролем посткризисных явлений выступают: экономический рост с «проблемой проблем» (М. Теодорович) – качество выпускаемой продукции; приток в субъекты РФ внутренних и внешних инвестиций, совершенствование налогового законодательства; выполнение программ развития регионов, снижающих барьеры входа на национальный и международный рынок; установление прозрачных правил хозяйственной деятельности, разрешающих большую политико-правовую самостоятельность регионов во внутреннем использовании бюджетных средств; вывод из «тени» значительной части рыночной экономики, диалог с бизнесом и предпринимателями новых секторов производства с целью их легализованного развития и увеличения доходной части региональных бюджетов за счет роста налоговых поступлений.

Сегодня в субъектах РФ без помощи центрального правительства в принципе невозможно установить режим «справедливой конкуренции» и утвердить рыночные отношения, т.е. всего того, что составляет суть экономической модернизации. С другой стороны, важно видеть и то, что изменения в социально-экономической структуре региональных сообществ, связанные с развитием предпринимательства, мелкого и среднего бизнеса, хозяйственной инициативы граждан и вообще со всем тем, что усиливает самоорганизацию периферийных экономических процессов, препятствуют расширению участия государства в создании форм экономического порядка.

Теоретически выход из этого противоречия – в переориентации государственных администраций всех уровней со своих собственных проектов, часто заключающихся в объединении разнородных ресурсов элитных групп с целью получения максимальной прибыли, на те формы сознания и социальной активности, которые являются результатом здоровой деятельности гражданского общества.

Неслучайно, «сглаживая» данное противоречие и признавая ошибки приватизации 90-х годов (результаты которой, по последним данным РОМИР, 77% населения оценивают отрицательно, а 27% элиты готовы поддержать эту точку зрения) и с помощью карт-бланша депутатскому корпусу на определение размера изъятия природной ренты, руководство страны в лице министра финансов А. Кудрина впервые публично объявило, что нефтяным компаниям придется делиться с государством, отдавая 90% сверхдоходов, чтобы финансировать проведение начатых реформ (особенно налоговой) и наполнение стабилизационного фонда[340].

Ранее И. Дискин в статье «Российская модель социальной трансформации»[341] обращал внимание на иллюзорность представлений о том, что нормы социальных институтов соответствуют доминирующим в обществе механизмам социального действия. Основное противоречие между ними, – это полюсы – «вмененная» и «востребованная трансформация». В России «вмененная сверху» правящими группами трансформация нацелена на развитие хозяйства и более высокую выживаемость общества, а «востребованная» – часто носит характер архаизации, т.е. попятного движения к наиболее простым и неэффективным нормам труда, связанным со статичными и укорененными ценностями населения.

Одновременно с тем, как в массах происходило усиление тех устойчивых элементов культурных моделей, которые описываются как традиционалистские[342], в элитах после первых лет деконструкции или ситуации, когда нормативно-ценностная структура только формируется (П. Росси), наметилась тенденция «вырождения “непролетарских” форм культуры и демократии» (А. Дахин). Важнейшими ее проявлениями в регионах стали: конкуренция новых наборов ценностей, изменения характера политических конфликтов и структуры

внутриэлитного взаимодействия. Промежуточным результатом стало строительство авторитарной демократии с недостаточно эффективным рыночным механизмом на местах.

Именно поэтому способность значимых социальных и политических субъектов и, прежде всего, дистанцированных от бюрократии бизнеса и политических элит как «невластных» поборников экономического реформирования территорий может стать основой для выявления логики исторической смены на уровне социума «востребованной» трансформации на «вмененную». Сами параметры ценностной эволюции правящих в субъектах РФ групп задаются необратимым ходом реформ в направлении частной собственности, управляемой рыночной экономики и свободной конкуренции элит предпринимателей.

Так, с одной стороны, по данным ВЦИОМ, окрепла общественная поддержка частного предпринимательства – мелкого и среднего. Доля тех, кто считает, что свобода предпринимательства принесла России больше пользы, чем вреда, увеличилась с 1994 по 2000 гг. с 44% до 50%. С другой – в отношении отдельных представителей экономической элиты в обществе происходило укрепление негативных установок. «Надо ли удивляться, – считает А. Юсуповский, – что 74% граждан страны (по данным ФОМ, в 2000 г.) и 74% (по данным РОМИР в 2003 г.) – согласны с мнением Березовского, уверяющего, что в России нельзя заработать большие деньги, не нарушая законов, поэтому на любого бизнесмена в принципе можно завести уголовное дело»[343].

В частности, как только начал разгораться скандал вокруг «Юкоса», одни наблюдатели тут же отметили – Россия действительно вступила в сезон больших выборов[344]. Другие, более проницательные, расценили события вокруг «Юкоса» по-иному: «традиционный баланс сил в ближайшем окружении Владимира Путина нарушен. Начинается строительство новых чиновничье-олигархических группировок»[345]. В действительности же речь идет *об изменении структуры внутриэлитного взаимодействия на «самом верху» как модели для всех субъектов и участников политического процесса.* И лучшим вариантом для страны является укрепление позиций тех правящих кругов, что склонны выдвигать на повестку дня общегосударственные, читай, национальные интересы.

В этом смысле некой точкой «невозврата назад» вполне могут стать и сильный федеральный центр, пользующийся поддержкой большинства населения и одновременно являющийся необходимым условием проведения административно-территориальных реформ, и трансформирующийся «непролетарский» авторитаризм региональных лидеров, противоположный по мировоззрению и политическому действию аналогу коммунистических вождей, и свободный, патриотически настроенный предприниматель, который работает с мобильными видами ресурсов, не признающих административных границ.

От каждого из этих субъектов зависит развитие определенной перспективы, где сама ценность их власти интерпретируется в качестве средства для достижения тех или иных целей, понятно, не всегда имеющих лишь демократическую ориентацию. Так, например, в организационном плане трудно судить о сильном центре при наличии достаточного количества реально не полностью равноправных субъектов Федерации. В этой связи рядом политиков с мест предлагаются различные варианты уменьшения их числа путем укрупнения (Д. Аяцков, Э. Россель, А. Тулеев и др.). Но никто из них при этом не говорит об ограничении функций региональных властных группировок.

Перед названными персоналиями как авторитарными лидерами остро стоит проблема самоосознания властных отношений в контексте демократических ценностей, востребованных новым тысячелетием. Без этого любые их проекты, какой бы конструктив они ни преследовали, делают допустимым и даже неизбежным нарушение формальных норм и принципов демократического устройства. То же самое справедливо и по отношению к «независимым» от источников своего существования представителям экономической элиты. Как лица, заинтересованные в собственной прибыли, они не являются величиной, устанавливающей конкурентный порядок.

Но если тенденция дистанцирования бизнеса от бюрократии получит свое продолжение, то решение проблемы сильного демократического государства или демократического режима государственного управления на местах обретет мощное подспорье. Ведь рейтинг предпринимательства и частной собственности «повышается с ростом благосостояние населения. В этом случае у богатства больше возможностей легитимации…»[346]. Кроме того, на стратегический союз бизнеса и власти возлагается ныне ответственность за ликвидацию бедности.

На вопрос: что мешает развиваться бизнесу в Нижегородской области, бывший директор департамента поддержки и развития бизнеса областной администрации (а ныне директор завода) В. Буланов ответил вопросом: «В принципе, за что мы боремся именно сегодня? За ментальность нашего народа, за частную собственность и рыночную инфраструктуру. За популяризацию бизнеса. За предпринимателя, который пришел всерьез и надолго?».[347]

Признавая активную роль государства в рыночных отношениях, министр внешнеэкономических связей и торговли нижегородского правительства, В. Евлампиев, высказался относительно рыночной инфраструктуры более развернуто. «Организация ярмарок, выставок внутри и за пределами региона, информационное, маркетинговое и иное обеспечение экономических процессов, конечно, дорогостоящее удовольствие, но в этом направлении будет развиваться и впредь. Мы создали Торгово-промышленную палату, сеть агенств: агенство развития региона, агенство развития окружающей среды, агенство международного технического содействия по программам «ТАСИС»… Наработан ком-

плекс внешнеэкономических отношений, есть современная мультимедийная связь, Интернет, свой сайт, представительства за рубежом, нормально функционирующие с Германией, Бельгией, Францией, Голландией.… Без инфраструктуры инвестиции не придут»[348].

Проблема привлечения инвестиций в субъекты РФ повсеместно стоит довольно остро. Любое решение по поводу них связано с априорной оценкой степени риска, которому подвергается инвестор. Для того, чтобы привлечь в регионы страны деньги как иностранцев, так и наших соотечественников, в том числе и проживающих за рубежом, необходимо минимизировать риски, если рассматривать каждую из компонентов интегральной модели риска[349] по отдельности. Поэтому ориентации элиты на устранение рисков и способы (стратегии) привлечения внимания отечественных и зарубежных инвесторов к конкретным субъектам РФ представляют немалый интерес. Даже при всеобщем признании того, что в России *определяющим является политический фактор риска*[350], соотносимый, не только с экономической и социально – политической ситуацией внутри страны, но и с ее международным статусом (рейтингом для инвесторов) и внешнеполитическим курсом, т.е. тенденциями глобализации.

Однако такие категории, как «инвестиционный риск», «индекс экономической свободы», «рентабельность», символизирующие поиск самостоятельных выходов регионов на мировой рынок, до последнего времени скорее являлись на местах идеологическими метафорами, чем реальными явлениями (С. Барзилов, Е. Барябина). Хотя в известной степени и отражали такую функцию региональных лидеров как «административное предпринимательство». Но в большей мере теневое перераспределение ресурсов, контроль над допуском к ним и рычагами их управления, технократизация региональной власти и корпоративизация политического процесса определяли на местах структуру внутриэлитного взаимодействия на рубеже веков.

В «рыночной» сфере это проявилось в вытеснении транснационального капитала из субъектов РФ (преимущественно республик) и его экспансии в границах краев и областей, в рамках которых формировалось разное отношение к экономическим конгломератам. Так, их деятельность была фактически полностью блокирована в Краснодарском крае, зато в ряде других территорий (особенно в Нижнем Новгороде и Санкт-Петербурге) для них были созданы самые благоприятные условия функционирования. Проникновение «новых собственников» в регионы интенсифицировало корпоративизацию политического процесса, дробило и сталкивало интересы правящих групп.

Ситуация обострялась в период выборов. Здесь мы также наблюдаем ценностный конфликт. Но это противоречие «второго плана», «способствующее стабилизации взаимодействия» (П. Бергер и Т. Луман), действующего на основе деления между «своими» и «всеми остальными» – электоратом. Нередко претенденты отражали пристрастия разных транснациональных бизнес-

структур, тогда избирательные кампании носили особо «разнузданный» и шокирующий население характер, обнажающий повсеуровневый дифицит доверия.

Кроме того, хозяйствующие в тех или иных регионах конгломераты, юридически базирующиеся за их пределами, не только не желали платить за «неподковерную» демократию, но и налоги отправляли по месту регистрации. Дивиденды же получали «приведшие» их на места ФПГ. Их влияние возрастало, а корысть нередко превалировала над интересами территорий, что создавало дополнительный источник раскола региональных элит[351].

Параллельно в ряде республик продолжался процесс дальнейшего сращивания капитала и власти, образование на его основе периферийных олигархий. В ряде мест (Калмыкии, Татарстане, Башкортостане) этот процесс приобретал формы автаркизма, исходящие из экономической самодостаточности регионов, и автократии, когда значимый местный бизнес переходил под полный контроль не государства, а его высших чиновников (постноменклатурной бюрократии). Формирование новых финансово-промышленных патронатов (при доминировании старых правящих групп) сопровождалось увеличением зависимости населения от республиканской распределительной системы, а «нелояльного» бизнеса – от пирамиды власти. «Класс» предпринимателей оказывался (и оказывается) перед дилеммой: уходить с регионального рынка, скажем, на соседний, российский, выводить капитал за границу или искать компромисс с местными властями путем утраты независимости.

В результате соответствующего выбора весь общефедеральный рынок оказался поделен между экономическими конгломератами и потворствующими им региональными лидерами *фактически в обход государства.* Против чего и «восстала» пришедшая к власти команда во главе с Президентом В. Путиным, решившая положить конец «губернаторской вольнице» и монополизму олигархов. Уже первые шаги в этих направлениях принесли свои плоды. Сразу сократился круг «необузданных» субъектов. Началось сближение различных сегментов политической элиты. Обозначилась потребность в доверии «нового типа» – не традиционно межличностного в элитной среде, а внутриэлитного в национальном формате.

Тенденция консолидации, приведшая к показательному объединению двух мощных политических сил – партий «Единство» и «Отечество – вся Россия», в действительности оказалась для региональных элит весьма противоречивой. Если в центре они выступали относительно единым фронтом, то на местах вплоть до парламентских выборов 2003 г. наблюдалось идейно-партийное размежевание. Это, в принципе, для перспектив демократии куда более ценно, так как формировалась «какая никакая» конкурентная среда. Другое дело, что процесс ее институционализации в последующем был поставлен под вопрос.

Однако помимо экономических и политических особенностей на развитие ценностных предпочтений региональных элит оказали влияние и более общие следствия, которые можно рассматривать и как тенденции регионализации, и как «внутренние» проявления глобализации. Это и «всплеск территориальности» – от создания территориальных округов, планов укрупнения субъектов Федерации до возрастания значения «регионов-интеграторов» и роли приграничных территорий, обострение конкуренции между регионами и проблемы беженцев, вызовы ксенофобии и терроризма, дискуссии о сути суверенитета (к примеру, в новой редакции конституции Татарстана 2002 г. лишь в видоизмененной форме сохранился пункт о суверенитете и о республиканском гражданстве). Это и призывы к введению процедуры банкротства в отношении неплатежеспособных и не желающих добровольно проводить политику финансового оздоровления регионов и муниципалитетов, что фактически рассматривает элиты последних в качестве инструмента укрепления позиций центра и т.д.

Но вряд ли весь этот «плавильный котел» тенденций, свидетельствующий о недостаточном изучении проблемы перехода к демократическому устройству с точки зрения его влияния на политико-территориальные аспекты обеспечения национальных интересов, являлся предметом осознания региональных элит или вернее основанием их целеполагания. Иначе бы в процессе эволюции их убеждений, ценностей и норм не возобладал приоритет корпоративно-клановых интересов, опирающийся на опыт неформальных практик властвования и управления. Он осваивался посредством кризисных социально-идентификационных механизмов, превращаясь, в частности, в глубоко фрагментированный тип установок территориальных правящих групп.

В доказательство этого обратимся к таким значимым структурам и одновременно важным составляющим региональной элиты как директорат и чиновничество. Первый сегмент имеет прямое отношение к политико-экономическим объединениям на местах, бюрократия – пусковой механизм пришедшей к власти политической элиты. На рубеже веков в силу обрушившейся на них критики и кадровых перестановок они заметно потеряли в своем влиянии по сравнению с предыдущим периодом. Изменилась и направленность ценностной эволюции. Вместе с тем в индустриальных и агропромышленных регионах, в муниципальных образованиях, где предприятие является градообразующим, а чиновник – вершителем людских судеб, их политический вес, комплекс предпочтений и престиж еще высок.

По итогам парламентских выборов регионального уровня (2000 – 2002 гг.) представители директорского корпуса, промышленной и финансовой элиты получили 80% депутатских мандатов в Пермской области, около 70 – в Смоленской области, около 60 – в Пензенской, Тамбовской и Томской областях (О. Крыштановская). Цифры присутствия отмеченных сегментов территориальной элиты в местных ассамблеях Нижнего Новгорода и Нижегородской об-

ласти близки к показателям Смоленского региона. Увеличение числа предпринимателей в областных законодательных собраниях и их ставленников в местных ассамблеях (особенно районного масштаба), с ярко выраженной ценностной формулой активного участия в правлении, происходит за счет уменьшения процента государственных и муниципальных служащих в депутатском корпусе. Кроме того, происходит вытеснение собственно «народных избранников» – учителей, врачей, рабочих, не входящих в структуры власти и бизнеса. Столь очевидный дисбаланс не что иное, как противоречие социального представительства.

«Значительная часть отечественного чиновничества оказалась достаточно гибкой и адаптивной, чтобы приспособить к своим нуждам демократические институты свободных выборов и политических партий»[352], а рыночные – сделать либо удобным пристанищем, либо «доходным местом для съема» дивидендов с солидного «стартового капитала». Сегодня, теряя в роли участника избирательного процесса, постсоветская бюрократия и директорат (особенно «красный») остаются потенциальными группами инвесторов российской экономики, чьи взгляды в принципе несовместимы с цивилизационной парадигмой, а поведение демонстрирует неприятие и сознательное сопротивление модернизационным и глобализационным процессам.

Этот антиобщественный дискурс, ориентирующийся на вполне определенные материальные интересы, отличает несколько особенностей. Во-первых, в нем явственно просматривается стремление сохранить в неприкосновенности существующие порядки, в том числе «бюрократический рынок», устаревшее производство и непрозрачную бухгалтерию. Кроме того, многие российские директора и бизнесмены оказались способными работать только при наличии административной поддержки со стороны государства, от которого они ожидают исправления своих управленческих ошибок[353]. Можно констатировать, что «смена поколений» и меняющаяся роль государства стимулировали вытеснение «разделенных» (свойственных примитивным переходным формам) установок и преобладание «фрагментированных» (соответствующих иерархически упорядоченным слоям общества). Лишь для незначительной части «директоров-бизнесменов» характерны ориентации современного функционально дифференцированного социума.

Во-вторых, самым мощным их лобби на местах являются органы исполнительной власти субъектов Федерации и прежде всего региональные лидеры. Именно с их «благословения» (особенно успешно в Центральной и Уральской зонах) стали создаваться и развиваться региональные промышленно-финансовые группы. Наиболее видные из них – «Еврозолото», «Тульский промышленник», «Уральские машиностроительные заводы», «Ренова» и др. Именно правящие региональные элиты (в том числе и за счет владения крупным пакетом акций) продолжают сохранять и ныне ключевую роль в своей деятельности. Предприятия, входящие в ФПГ, получают в лице административных органов надежного лоббиста своих интересов в высших коридорах власти. Их бюрократические аппараты предоставляют гарантии под возможные инвестиционные проекты «своих» финансово-промышленных групп и их партнеров[354].

В-третьих, установки «охранителей», находящихся под защитой местной власти, игнорируют интересы потребителей и избирателей. Материальная и правовая необеспеченность большинства граждан усиливает их зависимость от владельцев и распорядителей реальных ресурсов, усугубляет корпоративно-клановый характер отношений власти и бизнеса, обнажающийся на выборах, определяет «иждивенческую» мотивацию участия в них значительной части региональных общественных организаций и, в целом, сугубо «материалистическую» вовлеченность электората в избирательный процесс. Так отмобилизованные собственной бедностью и реальным бесправием люди включаются в политическую жизнь, становясь заложниками обещаний лидеров, властей или представителей ФПГ, их искусства манипулировать массами.

В этой связи проясняется роль региональных правящих групп в формировании властных предпочтений избирателей. Их отношение к элите имеет ту же природу, что и отношение к власти в советский период – в рамках патерналистской модели[355]. При этом сознание самих элит в контексте разрыва с примитивными формами политической культуры традиционного общества функционирует и эволюционирует в режиме другой парадигмы – кланово-корпоративных интересов. Они значимее для их носителей, чем идеологические и мировоззренческие аспекты. В силу этого региональным элитам выгодно поддерживать комплекс «социального бессилия» масс с их уверенностью в том, что состояние общества едва ли не всецело определяется действиями властей и, прежде всего, центральной, несущей ответственность за все происходящее в стране.

Себе же они оставляют функцию работодателя и благодетеля, считая,что партийно-политическая борьба лишь препятствует результативности их правления. В этом случае экономическая эффективность скорее декларируется, чем понимается, как «способность удерживать уровень жизни на приемлемом уровне, политическая же эффективность власти – как способность администраций отстаивать региональные интересы в отношениях с федеральными властями, обеспечивать безопасность (в широком значении этого термина) данной территории»[356].

До недавнего времени региональные интересы представляли собой прежде всего интересы субнациональных элит, репрезентируемые массам посредством локальных идеологий через деятельность региональных администраций (А. Магомедов, А. Чернышов и др.). Камуфлируя истинные устремления правящих групп к незыблемости своего властного статуса, идеологи были призваны внушать приятные для общества социально-политические ассоциации, с помощью которых оно могло бы себя идентифицировать. В частности, проявле-

ние этатистских настроений на массовом уровне можно интерпретировать как способ сохранения своей традиционной государственной идентичности.

Однако на этапе автономизации элитами был упущен момент объективного занятия ниши «защитника и выразителя» региональных интересов. Формируемые ими мифологемы оказались чересчур конъюнктурными и самодостаточными, а с падением уровня жизни большинства граждан и вовсе не приемлемыми, даже при всей склонности масс больше доверять местной, а не центральной власти. Подспудно присутствующий и вызревающий разворот симпатий населения к внетерриториальным центрам влияния обусловил нынешнее доминирование в обществе идеологемы «сильного государства».

Существенно нарушить или укрепить этот перевес может реформа энергетики и ЖКХ. По мнению А. Кузьмина, если центру удастся полностью переложить ответственность за «синяки и шишки» на регионы, сохранив за собой «пряники и пышки» этих реформ, он может подорвать легитимность региональных режимов и фрагментировать региональные элиты[357] как оплот административно-экономических корпораций неконкурентного типа. Так, например, в Ульяновской области, даже смена лидера не привела к хотя бы минимальной демократизации политических установок элит.

С началом формирования сильного федерального центра большинство территориальных элит (фактически всегда ориентирующихся на него, но строящих свое поведение в зависимости от его состояния) вошло в «пропрезидентское большинство». Оно далеко не однородно, но его стабильность и дееспособность превращается в одно из главных условий устойчивости режима и нормативного консенсуса в сочетании с новым культурным фоном. «Считаю, – пишет А. Казаков, – что задачу восстановления и укрепления единства мы решили: единство российского пространства восстановлено, угроза разрушения политической и территориальной целостности страны устранена»[358]. Теперь идеологию Конституции, федерального и регионального законодательства необходимо перевести в приемлемую для граждан форму, прежде всего, ассоциируемую ими с собственным уровнем качества жизни.

Так, например, падение рейтинга Нижегородской области к концу 90-х годов обязано исключительно снижению уровня качества жизни. Ответственными за этот фактор являются, прежде всего, показатели среднедушевых, денежных доходов и расходов населения. Их значения (в долях от средних по РФ) снизились по сравнению с 1985 годом примерно на 30%[359]. Для сравнения отметим, что в Самарской области того же периода, денежные доходы и расходы населения «увеличились на 58% от уровня 1985 года» (Б. Титов, Ю. Трунин). Как следствие правильно избранной и идеологически подкрепленной стратегии развития региона явилось его лидирующее экономическое положение в ПФО, вхождение в «первую пятерку» относительно благополучных и безопасных для жизни субъектов РФ.

Но не менее важное в этих позициях – ценностное кредо значительной части самарской элиты: модернизация через укрепление центральной власти. Это свидетельствует о достижении ею определенного уровня идентичности, превращения воли правящей группы в символ надежд местного населения, связанных с режимом, который реально учитывает национально-исторические, политико-территориальные особенности и современную ситуацию в стране. Но не подвергает сомнению ценности рынка и демократии. В переходных условиях они выступают лучшей гарантией «…по преодолению всевозможных внутренних и внешних угроз стабильности страны в целом и ее составных частей в особенности»[360].

Этап начатых В. Путиным преобразований, когда новая правяшая группа дистанцировалась от узких интересов региональных «партий власти» и пошла навстречу тем лидерам территорий, которые склонны к компромиссу, продвинул вперед многое напрямую связанное с модернизацией и безопасностью регионов (экономической, политической, социальной, финансовой и пр.). Особенно он повлиял на укрепление государственности и правопорядка, слом принципов «закулисного сговора» и распространение приоритетов согласия и прозрачности власти, что не могло не сказаться на смене восприятия порога опасности у различных потенциальных инвесторов – как отечественных, так и зарубежных. Вот, к примеру, мнение мэра Нижнего Новгорода В. Булавинова: «У программы («Нижний Новгород – столица Поволжья») серьезные перспективы, достаточно взглянуть на темпы роста инвестиций в экономику»[361].

В предыдущий период «большие промышленные центры вне Москвы получили хорошие возможности, когда они решили провести модернизацию индустрии при помощи иностранных финансовых групп. Внешняя торговля повысила коммерческие возможности Петербурга. Нижний Новгород, Пермь и Самара усилили свою активность в телекоммуникационных проектах»[362], чрезвычайно важных, по мнению депутата Госдумы Л. Тяна, для экономической интеграции[363]. Позитивная внутрирегиональная динамика, правда, далеко не равномерная в силу разной глубины кризисных явлений в политико-территориальном устройстве стране, стимулировала поиск преимуществ в сегодняшней борьбе между субъектами РФ, областными и республиканскими центрами, муниципалитетами за право быть лидером. Располагать международными и федеральными ресурсами, признанием и вниманием деловых кругов Запада и России.

«Лучшим доказательством плодотворности наших усилий, – считает экс-губернатор Нижегородской области И. Скляров, – служит приход в регион в последнее время крупных отечественных инвесторов, которые прямо-таки соревнуются за право работать на предприятиях области. Они уверены, что в лице региональных административных органов имеют серьезных партнеров, гарантирующих предсказуемость рисков, которые возникают при вложении денег в

производство. Мы не делим инвесторов на "своих" и "чужих", всем обеспечиваем равные условия, *главное*, чтобы развивались предприятия области, появлялись новые рабочие места, вовремя выплачивались налоги»[364].

Но за скобками данного свидетельства остаются такие группы населения, которые являются жертвами разнообразных политических и социально-экономических экспериментов, предвыборного беспредела и бюрократического произвола. Это, прежде всего, безработные, малоимущие и бедные, объединяемые понятием «маргиналы» и даже «подкласс» (Р. Дарендорф). Они, как правило, жители «гетто» и в столицах, и на периферии. Но в совокупности это потенциальные структуры социального конфликта, протестная энергетика которых импульсивна и заразительна (особенно для дезориентированной молодежи), содержит в себе сомнения в законности наличной организации власти и потому не признает эффективность правящей элиты, порождает широкую гамму форм отклоняющегося поведения.

Именно в этом контексте отличительные приметы текущего момента – *социальная реабилитация*, инициируемая ограниченным слоем федеральных руководителей и *«демонтаж олигархической системы»*, осуществляемый на местах тем успешнее, чем обоснованее легитимация элитных групп, «производящих» конкурентный порядок. Синтезатором отмеченных черт и обусловливающих их процессов является оценка «рисков аномии» (Р. Мертон) со стороны правящих групп, заинтересованных в общенациональном согласии.

Ныне корректировка внутренней политики вступает в активную стадию[365]. Станет ли ее главным содержанием выработка «нового курса» или долгожданной стратегии «прорыва» в цивилизованный мир – покажет время. Но уже сейчас и региональные элиты, и отечественный бизнес, партии и СМИ *поняли*, что олигархические принципы прекращают свое действие. Всем им придется заново осваивать и учитывать в своей деятельности интересы общества как этатистские. Ибо «удвоение ВВП» есть возможность сокращения бедности, ее преодоление – гарантия политической стабильности.

Если все эти субъекты с известными «мерами предосторожности» принимают «правила игры», предложенные Президентом, Кремлю будет легче объяснить населению, почему нужно подвести черту под итогами приватизации и закрыть болезненную тему «отобрать и поделить», ставшую девизом оппозиции. Как только власть и население поверят друг другу или, по крайней мере, начнут сообща решать проблему доверия, это упрочит в стране мотивацию к модернизации, общественно-политический и инвестиционно-деловой климат.

В этой схематизированной динамике, свойственной промежуточным формам политического развития страны, принципиально важное значение имеет концептуализация (Т. Адорно) управляющими и управляемыми ценностного противоречия более глубинного уровня. А именно: «идея социальной защиты не как этатистская, а как гражданская, связанная с социальной самодеятельно-

стью, с низовым политическим творчеством, – вот кредо новой политической культуры»[366] и демократической трансформации. Пока общество из-за боязни "проиграть" наложило на него некое табу, но результаты выборов губернатора в Архангельской области и Алтайском крае свидетельствуют о появлении самонастраивающихся политических механизмов социума, пытающихся изменить привычную ситуацию.

Описание стратегий позиционирования региональных акторов в контексте модернизации предполагает помимо антимодернистов выделение такой категории субъектов, что воспринимают прогрессивные новации извне, укрепляют легитимность общественной системы и ее способность воздействовать на внутреннее и внешнее окружение. Это, прежде всего, менеджеры транснациональных компаний, «консьюмеристские элиты» (К. Зегберс), демократически ориентированные парламентарии и региональные лидеры.

На политической сцене России в этом сегменте за последнее десятилетие перебывало достаточно фигур. Среди современных деятелей федеральной власти почти знаковыми являются Г. Греф и С. Кириенко. В круге региональных руководителей в числе первых были Б. Немцов и А. Собчак, ныне с переменным успехом лидируют К. Титов и А. Хлопонин. Тут же располагается и другая группа региональных лидеров, чья приверженность авторитарным методам не мешает им ставить и преследовать модернизационные цели. Это известное большинство. Однако здесь не только трудно выделить форвардов, но и сопоставить их с социально-политическими, идеологическими индикаторами.

Так, оппозиция по линии «модернисты – антимодернисты» не обязательно совпадает с делением российского политического спектра по право-левому принципу. Хотя вполне типичной в первые годы нового тысячилетия следует признать ситуацию дробления региональной политико-административной и экономической элиты по этому показателю в демократически «продвинутых» округах. К примеру, избрание губернатора Нижегородской области (2001) привело не к ослаблению данного процесса, а, напротив, к его усилению и усложнению.

Можно назвать, считает А. Дахин, следующие центры консолидации региональной элиты в этот период: а) губернатор, который возглавил группу «нижегородских москвичей», разорвав отношения с КПРФ и с остатками региональной советской «партхозноменклатуры»; б) полпредство и близкое к нему руководство областного Законодательного собрания, администрация избранного в мэры Нижнего Новгорода Булавинова и структуры «Единой России»; в) Б. Немцов и СПС, собирающие вокруг себя часть мелких и средних предпринимателей – «новых хозяйственников»; г) фракция относительно независимых друг от друга и от региональных властей представителей крупных финансово-промышленных групп (как «филиал» тогдашнего РСПП А. Вольского); д) «фракция» бывших «красных директоров», тяготеющая к региональной

«Единой России»[367]. Названные группы и центры влияния, при всех противоречиях между ними, не раз демонстрировали способность к диалогу и координированным действиям в рамках экономической стратегии страны, что позволяет определить их как «системных игроков» модернизации.

Участие представителей территориальных элит в «работе» свободных экономических зон, иных межрегиональных и национальных проектах и как результат ценностной ориентации – самостоятельное привлечение в территории отечественных и зарубежных инвестиций, развитие рыночной инфраструктуры и т.д. дает основание заключить, что правящие на местах группы в большинстве своем являются сторонниками модернизации страны. Но не у всех получается стать ее субъектами, тем более «производителями конкуренции» (Л. Дробижева).

Разделяя идею усиления роли государства в едином экономическом пространстве, они в основном поддерживают избранный курс реформ, направленный на упрочение частной собственности в экономике и социальной сфере, установление широкого авторитета права, создание необходимых форм поддержки хозяйствующих и гражданских структур со стороны государства. (Ведь стал, благодаря усилиям Президента и Совета Федерации, основной финансовый документ страны, рассчитанный на 2004 год, своеобразным «бюджетом роста регионов»).

Однако было бы ошибкой говорить о полном единодушии территориальных элит в отношении ключевых аспектов экономической стратегии страны. Не подвергая сомнению ее конечные цели и негативно характеризуя высокую конфликтность социальных и экономических процессов прошлых лет, в среде региональных администраций возрастает число тех ее представителей, что считают необходимым постепенный, «подправляющий» характер реформ. С вытекающими из него приоритетами: сочетание универсальных ценностей современного мира (демократии, рыночной экономики) и культурно-цивилизационной самобытности России, повышение роли правящих и оппозиционных элит, их способности конкурировать и налаживать сотрудничество для реализации общезначимых целей.

По сути, это атрибуты евразийского варианта, в основании которого лежат представления о России как особом, евразийском типе цивилизации, обретающие плоть в современных тенденциях центризма. Этот проект отличается как от западнического (атлантического), так и от почвеннического (славянофильского) тем, что стремится уйти от ориентации на одностороннее заимствование западного опыта и от изоляционизма, ограждающего Россию от всяких межцивилизационных контактов. Однако о его преобладании, тем более в региональной среде, где только-только устанавливается отчетливо формальная процедура деятельности государственной власти и нормы конкуренции, все же следует говорить осторожно, так как и сегодня вопрос о

политической модернизации страны (особенно как о демократизации) вряд ли можно считать решенным.

Скорее мы имеем дело с авторитарно-демократическим результатом социально-политической модернизации. В его конкретно-исторических границах по ходу завершения первого более десятилетнего этапа трансформации осуществляется смена моделей демократии. По отношению к постсоветскому транзиту региональных элит, в развитии которого, согласно нашей концепции, ведущую роль играют процессы их самоопределения, самоорганизации и взаимодействия, движимые потребностями и интересами, смена моделей демократии имеет не только определяющий, но и более определенно выраженный идеологический характер. Уточним: под идеологией нами понимается «доктрина, оправдывающая притязания той или иной группы лиц на власть (или ее использование) и ставящая целью в соответствии с этими задачами подчинение общественного мнения декларируемым в ней идеям (ценностям)»[368].

В свое время, учитывая трудности, связанные с классической теорией демократии, Й. Шумпетер предложил альтернативную теоретическую модель. Он исходил из положения о том, что содержание политики следует считать не предпосылкой, а результатом реального политического процесса. Демократическая политика осуществляется не в соответствии с абсолютными принципами всеобщего блага и воли народа, а выстраивается в соответствии с теми программами политического действия, которыми руководствуются группы индивидов, сумевших получить политическую власть в ходе свободной конкурентной борьбы за голоса избирателей.

Таким образом, региональную политику 90-х в условиях «непролетарской» свободы конкуренции, когда политическое соперничество принимает форму хаотичной борьбы «всех против всех», а отношения складывающихся элит еще никак не институционализированы, вполне можно описывать и анализировать в рамках конфликтной, воинственно-агрессивной или, по терминалогии А. Дахина, «враждующей» модели демократии. В этом случае, каждый субъект вплоть до «нации-народа» обладает «полным суверенитетом» и потому волен приобретать для себя столько прав, сколько может. Такая модель представляет ряд преимуществ региональным политическим элитам, помещает в центр внимания политических исследований структуры отчуждения, недоверия и конфликтного участия.

Универсальной предпосылкой смены модели демократии является определенный уровень рационализации общественных отношений, основанный на общем признании некоторой системы ценностей. Другим неотъемлемым условием выступает феномен терпимости, т.е. возможности общения и взаимного действия людей или групп, приверженных разным системам мировоззрения и различным ценностным ориентациям. Именно поэтому формирующаяся модель демократии, в основании которой лежит идея порядка, а политическая конку-

ренция является главным критерием, позволяющим отличать демократическую форму политики от иных ее форм, конституируется в элитной среде в том случае, если методы политического соперничества не выходят за рамки формальных и неформальных правил, принятых всеми его участниками. А стили конкурирования включают в себя помимо инструментов борьбы и механизмы взаимного признания, терпимости и компромисса.

Такая модель демократии, опирающаяся на нормы соперничества и потребности взаимного доверия праве именоваться и «оптимистической», и «доверяющей», главное, чтобы образующие ее структуры становились доминирующими способами взаимоотношений между ценностными установками элит, управляющих и управляемых. В противном случае мы будем наблюдать все новые разновидности ценностных и политических конфликтов, имеющих идеологическое выражение. В связи с этим следует отметить:

1. Сам факт ценностной эволюции региональных элит в переходных условиях России носит характер «догоняющий» по отношению к аналогичным процессам на федеральном, столичном уровне. При этом, с одной стороны, есть основания интерпретировать территориальный модернизм как один из современных вариантов либерализма. С другой – есть основания идентифицировать антимодернизм с консервативной идеологией, вверяющей судьбу регионов регулятивным возможностям государства при неопределенности его роли в кризисных условиях. Ключевые характеристики ценностной эволюции региональных элит – динамизм и противоречивость.

2. Фактор динамики обнаруживает себя в процессе смещения ценностей, воплотившихся в феноменах «гегемонии» (А. Зудин) ориентаций либерального толка (1991 – 1994 гг.), нацеленных на «прозападную» модернизацию страны; явлениях «демократических патриотов» и «авторитарных рыночников» как в центре, так и на местах (И. Клямкин) в период с 1994 по 1998 гг.; в «дефолте – 98», морально и материально «обанкротившего» политико-олигархический союз «либерализаторов»; в административно-политической стабилизации 1999 г., закрепившей идеологическую конфигурацию в рамках результатов выборов в Государственную думу; в формировании нового ценностно-идеологического климата Российской Федерации, принесшего в элитарное сознание всех уровней изменения, преимущественно связанные с поиском обьединяющей идеи (с 2000 года по настоящее время).

3. Фактор противоречивости отчетливо прослеживается в системах ценностей, что выступают в качестве самодостаточных источников мотивации, действующих на основе деления человеческих обществ на своих и чужих; в дилеммах модернизации и разломах региональных элит, в формах их противоборства, отражающих не только переменный успех борьбы за приоритеты между реформаторами и консерваторами, правыми и левыми, но и то, что основанием идентификации правящего слоя утверждались корпоративно-клановые

интересы. *Главное звено этой цепи – противоречие между традиционализмом и рационализмом (либерализмом).* Именно к ценностям этих крайностей в поисках выхода из посткоммунистической переходности обращается значительная часть граждан. На их синтезе пытаются построить мост в будущее ныне правящие элиты, либеральная часть которых отдает себе отчет в том, что традиционные формы государственного регулирования уходят в прошлое.

Фоновой особенностью деятельности политических элит в регионах, усиливающей «перевертыши» правых и левых, являлась социально-политическая поляризация общества на местах и активизация этнонациональных идеологий. Ключевая примета последних: провозглашение в качестве базовой – ценности той или иной этнонациональной общности, а в качестве основной цели – национальное возрождение. Крайним вариантом таких идеологий, представляющим опасность для единства государства, выступает национал-сепаратизм. Вполне оправданно, что несущей конструкцией, скрепляющей воедино регионы страны и все более удаляющиеся друг от друга общественные слои, становится современное правовое государство, выдвигающее в повестку дня задачи формирования общенациональной идеологии.

Отношение региональных элит к государству, его новой роли в политическом развитии страны – системообразующий фактор их ориентаций, связанных с перспективами политической модернизации. Между тем, даже в среде отечественных и зарубежных специалистов сложившаяся за период реформ российская государственность продолжает вызывать крайне противоречивые суждения. До смены первых лиц государства и корррректировки его курса на рубеже веков их крайними полюсами выступали следующие выводы.

«По целому ряду объективных и субъективных причин процесс государственного строительства в России, в целом и на местах, в особенности, носит хаотический характер, обладая преимущественно автократическими чертами»[369]. По заключениям других политологов, в России проводится совершенно недопустимая суперлиберальная политика минимизации осознанного вмешательства государства в экономику, что чревато в ближайшем будущем полным экономическим крахом, с неизбежностью влекущим за собой и катастрофу политическую[370]. Кроме того, отражением взглядов предшествующего периода являлся и тот факт, что в ныне действующую Конституцию РФ, было внесено совершенно верное положение о том, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной.

Выдвижение же задачи формирования новой идеологии является, очевидно, осознанием той ситуации, что хотя в обществе должен сохраняться идеологический плюрализм, при котором разные идеологии могут свободно конкурировать на рынке идей, у государства должна быть некая общенациональная идея, приемлемая и разделяемая большей частью его граждан. Высшее предназначение любой конституции, по мнению члена Совета Федерации А. Казакова,

в том и состоит, чтобы посредством юридических инструментов содействовать практической реализации одобренных народом ценностей[371]. В противном случае государство рискует распасться на конгломерат этнонациональных, конфессиональных и политических общностей с собственными идеологиями, для которых само единое российское государство не представляет высшей ценности по сравнению с их групповыми интересами и ценностями.

Реальность политической жизни территорий такова, что идейно-политическая окраска региональной государственной власти определяется, как правило, политико-идеологическими предпочтениями «первых лиц». Так, администрация Нижегородской области 1991 – 1997 гг. имела определенно выраженный «демократический» характер и потому, что политические ориентации губернатора Б. Немцова были связаны с фигурой «раннего» Б. Ельцина. В 1997 – 2001 гг. почти та же (по персональному составу) администрация приобрела оттенок «партхозактива», а губернатор И. Скляров политически стал ориентироваться на фигуру Ю. Лужкова. В свою очередь, «паритетный национализм» – стремление к возможно полному суверенитету, который в соответствии с внешними и внутренними условиями ограничен за счет передачи части полномочий федеральному центру, и ныне реально доминирует в Татарстане, Туве, Башкортостане в силу поддержки со стороны их лидеров.

С другой стороны, как показывают результаты исследований, население территорий, «фиксируя региональную элиту как элиту, не воспринимает ее при этом в региональном качестве»[372], т.е. как самодостаточную. Это означает, что ниша представителя и защитника собственно региональных интересов элитными группами объективно не занята и вполне может быть освоена дееспособным федеральным центром при надлежащем исполнении *принципов федерализма* и продвижении в массовое сознание *идеологии народного капитализма* как альтернативы олигархическому режиму и хищническому капиталу.

Господствующей метафорой новой государственной политики стало выстраивание «вертикали власти», воспринятое в стране и мире неоднозначно. Если в самой России к этому отнеслись по большей части положительно[373], как к стремлению «создать организационные рычаги для поворота страны от стихии к управляемости и от стагнации к формированию условий для экономического роста и развития»[374], сохраняя при этом демократические завоевания, то большинство наблюдателей на Западе (и часть крайних по левому и правому флангам партийных российских элит) увидели в этом откат к авторитаризму и централизации, понимаемых, разумеется, по-разному.

Уже первые годы «путинских реформ» убедили часть зарубежных исследователей в конструктивности нового курса, направленного в первую очередь на «собирание» во многих отношениях фрагментированной страны в более упорядоченное целое. Выяснилось и то, что «политическая дистанция» между значимыми партийными элитами и Президентом определяется существом во-

проса. Так, в своем «государственническом видении» депутаты прежнего состава Госдумы оказались практически солидарны с главой государства: по их представлениям, позиция Президента лишь на 14 пунктов отличается от их собственной (в сторону еще более жесткой централизации[375], на фоне которой Путин выглядит большим «федералистом» и «демократом»).

Таким образом, общая линия Кремля на укрепление «вертикали власти» была поддержана большинством партэлит не столько «идейно» или «прагматично», сколько по сути общенациональной проблемы (Б. Макаренко). В свою очередь, переход региональным элит от «враждующей» к «доверяющей» модели демократии является, вероятно, главным условием, которое может предотвратить навязывание государству роли «жандарма» (А. Дахин). Альтернатива такова: либо региональные элиты выработают и усвоят «общие правила» конкуренции и тем самым сохранят региональные институты демократии и самих себя, либо властное присутствие федерального центра на территориях страны будет возрастать, что и было изначально продемонстрировано успешным проведением через Госдуму пакета законов о реформе федеративных отношений.

Они призваны снять ряд существенных противоречий в федеративном устройстве нашего государства на этапе его дальнейшей демократизации:

– между суверенизацией, повышением самостоятельности регионов – субъектов Федерации – и объективной потребностью сохранения целостности и упрочения общероссийской государственности в интересах всех народов и национальностей;

– между стремлением отдельных народов, этнических групп и правящих элит к автономизации и процессами интеграции российского общества, имеющими социально-экономическую обусловленность;

– между специфическими интересами масс, управляющих слоев, которые четко выявились в ходе развернувшихся реформ, и необходимостью их консенсуса, взаимного поиска компромиссов при их реализации;

– между потребностью согласованного проведения экономических, политических и социальных преобразований на всей территории РФ и наличием значительных различий в уровнях развития регионов, связанных с геополитическими, социально-экономическими, политико-правовыми, управленческими и историко-культурными, демографическими и др. особенностями их положения, различиями в подходах, методах и темпах модернизации.

Но за актуальностью этих задач *вне* принятия региональными элитами норм «доверяющей» демократии и обретения собственной конкурентоспособности может иметь место не только снижение их значимости, но и постепенное перераспределение местной собственности в пользу федеральных акторов. Поэтому модернизация региональной элиты – насущное средство ее выживания.

В отношении федеративной политики современной России политические ориентации региональных элит имеют своими источниками: совокупность осо-

бенностей отечественного федерализма в целом и качественную определенность взаимоотношений в системах «центр – регионы», «регионы – центр». В первом случае это связано с принятием аргументов в пользу сформированного тезиса о специфике российского федерализма, во втором – с политической практикой межуровневого разделения властей («как коммуникативного элемента федеративной системы, сообщающего ей динамичность, способность к развитию»[376]).

Наличие самого большого в мире социально-политического пространства, а также «иссеченность» общества многочисленными линиями существенных различий – основа первого аргумента. Такого рода плюрализм социума объективно предполагает федеративное устройство государства при одновременном сохранении и углублении его единства, общности политического и правового ландшафта, т.е. единства высшей государственной власти. Сильная централизованная власть, формирующаяся с учетом принципа территориальных свобод и удовлетворения потребностей местного самоуправления – первейшее условие существования нашего государства как политического объединения многомиллионного и многонационального народа.

Второе. Любая модель демократических преобразований не исключает реальной возможности авторитаризма или превращения демократии в автократию, либо в инструмент господства региональных олигархий и национал-террористических режимов, если государство не защищено единым для всех его частей законом, гарантирующим реализацию основных принципов государственного строя и управления. Конституция страны (равно как и Уставы территорий) тем лучше, тем совершеннее, чем полнее и точнее в их тексте отражается, воспроизводится система ценностей, на которые она опирается.

Третье. Российский федерализм в его нынешнем состоянии не исключает сепаратистских поползновений отдельных республик и регионов со свойственными им типами и образами национализма. В постсоветской действительности можно выделить классический, паритетный, экономический, оборонительный и модернизационный виды национализма. К перечисленным можно добавить и различные варианты русского национализма – от агрессивного, представленного немногочисленными организациями, до умеренного, почвенническислявянского. Переходная историческая ситуация объективно требует органически соединять федерализм не только с повсеместно сильной властью, но и соответствующей идеологией, укрепляющей единство государства.

Наконец, последний аргумент. Отечественный федерализм, интегрирующийся сильной центральной властью и патриотической идеологией обеспечивает решение трех основных современных задач:

– углубления (вопреки всплеску антимодернизационных и неотрадиционалистских настроений в обществе) модернизационных процессов;

– продолжения государственного строительства, взаимоувязывающего весь спектр начатых реформ с укреплением порядка, низводящего на «нет» тенденции конфедеративизма и «местной нелегальщины»;

– развития социально-экономической и политической интеграции постсоветского общества путем утверждения нового ценностно-идеологического климата Российской Федерации с приоритетом толерантности.

Своеобразным примером решения последней задачи может служить образование нового субъекта РФ – Пермского края. 11 июня 2003 г. руководители Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области подписали письмо Президенту страны с просьбой рассмотреть возможность объединения этих регионов. В тот же день, во время своей ежегодной пресс-конференции, полпред С. Кириенко сообщил журналистам и заинтересованной научной общественности, что «Коми-Пермяцкий округ среди регионов Приволжского округа возглавляет кризисный список, а Пермская область – среди лидеров по благополучию». Именно этот факт, по мнению полномочного представителя Президента, объясняет целесообразность грядущего преобразования.

При этом Кириенко заметил: «Процесс объединения – это долгий процесс». После того, как намерение о слиянии регионов будет согласовано с главой государства, свое мнение должны будут высказать жители территорий, которые предполагается объединить. Сделают они это в рамках демократической процедуры референдума, что, по всей вероятности, пройдет одновременно с выборами в Государственную думу РФ. Так и произошло.

«Объединение Перми и Коми-Пермяцкого округа состоится только по желанию людей», – заявил полпред. По мнению С. Кириенко, торопиться с объединением не следует. «Объединение – это, прежде всего, развитие инфраструктуры…». Он считает, что жители любого субъекта РФ должны иметь одинаковые возможности. Полпред также напомнил еще об одном важном аспекте, который должен быть учтен при слиянии регионов. В результате объединения «необходимо сохранить» неповторимую культуру коми-пермяков, их язык, эпос и традиции[377].Чем лишний раз подтвердил, что развитие федерализма немыслимо без наличия устойчивой идентичности.

Сегодня необходимо понять, что нынешнее общественное сознание объективно не может подталкивать политический класс страны и руководство регионов к модернизации. Семья, СМИ и воля демократически ориентированных лидеров в этой ситуации должны взять на себя основную часть ответственности за формирование национальной идентичности. Вполне очевидно, что ресурсы полпредств могут активизировать этот процесс, тем более, что их роль в субъектах Федерации возрастает. В связи с этим на местах наметилась и новая тенденция – расширение социальной базы национального политического режима, в том числе и посредством реорганизованной структуры полпредств.

Еще 8 июля 2000 года, выступая при представлении ежегодного Послания Федеральному собранию, Президент РФ В. Путин определил на перспективу главные задачи федеративного строительства, решения, выполнение которых потребует соединения ресурсов центральных, региональных и местных властей. Это:

– совершенствование политической системы и «обустройство» эффективного государства как гаранта соблюдения прав личности;

– фактическое выравнивание возможностей субъектов Федерации в целях обеспечения граждан страны всей полнотой политических и социально-экономических прав;

– создание правовых гарантий развития российской экономики как экономики свободного предпринимательства и деловой инициативы граждан, обеспечения точного и эффективного проведения экономической стратегии на всей территории страны. «Эти три задачи, – подчеркнул В. Путин, – будем последовательно решать для укрепления нашей государственности. И для этого уже сегодня просто обязаны консолидировать усилия всех уровней и ветвей власти»[378].

Этим Президент не только дал старт целенаправленной реформе федеративных отношений, созданию действенной региональной политики, но и обозначил основные источники формирования новой идеологии. Отказ от конфронтаций при наращивании конкурентоспособности каждого уровня власти и повсеместное признание в качестве одного из общезначимых национальных ориентиров – ценностей консолидации элит, общественной солидарности как базовых для демократического будущего России.

В целом можно констатировать, что в начале XXI века регионы России переживают такую же борьбу идей, как и в начале XX столетия ее столицы. Страна вновь находится в поиске объединяющей идеи, способной дать ответы, сформулировать общие ценности и нормы, соответствующие интересам личности, общества, государства. Территориальные элиты сложно и противоречиво эволюционируют в фарватере общенациональных задач. При этом фрагментированность установок политической элиты большинства субъектов Федерации показывает, что правящие группы еще только начинают думать в категориях собственно региональных, а не кланово-корпоративных интересов.

Правда, это не мешает представителям госадминистраций декларировать наиболее перспективным направлением создания объединяющей идеи синтез трех идеологий: *либеральной,* провозглашающей приоритет политической и экономической свободы, *социал-демократической*, базирующейся на принципах справедливости и солидарности, и *патриотической,* ориентированной на построение сильного демократического государства – равноправного и добрососедского члена мирового сообщества. Но декларирование еще не означает принятие решения об участии: за публичной риторикой нередко скрывается

«подсчет выгод» (А. Даунс), которые элита может получить, сделав свой выбор между ценностями традиционализма и рационализма.

На местах поэтому нужно ясно представлять каждому, что становление общенациональной, общегосударственной идеологии как органической черты культуры, менталитета управляющих и управляемых не будет быстрым и бесконфликтным. Взаимоопозиция традиционализма и рационализма обусловила характер российской цивилизации и государственности. Она влияет на восприятие образов рынка и демократии действующими субъектами, прямо или косвенно выражается в современных распрях групп интересов, размывающих социальную цель реформ. В результате этого правильная повестка дня и сегодня нередко подменяется проблемами менее значимого уровня.

Другим следствием является своеобразный, зигзагообразный вектор развития национальной политики, когда определенные элитные структуры, не имеющие государственных интересов, своими усилиями создают особый ее алгоритм, обращенный не к солидарности и участию, а к тем или иным архетипам. Поэтому в отношении ключевых вопросов экономической и политической модернизации страны региональная элита – лишь частично единая структура. В том числе и в силу диверсифицированного характера ее ориентаций. Они подвижны, но цивилизационно не упорядочены. В итоге мы наблюдаем довольно прогрессивные экономические и демократические воззрения значительной части территориальных элит, но одновременно дефицит соответствующих решений, способность к эффективному реагированию, неготовность к политическим рискам, влекущим за собой подлинную конкуренцию.

Выход из этой ситуации один: чтобы «не застрять на перепутье» во взаимном протяжении настоящего и наступающего, надо укреплять рационально-правовую легитимность власти, расширять полномочия и ответственность рыночных и демократических институтов на местах. Лишь по мере укоренения в регионах России гражданского порядка, цивилизованных практик взаимодействия общества и государства политиков, движимых утилитарными и традиционными представлениями о власти, сменят те, для кого источником их политического лидерства является суверенная воля народа, а главным ресурсом – его доверие.

3.2. Особенности трансформаций региональных элит на современном этапе политического процесса

Отказавшись от предопределенности демократических транзитов, мы будем рассматривать нынешнюю трансформацию региональных элит как некоторую смену их состояний в зависимости не столько от «генерирующих гипотез» (А. Лейпхарт) демократии (и, соответственно, концепций демократизации[379]), сколько от воздействий определяющих практик. Среди них особое место за-

нимают: структурные изменения постсоветских политических режимов субъектов РФ и трансформация избирательного процесса в них. (В дальнейшем – выборы).

В параграфе также идентифицируется преобладающий тип режимов, анализируются их изменения, связи между типом режима и характером избирательного процесса, сопровождающиеся трансформациями в самой системе региональной власти. К последним на рубеже веков следует отнести:

– определенные тенденции в рекрутировании и формировании региональной элиты, смысл которых отражает становление и развитие специфической формы «управляемой» или «делегируемой» демократии на местах. Ее суть состоит в делегировании через демократические процедуры (выборы, референдумы) фактически неограниченных полномочий политическому лидеру, в обязанность которому вменяется проведение реформ или решение иных проблем общества (Х. Линц);

– установление фактического контроля первого лица региона над системой органов государственной власти, местного самоуправления и структурами гражданского общества, олицетворяющими собой своеобразные подразделения режима личной власти;

– оформление единой властной региональной вертикали, участники которой находятся в той или иной зависимости от лидера, получившего практически полную поддержку общественного мнения, депутатского корпуса, значительной части бизнеса и СМИ;

– стабилизация системы личной власти на местах посредством мобилизации всех ресурсов региона (экономических, социокультурных, политических и т. д.), отражающей способность власти отчасти оправдывать ожидания элит и неэлит. Это позволяет заключить, что в большинстве российских регионах сложилась «авторитарная ситуация», при которой «формальные институты демократического режима могут быть сохранены полностью или частично (например легислатуры, выборы, политические партии), но не иметь значения для процесса принятия решения» (В. Гельман и др.).

«Моментом истины» поэтому для большинства субнациональных режимов остается преодоление кризиса легитимности и дальнейшая их рационализация по ходу разрешения дилеммы российской модернизации. Она же заключается в необходимости, с одной стороны, утвердить в стране западные по своему происхождению институты демократии и рыночной экономики, а с другой – сохранить свою культурную самобытность.

Кто будет спорить, что сегодня главным катализатором трансформации в масштабах страны является фигура Президента РФ. Но вряд ли механизмы его влияния охватят всю систему управления социальными отношениями в Российской Федерации (тем более, если в отдельных республиках их функционированию оказывается противодействие[380]) без активного включения в этот процесс

региональных элит. Но они по своему типу, как мы выяснили, далеко не либеральны и потому для прогрессивно-форсированного развития страны, а значит, и упрочения своего положения, им остается лишь один вариант транзита и одновременно содействия главе государства – формировать конкурентные режимы. На современном этапе именно они способны обеспечить законность власти в регионах и повсеместную легитимацию модернизаторского курса В. Путина.

Данная легитимация «не должна сводиться к абстрактной преданности идее демократии» (Х. Линц и А. Степан) или подменяться практикой политической конъюнктуры (чем страдают многие губернаторы и не только они). Ей, как и демократической консолидации следует включать в себя «разделяемую (большинством общества) нормативную и поведенческую приверженность специфическим… порядкам конституционной системы… страны»[381], укрепление согласия внутри элит и проведение в рамках единого государства политики в духе «сильный президент – сильная страна», отвечающей ныне интересам и чаяниям граждан.

Легитимным для россиян является «только такое государство, которое будет соблюдать не свои интересы как государства, воплощенного в госаппарате, а интересы общности, отражаемой понятием "народ". Российская социокультурная модель предполагает приоритет интересов общества, выразителем которых выступает государство, с правом личности "быть услышанной". И только законы такого государства население будет признавать справедливыми и готово будет соблюдать»[382]. Это и снимет в первую очередь остроту неопределенности во внутреннем конфликте политического режима страны (транслируемого на места) между потребностями интеграции Российской Федерации и необходимостью углубления модернизационных процессов в ней.

Несмотря на то, что в последние годы нового тысячелетия в политической организации российских регионов произошли существенные изменения, темпы модернизации территориальных элит явно затягиваются. Отчасти это объясняется тем, о чем пишет, к примеру, Е. Друзяка, ссылаясь на целый ряд отечественных политологов. А именно: сейчас речь идет о том, что это переходное состояние политической системы с противоречивым конгломератом демократических институтов, законодательства и процедур с явлениями олигархизации местных политических режимов, авторитарных режимов в национальных республиках, который можно обозначить как систему «делегативной демократии», «замораживается». Учитывая вектор политической трансформации, влияние правящих элит на массовое сознание следует рассматривать в контексте закрепления существующей политической системы[383].

По нашему мнению, анализ изменений и влияния региональных правящих групп в границах семантики «консервации» уже не будет адекватным современному этапу политического процесса в России. Рационализация политической системы продолжается. Административная, налоговая, бюджетная рефор-

мы – тому лучшее свидетельство. Это предполагает, что не только региональная, но и вся политическая элита страны обязана трансформироваться, даже для того, чтобы удержать власть и собственность. Определяя текущий момент как переходный, но уже от постсоветской демократии к постиндустриальной, уместно говорить о формировании перспективного пути развития политических режимов субъектов РФ. А точнее – о пространственном коридоре их динамики и функционирования.

Другими словами, современные региональные политические режимы формируются и развиваются под влиянием широкого круга факторов и взаимодействий. При этом собственные тенденции их развития, совпадающие в основополагающих политико-правовых трендах и образующие в этом смысле единый трансформационный поток, достаточно дифференцированы в силу специфических для каждого субъекта РФ характера связей и институционального дизайна, типа экономики и политической культуры, базовых технологий конкуренции и власти.

Однако независимо от того, режим какого типа складывается в том или ином регионе, деятельность властей, в конечном счете, подчиняется как преобразовательным импульсам, так и целям сохранения стабильности контролируемых ими порядков. А влияние территориальных правящих элит концентрируется на *значимых аспектах легитимности,* обеспечивающих как постепенное их совершенствование в соответствии со статусом центра, так и «оправдание» правомерности их власти в условиях доминирования признаваемой обществом модели государства и демократии.

Из «видового» разнообразия легитимности субнациональные правящие группы чаще других задействуют *институциональную* (связанную со структурированием новых политических институтов и их внедрением в общественную практику); *процедурную* (устанавливающую «правила игры» на политическом поле); *инструментальную* (характеризующую эффективность политических «игроков»); и *идеологическую легитимность* (организующую поддержку властей со стороны общественного мнения).

Ныне как о наиболее востребованной заявляет о себе процедура установления внутриэлитного доверия. В виде схемы это «проговор условий» сотрудничества с определением прав и обязанностей, в институциональном плане – источник структурированных практик, в функциональном – основа дееспособности режима с точки зрения организации предсказуемого взаимодействия субъектов доверия. И как ожидаемый результат – рационально обоснованный авторитет власти в центре и на местах, который обращается не к эмоциональной поддержке граждан, а к их способности более или менее осознанному выбору.

В частности, к наиболее важным механизмам поддержки Г. Майер относит: ценности, представления об обществе, символы и традиции; институты,

правила и процедуры принятия решений; властные элиты и качество их действий; успешность функционирования политической системы[384]. Эта ситуация вызывает постоянные научные споры, особенно вокруг концепта «импорта» институтов и их трансформаций[385]. Кроме того, наблюдается разброс оценок, рост входящих в систему политических структур *вне* анализа динамики их действительной роли, обусловленной сменой мотиваций ведущих акторов[386] и воздействий внешней среды.

Рассматривая практики трансформаций переходных стран на примере российского транзита, А. Соловьев отмечает[387], что преобразования, проводимые, к примеру, национальными элитами, не должны и не могут руководствоваться одной лишь логикой модернизации, т.е. целенаправленного преодоления традиционализма и осуществления реформ в духе «стагнирующей» или «рецидивирующей» модели. В свою очередь, территориальные правящие группы, активно участвуя в политической жизни регионов, не должны и не могут руководствоваться одной лишь логикой самосохранения, подвергая население при реализации собственных интересов крупномасштабным манипуляциям.

Таким образом, сам по себе факт влияния региональных правящих элит (на массовое сознание) «в контексте закрепления существующей политической системы» (Е. Друзяка) есть один из параметров стабильности, не перекрывающий значения развития территориальных режимов. «Охранительный» аспект приобретает принципиальную остроту лишь по мере постановки вопроса о содержании политической системы и теряет свой накал при сравнении различных систем, либо с тем политическим режимом, который существовал ранее. В этом смысле на федеральном уровне «… безальтернативность, контраст с Ельциным и надежды масс не просто обеспечивали (и обеспечивают) высокий рейтинг Путина»[388], но и создают чрезвычайно «выигрышный» имидж его режима как открытого и конкурентоспособного.

Внутренне сплоченный и политически сильный федеральный центр власти превратился в ядро новой политической системы, которая стала постепенно выстраиваться вокруг него[389]. Вертикаль исполнительной власти становится все прочнее путем откровенного разрушения системы сдержек и противовесов, сложившейся при прежнем правлении и сформированности новой, с заметной ротацией кадров и контролем лидера. Обращает на себя внимание, что «семья» полностью лишена сколько-нибудь значимого силового ресурса. Сейчас ее ослабление идет как по экономической, так и по административной линии[390].

В ближайшие четыре года должно решиться остановится ли «деавтономизация» политических субъектов (Думы, Совета Федерации, «олигархов», региональных элит) на уровне, близком к нынешнему, или при совершенствовании «обязательных» очагов демократической политики (судов, выборов, партий, мелкого и среднего бизнеса, СМИ) получит дальнейшее развитие. «… кажется можно поставить точку, – резюмирует В. Третьяков, – и в

обсуждении темы Правительства парламентского большинства. В. Путин вполне ясно выразился, когда сказал, что для России, на его взгляд, самая подходящая сегодня форма политического устройства – президентская республика. Этим все сказано»[391].

На региональном уровне – и до 2000 г., и в первый срок правления В. Путина – «происходило формирование по преимуществу не сети ячеек открытого (массового, гражданского) общества, а политических структур мобилизационного, авторитарного типа» с соответствующей «адаптацией» форм и содержания региональных политических режимов[392]. До 2000 г. усиление авторитарности в большинстве субъектов РФ, прежде всего, означало *администрирование*: персонализацию политического управления, более высокую степень «корпоративной» консолидации неономенклатуры (где для социального статуса существенна лишь принадлежность к определенному административному «клану»), установление контроля властных институтов над политико-партийными и идеологическими процессами на местах, ограничение прав хозяйствующих субъектов, выражающих свое несогласие с экономическим (преимущественно «закрывающим регион») курсом областной администрации.

Политические преобразования 2000 – 2003 гг. и особенно два ее элемента: начало рецентрализации управления и провозглашение политики «равноудаленности» крупного бизнеса от власти[393] в контексте формирования единого правового поля поставили регионы в контролируемые рамки, изменили властную конфигурацию в значительной части субъектов РФ, перегруппировали территориальные элиты, их ресурсы и функции[394]. Тенденция администрирования под прикрытием демократической риторики сменяется внутриэлитной борьбой за выбор «адекватного» типа авторитаризма. То есть того политического режима, который учитывает национально-исторические традиции, особенности кризисных явлений конкретного региона и модернизационную направленность современных реформ, вбирающих в себя достигнутый уровень демократизации.

Новое соотношение сил повлияло на политику региональных акторов, не «завязших» в неопределенности (как лидеры большинства республик). «Продвинутой» частью губернаторов, увеличившейся в ходе последних выборов, была востребована идеология Конституции и позитив «новой регионализации» – возможность развития территорий как моделей строительства их будущего с учетом опыта и специфики в рамках меняющейся федерации.

В управлении территорий на первый план стали выходить функции, «открывающие» регион и «презентирующие» складывающийся в нем режим как социально ориентированный и конкурентный. Противоположность оценок по этому поводу во многом объясняется несходством «точек отсчета». Выводы различаются в зависимости от референтной модели, с которой сравнивается нынешняя российская ситуация в целом и региональная, в частности. По этой логике от развитой, т.е. в некотором смысле – идеальной демократии, современный региональный режим «отличается как отсутствием целого ряда важнейших для нее институтов, так и наличием многого "лишнего, в том числе и того, что заведомо считается "реликтовым" или "злокачественным"»[395].

Во-первых, было бы опасно для демократизации общества и авторитета государства настраиваться на неопределенно долгое сохранение складывающейся модели федерализма. Ведь «унитарный федерализм» – это не раскрытие потенциала феномена, а, действительно, его «подмораживание». Опыт стран с длительной историей федеративных отношений убеждает в том, что реально устойчивая и жизнеспособная федерация – та, где все или почти все субъекты Федерации экономически самодостаточны.

В этой связи, во-вторых, постсоветский российский транзит, равно как и его региональную практику, уместнее рассматривать под углом зрения диверсификации современной демократии, в «континууме» между различными вариантами развития которой, по формальным признакам вполне могут оказаться и субъекты РФ. Тем более, что и политология, и политическая регионалистика связывает оценки того или иного режима как демократического либо, напротив, недемократического именно с формальными, процедурными аспектами функционирования политического устройства.

В пользу такого подхода свидетельствует, в принципе, и то, что в мире отсутствует единое понимание демократии. Один из признанных мировых мыслителей в области теории демократии, Р. Даль, констатирует, что понятие «демократия» имело разные значения для разных людей, в разное время и в разных местах мира»[396]. В этом ключе вряд ли целесообразно, рассуждая о «региональной» демократии «по-русски», брать точкой отсчета развитые демократии как некий эталон качества. (Ведь и в них, уже как реальность, состояние политических институтов далеко от благополучия).

Куда плодотворнее анализировать характерологические, типологические особенности того или иного варианта «авторитарной демократии», специфику симптомов или противоречий, обусловившие ее становление и развитие. В этом случае, к примеру, в качестве принципа типологизации региональных режимов может быть задействован такой существенный измеритель как конкуренция территориальных элит между собой: отход ее от былой конфронтации к взаимному доверию есть свидетельство демократических перемен. Модель «доверяющей» демократии как стиль политического конкурирования позволяет реалистично оценить и феномен трансформации режимов в цивилизационной перспективе, базирующейся на значимости «конституционно-уставных» институтов и методах политического соперничества, не выходящих за рамки формальных и неформальных практик.

«Конституционно-уставной» порядок гарантирует предоставление элитам и массам того или иного субъекта Федерации основных личных и политических прав и свобод, создание институциональных механизмов их реализации. Тип

«доверительной» конкуренции элит обусловливает характер функционирования регионального политического режима, где интерпретация и исполнение интересов общества происходят через законодательный процесс. Он требует укрепления прежде всего *принципа разделения властей, механизмов «сдержек и противовесов» и конкурентных выборов.*

От политического разделения властей зависит характер жизнедеятельности других политических институтов региона: представительных органов, партийных структур и т.д., статус и масштаб их полномочий. По степени конкурентности выборов можно судить о характере распределения властных ресурсов между разными секторами и группами региональных элит, об уровне их политического единства или раскола. Однако при нынешнем снижении массового интереса к политике, нежелании идентифицировать себя с теми или иными политическими силами, разбираться в их расстановке, участвовать в избирательном процессе и т.д. трудно ожидать скорой рационализации региональных политических институтов, что вступает в противоречие с принципом эффективности политической власти. Но если в «русских» регионах законодательная, исполнительная и судебная власти существуют как относительно самостоятельные подсистемы единой государственной власти при неизбежном в нынешних условиях перекосе в сторону исполнительной вертикали, то в отдельных республиках, преимущественно «второго, регионального издания административно-командной системы» (В. Мохов), фактическое отсутствие разделения законодательной и исполнительной властей является одной из ключевых причин этатизации местных политических элит[397].

И, видимо, еще не скоро данные порядки будут цивилизованно «спрягаться» в рамках более гибкой окружной (да и федеральной) системы «сдержек и противовесов». К примеру, «башкирские власти, сдав многие позиции, сейчас закусили удила и пытаются, как в старые времена, вновь шантажировать Кремль, вымогая полноценное "добро" на третий президентской срок Рахимова»[398], что и произошло, правда, путем альтернативных выборов.

Избирательный и законодательный процессы – «приводные ремни» регионального политического процесса. Думающий электорат и действующий представительный орган – это реальные субъекты гражданского общества, чутко реагирующие на политические перемены. Как верно подметил Н. Распопов, если истоки законности берут свое начало сверху (конституции и законы), то истоки легитимности могут быть и снизу, определяются волей избирателей. Символом демократического процесса может служить только та политическая сила, которая и после одержанной на выборах победы стремится объединить неселение региона, наращивать пространство регионального согласия[399].

Нынешнее состояние региональных структур законодательной и исполнительной власти далеко от консолидирующего влияния на общество в силу преобладания корпоративных интересов. Их существующее положение сложилось

в результате «двоевластия» в период правления Б. Ельцина и под знаком усиления федерального центра на настоящем этапе. Реорганизация региональных структур государства и уровень взаимодействия ветвей власти – во многом проекция событий федерального значения (деавтономизация, восстановление субординации, операция по «принуждению к миру») и осуществлялась под воздействием элит в центре и на местах. В силу этого, например, законодательным органам субъектов РФ сегодня нечего законодательно регулировать помимо локальных проблем, так как практически все важные вопросы экономической и социальной жизни находятся в ведении федерального истеблишмента.

Сильная исполнительная власть, безусловно, необходима России. Но также нужен и механизм взаимного сдерживания и противовесов, чтобы исключить возможное проникновение «полуавторитаризма» и эскалацию авторитаризма. «Разбухание» исполнительной власти при отсутствии адекватного контроля со стороны гражданского общества содержит в себе угрозу сознательного усиления административно-бюрократического аппарата в «симбиозе» с бизнес-элитой и политизированной судебной властью.

Таким образом, принцип разделения властей в современной Российской Федерации «зависает». Он признан, конституционно закреплен и в той или иной мере применяется в построении и функционировании региональных государственных структур. Однако необходимый для его полной реализации механизм сдержек и противовесов, позволяющий сбалансировать различные ветви власти и поставить эффективный заслон на пути к узурпации власти, еще находится в начальной стадии формирования. Его создание – существенная гарантия демократического развития региональных режимов.

Отсюда – одна из первых особенностей их трансформации это преобладание двух принципиально разных моделей – правового (или приближающегося к нему) режима и неправового, в котором действие механизма власти в минимальной степени связано законодательными ограничениями (А. Медушевский), а сама власть или правящая элита сознательно нарушает границы формального.

В целях пресечения этого первоначально и были нужны: унификация законодательства, разработка и «обнародование» перспектив государственного строительства, создание внятных «правил игры», усиление центра и возложение на Президента контрольных функций. Хотя и есть большие сомнения, что при этом соблюдена разумная мера. Зато (фактически только сейчас) Россия получила определенную надежду, что она может жить как нормальное правовое, демократическое государство без опасности быть раздавленным изнутри сепаратизмом и национализмом или, с другой стороны, без опасности такого давления извне[400].

Переход к устойчивому развитию Российской Федерации, кто бы и как бы к этому ни относился, состоялся. Об этом свидетельствуют темпы экономического роста, уровень социально-политической стабильности и устойчивости

общенационального политического режима. Его определяют и такие факторы как складывающийся ценностно-идеологический климат из «сплава» западных и восточных ценностей; экономическое пространство, основанное на праве частной собственности, либерализация и глобализация рыночных отношений; открытое информационное пространство, в котором посредством сетевой инфраструктуры обеспечиваются свобода массового обмена информацией и массовых коммуникаций; правовое поле и инновационно-конкурентное сообщество, ориентированное на формы существующего конституционного устройства и оказание услуг всем секторам отечественного рынка.

Новая роль государства – организация совместного «создания инфраструктур всех видов для обеспечения самодеятельности общества...»[401] – содействует вхождению российских регионов в пространственный коридор цивилизационного развития. Но вряд ли они смогут занять достойное место в международном сообществе, что, по мнению Л. Шевцовой и Ск. Брукнера, является одним из ценностных приоритетов россиян, без ускоренного преодоления экономического и технологического отставания от передовых стран и наведения оптимального порядка в «своем доме». Под оптимальностью в данном случае понимается то, от чего Россия, ее правящая элита, должна, если не отказаться в своем региональном устройстве, то отрегулировать до уровня четкой расстановки приоритетов.

Во-первых, это проблема «губернаторской экономики». Две трети субъектов РФ не в состоянии обеспечить самих себя в соответствии с элементарными социально-экономическими стандартами. Чтобы ускорить экономическое и социальное развитие страны, удвоить ВВП, нужно поддерживать сильные регионы, которые работают эффективно, и создавать условия для того, чтобы другие территории становились экономически самодостаточными. Для этого нужно расширять самостоятельность субъектов Федерации в решении вопросов своей хозяйственной и социальной жизни, создавать стимулы, побуждающие регионы работать эффективно.

Во-вторых, в первую очередь с учетом этно-национальной специфики необходима политическая модернизация ряда республик. Это они в основном атакуют центр неприемлемыми моделями переструктурирования федеративного пространства,[402] исключая политическую реорганизацию собственных «вотчин», где за фасадом формально реформированных ветвей и учреждений власти скрывается до- и позднесоветская административная практика. Причина особого статуса госаппарата здесь лежит в рутинизации тесного «переплетения» государственных бизнес-элит.

Парадокс, но в сегодняшней Российской Федерации (не исключая, ее «феодализированных» субъектов) экономические преобразования обгоняют реформирование политических институтов. Между тем именно в их функционировании, на взгляд В. Мау, сконцентрированы основные препятствия как для

сокращения разрыва со странами «либеральной» демократии, так и для внутреннего развития. Одной из особенностей трансформации региональных режимов в этом аспекте является то, что, обладая дифференцированным государственным устройством, значительная часть режимов не располагает модифицированно-дифференцированной структурой других политических институтов (а нередко и не стремится к этому). В этих условиях видоизменяется культура подчинения, но «тормозится» развитие культуры участия.

Очевидно, и в этом (помимо конъюнктурных мотивов) одна из причин периодического всплеска идеи административно-территориального передела России. Спикер СФ С. Миронов летом 2003 г. неоднократно заявлял, что 40 субъектами управлять, с точки зрения государства, гораздо эффективнее, нежели 89. Если это не зондаж общественного мнения в преддверии больших перемен, то «загогулина» (как выразился бы Б. Ельцин) состоит в том, считает Л. Смирнягин, что в федеративном государстве центр не *управляет* регионами. Он решает свои, общенациональные задачи и действует по всей территории страны вне зависимости от ее деления на субъекты Федерации. Гражданин федеративного государства избирает (на отдельных выборах) три ветви власти – федеративную, региональную и местную, имеющие отдельные полномочия по обслуживанию общества. Эти власти в принципе не субординированы, не подчинены одна другой[403].

Авторская позиция в связи этим такова: время изменений административно-территориального деления России, возможно, пришло потому, что они преследуют одну цель – унифицировать статус субъектов Федерации и повысить эффективность демократического со-управления. Это придаст новый импульс не только укреплению властной вертикали, но и трансформации региональных режимов. Результат реализации будет при этом более ощутимым, если одновременно с этими процессами произойдет утверждение нового образца (кодекса) лидерства-элитизма, соотносимого с верховенством права и культурой участия. Оно означает, кроме прочего, торжество формальных институтов и/или готовность основных акторов режимов страны следовать универсальным нормам и правилам, что может заметно изменить не только внутриэлитные, но и властные отношения, их рационально-правовое оформление.

Что же касается модернизации иных политических и общественных объединений, действующих на территории субъектов РФ в соответствии с законом, то их реорганизация – в значительной степени прерогатива административной реформы, парламентской деятельности и гражданских инициатив. Но и здесь есть своя элита, нуждающаяся в приведении к «общему знаменателю» или вернее значению в плане смыслообразующей деятельности. Именно они непосредственно формируют общественный интерес, пренебрежительное отношение к которому – характерная черта фактически всех региональных режимов.

Единственное, что сможет сдержать общественно-политические структуры от корпоративных решений на современном этапе, это их опосредованная или прямая зависимость от комплекса взаимоустойчивых обстоятельств и сопутствующих условий, определяющих возможность позитивных перемен. Ныне к элементам первого типа относятся: волевой настрой на модернизацию и определенная достаточность ресурсов на ее принципиальное осуществление (включая и административную реформу) у общенационального режима во главе с Президентом, показатели экономического роста, отсутствие объективных возможностей для новых политических экспериментов, независимое положение Конституционного суда и относительно таковое Счетной палаты. В реестре сопутствующих условий – опасный уровень общественного расслоения и высокая степень конкуренции во власти, общая усталость от переплетения линий развития конфликтного потенциала социума на всех уровнях.

Так что разгадка «успешности» трансформации региональных режимов, правящих и оппозиционных элит заключается в том, насколько они готовы изменить политику собственной динамики, освоить новые практики своего формирования, функционирования и, что особенно стало актуальным для первых в последнее время, – «уход» из власти и процесс ее передачи[404].

Это лишь подтверждает, понятие «политический режим» следует трактовать *функционально* – не как форму правления (президентский или парламентский режим) или идеологическое клише («тоталитарный режим»), но как исчерпывающую совокупность присущих данному политическому образованию акторов (с их ресурсами и стратегиями) и институтов[405]. Соответственно, под политической трансформацией политического режима на региональном уровне понимается переход от авторитарного политического режима к демократическому с перспективой смены процесса самоорганизации на саморегуляцию и связанные с данным транзитом системные преобразования во всех сферах общественной жизни, формирующие конкурентную среду.

В этом смысле, в духе концепции В. Гельмана, идеальная демократия предстает как конкуренция акторов в рамках формальных институтов, а позднесоветский режим с его «административным рынком» – как неконкурентный с прогрессирующим преобладанием неформальных институтов и постепенным замещением ими институтов формальных. Далее, как нам кажется, ситуация может усложняться.

Все постсоветские региональные режимы, располагаясь в той или иной точке шкалы между полюсами современности и традиционализма, являются «смешанными» не только относительно формальных и неформальных институтов, но и в отношении принципов демократии и авторитаризма. С учетом моделей «враждующей» и «доверяющей» демократии региональные политические режимы могут быть квалифицированы, во-первых, как постсоветские, а с конца 2003 г. и как собственно российские, во-вторых, как конфликтно-конкурентные

при доминировании неформальных институтов в прежних условиях и как доверительно-конкурентные с преобладанием формально-неформальных практик на современном этапе.

Режимы при этом в большинстве своем остаются авторитарно-демократическими. Их основные структурные и культурные изменения (характеристики) связаны с уровнем политической власти, который они поддерживают, и степенью собственной модернизированности. Почти все они работают как интенсивные структуры социальной и политической мобилизации общества, которая может быть описана как строительство «государства-нации», но поразному обеспечивают население механизмами включения в политическую жизнь. Конкурентные выборы на альтернативной основе как реальный показатель вовлеченности общества в политические процессы – первый среди них.

Региональные выборы – важнейший механизм демократии, посредством которого формируются органы государственной власти: избираются глава государства и руководители субъектов Федерации, парламенты и органы местного самоуправления. Во Всеобщей декларации прав человека и гражданина 1948 г., соответствующих государственных редакциях и законодательстве субъектов РФ[406] зафиксировано право народа (электората) выражать свою волю посредством выборов, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или иных форм, обеспечивающих свободный выбор.

Однако возникновение в современной России электоральной политики в форме «политических машин» как инструмента массовой мобилизации и политического контроля взамен прежнего партийного диктата фактически подрывает как свободу выбора, так и «гражданское участие», подменяя их обменом ресурсов. Примером этого может служить поддержка региональными властями «правильных» партий и общественных организаций в обмен на политическую лояльность с их стороны[407].

Иначе говоря, выборы как явление демократическое, «живое дыхание» гражданского общества, приобретают в постсоветском контексте совершенно иное содержание. Они фиксируют: нынешнее положение электората и политических институтов в субъектах РФ таково, что региональный режим является на своем уровне не только главным пропагандистским и силовым центром политического урегулирования, но и центральным игроком в избирательном процессе. Правящая элита в нем – субъект доминирования. Она задает ограниченную своими интересами систему координат, в которой располагаются и перемещаются (в силу подвижности отношений вокруг политической власти) все остальные акторы. На эту систему, «видимую» избирателю лишь с публичной формы властвования (Н. Боббио), и ориентируется фрагментированный электорат.

В современной политической ситуации, когда предвыборная борьба происходит между несколькими достаточно равными по силе группами и когда существует ряд практически равновесных кандидатов, особенно остро встает вопрос о влиянии на избирателя. Здесь значение воздействия региональной элиты определяется тем, что ее правящая группа по дееспособности и полиресурсности превращается в «форварда» выборного процесса, с ключевой ролью в арсенале его средств влияния информационного и административного ресурсов. Под последним в данном случае понимаются возможности воздействия как на региональном уровне (на избирательные комиссии, судебные решения и т.п.), так и на уровне местного самоуправления.

Хотя, к примеру, конкуренция, граничащая с непредсказуемостью на выборах мэра того же Нижнего Новгорода и 29 марта 1998 г., и 29 сентября 2002 г., потребовала совместных усилий федерального центра и властей региона для доведения выборного марафона главы местного самоуправления до логического завершения. С той разницей, что в первый раз было непосредственное вмешательство Кремля, во второй – косвенное.

Ныне «федеральная власть все меньше хочет участвовать в торге» (Л. Бляхер). Но за региональными выборами следит зорко. Не проявляют особого рвения к переговорам с «верхами» и губернаторы. Имея функциональный запас прочности и «оставаясь самостоятельными политическими фигурами» (Н. Зубаревич), определенная их часть ждет старта президентской кампании 2008 г., чтобы попробовать вернуть утраченные за последние годы полномочия. Единственные, кто по должности обязан постоянно укреплять влиятельность лояльной Президенту территориальной элиты и консолидировать ее, это – полпреды. В силу этого они активно заинтересованные участники выборов и основные архитекторы региональных политических процессов (режимов).

В тех областях, или точнее городах, что обретают статус «окружных столиц» – Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск, Хабаровск… – полномочные представители Президента обычно стремятся стать объединяющими местную элиту «ликами власти», а в межрегиональном пространстве – играть роль партнеров. Между тем проблема легитимации и перед ними продолжает стоять довольно остро. При этом их властные взаимоотношения независимо от типа режима в конкретном регионе всегда обладают неким правом воздействия как на поведение элитных, так и неэлитных слоев.

Основным способом легитимации полномочных представителей и одновременно механизмом влияния на массовое сознание является их участие в общественной и политической жизни субъектов Федерации. Они носители государственной идеологии, активны в формировании соответствующей идентификации граждан и содействуют интеграции народов «вверенного» им округа, используя культурно-исторический потенциал территорий для создания адекватного имиджа действующей власти и подведомственных территорий. В публичном избирательном процессе полномочные представители тяготеют к политической нейтральности, хотя их собственные идеологические и политические предпочтения обычно известны, так как они конструктивно сотрудничают со СМИ и иными структурами гражданского общества. Эффективность функционирования их аппаратов возможна, как правило, при наличии централизованной и иерархично организованной вертикали.

Главными средствами полномочных представителей во взаимодействии с персоналиями и структурами, вовлеченными в отношения властвования, являются конституционный, политико-правовой и дипломатический ресурсы влияния. При этом как официальные лица они способны ориентировать и побуждать людей к определенным действиям, административно принуждать их (в случае необходимости), совершать поступки в русле тех интересов и целей, которые исходят от доминирующего субъекта – Президента РФ.

Подобная консолидация имеет своими следствиями не только предотвращение нежелательных для государственной власти действий «управляющих и управляемых» на местах, но и изменения внутренней структуры региональных режимов. В качестве примера заслуживают внимания факты ограничения «самоуправства» отдельных республиканских лидеров и обновления кадрового состава высших административных учреждений в регионах.

Так, осенью 2002 г. была предотвращена попытка «преобразования» Башкирии из президентской в квазипарламентскую республику. Под угрозой немедленного прокурорского протеста башкирские власти вынуждены были сохранить в регионе пост Президента с перспективой неизбежных прямых выборов. Заодно Курултаю пришлось еще раз основательно «почистить» местную Конституцию. Кроме того, в ряде субъектов РФ (с участием полпредов) было избирательно сменено руководство МВД, прокуратуры и УФСБ.

После того, как законом РФ было закреплено право главы государства отстранять губернаторов от исполнения обязанностей, в территориальной политике зависла «молчаливая пауза». Кроме того, это в известной степени «обескровило» саму возможность политического наступления на центральную власть руководителей регионов, заметно отразилось на положении первых лиц на местах. Так, в Нижегородской области губернатор Г. Ходырев в последнее время не только «выпал» из информационного пространства региона, но и был вытеснен с центра политического поля. Он не смог убедить депутатов областного Законодательного собрания выбрать спикером «его человека», и был вынужден смириться с выходом из борьбы за должность мэра «своего протеже»[408].

Своего рода упреждающим действием на такой ход развития событий явилось обращение губернаторов Новгородской области М. Прусака, Белгородской – Е. Савченко и Курганской – О. Богомолова в феврале 2000 г. к В. Путину с письмом. Они предлагали, кроме отмены выборности губернаторов и упразднения института полномочных представителей Президента в субъектах РФ, по-

степенное укрупнение регионов, реформу муниципальных властей, замену Совета Федерации сенатом, в который бы избирались по одному представителю субъекта, и целый перечень экономических реформ[409].

Губернатор Кемеровской области А. Тулеев даже назвал конкретную цифру регионов, до которой необходимо сократить их число – 35[410]. Полученную за это благосклонность Кремля он конвертировал в распределение властных ресурсов между местными группами в свою пользу и достиг к весне 2000 г., по мнению кузбасских экспертов, «абсолютного регионального влияния». Тогда же в плане рекомендательной инициативы нижегородским экспертам проанализировать возможный уровень конкуренции на выборах главы Нижегородской области автор отмечал, что в ходе установления порядка в исполнении федеральных решений на местах возрастает роль обновленных силовых структур, прокуратуры и Председателя Областного законодательного собрания[411], т.е. «системных» акторов.

Как показали нижегородские и аналогичные им избирательные кампании (2001-2003) выборы все больше становятся не только ареной противоборства коалиций, но и типов конкуренции: «бои без правил» сменяются «борьбой по правилам», которая помогает «системным» элитам решать принципиальные вопросы территориальной стабильности. Постепенно, наряду с «тропой зависимости» трансформации региональных режимов по отношению к национальному политическому процессу, на территориальном уровне образовалась и иная тенденция – «поиск компромисса между усилением централизации… и развитием представительных органов власти» (И. Умнова).

Надо отметить, что в последнее время между ними и исполнительной властью в части центральных регионов обозначился если не «консенсуальный», то вполне партнерский тип взаимоотношений. Главная причина – потребность во взаимоподдержке на фоне большого разрыва в оценках правящего режима, результатов его деятельности со стороны «верхов» и «низов».

Кроме того, сказалось действие особенностей избирательных кампаний последних лет. Среди них:

– формирование реальной многопартийности и, прежде всего, нескольких политических объединений, пусть и часть из которых не прошла в новый состав Госдумы, но сохранила традиции сильной организации и возможности будировать общественное мнение;

– сосредоточение идеологии либерализма в столицах и отдельных индустриальных центрах, в то время как на периферии оказывается доверие традиционной оппозиции и силам, ориентирующимся на социальные приоритеты;

– напряжение губернаторских выборов 2000 – 2003 гг.: борьба кланов, решающая роль в выборном процессе «партий власти», бизнес-структур и избирательных технологий, корпоративизация регионального политического про-

цесса. В этом контексте в структуре представительной власти отдельных территорий оформились два процесса:

– стремление местных законодателей (региональных легислатур) к реальной идентификации с позиций идеи «сильного парламентского контроля» и «нестатистического» участия представительной власти в определении кандидатур на ключевые посты, распределении властных полномочий;

– возрастание роли партийного фактора в структуре законодательной власти.

Оказалось, что не следует драматизировать общую тенденцию перемещения власти от представительных органов к исполнительным. Надо иметь свои «козыри» в управлении ситуацией. В конечном счете, от согласованной (но не соглашательской) деятельности законодателей по распределению власти на местах зависит равновесие в сфере политико-властных отношений в регионе, устойчивость политического режима. Вкупе с легитимностью это как раз и дает возможность правящей элите существовать и *создавать* ***систему управления политической ситуацией региона*** *в соответствии с целями, которые она ставит.*

В каждом субъекте Федерации ее структура имеет не только свои особенности, но и общие черты с подобными системами в других регионах. Так, в исследовании центра глобальных и региональных проблем РАН анализируются системы управления политической ситуацией в Ростовской и Пермской областях[412]. В нем подчеркивается, что только сильная и пользующаяся авторитетом власть структурирует политическое пространство в регионе, используя те или иные методы.

В частности, в Ростовской и Пермской областях не отмечается прямое давление на руководство партий. В числе косвенных воздействий контроль над СМИ, установление неформальных контактов с лидерами общественно-политического спектра, «третьего сектора», введение представителей оппозиционных партий в структуры власти, гибкий патронаж последних над деятельностью парторганизаций.

Нынешняя же интеграция партий в органы власти (несколько «приторможенная» выборами в Госдуму 7 декабря 2003 г.) есть следствие обретения ими четкого понимания того, что они могут и обязаны делать в структуре государственных органов и что не допустимо. Сегодня их деятельность будет эффективной при условии, что партии и законодательная власть в целом сосредоточатся на решении строго очерченного перечня приоритетных задач и функций, обеспечивающих благоприятные возможности для созидательной (нетеневой) активности граждан, направленной, прежде всего, на «прорыв» в экономическом развитии.

Считается, что партийный депутат более ответственен перед избирателями. Он более дисциплинирован в исполнении своих обязанностей. Вместе с та-

кими критериями партии, как долговременность организации, ее территориальное рассредоточение, стремление к власти посредством выборов и поиск социальной поддержки, это заставляет более взыскательно относиться к действующим на территории страны политическим организациям. А уровень развития партий в субъектах РФ следует считать одним из важных индикаторов стабильности «доверительно-конкурентных» режимов.

Партийность территориального законодательного органа измеряется через отношение числа партийных депутатов в представительной структуре к общему количеству мест в легислатуре, а оценивается, исходя из «эффективных» партий в региональном парламенте. Эффективность – это результативность политической деятельности членов партий, которые со временем становятся прагматичными и профессиональными депутатами. Как правило, они образуют в легислатурах организационно-упорядоченные фракции, объединяющие приверженцев тех или иных целей (идеологий, лидеров) и использующие парламентскую трибуну для «возможностей оказания политического влияния как на жизнь региона, его режима власти, так и, в конечном итоге, на российский политический процесс в целом»[413].

Неспособность партий, их территориальных отделений осуществлять *серьезное* влияние на политическую жизнь субъектов РФ обусловлена целым рядом причин и следствий. Среди нынешних это прежде всего: а) неразвитость оппозиции в стране, что связана с незавершенностью социальной стратификации вследствие неоконченности социально-экономического реформирования и неартикулированности интересов; б) тотальность, т.е. способность существовать в виде привычного принуждения правящих структур, их нежелания конкурировать и делить власть с политическими партиями, неадаптированными в представительных органах. Кроме того, узкая эффективность новых организаций пока довольно успешно парализуется не терпящими соперничества «партиями власти»; в) внутренние антагонизмы регионального партстроительства, характерные для становления многопартийности по России в целом.

В то же время следует отметить позитивное воздействие партий на стиль политических лидеров территорий: постоянное общение руководства со СМИ, забота о своем имидже, репутации, более реальная и откровенная оценка действительности, положения населения, экономики, региональной политики. Так, нижегородский губернатор Г. Ходырев еще в ходе выборов главы местного самоуправления Нижнего Новгорода открыто заявил, что Президент «отдал приказ взять выборы мэра под контроль» и назвал ряд кандидатов, которые не должны занять этот пост по причине их неконтролируемости и непредсказуемости (что и сообщил на своей пресс-конференции 17 июля 2002 г., чем, кроме прочего, подчеркнул один из традиционных способов управления политической ситуацией в масштабах страны).

Таким образом, если по уровню развития партий на территориях можно составить представление о возможностях организованного политического участия в конкретных условиях и на определенном отрезке времени, то по модели управления политической ситуацией на местах, которую избрали региональная власть и ведущие участники политического процесса, можно судить об общественно-политической палитре региона как пространстве, в той или иной форме контролируемом режимом. По степени конкуренции и влияния на выборах можно получить информацию о распределении властных ресурсов между разными социальными и политическими группами.

Опираясь на фактический опыт перемен в субъектах РФ, можно выделить некоторые общие тенденции, которые складываются по ходу трансформации режимов. Во-первых, с этапа адаптации демократических институтов и формирования конкурентной партийной системы ключевая роль принадлежит в них уже не столько собственно политическим элитам – движителям либерализации, сколько правящим на местах группам, корпоративно избирающим применительно к местной специфике, те формы взаимодействия и мобилизации масс, что превалируют на уровне федерального центра.

Во-вторых, «в условиях доминирования в России правящей группировки, победившей в ходе «навязанных переходов» 1991 и 1993 гг. и обеспечившей себе электоральные победы в 1996 и 1999 гг., стимулы к созданию ею формальных институтов, которые ограничивали бы ее собственную власть, очевидно, оказались подорваны. В силу этого, результаты трансформации части постсоветских политических режимов, приведшей к установлению политической конкуренции при преобладании неформальных институтов, можно оценить как промежуточные»[414], разумеется, с точки зрения перспектив перехода к демократии.

В-третьих, состоявшиеся в 2000 – 2003 гг. выборы всех уровней выстроили новый алгоритм отношений федерального центра с ключевыми политическими акторами и структурами, но принципиально не изменили характер власти в субъектах Федерации. Правящая региональная элита пребывает наиболее влиятельным субъектом политического режима. Ее новой характеристикой может считаться реализация вполне сознательных установок на трансформацию переходных систем к «полуавторитарным» под камуфляжем формально демократических процедур и институтов.

Если авторитаризм представляет собой форму политического режима, характеризующуюся открыто антидемократическими методами осуществления диктатуры правящей элиты[415], то полуавторитаризм прикрывает свою суть «фиговым листком» демократии. «Полуавторитарные системы, – пишет М. Оттауэй, – не являются несовершенными демократиями, стремящимися к совершенствованию и консолидации. Напротив, это режимы, решившие сохранить видимость демократии, не подвергая себя политическим рискам, которые влечет за

собой свободная конкуренция». Неоднократно возвращаясь к этому тезису, автор отмечает, что полуавторитарные режимы – не результат неудачных попыток демократизации и демократии, переживающие процесс становления. Это расчетливо внедряемые альтернативы демократии, тщательно конструируемые и поддерживаемые политикой находящихся у власти сил. Следовательно, речь идет не о демократиях, потерпевших неудачу, а именно об «успешных полуавторитарных режимах», лидеры которых сознательно выбрали путь ограниченной трансформации, более соответствующий их интересам[416].

Региональный полуавторитаризм – явление формирующееся. Он порождается наложением двух факторов: действиями политических акторов и структурными особенностями общества. Но именно *процесс создания и функционирования систем управления политической ситуацией территорий, на наш взгляд, последняя грань между переходностью режима и сознательным выбором элит авторитарного по существу, но камуфлируемого «демократической формой» политического устройства.* Чем контроль эффективнее, тем более изощренными становятся манипуляции, к которым прибегают политики для сохранения своей власти, тем более, что их действиям благоприятствует социальная почва.

Разновидности данного процесса – от контроля над СМИ до неформальных, теневых контактов с теми или иными партиями и общественными движениями, естественно, активизируются в период проведения предвыборных кампаний. Так, в той же Пермской области это выразилось на рубеже веков в кадровом обновлении структур администрации, отвечающих за координацию работы с партиями и движениями, в создании новых административных единиц, ответственных за взаимодействие с общественностью и работу с партиями, СМИ, куда вошли люди, прежде профессионально занимающиеся организацией предвыборных кампаний. Аналогичные процессы наблюдались и в Нижегородской области, причем не только на уровне региональной администрации, но и в местном самоуправлении.

В Ростовской области администрация не создавала специальных структур и должностей для осуществления контроля над политической ситуацией. Однако с этой задачей она справлялась весьма успешно. Это достигалось посредством так называемой «информационной модели управления»: за каждым вице-губернатором (в Нижегородском регионе подобным образом – каждым директором департамента) была закреплена определенная «подшефная» территория области. Задача курирующих состояла в том, чтобы осуществлять информационный обмен между ее населением и администрацией области, помогать в устранении возникающих на местах проблем, предполагающих «оплату голосами» избирателей.

Фактически здесь и в других регионах была налажена система взаимодействия губернатора (правящего режима) с различными электоральными группами, т.е. создана своеобразная пиар-технология «компромисса». За счет разрешения отдельных кризисных явлений на местах она приближала областное начальство к людям, создавала выгодный образ власти, упорядочивала взаимоотношения элит. Но в отличие от схожей ситуации в ряде европейских стран в 60 – 70-е гг. XX в.[417], где демократическая система выборов, личных свобод и собственности граждан не ставились под сомнение, в нашей стране этот аспект оказался за скобками. Тем самым (осознано или нет?) региональные администрации осуществляли подмену институтов гражданского общества, создавали предпосылки для «виртуального» политического пространства[418] и соответствующего *политического участия* с высокой зависимостью «массовых клиентел» (М. Афанасьев) от патронажа со стороны элит.

Наглядной иллюстрацией, по мнению экспертов, служат парламентские выборы 1999 и 2003 гг., когда массовое электоральное поведение в значительной мере определялось не степенью модернизированности власти, а уровнем ее монополизации в руках центральных и региональных правящих групп. Однако и такая конкуренция сохраняла возможность течениям «слева – справа и по центру» либо маргинализироваться, либо из внесистемной оппозиции превратиться в ее противоположность. Тем более что как элементам «вертикали» партиям-победителям доставались «не только кресла в нижней палате парламента, но и возможность стать уже легальной частью системы госвласти, ведь за каждого поддерживаемого избирателя они получают (теперь) еще и субсидии из бюджета»[419]. Но дивиденды немногочисленных партий вряд ли перекрывают то, что почти единственным представителем социально-политической активности общества оказывается, по существу, беспартийная правящая элита.

В свое время Г. Голосов, наблюдая за развитием партий и региональных политий России в 90-е годы, сделал вывод, что беспартийность региональных лидеров – это вполне рациональный выбор, адекватный сложившемуся в стране и ее территориях институциональному строю, а именно президентской форме правления и (предпочтительной для крупных организаций) мажоритарной форме выборов[420].

«Беспартийность» большинства действующих в тот же период региональных легислатур определялась не только «антибольшевистской» тенденцией, но и проекцией реального состояния российской многопартийности *при исполнительной власти.* В начале нового века политическую состязательность в более или менее выраженной партийно-фракционной форме можно стало наблюдать почти повсеместно. Как в обусловленных смешанной избирательной системой – Калининградской области и Красноярском крае, Нижегородской, Саратовской и Свердловской областях, так и в значительной части иных идеологически окрашенных территориях. Достаточно «красных» – республика Адыгея, Амурская и Кемеровская области, Краснодарский край и Владимирская область. «Разно-

партийных» – Белгородская, Воронежская, Курганская, Мурманская, Псковская, Смоленская и другие области.

Однако причины столь заметных перемен не были неожиданными,они связаны со структурами артикуляции и аккумуляции интересов в посттрадиционных общностях, каковыми и является большинство российских регионов. Сначала роль унификаторов общественных запросов исполняли «местечковые идеологии». По мере того как формальные институты политики ставились под контроль правящих режимов, в элитах созрели устремления *институционализировать и неформальные сети.* Партии оказались востребованы и как ячейки консолидации, и как «крыши» (см. М. Афанасьев, Л. Бляхер) различных социально-активных организаций и граждан. В конечном счете, практически все партийно-общественные структуры регионов стали существовать в границах больших или меньших ограничений доминирующего типа политической конкуренции.

Действующие в такой же зависимости выборы в условиях функционирования конфликтно-конкурентных режимов не могли не явить феномен «грязных» избирательных кампаний. Складывающиеся доверительно-конкурентные режимы с преобладанием формально-неформальных, но главное – «общих правил», придают избирательному процессу более цивилизованный оттенок. Здесь важна не только «цена победы» – во имя чего и чем жертвовать, но и незыблемость самих принципов взаимодействия, признаваемых всеми участниками процесса как нечто обязательное. Но в первую очередь элитами, так как реально политическая и социальная инициатива в обществе принадлежит им.

Можно выделить несколько основных положений, так или иначе уже фигурирующих в работе, но в данном случае определяющих характер взаимосвязи между доверительно-конкурентными режимами и избирательным процессом:

– успешное развитие экономики;

– повсеместное установление авторитета права;

– последовательное предоставление гражданских свобод и защита личности от всяких форм посягательств;

– государственная помощь в конституировании гражданского общества, создание политических и иных объединений граждан;

– утверждение общественного согласия («национального консенсуса»);

– реорганизация системы государственного управления и практически всех административных структур, реальная борьба с коррупцией и организованной преступностью;

– ротация политического руководства;

– диалог правящих и оппозиционных элит;

– децентрализация власти, обусловливающая формирование компетентного регионального и местного управления.

В конечном счете, все эти правила предполагают установление отчетливой и недвусмысленной формальной процедуры деятельности участников избирательного и политического процесса в целом. Делают тенденции образования нового «исторического компромисса» внутри элит, между властью и обществом необратимыми. «Рамки действующей Конституции России достаточно ясно очерчивают то первоначальное политическое пространство, в пределах которого такой «исторический компромисс» может быть построен уже сегодня»[421].

Понятно, что разочарование социума, уставшего от низкой результативности политических перемен, создает благоприятный фон для эрозии демократических выборов. Однако ни «сомневающиеся пессимисты» (коих среди отечественных аналитиков большинство – Г. Ашин, М. Краснов, И. Клямкин, А. Нещадин, Л. Шевцова, А. Ципко и др.), считающие режим, сложившийся в России, «фасадной демократией», основанной на «институциональной мимикрии» под западные формы, ни «убежденные оптимисты» (Е. Гайдар, В. Мау, Е. Ясин и пр.), которые и десять лет назад предсказывали относительно плавный «постреволюционный» переход нашего общества к демократии, однозначно не объясняют, почему выборы сохраняют особое значение для граждан страны с все еще слабыми демократическими институтами.

По нашему мнению, выборы как средство предупреждения неформальных действий со стороны населения – всего лишь санкция на гражданский порядок. Его обеспечение – прерогатива правящего режима. В конце концов, гарантированные благосостояние и безопасность народа, любой территориальной общности – главная задача политической власти. От выборов к выборам политические лидеры и подчиненный им госаппарат именно на это и получают мандат доверия.

В чем эксперты относительно сходятся во мнениях, так это в том, что Россия, с точки зрения современного национального режима, представляет собой формально демократическую систему, хотя и специфического свойства. Для выявления ее перспектив и особенностей лидирующие сегодня теории рационального выбора и неоинституционализма даже предлагают общий критерий – «фундаментальную заинтересованность рационально действующих участников игры» (О. Маховская). Тогда исходная проблема транзита демократии состоит в том, чтобы принять тождественные всем конституционные правила, с тем, чтобы такое публичное политическое соревнование, как выборы, стали (перефразируя А. Пшеворского) «единственной игрой по всей стране».

В этой связи весьма уместны наблюдения петербургского элитолога А. Дуки. Большая часть региональной властной элиты, считает он, положительно ориентирована на существующие конституционные принципы государственного устройства. Поддержка нового институционального порядка в области формы государственного устройства проявляется в большей степени теми, кто

наименее негативно относился к советской системе, более критично относится к нынешним преобразованиям и выражает умеренный оптимизм в отношении возможного состояния российского общества через десять лет[422].

Выборы, безусловно, главное политическое достижение демократического перехода предыдущего десятилетия. Анализ их результатов по регионам и опыт личных наблюдений автора свидетельствуют, что рядовые избиратели демонстрируют не менее рациональное поведение, чем элиты. Они привыкли выбирать и научились это делать, пройдя в «электоральном курсе» все этапы: от советского до российского, от «голосования сердцем» до рассудочной позиции голосования «против всех». В развитых странах Запада такая форма политического волеизъявления практически не распространена (считается, что если избирателю не за кого голосовать, он просто не приходит на выборы)[423].

Привычка к формальной процедуре и навыки нарастающих требований к власти не только повлияли на быстрое укоренение института выборов, но и содействовали сглаживанию многих противоречий институционализации региональных политических режимов. Они же показывали, что их общественное признание может изменяться по мере накопления ключевыми фигурами рецидивов авторитаризма, разрушающих позитивную идентичность россиян как равноправных участников выборов.

Недемократические эффекты режимов по ходу избирательного процесса, содержащие превосходные референции для одних (организующих этот процесс) и негативные, уничижительные – для других (лишь участвующих в нем), в полной мере проявились в фальсификациях результатов выборов и нечестной конкуренции на них, которая, в свою очередь, контролируется главой региона[424].

Следует отметить довольно редкий для республик случай, – обращает внимание К. Идиатуллина, – когда в Чувашии Н. Федорову трижды противостоял лидер регионального отделения КПРФ В. Шурчанов, организации структурированной, представленной в Госсовете ЧР, имеющей свой немалый электорат, резерв в голосах был небольшим (в 2002 г. – 40,7% против 37,8%). В целом, констатирует исследователь, для республик характерны средний уровень конкуренции на выборах глав республик и низкий коэффициент сменяемости государственных лидеров[425].

Это свидетельствует, кроме прочего, о частичном сохранении былой монополизации ресурсов в руках правящих на местах элит, имеющих не только явные, но и скрытые механизмы (структуры) влияния. В совокупности они «определяют формы и каналы доступа» тех или иных лиц к легитимной власти в регионах. Одни «заинтересованные группы», патронируемые правящими кругами, их проверяют, другие – «ведут», третьи – лоббируют (или «сливают»).

Наличие таких околовластных процессов (в отличие от криптоправления) – вполне узаконенная реальность. Она демонстрирует, что выработка стратеги-

ческих региональных решений на «поверку» является процессом менее формализированным, чем это объясняется официально. «Сговорной» характер такого профессионального «соучастия» показывает и то, что он открыт влиянию разнообразных центров силы и зачастую в принципе ориентируется на «отстранение общественности от обсуждения тонких и деликатных проблем» (А. Соловьев), которые не нуждаются в широкой огласке, что лишь увеличивает потенциал полуавторитаризма.

Другое дело – сфера публичной политики субъектов РФ. Здесь монополизация ресурсов в ведении немногих и социальная обездоленность большинства диктовали теневому правлению создание разноуровневых моделей торга. «Межэлитный бартер» обеспечивал восхождение лиц до высот губернаторства. Примитивные коммерческие сделки между теми, кто по привычке ходит на выборы, и теми, кто постоянно лидирует на них, имели своим результатом региональные законодательные собрания и местные легислатуры, почти сплошь состоящие из чиновников, лоббистов и хозяйственных руководителей.

На рубеже веков тенденции административно-теневого укрепления политической власти в российских регионах (подспудно развивающиеся с середины 90-х годов) достигли предела. Дальнейшее наращивание политического влияния и имущественных прав субъектов РФ, при фактически нелегитимной концентрации властных полномочий у региональных лидеров – впрямую подошло к черте, за которой ставилась под вопрос целостность Российской Федерации.

Череда последних выборов на федеральном уровне (на которых региональные элиты вновь, как и в 1996, 1999 гг., в одночасье меняли свои позиции), появление общепризнанного и сильного национального лидера спасло и «отрезвило» страну. «Президентская вертикаль стала основной. По форме режим по-прежнему ельцинский, да содержание его выхолощено. Он не авторитарный. "Вертикальная" иерархическая система одержала верх над "горизонтальным" хаосом. Такой политический режим можно назвать «моноцентричным»[426]. Такова одна из первых (и ныне действующая) оценок режима В. Путина.

Однако не менее важно осознавать, что режимы, сформировавшиеся в этот период в субъектах РФ, во многом носят тот же переходный характер. При этом «аморфность» региональной политики и институциональная незавершенность политических режимов, застрявших на стадии клановости, делают их весьма зависимыми от шаткого равновесия политических сил. Нынешняя региональная власть уже не прежняя, созданная «бездействием и попустительством федерального центра» (С. Митрохин), но еще и не так организована, как к тому взывает современная логика модернизации.

Приметой большинства территориальных режимов сохраняется элитарность, остановившаяся в фазе «групповщины» и «политической нелегальщины». Она способна заблокировать каналы пополнения элит новыми людьми. Но даже при недостаточном их проникновении сделать так, что у рекрутантов про-

изойдет замещение формально демократических установок недемократическими. Преобладание «фрагментированных» ориентаций упрочает недемократический режим и припятствует складыванию «доверительно-конкурентных» форм. Поэтому сегодня стратегически востребованы позитивные изменения[427] как антитеза неофеодализму и архаике второй половины 90-х годов, а также разработки типа «как делается демократия»[428], противостоящие потаенным стремлениям элит заменить управление обществом властвованием над людьми.

«В формирующихся демократиях много поставлено под вопрос, особенно сами правила и люди, которые их разрабатывают и применяют. Завоевывать уважение к этой новой политической игре – задача для политиков первоочередная, даже если для ее решения им придется порвать со старой институциональной, политической и социальной культурой»[429]. Новая региональная политика прежде всего означает: глубокую модернизацию правящих на местах групп, их способность находить «пространства совпадения» как с центральными, так и местными оппозиционными элитами, совершенствование многопартийности (но не в духе, что мы наблюдали вокруг думских выборов – 2003)[430], укрепление законодательства и механизма привычных для россиян выборов всех уровней как сильнейшего ограничителя авторитаризма по всей вертикали власти.

Оптимальный способ достижения политического согласия и экономического прогресса в межрегиональном контексте – прозрачное государственное управление, обеспечивающее персональную ответственность политиков и бюрократии за свою работу, наличие цивилизованной (т.е. в рамках Конституции) конкурентной борьбы не только внутри правящих элит, но и по всему створу социума. «С тем, что высокая конкурентоспособность страны должна стать важнейшей целью, согласились практически все влиятельные политические силы и наши граждане. Теперь мы должны добиться, чтобы эта цель присутствовала в практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления» (В. Путин)[431].

Повсеместные конкурентные выборы призваны оформить и стимулировать реализацию современного постулата, что устойчивая демократия возможна там, где сформировался многочисленный средний класс и т.д. Опять-таки не без нелицеприятного признания того, что буквально до последнего времени в политической деятельности региональных, отчасти федеральных властей, и средний класс, и сами выборы представляли собой «суррогатную» (О. Маховская) форму «образа возможных перемен», вполне соотносимую с «извращенной» (А. Мельвиль) формой отечественных пактов между элитами в 90-х годах.

В нынешних условиях, однако, есть основания говорить, что в каких-то отношениях предварительный, по своей сути, пакт de facto все же состоялся – хотя бы в «вертикальной» консолидации определенных сегментов «доверяющих друг другу» элит вокруг фигуры Президента и откровенной их договорен-

ности по содержанию стратегического курса страны на модернизацию, рынок, сильное государство. Идущие реформы – процесс, с помощью которого федеральные и региональные элиты сообща работают над воплощением программы перемен, а выборы – не только способ легитимации каждой из элит, но и средство, открывающее дорогу преобразованиям на местах в лице их победителей.

Опасность манипуляций выборами, безответственность действий отдельных госадминистраций, «новых собственников», да и больших социальных групп периодически подстерегает региональные политические режимы. В этом случае именно механизм сдержек и противовесов становится средством защиты демократии.

Ныне в большинстве субъектов РФ общий контур этого механизма таков:

– губернатор или иной глава исполнительной власти субъекта РФ – ведущий политический актор. Чаще всего вокруг него консолидируется правящая элита. (Вряд ли кто вместо М. Шаймиева мог бы образнее охарактеризовать его роль: «подковерная борьба идет, но по ковру ходит президент…»);

– ОЗС (или иная региональная легислатура) – механизм «центристского» большинства, способный менять свою политическую композицию в зависимости от доминирующего субъекта. (В отличие от Конституции РФ, в Уставе Нижегородской области раздел, посвященный законодательной власти, по настойчивому пожеланию Б. Немцова, идет впереди раздела, регламентирующего деятельность администрации);

– правительство региона – в основном технический институт, обладающий свободой действий в тактических вопросах социально-экономического развития территорий и межрегиональной интеграции. В нем главную роль, наряду с правящей, играют бизнес-элиты. Укрепление государства снизило их прямое влияние на некоторые политические процессы в субъектах РФ. Но оставило за ними право стратегической инициативы в развитии собственных «бизнес-вертикалей». В них конфликты экономических интересов нередко определяют развитие политической ситуации в конкретных регионах;

– судебная власть относительно автономна и от исполнительных, и от законодательных органов. Но это не исключает вариативности ее поведения в отдельных случаях. Она способна как и к оппозиции исполнительной власти субъекта РФ, так и к защите ее интересов;

– партии (или их территориальные отделения) – это преимущественно избирательные объединения. Они (по случаю и с разной степенью доверия) используются и губернатором, и ОЗС, и бизнес-элитами. С одной стороны, это расширяет возможности властей влиять на политические процессы в регионе, с другой – позволяет продемонстрировать поддержкой «партий власти» свою лояльность федеральному центру. Собственно партиям в этих условиях остается

лишь развитие политического спроса на самих себя в процессе выборов и депутатской деятельности;

– место «четвертой власти» в регионах ныне вакантно. За него с переменным успехом борются занимающие его прежде местные СМИ, ангажированный властью актив общественных организаций и «небескорыстно» сотрудничающий со всеми ее ветвями «третий сектор». Все они, так или иначе – «группы поддержки» территориальных политических режимов.

Кроме того, на каждом из отмеченных уровней присутствует «мимикрирующая» к любой системе сдержек и противовесов бюрократия и слабо противостоящая ей «вневедомственная» часть интеллектуальной элиты. Прежние контрэлиты «растворились» в ныне правящей, новые – пока лишь создаются среди «аплодирующих» действующей власти. Самая большая опасность существующего механизма сдержек и противовесов – это его негласная санкция на создание доминирующей группой на местах суррогатных структур, имитирующих институты демократии и гражданского общества. Приспосабливая их под себя, власть придает системе сдержек и противовесов формальный характер, не ограничивающий ее собственный произвол.

Однако открытость регионального политического процесса в формирующихся конституционных демократиях, особенно по отношению к влиянию федерального центра и местных протестных настроений масс, не только оставляет контрэлитам саму возможность институционализироваться, но и электоральным группам более четко самоопределиться. Проголосовав в декабре 2003 г. за новый состав парламента, большинство россиян продемонстрировали, что они больше озабочены содержанием национального политического режима и его влиянием на их повседневную жизнь, чем уважением к местным политическим порядкам. Это ослабляет демократическое выравнивание статусов всех входящих в региональную систему сдержек и противовесов структурных элементов с целью их взаимоконтроля и усиливает в ней тенденцию к администрированию.

Так что *главным средством политического регулирования на современном этапе России, вероятнее всего, будут не столько демократические процедуры, сколько способность центрального и региональных режимов контролировать ситуацию и поддерживать в обществе конституционный порядок.* Возможен и одобряемый массами переход к по-новому консолидированному политическому режиму с последующей инсталляцией формальных институтов через централизацию и монополизацию власти в руках государства.

С учетом такой перспективы в отдельных регионах (Санкт-Петербурге, Нижегородской и Самарской областях, Красноярском крае) начинают происходить процессы сплочения территориальных элит не столько вокруг глав исполнительной власти, сколько вокруг тех политический фигур, кто «берет» на себя

ответственность за происходящие перемены и этим укрепляет свои властные полномочия.

Региональные режимы сегодня – это консолидированная по-разному власть: и путем красноярских бизнес-идей, и саратовских «чисток», калмыкской «кооперации» и нижегородской «столичности». В силу своеобразия последних не только из-за политической изощренности лидеров, но и благодаря объективным общественным условиям, позволяющих им действовать так, а не иначе, считаем корректным доминирующий в российских регионах режим определить, как *неконсолидированную демократию* с разным индексом *инерции* и *конкуренции.*

Консолидация территориальных элит, проявляющаяся в персонификации ответственности и публичной договоренности о содержании реформ и методах их проведения, – случай для регионов скорее особенный, чем обычный. Но это одно из условий «позитивной динамики в развитии демократизации» (С. Хантингтон) на местах. Однако, несмотря на регулярно проходящие выборы, действующую структуру специализированных кадровых центров в региональную власть приходит ничтожно мало по-настоящему «свежих фигур», не инкорпорированных ранее в правящие неформальные сети и способных на подобное сплочение.

Нынешний рекрутант в элиту, рассматриваемый как потенциальный лидер, весьма далек от норматива. Обычно это тот, кто обладает внутренней гибкостью и подвижностью восприятия, мотивацией к решению и привлечению других к соучастию, кто руководствуется универсальными, рациональными ценностями и правилами конкурирования, кто с готовностью и оптимизмом смотрит на перспективы общественной эволюции.

Неслучайно по поводу стартовавшей президентской кампании 2004 г. губернатор Самарской области К. Титов пророчески заметил, что в случае «демарша» КПРФ, «Яблока» и других партий, которые могут не выдвинуть своих кандидатов, их места займут «новые лица»[432]. Но те, что мы увидели, явно не «вписываются» в концепцию М. Янга о неизбежности замены демократии меритократией, когда к управлению обществом приходит свежая интеллектуальная элита, делом заслужившая право на власть.

Соответственно, вектор трансформации региональных режимов характеризуется в современных условиях федеральными допусками и пролегает от неконсолидированной (конфликтной) демократии к демократической (доверительной) консолидации как механизму открытого политического соперничества акторов, адаптирующих свои интересы к постиндустриальному развитию своих территорий и действующих в рамках последовательного разграничения институтов.

3.3. Эффективная государственность и демократическая консолидация – основы нового предназначения региональных элит

Фундаментом любого государства является национально-политическая культура, объединяющая сообщества людей во всеохватывающем масштабе социально-исторического действия, готовность управляющих и управляемых сотрудничать в поддержании государственного единства, исповедовать общую систему ценностей, уметь постигать представления иных организованных сред и вызовов времени.

Известный французский философ XIX века, Жозеф Ренан, предложил такую формулу культурно-государственного единства: «Общая слава в прошлом, общая воля в настоящем, воспоминание о великих делах и готовность к ним – вот существенные условия для создания народа. Позади – наследие славы, впереди – общая программа действий». Государство, таким образом, существует и развивается как процесс постоянного подтверждения готовности наций к единению, в котором элиты и лидеры – генераторы социальной энергии (силы народного духа) и ядро консолидации.

Институциональная консолидация элит в России с ее стереотипом представлений о власти как конкретном лице, наследием однопартийного правления и государственно-регулируемой экономики протекает труднее, чем в некоторых других посткоммунистических странах. Кроме того, следует обратить внимание на отсутствие в советском и в исходном российском контексте самой изначальной предпосылки демократии – гарантированных государственной целостности и национальной идентичности. Другими словами, полиэтнический состав страны и подъем под лозунгами демократизации и антикоммунизма центробежных сил национализма и сепаратизма стимулировали распад Советского Союза и сохраняют угрозу национальной безопасности в настоящем.

Формирование новой политической культуры элит и масс предполагает не только комплекс институциональных преодолений, но и конституирование новой объединяющей идеологии. Безусловно, что выбор общенациональной идеи в значительной степени будет определяться не только насущными проблемами народа и государства, но и идеологическими предпочтениями правящих групп, их консолидированным пониманием целей и задач развития страны. К тому же нельзя упускать из вида последовательный моноцентризм политического режима, разницу устремлений региональных лидеров, особенности функционирующих институтов и аппаратов.

Можно согласиться с утверждением М. Вебера, что демократия станет возможной только тогда, когда масса чиновников будет действовать в рамках закона, а не использовать свое положение в личных целях. С другой стороны, до тех пор, пока принципы авторитаризма не являются определяющими для

ключевых политических фигур, а число их сторонников не достигло критической отметки, нет оснований говорить и о наметившейся тенденции к полуавторитаризму как победе авторитаризма. В этих условиях, *укрепление доверия к сильному демократическому государству – базовая стратегическая задача лидеров, и, по сути, предназначение всех отечественных элит.*

Сегодня уже аксиоматично, что стратегия демократического транзита России и входящих в нее территорий в условиях постиндустриального развития цивилизации должна неизменно включать критерии, ориентирующие управляющих и управляемых на социокультурные, политические и экономические порядки нового, постепенно становящегося доминирующим типа социальной организации – информационного общества.

Его укоренению на местах, где еще сохранилось болезненное наследие тоталитаризма и демократизации в «обличьях неопределенности», способствует не обязательно героическое, но вполне рациональное (в плане устремлений, жизнедеятельности и взаимодействия по поводу государственной власти) поведение таких социально-значимых групп как региональные элиты. Конечно, их возможности организовать содействие социально-экономическому развитию трансформирующихся территорий имеют свои пределы. Но они объективно способны помочь модернизации (а значит, и демократизации) тем, что в силах оказать влияние на политический процесс, акценты в котором должны быть переставлены.

Так, ныне Россия имеет неплохую возможность для реализации региональной политики, адекватной модели современного государства, основанного на принципах территориальной целостности, децентрализации и демократического управления на всех территориальных уровнях. Для этого нужно: преодолеть негативные последствия первой стадии формирования российского федерализма как этнонационального по преимуществу, центробежного и ассиметричного[433]; сдержать укрепившиеся на местах региональные бюрократии (А. Аринин, Г. Марченко) и технократии (Г. Дилигенский, Р. Цвылев), открыть перспективы и возможности для развития профессионализации новых (нацеленных на национальный успех) элитных групп, политической самодеятельности широких слоев населения и, прежде всего, среднего класса.

XX век закончился для российских регионов знаменательным результатом: субъекты РФ как государственные образования (или политические режимы) в очередной раз в истории страны стали номинально демократическими. Но уже не в рамках унитарного, а федеративного государства, что, в принципе, слабо отразилось на общем отечественном рейтинге политических свобод. Россия в отчете экспертов Freedom House 2001 – 2002 гг., как и ранее в 90-е годы, оказалась отнесена к группе «частично свободных» стран. Более того, по их мнению, в последние годы качество демократии в стране ухудшается[434]. И в основном потому, что по ходу углубления реформ политический процесс все

больше теряет альтернативность, а региональные элиты все заметнее превращаются в лоббистские структуры.

Частично свободная страна с «транзитным режимом» – это оценка качества современной российской демократии. Она разделяется большинством зарубежных и частью отечественных исследователей и политиков. Однако на этом основании делаются различные прогнозы о ее перспективах. Говоря о нашей стране, З. Бжезинский подчеркивает: «Многое из того, что мы хотели бы называть российской демократией, возникло не в результате установления институционализированной и правовой системы, а скорее, как следствие коллапса (советского) государства и незавершенной анархической борьбы за власть, влияние и информацию...» При «отсутствии необходимых культурных и исторических оснований страна не может просто так принять парламентскую систему и заставить ее работать. И именно это мы видим в России». Поэтому «через десятилетие или два мы можем стать свидетелями превращения России в некое подобие авторитарной демократии, напоминающей, скажем, Германию до 1914 г.»[435].

Не менее реалистично выглядит и резюме отечественных исследователей А. Галкина, Ю. Красина и В. Медведева: «В предвидимом будущем, вероятнее всего, в стране утвердится умеренная авторитарная власть, будет взят курс на прорыв к социально ориентированной постиндустриальной экономике при одновременном восстановлении оборонного потенциала. На этой основе Россия сможет утвердить свое место одной из великих держав мирового сообщества, сыграть свою роль в решении глобальных проблем и установлении более справедливого и разумного мирового порядка»[436].

Уклон в сторону глобальной проблематики отчасти объясняется тем, что в новом тысячелетии позиция России в мире, действительно, будет определяться не тем, как она устроена политически, сколько в ней числится субъектов Федерации, а тем, сумеет ли страна преодолеть то очевидное экономическое и технологическое отставание, которое существует сейчас. Решение этих задач носит комплексный характер и напрямую связано с согласованной деятельностью правящих в центре и на местах групп.

Структура социального действия в масштабе региональных элит имеет свои особенности, которые отличают ее от социального действия в рамках, к примеру, контрэлит. Среди них наиболее важные – это организованность, гомогенность базовых устремлений и использование институтов государственного управления для реализации своих целей. Ныне территориальные элиты ориентированы на сотрудничество, так как принимают существующий социальный и политический порядок.

Однако, отвечая на вопрос, станет ли Россия в краткосрочной перспективе более демократической страной, большей частью зарубежные, а не отечественные исследователи, убеждены в том, что подобные перемены зависят от «нынешнего выбора, сделанного новой и более молодой российской политической элитой» (А. Браун). Большинство же наших экспертов свои ожидания цивилизованного развития событий связывают (по разным соображениям) не столько с новыми правящими группами, сколько с фигурой действующего Президента В. Путина (И. Бунин, М. Ильин, В. Никонов, И. Пантин, Ю. Пивоваров, А. Салмин, М. Урнов, Л. Шевцова и др.).

Далеко не всегда у отечественных авторов (за исключением вышеотмеченных) ясно представлен аспект: на какие социальные слои и политические группы может опираться в осуществлении своего «модернизаторского» курса глава государства и каким образом при констатируемых им преимущественно неудовлетворительных характеристиках истеблишмента он сможет достичь тех целей, что выведут Россию на передовые рубежи.

Прояснение этого вопроса с позиций региональных правящих элит как субъекта поддержки проводимой ныне государственной политики вызывает больше проблем, чем «очевидностей» решения. Что требует для их поиска введения ряда поясняющих положений как общего, так и специфического плана, касающихся факторов успешности и трудностей отечественного транзита в центре и на местах.

Бесспорно, за последнее десятилетие постсоветская Российская Федерация добилась определенных успехов в демократизации. В первую очередь имеются в виду институциональные и структурные перемены в политической системе. «В результате преобразований политическая система существенно изменилась: возникла новая иерархия институтов и игроков, появились новые звенья. Но, пожалуй, самое главное состоит в том, что родилось "новое качество" политической системы, выражающееся в маргинализации конфликта, сокращении публичной составляющей политического процесса и расширении круга участников подготовки ключевых решений за счет включения в их число политической оппозиции»[437].

Впечатляют и результаты построения «нового» или «бюджетного» федерализма, он явственно приобретает «вертикальную ориентацию» – усиление центра и смещение в его сторону баланса властных ресурсов, о чем свидетельствует прошедший с 2000 по 2003 гг. включительно (а в отдельных республиках и продолжающийся ныне) процесс полномасштабного «правового выравнивания» Федерации и ее субъектов, а также деятельность федерального центра по разграничению предметов ведения и полномочий между уровнями власти (включая ранее не входившее сюда местное самоуправление). Эту деятельность проще всего связать (но не исчерпывающе) с «удобством» федерального распоряжения общественными бюджетными ресурсами, но оценивать результаты идущего пересмотра самой системы пока преждевременно, однако ясно, что их нельзя считать окончательными.

Что же касается изменений в стиле лидерства и методах руководства, в структуре установок и ценностных ориентаций элит разного уровня, то перемены, произошедшие в этой сфере, многими оцениваются как промежуточные (В. Гельман, С. Гржейщак, И. Куколев, Н. Лапина, Ю. Левада, М. Малютин, А. Медушевский, А. Петров, Т. Рыскова, А. Чирикова и др.). Политическими лидерами в регионах являются главы исполнительной власти. К особенностям территориальной элиты исследователи относят выраженность формального и неформального лидерства, командное поведение, прагматизм в идеологии и политике, синтез демократических и авторитарных вариантов поведения[438].

Концентрированным и символичным воплощением данных характеристик может служить фигура Ю. Лужкова. С его именем в наибольшей степени ассоциируется роль «хозяина», создавшего в Москве сложную систему взаимозависимости политических и экономических факторов, которая позволяет ученым говорить о столичном регионе, этом огромном конгломерате, управляемом как единая корпорация, во главе которой стоит «человек в кепке».

Но одновременно в изменениях последних лет есть, на наш взгляд, и нечто более ориентирующее и консолидирующее региональную элиту. Это процесс формирования «вертикали элит». «Сверху» ее замыкает – Президент, а «внизу» – субэлитные образования, «выталкиваемые» на политическую сцену преимущественно «средним классом». Динамику политических подвижек здесь также нельзя считать завершенной. Другой вопрос – насколько данная «вертикаль», по сути своей опирающаяся на нелиберальное общество и предполагающая новое размежевание в правящих кругах, окрепнет в ближайшее время. И сможет ли В. Путин воспользоваться поддержкой средних слоев и субэлитных групп в политической борьбе, которая перманентно идет внутри истеблишмента? Но явно эта «вертикаль» обретет новое напряжение, как только ожидания субэлитных групп начнут трансформироваться в возможности доступа к власти.

И, наконец, важнейшим направлением переустройства российской политической жизни стало развитие процесса социальной интеграции как основы формирующейся отечественной демократии. Страна и ее руководство постепенно пришли к выводу, что ключ к решению многих общественных вопросов лежит в социальной области, где приходят в соприкосновение экономические и политические интересы людей. Здоровая социокультурная среда – необходимое условие политической стабильности. «Доверительно» обустроенная социальная среда – фундамент развития эффективной государственности и демократии.

Современная социология и политология, основываясь на опыте развитых западных демократий, отдает предпочтение органическим, естественным отношениям между управляющими и управляемыми, когда «доверительное» влияние лидеров подкрепляется сознательным следованием масс их призывам и инициативам. Они позволяют достичь взаимовыгодных результатов с меньши-

ми издержками для всех субъектов, участвующих в них. Но одновременно интегративные процессы требуют профессиональной подготовки ведущих акторов – элит, желания и умения управлять ими. Нельзя забывать и того, что «каково общество, таковы и руководители».

Своего рода «контрактные» отношения между властью и обществом, социальные перемены, последовавшие за ними в новом тысячелетии, сыграли ключевую роль в становлении современной политической системы России. Широкая общественная поддержка стала главным условием стабильности политического режима В. Путина. С его утверждением укрепление (на новых основаниях) социальной интеграции вошло в число первостепенных политических задач. Отсюда истоки качественно иных национальных интересов и приоритетов складывающейся идеологии, культурной, федеральной и региональной политик.

Однако хватит ли у почти 150-миллионного российского общества, при медленном вхождении в повседневную жизнь граждан этих и других инноваций, терпения дождаться результатов модернизации «близких» к ним властей – губернатора и мэра, председателя региональной легислатуры и облсуда, главы районной администрации и местного комитета общественного самоуправления? Проблема, которая в сознании населения практически не решается, и главное – не связывается с идущей в стране административной реформой. А, как известно, без сильных и пользующихся доверием региональных и муниципальных властей в России не может быть эффективной государственности.

Для возрождения культуры принятия решений на субнациональном уровне, утраченной за последние десятилетия, по словам Президента, потребуются законодательные преобразования, рост самосознания элит и граждан. При этом, как отметил В. Путин на своей пресс-конференции 20 июня 2003 г., власти на местах не должны оказаться в условиях, когда у них есть «животрепещущие» вопросы, но нет механизмов для их решения. Именно с этой целью ведется работа по распределению полномочий между уровнями власти, и соответствующие законопроекты приняты Госдумой в третьем чтении[439], сообщил он. Изменения в части перераспределения доходов коснутся регионов с января 2005 года, а муниципалитетов – с 2006 года. Теперь Правительство должно оперативно представить в парламент поправки в Бюджетный и Налоговый кодексы, – сказал Президент, чтобы обеспечить источники финансирования муниципалитетов и регионов[440].

Однако политический выбор, сделанный национальной элитой в конце 80-х – начале 90-х гг., во многом предопределил не только условия жизни людей в «столицах» и на «периферии», но и формы их политического участия на десятилетия вперед. Тенденция к «управляемой демократии», в которой демократические институты выполняют волю первого лица (будь то президент или губернатор) и обслуживают бюрократию или технократию, наметилась уже в

первые годы правления Б. Ельцина. Поэтому не удивительно, что разочарование, последовавшее за итогами экономических реформ, не приведших к «осязаемому» улучшению жизни народных масс, проявилось в известном дистанцировании граждан от политики реформаторов, отчуждении от государства и региональной власти. Не только в «глубинке», но и в центральных областях страны люди весьма скептически оценивали на старте «путинской» модернизации существующие на местах «демократические» режимы и возглавляющих их лидеров.

По данным РОМИР, весной 2000 г., с тезисом, что «демократическая система, несмотря на определенные проблемы, является лучшей системой государственного управления», были согласны 48% респондентов («полностью» – только 9,1 и «согласны» 38,7%). 28% были не согласны с тем, что демократия является лучшей системой правления (в том числе «полностью» не согласны – 4,2%, затруднились с ответом 24,3% опрошенных)[441]. Главной причиной такого отношения может быть то, что большинство российских граждан не считает установившиеся в их регионах политические системы подлинно демократическими.

В период 2000 – 2003 гг. по мере укрепления федерального центра ситуация начинает меняться. Возобладает тенденция изменения приоритетов в региональной политике и практике регулирования отношений в целях повышения эффективности государства как средства обеспечения поступательного общественного развития. Своей деятельностью государство обязуется уже не только обеспечивать достойный уровень благосостояния населения (что, несомненно, является одной из основных причин удовлетворительного отношения граждан к демократии), наращивать усилия на экономическом росте и инвестициях в структурно-технологическую модернизацию отечественной экономики. Но и использовать свою власть для укрепления федерализма как территориальной формы демократии и «… ориентации участников экономического и политического процессов – действовать правильно»[442].

Напомню, что в части совершенствования российского федерализма среди важнейших элементов этой политики было продолжение контртеррористической операции в Чечне, а также усиление структур президентской власти в регионах. В практическом плане это проявилось в создании федеральных округов и назначении в них представителей Президента РФ. В результате их деятельности почти все законы субъектов Федерации предыдущего этапа были исправлены. Однако, как это ни парадоксально, в тот же период было принято немало «свежеиспеченных» региональных актов, в той или иной степени противоречащих российскому законодательству.

Это свидетельствует о том, что полпреды в состоянии побудить территориальные элиты (прежде всего, в лице членов представительной власти) к исправлению совершенных ранее ошибок, но пока не могут предотвратить появление новых отклонений от норм федерального законодательства. Если, конечно, во главе региональных легислатур не стоят «их» люди. Кроме того, сам институт полномочных представителей Президента вступает в противоречие с конституционным принципом субсидиарности, предполагающим конституционное, законодательное разграничение предметов ведения между уровнями власти, а отнюдь не единую ее пирамиду сверху донизу. Правомерно говорить только о вертикали федеральной исполнительной власти[443].

Сегодня уже очевидно, что перспективы демократии в российских регионах во многом будут определяться тем, насколько содержательно последователен ход реформ, как быстро удастся поднять материальный и духовный уровень значительной части населения. Ряд зарубежных и отечественных ученых полагают, что в области экономического реформирования в «России Ельцина» преобладала политика, посылавшая неверные, антипродуктивные сигналы экономическим акторам, на которые они реагировали, уводя прибыли за границу, вместо того, чтобы вкладывать их в экономику страны.

Дело, таким образом, возможно, не в их злонамеренности или изначальной коррумпированности, а в «неправильной» ориентации «игроков» в пространстве экономической и социальной деятельности. Причем последний аспект – кто и как должен участвовать вместе с государством в тех же социальных обязательствах – выходит сегодня, по мнению ведущих экономических экспертов страны (А. Гранберг, В. Ивантер, С. Сусницин, В. Лексин, А. Швецов и др.), на передний план. И как фактор укрепления эффективности государства в целом, и как один из самых активных движителей системной трансформации региональных ситуаций в частности.

Так, начав свою предвыборную кампанию 2004 г. В. Путин осудил идею тотальной национализации. Он напомнил, что частные предприятия «всегда эффективнее государства». Однако в России, по его словам, население не ощущает пользы от эффективности бизнеса, так как в стране «произошел разрыв между хорошей организацией отдельного производства и отсутствием (государственного) администрирования, в результате чего нужные средства не попали в госказну». Государство поэтому не может исполнить в полной мере свои обязательства. Руководитель Центра развития А. Клепач считает, что Президент под «укреплением администрирования» подразумевает борьбу со схемами минимизации налоговых выплат[444]. А в отношении региональных элит и лидеров – с масштабами коррупции и служебных злоупотреблений.

Нельзя оставить без внимания в связи с этим и весьма распространенную версию, согласно которой российские социальные реформы суть лишь следствие перемен экономических. По-видимому, это так и не так, ибо преобразования социальной жизни общества в России 90-х годов и ныне проходили и проходят по-разному. Первые осуществлялись параллельно экономическим реформам. Сегодняшние социальные преобразования и формируемые ими

социальные отношения сами определяют ход и масштабы экономического реформирования страны, а вместе с тем и неповторимые черты политической ситуации.

Именно социальные реформы стали тем типом общероссийских преобразований, в реализации которых органы власти субъектов РФ и местного самоуправления проявляют наибольшую самостоятельность. Так, в Нижегородской области за приоритетное направление было взято социальное обеспечение ветеранов ВОВ, а Татарстан добился определенных успехов в строительстве социального жилья для молодежи. Однако не следует забывать: все, что делают в социальной сфере федеральные министерства, ведомства и службы, региональные администрации и местные муниципалитеты менее всего является социальной самодеятельностью или благотворительностью. Это работа по исполнению социальных обязательств государства.

Обязательства государства – «функциональные» и «политические», включая и ориентацию бизнес-субъектов «вести себя правильно», т.е. не в групповых, а в общественных интересах, – атрибут цивилизованного социума. С точки зрения укрепления доверия к демократии в нашей стране, это означает приоритет законности в контексте правового государства. Это справедливо по отношению к политическим и административным элитам всех уровней, а также необходимо для «честного» поведения предпринимателей и бюрократического аппарата. Все они, так или иначе, склонны абсолютизировать свои функции, расширять их путем негласной монополизации ресурсов и тем самым способствовать не только сужению поля демократии в обход гражданского общества, но и оформлению некой корпоративной унии «избранных».

Весьма злободневной в связи с этим является проблема системы взаимных обязательств внутри территориальных элит, чаще всего, когда в обмен на финансовую поддержку избирательных кампаний будущих политических лидеров, руководство бизнес-структур ожидает лоббирования своих интересов. Или наоборот, когда представители бизнеса при содействии власти инкорпорируются через электоральную систему в государственные органы.

Ныне этот процесс в различных модификациях пронизывает все ветви власти. Поэтому только в четком их разделении, взаимоконтроле и подотчетности обществу (в повседневных оценках их осуществления в СМИ, вердиктах легитимации, вынесенных на выборах и т.д.) заключен основополагающий способ их надлежащего функционирования как на федеральном, так и региональном уровнях. Ответственность элиты состоит в том, чтобы не нарушать конституционного порядка вещей, а прибегать к гибкому регулированию взаимоотношений в интересах общенациональной эффективности и единения.

Современные способы легитимации субнациональных лидеров, включающие ныне не только электоральное влияние на персональный состав государственных органов на местах, но и правовой механизм федерального вме-

шательства, укрепляют приоритет законности. Делают, правда, не без перекосов в сторону «всемогущего государства», предпочтительными для региональных элит ряд ориентаций, связанных с сотрудничеством и партнерством. Беда в том, что часть правящих территориальных групп все-таки склонна абсолютизировать организующую миссию государства в системе социального взаимодействия.

Но не следует в условиях отсутствия ценностного консенсуса элит вычленять и абстрагировать из общего контекста современных, по сути, «полиархических» установок *эффект консолидации* «деловой и политической элиты» как «попытку укрепления государства, обреченную на неудачу»[445]. Он не менее ценен для необратимости постиндустриального транзита страны, чем социальная интеграция и даже отчасти равнозначен ей в плане формирования более результативной структуры политической демократии.

В своей последней монографии «О демократии» Р. Даль, патриарх американской политической науки, отмечал, что при всех преимуществах у системы представительной власти есть и «оборотная сторона». Она не только оставляет принятие жизненно важных для общества решений на усмотрение политической элиты, но и предоставляет бюрократическому аппарату огромную свободу действий в вопросах общенационального и общемирового значения. С учетом угроз глобализации и регионализации, все это приводит знаменитого автора к выводу, что для граждан в странах классической демократии (а мы лишь стремимся осуществить «переход» к ним – *М.К.*) чрезвычайно важно сегодня найти решения, которые позволили бы «достичь уровня демократизации, более высокого, чем тот, который обеспечивается полиархической демократией»[446].

Такими решениями и одновременно центральными проблемами демократизации в пост-СССР, по мнению части отечественных исследователей, являются политическая конкуренция и становление формальных институтов. Изучение этих аспектов постсоветской политики – и в России, и (во многом) на Западе – находится пока на начальной стадии эмпирического анализа в целях подтверждения и/или опровержения существующих теорий. Очевидно, что следующие шаги по переосмыслению теорий потребуют и иных, более углубленных подходов к изучению практики постсоветского развития[447].

В контексте сказанного объективная потребность в демократической консолидации отечественных элит может быть интерпретирована как «обусловленный исход конфликта» (А. Пшеворский) и использована для создания нового «стандарта» или стиля российского лидерства и элитизма, а также соответствующих образцов предназначения региональных властных акторов. Это актуальнейшая и комплексная задача.

По нашему мнению, политический выбор, сделанный более десяти лет назад, имеет тенденцию к коррекции – в направлении значительно большей демократической практики действия институтов государственного управления. По-

этому демократический транзит региональных элит сегодня скорее не актуален, но и не отменен. В перспективе ожидается готовность элит к единению и последующая смена жестких методов регулирования общественного порядка более мягкими, исключающими насильственное и бескомпромиссное вмешательство государства в дела общества.

Но если это вопрос будущего, то современное состояние России требует оперативных усилий всего экспертного сообщества (да и самой власти) в разработке научных критериев, которые бы имели непосредственное отношение: а) к структурным препятствиям, мешающим осуществлению более глубоких политических преобразований; б) правовым процедурам согласования интересов различных субъектов политической деятельности и хозяйствования.

Сегодня поиск этих критериев во многом концентрируется на решении такой общесоциальной и национальной проблемы как демократия и бедность. Она является одним из главных ограничений мобилизации огромных потенциальных возможностей, заключенных в человеческом капитале России. В реальной жизни это означает, что для большей части населения бывшего СССР – ныне субъектов РФ – вместе с демократизацией общественной сферы и капитализмом пришла устойчивая бедность, если не нищета.

В середине 90-х годов для государств СНГ черта бедности была определена ООН как среднедушевой доход, не превышающий 4 долларов США в сутки. В России 2002 года порог бедности 4 доллара был эквивалентен денежному доходу на члена семьи чуть меньшему 4000 руб./месяц. Но даже по официальным данным, более половины населения страны не имело дохода, превышающего его. В Минэкономразвития считают, что реальные доходы граждан к 2005 году должны вырасти на 56 – 61% по сравнению с 2001, а уровень прожиточного минимума будет равен 2,5 тыс. руб./месяц. Но и на конец 2003 г. – это примерно соответствует 2 – 2,5 долларам в день, что заметно ниже, чем четырехдолларовый порог абсолютной нищеты для стран Восточной Европы и СНГ[448].

Другая печальная цифра: к 2005 г. россиян станет меньше на 2 млн человек. И это как раз к тому времени, когда, по мнению экс-министра труда и соцразвития А. Починка, в России должна заработать принципиально новая система финансирования социальной сферы, где общественные и частные организации смогут во многом заменить государство на рынке социальных услуг[449]. Правда, последнюю цифру может поправить наметившийся рост рождаемости, которую сегодня почувствовали и в столице, и в провинции.

Так, если верить отчетности управления образования Ярославля, в городе наблюдается стабильный рост рождаемости в среднем на семь процентов ежегодно. Этот процесс специалисты отмечают с 2000 г. и полагают, что такие темпы сохранятся еще два – три года. Правда, одновременно с ростом рождаемости в Ярославле «чудесном образом испарилась» почти половина дошколь-

ных образовательных учреждений и неудивительно, что на таком фоне в оставшихся (189) процветает открытая коррупция[450].

Уровень благосостояния населения и обслуживающей его инфраструктуры, по всей видимости, является не только показателем социально-экономического развития страны, но и важным, хотя и косвенным, индикатором «успешности» функционирования региональных политических элит, т.е. качества управления и демократии на местах. Автор не берется утверждать, что существует однозначная причинно-следственная связь между уровнем благосостояния масс и развитием гражданских свобод в субъектах РФ. Но факты того, что социальная обездоленность и бесправие бедных перед коррумпированным чиновничеством – «близнецы-братья», почти повсеместны.

Другой тип «фактуры» демонстрирует собой неофициально закрепленное право местных властей действовать по отношению к гражданам так, как это выгодно элитам, или так, как они считают необходимым действовать, исходя из соображений политической и экономической целесообразности, то есть неформализованных принципов, которым можно придать то или иное произвольное толкование. Очевидно, что в данном случае речь идет лишь о легализации «полуавторитаризма», когда индивид оказывается беззащитным перед государственными органами, а «правила игры» с властями четко зафиксированы лишь на «бумаге», но не в реальной жизни.

Однако из политической и экономической практик «осевых» (близких к ЕС) Москвы и Санкт-Петербурга, «продвинутых» к ним Самарской и Нижегородской областей и «подтягивающегося» сюда же Красноярского края следует, что сравнительно обеспеченные или умеющие распоряжаться ресурсами регионы являются и более свободными. В них взаимосвязь экономической политики и прагматичного функционирования демократических институтов власти прослеживается в относительно адекватном реагировании исполнительных и законодательных органов на сигналы, посылаемые электоратом на выборах. Хотя и тут люди (вполне закономерно) требуют экономически обоснованных демократий. Их построение – первейшая задача национальной безопасности.

«Если» это получится (пусть даже изначально в указанных субъектах РФ), то переоценить результат станет невозможно. С одной стороны – будет ясно доказано, что можно реализовывать успешные социально-экономические проекты в региональном масштабе. Центр в этом заинтересован чрезвычайно. Во-вторых, экономически обоснованный режим – это неотъемлемое условие, при котором граждане в полной мере осознают свою ответственность перед обществом и готовы выступать автономными партнерами государственной администрации в деле поддержания жизнеспособности существующего порядка.

С политической точки зрения успех К. Титова или А. Хлопонина будет означать окончательное появление на общественной сцене крупных региональных управленцев – верный признак того, что строительство эффективного го-

сударства идет в правильном направлении. А его результаты последних лет – следствие избранной стратегии экономической и политической модернизации страны при центральной роли национального режима, реализующего свой «европейский выбор».

Считается, что вместе с Европой мы быстрее лишимся своей «переходности» (Г. Павловский) и обретем полноценный политический и хозяйственный порядок, так необходимый внутри страны. Однако возможности международного сообщества в содействии социально-экономическому развитию модернизирующихся стран весьма ограничены.

Единственный способ, скажем, помочь демократизации регионов России – это опять же оказать влияние на политический процесс и его участников. Однако такое воздействие должно быть направлено в сторону кропотливой работы с организациями, пусть и недемократическими, но имеющими социальную базу. Их следует интегрировать в демократический процесс, ориентировав на достижение целей демократическими методами (М. Оттауэй). Но в любом случае демократизация регионального политического процесса связана с наличием соответствующего проекта у национального политического режима.

В своем нынешнем виде политический режим Путина, – считает А. Зудин, – это причудливое переплетение старого и нового. Сравнение с «проектом» дает более рельефное представление о том, что в действующей политической системе действительно нового. Вычленение «интенций» или определенной суммы намерений позволяет также указать на основные направления ее дальнейшего развития.

1. *Этатизм.* Ориентация на подчинение бюрократии государству отличает моноцентрический режим как от полицентрического, так и от позднесоветской политической системы, принимавших «суверенную бюрократию» как данность. Речь идет о современной версии этатизма, предусматривающей сохранение в ограниченных масштабах плюрализма и политической конкуренции. Но главным ограничителем выступает состояние экономики и общества, а не авторитарная власть.

2. *«Партизация» системы власти.* Она предполагает создание политической партии «доминантного» типа. «Партизация» совместима с этатизмом и также предусматривает политическую систему с ограниченным плюрализмом и конкуренцией.

3. *Корпоративизм.* Речь идет о «либеральной» разновидности корпоративной системы (неокорпоративизм), предполагающей институционализацию интересов и их взаимодействия с системой власти в форме, совместимой с регулярными выборами и политической конкуренцией. Эта разновидность корпоративизма внутренне совместима и с этатизмом, и с «партизацией» политического режима.

4. *Ориентация на модернизацию.* Содержание ключевых решений по вопросам внутренней и внешней политики за последние годы свидетельствует о том, что «проект Путина» последовательно ориентирован на масштабную модернизацию[451]. Но поскольку, как показала практика, ни одна политическая сила в России не способна решить весь круг вопросов, стоящих перед страной, решение проблемы модернизации в принципе следует искать на путях консолидации общества, согласия между ним и правящими элитами. Реально же к демократическому результату может привести только та, пусть и сопряженная с риском, стратегия модернизации, которая стремится вовлечь в демократический процесс все более или менее значимые массовые организации.

Несомненно, что демократизация каждого российского региона в контексте качественной смены векторов развития национального политического режима, имеет свои отличительные особенности. Ныне внимание все больше концентрируется на «структурных развилках», обусловливающих успешную консолидацию «полудемократических» режимов. Отрезок времени и в четыре года (первый президентский срок В. Путина), и в десять лет, наверное, не большой срок для консолидации полноценной демократии в субъектах РФ, упрочение которой должно быт многослойным, чтобы обеспечить ей эффективность и соответствующее воздействие на трансформацию институтов власти.

Но опыта последнего десятилетия оказалось вполне достаточно для признания того, что на современном этапе развития правового механизма согласования интересов федерального центра, региональных властей и бизнес- структур ответственность за происходящее в субъектах РФ, наряду с избранными Президентом и Госдумой, в полной мере несут и региональные элиты. Их консолидация как процесс сплочения и закрепления рационально-легитимных форм поведения и взаимодействия по поводу государственной власти на местах – один из нереализованных источников укоренения отечественной демократии.

В принципе, консолидация территориальных правящих групп может происходить на любом полюсе оси «авторитаризм – автократия – демократия», так как ее проявления довольно многообразны. Но между кем и как они бы ни возникали, это всегда сплочение различных групп интересов для усиления позиции действующей власти.

Консолидация региональной элиты – явление динамическое, отмеченное взаимодействием политических акторов и структурными особенностями общества. Она предполагает достижение внутренней согласованности группировок элиты, в результате чего претенденты на власть договариваются о признании единых правил политической игры. А поскольку институциональный строй постсоветских субъектов Федерации таков, что сильнейшие группировки неизбежно кристаллизируются вокруг выборных губернаторов, консолидация региональных режимов напрямую зависит от степени прочности их власти. Гу-

бернаторы, стало быть, живо заинтересованы в этом процессе независимо от того, на какой основе он идет – демократической или авторитарной[452].

В 90-е годы консолидация элитных групп в регионах «выражается отсечением неугодных ей элементов, изменением внутренней структуры и иерархии; а также нередко наличием некоторого формального пакта, закрепляющего существующие отношения и правила игры»[453]. В качестве примера заслуживают внимание факты собственно «бюрократической чистки» элиты с целью обеспечения ее лояльности губернатору в Приморье, Саратовской и Ульяновской областях, а также других республиках и регионах, где легитимность режимов зависела от этно-конфессионального или национального факторов. Основой «консенсуса» здесь служат ценности, далекие от демократии.

Показательный случай «картельного» пакта (основанного на явных и скрытых соглашениях о разделе ресурсов и сфер влияния между доминирующим актором и его главными конкурентами, позволяющих субъектам пакта контролировать политический рынок) продемонстрировала Нижегородская область при Б. Немцове. Тут как таковой «чистки» не было, и даже наблюдались общественно-политические процессы, которые создавали предпосылки для демократических сдвигов. Но и в режимах, подобных нижегородскому, правили скорее не демократические, а реформистские элиты, ориентированные на экономическую модернизацию и привлекательный имидж, открывающие им путь интеграции в международное сообщество.

На рубеже веков в обстановке ситуативной и клановой логики, которая определяла стиль принятия решений в период «позднего Ельцина», в сплочении региональных элит начинает сказываться разноголосица в ценностных ориентациях ключевых акторов. В составе трансформирующихся правящих коалиций, по крайней мере, центральных регионов, образуются *две основные группы и балансирующая между ними «прослойка», различающиеся стратегическими установками и намерениями.*

Сразу надо отметить, что прошедшие к 2001 г. многочисленные избирательные кампании на местах свидетельствовали о высокой степени автономии и контроля региональных элит: усилия полпредов и администрации Президента по смене или сохранению действующего губернатора достигали успеха только тогда, когда совпадали с консолидированным мнением влиятельных страт в региональной элите.

Так вот *первая* из таковых групп – это «государственники». По своей системе ценностей эта часть региональной элиты связана с прежним институциональным порядком. Она ориентируется на сильное централизованное государство и его доминирующую роль в регулировании экономики. В этой группе заметны патерналистские установки, в то время как ориентации на индивидуальную ответственность и конкуренцию выражены слабо. Принцип разделения властей не является столь обязательным, оптимальной формой государственного устройства видится скорее «унитарно-федеративное» государство, внешнеполитический мир разделен на друзей и врагов[454].

Вторая основная группа – сторонники либеральных ценностей, выбирающие рыночно-демократическую модель развития страны с учетом ее специфики. В силу заявленных деклараций для этой части региональной элиты характерны приоритеты рыночного регулирования экономикой (при необходимом вмешательстве государства), частной или смешанной собственности, ориентация на персональную ответственность и конкурентные отношения, социальную активность и участие в общенациональных проектах. В области политического устройства они приверженцы принципов федерализма, разделения властей, политического плюрализма и правового государства.

Третья подгруппа – представители утилитарного прагматизма, число которых трудно поддается подсчету в силу «мозаичности» и изменчивости их представлений относительно развития экономических и политических институтов, приоритетных форм активности, оценок собственного положения и деятельности федеральных властей. Они нейтральны и одновременно конъюнктурны, чем способны обеспечить перевес при выборе политической и экономической стратегии развития страны. Понятно, что это не большинство, которое ориентируется на демократические и рыночные институты. Но данная часть представителей правящих групп расшатывает и без того хрупкий, ценностный консенсус, при отсутствии которого достаточно слабой оказывается база для консолидации региональных элит.

Данные группы представляют собой скорее идеальные типы территориальных элит. Они недостаточно полно отражают реалии переходного периода, различные комбинации индивидов по ориентациям и поведению в том или ином сегменте власти, режиме в целом. Но как *тенденции* они вполне согласуются с мнением, что о демократическом режиме на региональном уровне можно говорить лишь с известной долей условности, так как в лучшем случае речь идет о начальном этапе формирования демократических институтов на постсоветском пространстве. Подавляющее большинство региональных режимов относится к авторитарному или формирующемуся авторитарному типам, которые, в свою очередь, можно подразделить на несколько видов, тяготеющих либо к демократии, либо к авторитарной и почти диктаторской власти[455].

Не удивительно, что при таком раскладе по ходу политических преобразований 2000 – 2003 гг. (непредсказуемых по своим результатам для отдельных режимов и поддерживающих его сил) в сплочении региональных элит (при частичном сохранении прежних) стали преобладать модификации автократических форм. «Консолидация автократии – это формирование законодательной базы и укрепление государственных институтов для предупреждения любых протестных акций и недопущения иных действий, направленных против режима. Этот процесс может протекать и в полудемократиях. В таком случае он

приобретает форму «анократии» – нечто подобное происходит сейчас в России»[456], – считает В. Рукавишников.

По-видимому, это отчасти и так, и не так, ибо для современной российской государственности автократия, в целом, преходящее явление, но отнюдь не непреодолимое, особенно в «закулисах» власти. Скорее мы имеем дело с формированием в Российской Федерации сильного центра власти, отодвинувшего на задний план все остальные. Региональные элиты, в свою очередь, пытаются интерпретировать «моноцентризм Путина» каждый на свой лад, преобразуя внутреннее политическое устройство под максимально выгодные для себя конструкции. В своем большинстве эти режимы не противоречат действующей «вертикали» власти, но и не расширяют демократическую базу в регионах.

«Ядрами сплочения» традиционно остаются губернаторы и полпреды. Они стремятся не ставить под угрозу консолидацию территориальных элит, осознавая, что без ее поддержки власть любого высшего должностного лица в регионе рискует оказаться призрачной даже при поддержке федерального центра. Другое дело, что питательной средой для превращения местных автократий в разновидность технократий могут служить сегодня не столько действия самих политических лидеров, сколько массовые настроения и желания. Они стимулируют намерения «управляющих», опирающихся в подготовке решений преимущественно на социальные и политические группы, в руках которых оказывается теперь мощный инструмент для манипуляции мнением – знания, информация, технологии, к сохранению статус-кво.

К слоям населения с технократическим образом мышления относятся многочисленные группы специалистов, профессионально ориентированных в новейшей технике и «оторванных» от многомиллионной массы простых пользователей, не искушенных в НТП. Эти слои населения максимально приобщены к интеллектуальным технологиям. По терминологии А. Тофлера, это «когнитариат», которому предписывается роль структурного детерминатора будущего.

К ним могут примыкать также действующие аппараты промышленности и управления, федеральные и региональные административные элиты, расширяющие ныне сферу своей компетенции во власти и пропагандирующие идею расширения индустриально-экономического комплекса. Углубление сферы компетенции административной элиты распространяется ныне и на финансовую и экономическую области, что связано с неразвитостью рыночной экономики и образованием в ней мощных корпораций, контролируемых государством. В связи с этим можно говорить об определенном сохранении патернализма и технократизма[457].

Важно иметь в виду, что влияние технократов не является продуктом субъективной воли. Их власть скорее функция, т.е. она формируется не субъектом как таковым (даже при наличии у него соответствующих устремлений), а занимаемым местом (статусом и ресурсами) в организационной структуре того

или иного института, государства и определяется общим эффектом функционирования в целом всей системы. «За спиной таких технократических групп... с функциональной властью могут находиться значительные силы в обществе, которые предпримут все усилия к тому, чтобы не допустить развития массовых движений и революционную перестройку (не обязательно насильственным путем) заменить новым вариантом управляемой социальной инженерии»[458].

Так, в свете недавних событий «институциональной революции» – первоначально по отношению к губернаторам, а затем и к главам местного самоуправления, которых теперь могут «снимать» региональные лидеры, что увеличивает возможности их административного давления на руководство муниципальных образований, – прослеживается линия на укрепление администрирования или все той же «управляемой демократии». Только особенности ее нынешних правил заключаются в том, что возможности применения политического и административного воздействия все больше сосредоточиваются в центре, а на места лишь «спускаются», что нагляднее всего прослеживается в административном предпринимательстве «верхов» и «запланированных» результатах выборов.

Если ранее, к примеру, создание межрегиональных ассоциаций («Большая Волга», «Сибирское соглашение» и пр.) проектировалось с целью налаживания прочных горизонтальных связей между территориями, то ныне подобные конструкции часто формируются под конкретных людей и играют роль престижного «трудоустройства» для бывших региональных руководителей или дополнительного фактора высокостатусной позиции действующего лидера. Один из последних фактов – Ассоциация производителей зерна, созданная персонально под Д. Аяцкого. По ходу административной реформы – вывод функций и формирование различных региональных ассоциаций вполне прогнозируемое явление.

Своеобразной иллюстрацией, подтверждающей усиление административного вектора сплочения в региональных элитах, стала победа на президентских выборах в Карачаево-Черкессии 7 сентября 2003 г. М. Батдыева – «местного Чубайса» (47% голосов). По замечанию наблюдателей, генерала сменил экономист. Это, очевидно, объясняется и насущными потребностями республики: в вопросе урегулирования межнациональных отношений и в комплексе задач социально-экономического плана. «В наследство достались и самый высокий уровень безработицы в России, и коррумпированный аппарат, и преступность, которой "позавидуют" любые регионы страны. Но я абсолютно убежден, – говорит М. Батдыев, – мы вытащим ситуацию»[459]. Или, вернее, поставим ее под *надлежащий контроль*. В принципе то же самое обещали в трех субъектах РФ – Новгородской, Омской и Свердловской областях губернаторы-старожилы (М. Прусак, Л. Полежаев, Э. Россель), «легитимизировавшие» осенью 2003 г.

свой статус-кво. В том же направлении действовал и трагически погибший президент Чечни А. Кадыров. И т.д.

На этом фоне (примеры можно продолжать) в реформируемом российском социуме образ демократической элиты территорий и соответствующей ей консолидации заметно потускнел. Вступление региональных неомифологий в стадию кризиса и последующего распада совпал по времени с началом формирования нового федерального мифа. Массовому сознанию предложен образ культурного героя, но уже общегосударственного масштаба, обозначены новые границы между порядком и хаосом, добром и злом, «своими» и «чужими», активно строится гибридная реальность[460].

Но не следует идеологизировать в ней как наиболее ярко проявляющих себя фигур, так и тех, как региональные элиты, несущих на себе «печать» прежних ключевых игроков. Реализм в изучении субъектов постсоветской политики означает не только отказ от нормативного подхода, но и принятие существующих акторов такими, какие они есть. В связи с этим следует отметить.

Первое. Субнациональные политические элиты и сегодня развиваются довольно противоречиво: в них можно обнаружить характеристики разных типов политических культур и форм консолидации – авторитарного и демократического свойства. При незрелости гражданского общества их транзит несет в себе черты подспудной структурированности и латентности. Но их последствия доступны наблюдению в разновидностях ориентаций, поведения и взаимоотношений.

Второе. Приток новых людей в региональную (муниципальную) власть фактически прекратился. Но усилилась *идентификация* «оседлых» в ней групп через их отношение к новым потребностям государственного и общественного переустройства. Политический статус современной субнациональной власти ограничен собственно региональным («срединным») положением. Множество групповых интересов, которые в совокупности и составляют субнациональную элиту, «подверглись» иерархической упорядоченности, «переформатированию». Прежде всего, это затронуло ранее независимые политические ресурсы и формы представительства.

Третье. Сознание и деятельность региональных элит обусловлены ныне не только их «срединным» уровнем власти и «втискиванием» их в «прокрустово ложе» переинституционализации, но и прессом влияния на них социально-экономических процессов, требующих исполнения различных обязательств. Однако территориальные элиты способны их выполнить ровно настолько, насколько государство, новая политическая система защищает их интересы. Если же воздействие внешней среды непродуктивно или рассогласовано, то ведущая и стабилизирующая роль региональных элит в субъектах РФ испытывает серьезные осложнения. (А их функции «перехватываются» федеральными структурами на местах.)

Четвертое. Субнациональные элиты не представляют собой монолитного социального образования, которому можно было бы приписать единые образцы ментальности, мировосприятия. Другое дело их поведение как представителей определенных властных структур, призванных выражать и защищать общественные интересы территорий. Здесь создание принципиальных стандартов (включая этические) представляется необходимым. Но они не вводятся декретом, слагаются как привычка и требуют постоянного внимания, культуры доверия и усовершенствования, с учетом цивилизационных и этнокультурных особенностей развития страны, региона, города. (Граждане стран с традициями либеральной демократии могли убедиться в этом на собственном опыте).

Пятое. Некритическое использование (не только региональными элитами) западных критериев консолидации к современному российскому обществу, тем более власти – само по себе проблематично. В связи с этим, разумнее прислушиваться лишь к апробированным советам из-за рубежа. «Гражданам посткоммунистических государств следует признать, что конфликты – нормальное, а иногда и полезное явление. Политические конфликты могут быть отвратительными, но их подавление еще губительнее. И рыночную конкуренцию, и конфликты в политической сфере следует ограничивать рамками, которые установлены законом, признающим главным правилом переговоры и компромиссы. В этом контексте надо особо подчеркнуть необходимость высоких стандартов управления общественными делами»[461].

Шестое. «Институционализация нового "правящего класса" (на местах) обеспечивается через обустраивание площадок проектирования Будущего – мест, где формируются и презентуются образцы будущего, которые, появившись однажды, закрепляются через социально одобряемые техники поведения (престижные практики жизни)»[462] и взаимодействия элитных групп (вертикальные и горизонтальные).

Что касается перспектив, то нет сомнения в приоритете характеристик, свойственных современным постиндустриальным демократиям и соответствующих им «плюралистичной», «соревновательно-коалиционной» и «консенсусно-единой» элитных структур. Ныне же тип взаимодействия правящих в субъектах РФ групп будет преимущественно носить тот конкурентный характер, что отличает действующий национальный политический режим. А именно: «выдавливание» конфликта на периферию систем взаимоотношений и «принуждение» к согласию в соучастии модернизации России.

Для уяснения динамики последних лет и перспектив демократической консолидации региональных элит наибольший интерес представляет их *качество как социального актора* – участника модернизационного «реванша» страны, территорий. Если в методологическом плане субнациональные элиты субъект «становящийся», в сугубо политическом – «строящийся», то в воздействии на трансформационные процессы региональные элиты выступают менее орга-

низованной и менее рационально действующей структурой. Сказывается как ранняя тенденция ускоренного изменения иерархии внутриэлитных групп, так и современное давление на них «сверху» и «снизу».

Во-первых, между формирующимся национальным режимом и региональными элитами, унаследованными от прежнего порядка, с самого начала возник разрыв. Эта ситуация стимулирует курс на модернизацию территориальной элиты по нескольким причинам. Нынешнее политическое руководство свободно от каких-либо обязательств в отношении старых элит. Ему только на «руку», что в обществе сложился запрос на обновление правящих на местах групп.

Сюда же следует отнести особый стиль рекрутирования и обновления элит, специфизирующий политический режим В. Путина. Это не только «кадровые революции» в верхах и правовой прессинг в среднем звене, но и постоянно контролируемое «пропитывание» всего истеблишмента проверенными в «деле» людьми (бизнесменами, управленцами), способными воплощать преобразовательные потенции в жизнь (Д. Козак, А. Кудрин, А. Миллер, А. Хлопонин и др.)[463].

Во-вторых, на собственно региональном уровне: чем дальше вглубь – от окружных и республиканских столиц к районным центрам, тем «никчемней» групповая структура, слабее, если полностью не отсутствуют институциональные, экономические, социокультурные и прочие рычаги модернизации.

В результате столкновения традиционных и современных реальностей возникает обманчивое структурное подобие социетальных систем, складывается трансформированная форма эволюции территориальных элит. Оставаясь по содержанию преимущественно авторитарными, большинство из них осознает необходимость как собственной, так и национальной модернизации. Но в действительности это выражается в авторитарной адаптации моделей преобразований к социокультурному контексту нынешних субъектов РФ. Корпоративный интерес региональных элит по легитимации своего доминирующего положения лишь стимулирует развитие их адаптационного ресурса.

С другой стороны, следует отметить, что демократический аспект модернизации является наиболее адекватной формой современного этапа исторической эволюции. Сильное демократическое государство или иначе эффективное государство, как и демократическая консолидация элит – наиболее результативные способы адаптации к социокультурной динамике современного общества. В связи с этим проблематика *элитной самоидентификации* вновь выходит на передний план теоретической рефлексии.

Материалы глубинных интервью с государственными служащими подтверждают вывод, что основными условиями полноценного политического участия региональных элит являются их способности к пониманию собственных возможностей и положения в меняющемся государстве и обществе, стремления

поддерживать или изменять свой статус, активные формы адаптации и политического участия.

Однако в исследовательской практике, чем «статуснее» респондент, тем более тщательно он оберегает идентификационный аспект от постороннего взгляда, переводя разговор в плоскость «равноудаленности» или нейтралитета, мотивированных невозможностью заниматься только политикой на занимаемой должности. По мнению ученых, это обеспечивает свободу маневра в условиях зависимости, с одной стороны, от поддержки центра, а с другой – от поразному консолидированных на местах элит и населения региона, которое надо объединять вокруг власти, а не раскалывать политическими заявлениями[464].

Испытанным приемом выживания правящих в субъектах РФ групп выступает их участие в электоральном процессе. Его нынешнее понимание связано с рассмотрением феноменов «политических машин», административной мобилизацией и внутриэлитной консолидацией на местах. Как пишет А. Кузьмин: «Не утеряй» ряд губернаторов «доминирующее положение в регионе, ждал бы их такой же триумф, как Сумина или Тулеева; а афронты центра вроде избрания Дарькина в Приморье или переизбрания Яковлева в Питере (с последующим переводом в Правительство, а затем в полпреды) – лишь крайнее выражение той же тенденции»[465].

При дальнейшем изучении электоральной политики в регионах, наряду с вышеотмеченными аспектами, возрастает роль политического участия лидеров, всегда представленных в региональной элите. Она указывает на активные формы деятельности, а в идентификационном плане связана с уровнем освоения человеком групповых ценностей, норм, притязаний, являющихся опорой инструментального участия лидера и одновременно показателем внутренней сплоченности элиты.

Овладение нормами и ценностями группы при этом способно выступать как самостоятельным источником активности лидера, так и мотивацией к воспроизведению аналогичной им элитной структуры. «Учитывая то, что присутствие в элите руководителей отдельных регионов является для России традиционным, можно сделать следующий вывод: и в радикально изменяющихся условиях общественная система стремится воспроизвести типичную для нее, хотя бы в основных чертах, модель политической элиты»[466].

Понятно, что элитарное сознание полностью разделяет стратификационный принцип социальной организации. Но разные группы (не говоря уже о персоналиях) внутри региональной власти существенно различаются в зависимости от того, по каким признакам они относят себя к элите. У одних во главу угла поставлены объективные, статусные критерии, например, властное положение, институциональные прерогативы, материальные блага, у других – ценностно-деятельностные, такие, как возможности самоутверждения и самореализации, решение тех же модернизационных задач. В силу этого, элита, как катего-

рия «Мы», – нередко всего лишь институциональная ниша, содержательное наполнение которой неодинаково для состовляющих ее членов.

При этом позиционная стратификация для разных элитных групп в зависимости от структурных особенностей имеет различное мотивационное значение по агрегированию и продвижению корпоративных интересов. Нынешнее участие губернаторов в электоральном процессе отличается тем, что действия конкретной личности носят не одиночный, а клановый характер и обусловливаются не столько результатом свободного, сколько мобилизованного выбора, осуществляемого по принуждению (пусть и косвенному).

Вечные его спутники – ближайшее окружение, снабжающее главу исполнительной власти информацией и мнением поддерживающих его структур. Не случайно местные «партии власти» в большинстве своем формировалось накануне выборов в целях проведения предвыборной кампании лидера. Их влияние не выходило за пределы конкретной территории, поскольку они создавались правящей коалицией для обеспечения победы действующего губернатора, гарантирующего ей в случае успеха сохранить обладание механизмами власти. С учетом присутствия на разных уровнях окружения прежде номенклатурных кадров и молодых аппаратных циников с общей для них ориентацией на статус-кво мы получаем, условно, «старую» элиту.

Другой источник – профессиональные участники политических процессов: партийные лидеры, депутатский корпус, чья политическая практика функционирования во многом определяется действующим законодательством, «партнерствующие» с ними субъекты хозяйствования и экономических преобразований. Это преимущественно люди, состоявшиеся как «капиталисты»[467] – крупные собственники, ведущие предприниматели, менеджеры – «самозанятые» политикой в силу своих представлений о том, как ее нужно осуществлять в специфической рыночной ситуации нашей страны. В совокупности этот круг лиц, занимающих значимое место в региональной политической жизни и образующих по степени и характеру влияния движитель реформ начавшегося тысячелетия, состовляет «новую» элиту территорий.

Спектр интересов входящих в нее групп чрезвычайно широк. Их можно разделить на *текущие*, направленные на трансляцию переходной реальности и *перспективные*, выражающие моменты будущего. Именно по отношению к нему принципиально деление элитных групп, различающихся ценностными ориентациями. Поскольку это означает, что в их сознании складываются две основные модели управления регионами. Одна из них базируется преимущественно на *либеральных экономических и политических ориентациях, другая – на государственнических.*

При всей условности подобного разделения, ставшего следствием постсоветского транзита, противостояние либералов и консерваторов в России может быть выражено именно в таких категориях. Коммунизм оставил нам резкое

противоборство между консерватизмом и либерализмом и их фактическую невозможность сведения к единому знаменателю. Но такое положение вещей нельзя не признать объективным[468].

Все последние десять лет правящие региональные элиты, путаясь в терминах, призывали возрождать Россию, не имея ясных представлений о том, как это сделать, что выступает частным проявлением общего синдрома тупиковой ментальности, поразившей российское общество на переходном этапе. Отсюда, отмечает А. Магомедов, склонность провинциальных властителей к утопическому мышлению и упование на привлекательные (в том числе «местечковые») лозунги как средство мобилизации масс и по сути «бегства элит в будущее»[469].

Но разноголосица в умах – раскол в рядах и координации усилий. И выкристаллизуется третья модель регионального управления, «имеющая промежуточный и не очень устойчивый характер, поскольку вбирает в себя характеристики и первой, и второй»[470]. Подтверждение тому – наличие местных полудемократий. Однако именно этот калейдоскопичный набор представлений, взятый на вооружение фрагмантированным территориальным истеблишментом, становится, на наш взгляд, главным условием создания правящими на местах группами особых систем управления общественной ситуацией. Основным признаком, по которому можно определить качество региональной элиты, «может считаться ее стремление к доминированию не только в политическом, но и в *финансово-экономическом и информационном пространстве*, т.е. превращение элитных кланов из бюрократических образований в олигархические»[471].

Специалисты, разбирающие проблему эволюции таких правящих групп и тщательно формируемого ими коммуникативного политического пространства, отмечают, что содержание их трансформации будет зависеть от *характера противостояния двух основных типов политической организации власти, складывающихся на наших глазах.* Сегодня можно видеть, что политические усилия по созданию некой модели демократии, гражданского общества и соответствующих им *горизонтальных* связей сочетаются со строительством *вертикальных* отношений скорее не информационного, а *массового общества.* Так или иначе, проникающего в нашу жизнь под влиянием новых технологических инструментов информационного общения, а также в связи с сейчас уже очевидной недостаточностью демократических механизмов для выражения разносторонних интересов общества.

Поэтому попытки активизировать политическое участие людей и другие принципы демократии на идейно-ценностной основе постоянно оспариваются сознательным производством имиджей, направленных на усиление контроля верхов за массовым поведением в части поддержки того или иного проекта. А подобная ориентация предполагает уже не столько поиск наиболее эффективных информационных технологий обеспечения связи власти с населением; *не укрепление национальной государственности, а усиление позиций государст-*

ва как одного из субъектов информационного рынка в борьбе с внешними и внутренними контрагентами; не конструирование идеологий, а совершенствование технологий для поддержания диалогических связей политических акторов и т.д.[472]

Закон при этом не нарушается, соблюдается символика и процедуры демократического общества. Отсюда специфика применения PR-технологий не только в избирательных кампаниях, но и в повседневной реальности территорий – камуфляж. Нередко за видимостью стабильности обнаруживается дефицит легитимности региональной власти при одновременно более значительной легитимности базовых демократических ценностей в элитных кругах. За рекламой преобразований – шаткое равновесие авторитарных территориальных систем с гипертрофией исполнительных органов. Ныне их аппарат в 3 раза превышает численность депутатского корпуса, разрушить перевес которого способна действительно глубокая реформация.

Поэтому правящая региональная элита все больше внимания уделяет развитию имиджа своих территорий. Задача таких акций: привлечь инвесторов, сделать субъект Федерации известным в России и за рубежом, соединить имидж региона и образ его лидера в единое целое. Так, Р. Туровский приводит несколько распространенных технологий создания имиджа территорий: «возрожденческую» с акцентом отражения исторических образов и ассоциаций, «самовозвеличивающую», посредством которой региональные элиты провозглашают свои столичные амбиции, «подражательную», использующую аналогии с известными зарубежными центрами[473].

Их позитивный эффект (как в случае с программой «Нижний Новгород – столица Поволжья») складывается тогда, когда политические амбиции правящих на местах групп имеют социально-исторические корни и находят отклик у населения, участвующего в обсуждении тех или иных программ развития[474]. Главные потери от применения региональными элитами «камуфлирующих» технологий в сфере публичных общественных отношений в том, что они, прежде всего, «разъедают» сами принципы, на которых зиждется политическая коммуникация в демократическом социуме: наличие гражданской инициативы, равных экономических и политических свобод участников, принцип выбора, принцип гражданского консенсуса, в соответствии с которым для использования средств PR необходимо обоюдное согласие.

По существу, пренебрежительное отношение к ним, практика господства «двойных стандартов» – также одна из причин, что не привела к консолидации «новых» элитных групп на основе демократических институтов. В большинстве своем они оставались участниками неформальных договоренностей с властью, либо стояли перед опасностью «размывания» своей автономии в общем потоке опозиционных сил. В итоге возобладал компромисс, который по мере укрепле-

ния федерального центра, привел «новые» элитные группы к сплочению вокруг приоритетов национального режима.

Но если на федеральном уровне консолидация «новых» элитных групп сопровождалась «статусным» переворотом в истеблишменте, так как за ними стояла фигура Президента, то в регионах, «новые» элитные группы составляют пока меньшую часть реально правящего слоя. Их композиция складывается и поныне в процессе затяжного институционального «перехода» – противоречивой и вялотекущей смены статусов основных субъектов политической деятельности и хозяйствования, контролируемой теперь еще и федеральными чиновниками. Как следствие – снижение общеполезной активности территориальных элитных групп и новые проблемы на пути укрепления демократического потенциала региональной власти.

Однако, несмотря на особенности и различия между правящими на местах группами в ценностно-деятельностном отношении, их позициям как *новых элит* присуще и определенное сходство. На наш взгляд, оно обнаруживается в следующих проявлениях: а) положительном восприятии социетальных перемен; б) укреплении мотиваций на модернизационный процесс; в) усилении самоидентификации; г) стремлении к организации взаимодействия; д) отстаивании региональных интересов в границах национальной трансформации.

Позитивное восприятие социетальных перемен означает поддержку перехода к более свободному информационному обществу и современной версии национального государства, предусматривающих наличие в приемлемых масштабах политического плюрализма и конкуренции, открытый приток сюда свежих идей, в которых нуждаются не только социальные и экономические отношения, но и политические организации, участвующие в выборах, и властные структуры регионального (муниципального) уровня, формирующие содержание и параметры «собственных» интересов.

Запущенный в работу национальным режимом правовой механизм согласования интересов федерального центра, субъектов РФ и бизнес-структур настоятельно требует профессиональных навыков представления и отстаивания общественных интересов территорий и городов. Бесперебойное функционирование такого механизма является основой развития эффективного государства, ответственного диалога главных субъектов политического и экономического процессов в центре и на местах.

Судьба отдельных российских регионов (преимущественно республик) до сих пор характеризуется действием в реальной политической жизни вуалируемых потребностей и не отрефлексированных общей пользой интересов элит. Достоянием гласности периодически становятся факты жесткой внутриэлитной борьбы. В свою очередь, в идентификации новых, но далеко не везде правящих групп (преимущественно центральных и северо-западных областей страны) намечаются две важные тенденции.

Первая – прагматически инструментальная, соответствующая современным потребностям агентов рынка во взаимном доверии, формирующем цивилизованную конкурентную среду. Вторая – творчески-инновационная, выражающаяся в том, что самореализация личности, развертывание ее творческих способностей, знания и культурного потенциала в профессиональной деятельности определяют личностный смысл, который человек придает своей работе[475].

Обе тенденции исходно «заряжены» не только на региональную рыночную трансформацию, но и модернизационный процесс в целом. Первая – формирует потенциальный круг «человека экономического», особенно среди сравнительного молодого поколения профессиональных управленцев, готовых к укреплению легитимной базы общественно-политической системы региона и осуществлению социальных практик, соответствующих принципам цивилизованного мира (ответственность как ядро репутации, максимальная мобилизация «себя» и «других», меритократия, профессионализм).

Вторая тенденция, опирающаяся на такую социокультурную черту российского социума как самоотверженность, ведет к формированию особого «творчески-инновационного» элитарного слоя – агентов регулирования, способных сыграть активную роль в развитии территорий.

При этом аксиоматично, что элиты как таковые обладают потенциальной силой для социального лидерства. Но их лидерство едва ли покажется легитимным и подотчетным там, где результатом их политики «является не только пауперизация (обнищание) основной массы населения… но и снижение индекса человеческого развития и численности населения страны в целом»[476]. Поэтому управление элит может быть только зависимым от граждан, чтобы быть эффективным. И только демократичным по характеру распределения и качеству благ, чтобы быть принятым. Тогда этому правлению будут доверять, что в полной мере относится и к руководству России, и субъектам РФ.

Ареал отмеченных тенденций весьма ограничен. В большинстве регионов рациональные, т.е. относящиеся к современному этапу консолидации и государственного строительства, институциональные и идейно-политические установки представителей территориальных элит еще окончательно не сложились. В первом случае речь идет о том, что элита еще «не стала институтом в плане смыслообразующей деятельности, конструирующей «общее значение» и социальную идентичность включенных в нее индивидов» (А. Даугавет). Во втором – о фрагментированном типе ориентаций.

Так, бывший муфтий и Президент Чечни А.Х. Кадыров, безусловно, имел собственное понимание того, что такое президентские выборы во «фронтовой» республике. «Это некий набор тезисов, который в разной последовательности кандидат излагает вслух: в Чечне на сегодняшний день нет ни одного человека, достойного возглавить республику; только он, Ахмат-Хаджи,

знает, как закончить войну и как руководить; все остальные, претендующие на власть, – предатели»[477].

Основная часть региональных лидеров менее категорична и демонстративна. Во-первых, в силу распада былого альянса между ними как востребованными посредниками-лоббистами и Кремлем как распорядителем ресурсов. Во-вторых, из-за определенной смены состава элит при В. Путине. Их политические ориентации локализуются в основном в право-центристском пространстве.

Но и в его пределах в силу преобладания неформальных практик внутриэлитных взаимодействий не отличаются разнообразием: установка на фигуру доминирующего актора, приоритет связей с корпоративными, а не общественными интересами, невозможность выбора иной политической организации, кроме как «партии власти» или ее «дочерних» структур. (Вроде партии Возрождения России Г. Селезнева, Российской партии жизни С. Миронова на национальном уровне, смысл которых – обеспечить мягкий переход к партиям «руководящего» типа).

Однако подобная ограниченность не мешает прагматическим устремлениям и «старых», и «новых» региональных элит к защите собственных интересов, к организации взаимодействия в «духе времени». С той лишь разницей, что, приходя к власти, «новые» элиты оттесняют с влиятельных позиций представителей прежней власти, способных создавать помехи их лидерству. Понятно, что при таком раскладе режим и формирующие его элитные установки не меняют своей сути, но приобретают большее соответствие политическому порядку, устанавливаему центральной властью.

Это еще не означает единения элит, но придает их изменениям общую перспективу развития. Пока что ее вектор у «старых» и «новых» элит различен. Тут показательны два аспекта: отношения внутри правящих на местах групп и между ними, которые обычно характеризуются как нейтральные, партнерские и конфликтные.

Изнутри современные элитные структуры субъектов РФ выглядят преимущественно авторитарно-консолидированным целым с разными степенями смещения доминирующих позиций (лидера или ведущей команды). Для «старых» элит это прежде всего выбор определяющего типа авторитаризма: от автократического до бюрократического, в терминологии А. Медушевского, например, от неопатримониалистического, неокорпоративистского до авторитарно-бюрократического[478]. В этих условиях нужны «каркасные» усилия федерального центра, чтобы принудить неконкурентные режимы и «разъединенные» в них элитные структуры трансформироваться в направлении правового государства.

Для «новых» элит, стремящихся к статусному или иному реваншу, этот процесс не менее важен, но уже в рамках транзита из фрагментированного пространства в единое конституционное поле, где посредством институциональ-

ных перемен закладываются сначала основы режима ограниченной демократии с авторитарными чертами исполнительной власти, а по мере роста экономики и благосостояния граждан – структуры плюралистической и «соревновательно-коалиционной» демократии (элиты). При этом противоречия политической борьбы на «региональном олимпе» по мере устранения «старых» противников не ослабевают, а эволюционируют в «напряжение» между группами «победителей».

Ныне внутри новых правящих на местах элит преобладают конструкции авторитарно-демократического типа. Они «спрягаются» с либеральной разновидностью современной версии корпоративизма и модифицированным феноменом клиентелизма, когда на региональном уровне складывается система неформальных связей между лидером и структурами поддержки. Но по «жизни» региональные правящие группы более сориентированы на реальную практику «согласования интересов», проводимую федеральным центром (Президентом). В силу чего устойчивость территориальных элитных структур зависит не только от расстановки сил на местах, но и от конкретных успехов *курса* модернизации страны.

В частности, именно по отношению к нему взаимодействия, скажем, «старых» республиканских элит, противопоставляющих региональную легитимность федеральной законности, могут характеризоваться как конфликтные, в лучшем случае – нейтральные. В свою очередь, взаимоотношения новых элит, работающих в рамках Конституции на углубление социетальных трансформаций, в праве оцениваться как партнерские.

Хотя способность региональных правящих групп быть проводником модернизации в целом пока остается под сомнением и, в основном из-за «качества» территориальных элит, слабо гарантирующих политику улучшения жизни всех слоев населения. В ближайшее четырехлетие поэтому часть региональных элит не сможет сохранить свои позиции, не ставя во главу угла своей деятельности приоритетность социальной сферы – сокращения масштабов социального расслоения и бедности и не используя при этом демократические процедуры.

В принципе преобразовательный потенциал новых элит может возрасти даже в границах региональной трансформации, если по своему месту и функции в системе общественных отношений они в наибольшей степени станут идентичными конституционному формату меняющейся политической системы страны. Второй источник – внутренние ресурсы: а) социетальный масштаб управления территориальным социумом вплоть до перехода к лидирующим позициям в социальных движениях; б) качественная модернизация правящих на местах групп и традиционалистских сегментов власти (административной элиты) областного, городского, районного уровней и т.д.

Бесспорно, что движение региональных сообществ к более свободным будет тем глубже и необратимей, чем более массовыми и устойчивыми станут

общественные движения, партийные и другие гражданские структуры, сильнее – местное самоуправление. Защищая права рядовых социальных групп, они способны действовать вопреки властям и могут на них воздействовать даже в тех случаях, когда это противоречит интересам правящих коалиций.

В трансформации социальных практик субъектов РФ (а через их посредничество и общества) участвуют акторы всех уровней, в том числе и государство. Наращивая темпы административной реформы и выполняя свои обязательства перед социальной сферой, *оно вправе в рамках законов предопределять более совершенные критерии политической лояльности граждан и предназначения региональных элит*. Они тот же социальный субъект, группа, члены которой решающим образом влияют на характерные для данной общественно-политической системы процессы развития, в силу чего и занимают преимущественное положение по сравнению с другими членами сообщества. Этот эффект лишь усиливается по мере того, как правящие на местах группы становятся полноценными участниками транзита.

Развитие событий по такому сценарию, а деятельность Президента пока не ставит его под сомнение, способно «открыть шлюзы», пусть и специфической, но демократизации страны, где сама демократия как тип государственного устройства есть форма контроля над элитами, необходимая для успешной попытки разрешения вопроса о модернизации России.

Сегодня еще не существует однозначно готовой модели как политической модернизации региональных режимов, так и демократической трансформации территориальных элит. Это обусловлено тем, что режимы и правящие в них группы даже в укрепившемся пространстве РФ резко различаются. Как явствует из исследования, постсоветский транзит региональных элит на всех этапах к «пункту следования» никогда не был (да и не мог быть) «классическим», прежде всего, из-за цивилизационного своеобычия страны и неорганичности политического процесса в ней. Он и сейчас во многом зависит от того, насколько целенаправленно будет осуществляться социально-политический комплекс реформ, что, так или иначе, выходит на проблему строительства эффективного государства, по ходу решения которой и российская демократия приобретет более стабильный характер.

На современном этапе отечественной трансформации «проблематика "демократического транзита" (элит – *М.К.*) все больше сливается с модернизационной»[479]. Причем вопрос их готовности к этому и в центре, и на местах, т.е. способности укреплять собственную легитимность и постоянно совершенствовать условия общественного существования, это не только понимание существующих ассиметрий между персонально-культурными и социально-структурными, политическими и институциональными предпосылками в деятельности тех или иных акторов.

Эффект, именуемый *демократической транзитивностью элит*, нарастает по ходу эволюции и становления их типа как группы, их способности стратегически мыслить и системно действовать, умениями играть решающую роль в распространении и институционализации провозглашенных в ходе реформ прав и свобод. Необходимо следовать и совершенствовать «правила игры» по ходу смены этапов модернизации, которая «тем и отличается от предыдущих, что происходит в контексте общемирового сдвига, связанного с переходом от индустриального общества к постиндустриальному»[480].

Настоящую готовность территориальных правящих групп к демократическому транзиту при всей ее неравномерности одинаково трудно как измерить, так и оценить. Основные сложности в связи с этим возникают не в плоскости теоретической рефлексии, так как понятно, что концентуализация элит в регионах России происходит в рамках промежуточных форм политического развития при объективном выявлении особого характера отечественной трансформации. Главные трудности – на уровне институционального строительства, в результате которого страна имеет трансформированную («превращенную») форму транзита региональных элит.

Однако тот факт, что именно наличная система федеральной власти явилась генератором структурных изменений региональных элит, бизнес-сообществ и правительственных органов (парламента и правительства, не считая администрацию Президента), а территориальная – условием определенных хозяйственных подвижек, нельзя игнорировать. Поэтому, на наш взгляд, если бы означенной готовности не было, Российская Федерация и ее субъекты не имели бы сегодняшних, пусть и скромных, но успехов в социальной и политической стабилизации, экономическом росте, повсеместном функционировании институтов выборов и президентской системы, в значительной степени укрепляющих и развивающих национальное государство. Но не государство – самоцель территориальных элит, а их собственный политический потенциал. Он раскроется лишь в том случае, если региональная элита окажется способной к реконструкции всех территориальных факторов в системное единство. Это ее «сверхзадача», в которой сплочение рядов – залог успеха.

Вот тут и потребуется сила государства. Она нужна для того, чтобы его институты более эффективно работали в целях углубления модернизации, укоренения демократии на местах, в целях развития существующего гражданского общества, среднего класса, так необходимого для создания действительной многопартийности и системы парламентского представительства. Их нынешнее неопределенное состояние – в конечном счете сказывается и на социальной интеграции, и консолидации правящих групп. Сегодня она обеспечивается центральными позициями ведущих кланов, ресурсной оснащенностью их лидеров и политической лояльностью Президенту.

Переход к демократической консолидации элит, ломающий «старорежимный» способ ее обеспечения, заключается на ближайшую перспективу в завершении создания законодательства, которое устраняет причины клановой раздробленности или монополизацию средств в руках избранных, повсеместном утверждении идеологии Конституции как приоритетной по отношению к иным идейно-политическим программам.

Данный приоритет никоим образом не ущемляет интересы, цели и отношения к происходящему той или иной социальной общности и видится всего лишь как правовой регулятор перманентных обострений политической борьбы в верхах. Одновременно это и стимулятор более активной целеполагающей деятельности региональных элит по реорганизации краев, областей и республик. В процессе совершенствования российского федерализма неизбежной становится реформа самой территориальной структуры РФ. Все большую активность поэтому приобретают идеи укрупнения субъектов Федерации.

Иначе говоря, демократическая консолидация элит и эффективное государство важны для того, чтобы окончательно придать российским реформам необратимый характер, в которых определяющая роль в выборе перспектив и динамики социального движения по-прежнему принадлежит власти. В этом смысле постсоветский транзит региональных элит – процесс столь же неоднозначный, сколько и необходимый для смены типа и механизма бюрократического властвования на местах. Главное, чтобы результатом реорганизации той политической структуры, которая у нас стала складываться более десяти лет назад, явилось конституирование социально-политических институтов и инструментов нового демократического качества.

Их участие в современном политическом процессе России позволит в перспективе исключить такой вариант трансформации региональной элиты как возврат к ситуации начала 90-х годов или иному побочному алгоритму развития. Но обеспечит переход к стабильным, компетентным территориальным правящим группам, твердо ориентированным на ценности демократии и способным на протяжении веков осуществлять обоснованно эффективную политику, национальное единство и бесконфликтную преемственность власти применительно к своему уровню и конкретно-историческим условиям.

Однако, так как гарантом движения к такой практике является фигура Президента страны, а в округах – полпреда, то серьезным испытанием, чреватым как делегитимацией и фрагментацией политических элит, так и внесением адекватных изменений в национальные интересы, может стать 2008 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Научные исследования региональных политических элит, развернувшиеся в России с начала 90-х годов XX века, основная парадигма институционализирующейся политической регионалистики. Она – один из интереснейших, но главное продуктивных способов осмысления политических и сопряженных с ними социетальных процессов в качественно неоднородных субъектах РФ, источник их сравнительного анализа и поиска эффективных моделей государственного строительства.

Исходным достижением отечественной региональной «элитологии» стала позитивно-критическая переработка зарубежных идеологических доктрин и исследовательских практик, где образ демократических элит выступал символом будущего, а их формирование – необходимым компонентом модернизации. В этой связи следует признать: концепт «демократического транзита» (в том числе и в отношении элит) исполнил свою методологическую функцию в нашей стране вполне рациональным образом. Организовав спектр теоретических исследований, он по мере расхождения классических идеологем с реальными изменениями в России трансформировался в метод познания национальных специфик осуществляемых преобразований.

Важен и другой вывод: выход на передний план задач модернизации не снижает, а «переориентирует» актуальность проблемы «демократического транзита». Чтобы состояться и быть успешной в масштабах Российской Федерации для отечественной модернизации крайне существенно преобладание демократических практик регионального перехода над авторитарными. Последствия иного перевеса истории страны известны. Отсюда общая рекомендация не может быть другой как *усиление внимания всех заинтересованных сторон к реалиях политического взаимодействия структурных особенностей общества и сознательных усилий правящих элит.*

Можно согласиться с мнением «питерских» исследователей, что именно изучение элит регионального уровня представляет собой такое предметное поле, где методология отечественных изысканий начинает приобретать вполне законченную форму. А анализ функционирования элитных групп становится той фундаментальной темой, которая во многом определяет проблематику прочих региональных исследований[481]. Тем самым элитное пространство выступает своеобразным контекстом изучения всех явлений и процессов, разворачивающихся не только в субъектах РФ, но и в границах государства.

Региональное измерение российского политического бытия позволяет получить углубленное представление о перспективах и проблемах формирования национального государства и гражданского общества в стране, выявить основные препятствия на этом пути, выстроить модели возможных переходов

и, в конечном счете, дать прогностические рекомендации. Региональный политический процесс в этом случае представляет собой *по содержанию совокупности взаимодействий субъектов актуальную интеракцию, главное предназначение которой – изменения политической системы в соответствии с критерием единства ее элементов (сил) и достижения целостности российской цивилизации.*

Рассматривая социокультурную среду как величину, отражающую историчность исследуемого явления, автор считает возможным определить через нее творческие и иные особенности осуществления элитами, лидерами своих функций[482]. Вместе с тем правящие на местах группы – это относительно автономный и специфический субъект саморазвития. Преимущественно в этом их качестве политическая регионалистика и занимается изучением элит, выделяя существенные изменения их конституирования по разным направлениям (формирования и воспроизводства) в орбите тех или иных теоретических подходов. Учитывая их разнообразие (позиционный, репутационный, десизиональный, а также генетический, структурный, синтетический подходы и т.д.) в интерпретации природы и организации территориальных элит, автор выражает собственную позицию по этому вопросу.

Современный подход к исследованию региональных элит обусловлен целями постиндустриального развития страны. Он соединяет изучение процессов российской трансформации с анализом роли элит как социального актора в «своей области» (В. Парето) или «сфере ответственности» (А. Кузьмин). Критический разбор различных толкований и научного опыта феномена – необходимый элемент современного понимания региональных элит. И, прежде всего, как *группы лиц, занимающих доминирующие позиции в субнациональной политической системе, подготовленных к продуцированию политических ценностей и социальных целей, обладающих в силу этого достаточным профессионализмом и влиянием, позволяющим контролировать процесс принятия решений и непосредственно определять характер и формы развития территориальных обществ.*

Современные системы взглядов на региональную политическую элиту классифицируются автором в следующие основные группы: 1. Концепции, согласно которым источником и содержанием элитизма является процесс их влияния. (Оно шире, чем понятие «принятие решений», но вполне адекватно «процессу правления», т.к. позволяет наблюдать и описывать формальные и неформальные практики деятельности правящих групп). 2. Пересекающиеся с первыми функционально-ролевые концепции, раскрывающие значение региональных элит, исходя из их статусных и формализованных позиций в системе власти. 3. Ценностные концепции и примыкающие к ним интерпретации «групп интересов», согласно которым элита – демиург определяющих политических ценностей и выразитель специфических интересов малых и больших социаль-

ных групп. 4. «Субъект-объектные» концепции, в которых сущность и потенциал региональных элит объясняются через механизмы поддержки и интеграции с другими общностями. 5. Концепции неоэлитаризма, делающие акцент на механизмах самодостаточности правящих групп, позволяющие им контролировать все политические и иные процессы.

По сути, каждый исторический период серьезно изменял и обновлял такого рода системы взглядов. В своих первоначальных вариантах элитистские теории были весьма негативно расположены к демократии. Впоследствии ситуация радикально изменилась. Элитизм стал рассматриваться как элемент политики, полностью совместимый с процедурами и институтами представительной демократии (Й. Шумпетер, М. Бартон, Р. Гантер, Р. Патнэм, Г. Филд, Дж. Хигли).

Результаты исследования подтверждают и то, что существуют не только концептуальные (В. Гельман, В. Елизаров) и «технологические» (В. Подшивалкина, А. Соловьев) трудности применимости элитистских конструктов в демократизации российского общества, а также проблемы совмещения теорий демократии и теорий элит (Г. Ашин, А. Богатуров). Но и сама проблематика поставторитарных демократизаций, рассматривавшаяся до недавнего времени с точки зрения того, происходит ли движение данного общества к демократии или нет, на рубеже веков отчетливо обретает новые очертания. На первый план выдвинулся вопрос о том, какая демократия возникает в том или ином обществе (Г. Вайнштейн, В. Ильин, А. Мельвиль, А. Панарин, М. Урнов, Е. Шестопал и др.) и насколько она устойчива.

В свете общенаучной потребности их новой типологизации наиболее обоснованной является необходимость разработки тех характеристик региональных политических элит, что придают целостность и определенность качеству местных политических порядков, тех свойств и черт, что позволяют говорить о региональных элитах как об особой разновидности и механизме социальной власти, который в силу своей сложной организации занимает уникальное место в регулировании разнообразных процессов территориальных обществ.

Важными аспектами характеристики современной правящей элиты России являются процессы регионализации страны и формирование провинциальных элит. В связи с этим в исследовании осуществляется концептуальный подход: постсоветский транзит региональных элит связан с изучением не только процесса институционализации демократических процедур, но и с определением динамики, вектора изменений политического самоопределения, самоорганизации и взаимодействия правящих на местах групп как «становящегося» субъекта, осуществляющего свой политический выбор. Влияние этого комплекса перемен на текущую политическую жизнь в регионах страны находит свое отражение в специализированной ролевой составляющей властвующих акторов.

В действительности региональная политическая элита отнюдь не целостная структура. Правомернее вести речь о специфических коалициях, сложившихся в субъектах Федерации в целом и в отдельных населенных пунктах, которые состоят из лидеров и групп, связанных между собой различными типами отношений и вместе определяющих локальный политический процесс[483]. Но и этого уточнения недостаточно. В социально-политической реальности имеют место разные группы акторов, различающиеся положением, объемом ресурсов (потенциальных и реализуемых), ценностными ориентациями, интересами, имиджами и, как следствие, играющих неодинаковую роль в процессах модернизации своих территорий.

Правящая элита по взаимодействию отмеченных компонентов образует специфическую природу политического субъекта, не сравнимого по силе влияния с другими политическими институтами и структурами власти регионального уровня. Она представляет собой *сложное, относительно интегрированное формирование профессионально действующего в политико- административной сфере меньшинства территориальных обществ.* Она является субъектом принятия и реализации стратегических решений, функционирующим в режиме кланово-корпоративных интересов и располагающим необходимыми для этого групповой структурой и ресурсной базой.

Для осмысления роли структурных элементов правящей элиты с позиций их предназначения и изменений по ходу транзита автор обращается к структурно-деятельностной парадигме «становления» (П. Штомпки). Она выявляет в процессе социальных и политических изменений динамику «слияния» структурных характеристик и свойств акторов. Для объяснения природы политических лидеров (в элитах) используется собственная модель, согласно которой *сущность политического лидерства «триедина», что проявляет себя во взаимодействии личностных, организационно-статусных и социокультурных качеств носителя соответствующих функций.*

Результаты исследования показывают, что постсоветский транзит региональных элит напрямую связан с характером их взаимоотношений с федеральным центром и динамикой собственного переходного состояния. Ее средоточениями мы считаем факторы *политического самоопределения, самоорганизации и выбора модели интерактивности* под влиянием процессов на общенациональном уровне – автономизации, повышения роли субнациональных элит, формирующих региональные центры власти. Это означает, что в данном исследовании эти факторы являются приоритетными для динамической модели перехода, предполагающей также цели, этапы и средства ее достижения.

Политическое самоопределение характеризуется, прежде всего, как когнитивный процесс, в ходе которого конкретный властный субъект не только осваивает основные процедуры мышления и восприятия, но и нарабатывает комплекс знаний и ценностей, соответствующих легитимации. Процесс самоор-

ганизации элит, в основании которого лежат их смысловые системы и особый статус правящих на местах элит, позволяет принимать им существенные в масштабах территориальных единиц решения и формировать спектр внутренних и внешних отношений. В выборе модели интерактивности преобладают установки на стабильность и правила поведения (игры), доминирующие на общегосударственном уровне.

После старта демократизации, которой предшествовал с «хрущевской оттепели» болезненный период либерализации, когда и начали формироваться проторегиональные элиты, российская политическая система прошла несколько этапов субнационального развития. Фактически с 1990 г. и по наши дни каждый из них характеризовался определенными отношениями между «старыми» (проторегиональными) и «новыми» (собственно региональными) элитными группами в рамках субъекта РФ и его связях в лице правящих групп с центром.

В целом обстановка постоянной трансформации российской государственности отражается в перманентно переходном состоянии территориальных политических элит. В этой связи приходится констатировать, что *теоретический* аспект идеологии демократического транзита все меньше подходит для описания процессов трансформации в регионах России. В классическом переходе есть некая финальная точка, этапы и определенная амплитуда взаимоотношений между ключевыми участниками по ходу следования к ней, обратная связь на каждом уровне механизма формирования и осуществления государственной политики. Российская трансформация «взламывает» известные схемы уже на этапе разрыва со «старым порядком».

Методологически это можно объяснить тем, что посткоммунистической и постсоветской стране приходится решать проблемы завершения модернизации, актуальные для исторического периода, предшествовавшего демократическому транзиту. Центральная из них – формирование национального государства. В нынешних регионах этот процесс сталкивается с особенно большими трудностями. Иногда символами национального единства здесь становятся харизматические лидеры, популистские элиты или национал-патриотические движения, в некоторых случаях определяющую роль играет борьба за независимость, этноконфессиональный фактор. Но чаще всего над этим доминируют чувства преданности клану, политической лояльности правящему режиму, которому вверяется достижение государственных целей.

В этих условиях правомерно изучение типологии региональных элит в зависимости от характера их поведения и взаимоотношений с федеральным центром. «Автономные элиты» в ней характеризуют стремления к максимальной самостоятельности и даже независимости от центра с пренебрежением к «регрессивным метаморфозам» на местах. «Функциональные» – способ воспроизводства общенациональных политических процессов и того внутреннего равновесия сил, которое отражает их базовые отношения. «Развивающиеся» или

стремящиеся к «самодостаточности» элиты отличают усилия в продвижении экономических реформ, опережающих в этом федеральный центр и способность к политической эволюции. И, наконец, «прагматичные» региональные элиты – это группы, утилитарно взаимодействующие с центром с целью получения финансовой и политической поддержки от него, не афишируя своих представлений о желательном и возможном экономическом и политическом будущем своих территорий, страны.

Незавершенность национального строительства в России заставляет предполагать, что и в наступившем столетии внимание регионов будет прикован к этому важному и сложному процессу, накладывающему в своем развитии серьезный отпечаток на противоречивый характер постсоветского перехода территориальных элит.

Мобилизующий аспект идеологии демократического транзита в нем демонстрирует свою востребованность и распространенность. Это проявляется не только в том, что в сознании региональной элиты преобладают две основные модели управления территориями. Одна из них базируется преимущественно на либеральных экономических и политических установках, а другая – на государственнических. Принципиально важно то, что значительная часть представителей региональных правящих групп ориентирована на демократические и рыночные институты, отрицает прежний институциональный порядок и разделяет курс на модернизацию.

В этом контексте переход от неконсолидированной (конфликтной) к консолидированной (доверительной) модели элиты является не только вектором дальнейшей трансформации региональных правящих групп, но и главным условием их саморазвития, что так или иначе содействует сохранению территориальных институтов демократии, а значит, и укреплению эффективного федеративного государства.

В современной ситуации, особенно в контексте результатов последних региональных и общенациональных выборов, в обществе неизбежны дискуссии и споры по поводу того, *насколько нынешней российской модернизацией органичен процесс демократизации.* Понятно, что его размывание и выхолащивание – это угроза авторитарного перерождения правящего режима и в центре, и на местах. Сомнительно, что этого сознательно желают в Кремле, сделав полный шаг к дееспособному национальному государству. К тому же в настоящее время не существует политического и административного института, который обеспечил бы условия для горизонтального и вертикального внедрения чисто авторитарной модели в России. Более того, региональные элиты, вкусившие плоды дезинтеграции вертикальной оси власти, вряд ли воспримут попытки ее авторитарной реконструкции[484].

Но даже если принять тезис о том, что главная цель территориальных элит, консолидированных влиянием центра, удержание и консервация власти

путем использования политического безразличия граждан, то опять-таки возникает острейшая необходимость анализа источников и методов достижения этой цели, как официальных, так и неформальных, что стимулирует дальнейшее изучение феномена.

В более широком плане речь идет об исследованиях, отражающих неспособность того или иного социума, территориальной общности воспроизводить более совершенные модели демократического устройства и предоставляющего возможности для реализации вполне сознательных установок политических элит на сохранение авторитарных (полуавторитарных) систем под прикрытием формально демократических процедур и институтов.

Для последующего изучения собственно региональной политики, где мера влияния правящих элит достаточно высока, продуктивен историко-сравнительный и политологический анализ процессов урбанизации, трансформации местного самоуправления и массовых коммуникаций, политического самоопределения среднего класса, особенно в контексте наметившегося перехода от краткосрочного альянса власти с олигархами на долговременную поддержку мелкого и среднего бизнеса. Наконец, всегда злободневна проблематика электорального и политического процессов – от практики функционирования формальных институтов до неправовых, неформальных возможностей фактического осуществления власти.

Исследовательская повестка дня постсоветского транзита региональных элит периодически пополняется новыми вопросами. Идущие от самой жизни, они «срывают» чередующиеся маски с территориальных властей, за которыми нередко все-таки скрывается не переход к демократии, а выбор той или иной модели стагнации.

Однако «наука есть не только знание, но и сознание, то есть уменье пользоваться знанием как следует» (В. Ключевский). Главное поэтому в решении этих вопросов – правильное обозначение путей развития региональной политики, направленной на устранение существующих ассиметрий. Консолидация территориальных сообществ вокруг тех целей и задач модернизации, что создают гарантии и для цивилизованного рыночного хозяйства, и активного гражданского общества, сохраняющего при этом свою самобытность. Только при условии, что *модернизация станет более демократичной, можно говорить об образовании действительно нового регионального политического класса.*

Демократический аспект модернизации является наиболее адекватной формой этого типа исторической эволюции. Эффективное государство с сетью соответствующих политических институтов и демократическая консолидация элит представляют собой наиболее результативные способы адаптации к социокультурному контексту современного общества.

В завершение работы предлагается выделение нескольких основных направлений обеспечения демократизации России в сфере ее региональной политики: защита и гарантии территориальной целостности и национальной идентичности, экономически обоснованных демократических прав и свобод, их ограниченного временем и пространством механизма действенности; активная социальная политика, прежде всего, разрешающая проблемы бедности и социального расслоения; «нормальный» политический процесс, предполагающий высокую степень легальности и предсказуемости поведения политических субъектов, свободное и компромиссное сотрудничество различных политических сил, настойчиво, законно и культурно добивающихся развития демократических основ общественной и политической жизни общества и государства; устойчивые, упорядоченные, регламентированные правом и традициями отношения между основными субъектами государства; создание и поддержание стабильных и взаимовыгодных связей между центром и регионами. Необходимо противодействие сепаратистским тенденциям, терроризации граждан и массового сознания; предупреждение конфликтов и их регулируемость в рамках правозаконной процедуры; пресечение деятельности незаконно существующих сил, организаций, способных непредсказуемо вмешиваться в политический процесс и «обеспечение поддержки тем, кто правит, по крайней мере, на старте» (Р. Дарендорф); модернизация и повышение качества как правящих, так и потенциальных элитных групп.

Анализ состояния региональных политических элит России на рубеже XX – XXI вв. приводит к выводу, что их деформированная форма транзита нуждается в коренных изменениях применительно к национальным интересам страны, вступившей на путь постиндустриального развития. Без этого переход внутренней политики в более активную стадию, не снимет застарелого недоверия людей к государству, правящему меньшинству и тем самым «обескровит» массовую поддержку реформ, направленных на решение многих проблем современности.

Вместе с тем нельзя не отметить, что за рамками настоящего исследования остался ряд важных тем, таких как, например, социализация новых элитных групп, их ролевая дифференциация, осуществление демократической политической ангажированности масс и, соответственно, повышение действенности контроля за правовым функционированием правящих на местах групп со стороны общества. Представляется, что их последующая разработка позволит серьезно продвинуться в понимании специфики сложившихся в регионах России отношений власти и социального лидерства.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Послание Президента России Владимира Путина Федеральному собранию РФ // Российская газета, 17.05.03. – С. 4.

[2] **Афанасьев М.Н.** Клиентелизм и российская государственность. – М.: МОНФ, 1997.

[3] **Гельман В., Рыженков С.** Политическая регионалистика: от общественного интереса к отрасли знания // Социальные исследования в России. Немецко-российский мониторинг. – Берлин; М.: Полис, 1998. – С. 138-187.

[4] **Туровский Р.Ф.** Основы и перспективы региональных политических исследований // Полис: политические исследования. – 2001. – № 1. – С. 138.

[5] См., напр.: Гаман-Голутвина О. Политические элиты России. – М.: Изд-во РАГС, 1998; Казаков М. Региональные элиты: сравнительные аспекты эволюции // Реформа. – 1997. – №10; Он же. «Региональный политический процесс как актуальная интеракция» // Международный академический журнал. – 2002. – № 1; Куколев И., Штыков П. Становление элитоведения // Социальные исследования в России. Немецко-российский мониторинг. – Берлин; М.: Полис. 1998; Мохов В. Элитизм и история: Проблемы изучения советских региональных элит. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2000.

[6] **Мельвиль А.Ю.** Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность / Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. – С. 343.

[7] **Ачкасова В.А., Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Корниенко А.В.** Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 28.

[8] **Богатуров А.** Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. – 2000. – Т. 5. – № 1. – С. 199.

[9] См. работы: В. Н. Амелина, О. В. Гаман-Голутвиной, В. Я. Гельмана, М. В. Ильина, И. М. Клямкина, А. Ю. Мельвиля, В. Б. Пастухова, Ю. С. Пивоварова, М. Х. Фарукшина, Л. Ф. Шевцовой и др.

[10] **Зонова Т.В.** От Европы государств к Европе регионов? // Полис: политические исследования.– 1999. – №5. – С. 155.

Глава 1

[11] **Зудин А.Ю.** Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современностью. – 2003. – № 2. – С. 83.

[12] **Юшенков С.Н.** Постзападная цивилизация – путь всей России и всего человечества // Демократический выбор. – 2001. – № 3(263).

[13] **Казаков М.А.** Содержательные аспекты понятия «политический процесс» // Культура и цивилизация: реальность и перспективы развития: Колл. монография. – Н. Новгород: Изд-во ВГАВТ, 1998. – С. 26-30.

[14] **Мамут Л.С.** Политический процесс. Политология: Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: МГУ, 1997. – С. 197.

[15] **Пугачев В.П., Соловьев А.И.** Введение в политологию. – М., 1996. – С. 284.

[16] **Климентевич Т.** Ситуационный анализ в политической науке: общее и историческое знание и исследование открытых политических процессов // Зарубежная политическая наука: история и современность. Вып. I. – М.: ИНИОН, 1989. – С. 219.

[17] **Соловьев А.И.** Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс. 2000, – С. 288.

[18] **Распопов Н.П.** Политическая регионалистика // Регионоведение: социально-политический аспект: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2000. – С. 44.

[19] **Мчедлова М.М.** Глобальный мир и сохранение самобытности // Вестник МГУ. Сер.12. Политические науки. – 2002. – № 3. – С. 105.

[20] **Фурман Д.Е.** Наши десять лет: Политический процесс в России с 1991 по 2001 год. – М.; СПб.: Летний Сад, 2001. – С. 15, 18, 19, 22, 24-25.

[21] **Мамут Л.С.** Указ. соч. – С. 196.

[22] **Панарин А.С.** Политология: Учебник. Изд-е второе, перераб. и доп. – М.: «ПБОЮЛ С. М. Грачев», 2000. – С. 3.

[23] Там же. – С. 4.

[24] **Богомолов Ю.** Великая Октябрьская контрреволюция // Известия, 03.10.03. – С. 1, 3.

[25] **Панарин А.С.** Указ. соч. – С. 5.

[26] **Соловьев А.И.** Указ. соч. – С. 289.

[27] **Штомпка П.** Социология социальных изменений. – М., 1996.

[28] **Соловьев А.И.** Указ. соч. – С. 375.

[29] **Матвеева Е.Ю.** Политология: политический процесс и мировая политика. – М.: НОУ «Современный гуманитарный институт», 2000. – С. 23.

[30] **Казаков М.А.** Политический процесс в России: сущность, структура, особенности. Демократия в меняющемся мире: Монография / Под. общ. ред. О.А. Колобова. – Н.Новгород: Изд-во ВВКИ, 1995. – С. 111-116.

[31] **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Т. 13. – С. 7.

[32] Российское общество: Становление демократических ценностей? // Под ред. М. Макфола и А. Рябова. – М.: Гендальф, 1999. – С. 42,50.

[33] См.: **Ильин В.В., Ахиезер А.С.** Российская цивилизация: содержание, границы, возможности / Под ред. В. В. Ильина. – М.: Изд-во МГУ, 2000; **Панарин А.С.** Искушение глобализмом (История России. Современный взгляд). – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.

[34] **Казаков М.А.** Российский политический процесс: факторы региональной стабильности // Регион, региональность, регионализм (Сборник трудов членов Нижегородского исследовательского фонда – Бюллетень № 7). – Н. Новгород, 1995. – С. 68.

[35] Заслугой Дж. Хигли, например, является аргументированное обоснование зависимости пороговых значений воздействия элитных групп на неэлитные – от неприкосновенности у последних установки на сакральные ценности в традиционалистском обществе и насущных экономических интересов в обществе модернизационном или открытом.

[36] **Афанасьев М.Н.** Клиентелизм и российская государственность. – М.: ЦКИ МОНФ, 1997. – С. 17.

[37] **Колобов О.А.** Основы политологии // Политология. Избранные труды. – Н. Новгород: Изд-во «Вектор ТиС», 2000. – С. 30.

[38] **Пшеворский А.** Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер. с англ. / Под ред. В.А. Бажанова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999.– С. 92.

[39] **Кравченко А.И.** Социология: Учеб. пособие. – Екатеринбург: Деловая книга,1998. – С. 91.

[40] **Седельникова И.М.** Управление качеством. Н.Новгород: НГТУ, 1998. – С. 5.

[41] **Казаков М.А**. Региональный политический процесс как актуальная интеракция // Международный академический журнал. – 2002. – №1. – С. 47.

[42] **Распопов Н.П.** Стабильность как критерий эффективности политики региональной власти // Регионоведение: социально-политический аспект: Учеб. пособие. – Н: Новгород: Изд-во ВВАГС, 2000. – С. 73.

[43] **Фурман Д.Е.** Наши десять лет: Политический процесс в России с 1991 по 2001 год. – М.; СПб: Летний Сад, 2001. – С. 323, 325.

[44] **Афанасьев М.Н.** Региональное измерение российской политики // Полис: политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 88.

[45] См.: **Федосеев Е.Ю.** Социально-политическая структура современной российской провинции: Автореф. дис. … канд. социол. наук. – Саратов, 1998.

[46] **Казаков М.А.** О специфике регионального // Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 1999. – №3. – С. 65 – 66.

[47] **Гегель Г.В.Ф.** Сочинения. – М.; Л. 1934. Т. 7. – С. 27.

[48] **Каптерев С.Е.** Использование современных избирательных технологий в региональном политическом процессе. Автореф. дис. … канд. полит. наук. – Н. Новгород, 1999.

[49] **Агеев В.С.** Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. – М., 1990.

[50] **Бахлов И.В.** Политический процесс // Политология: Учебник. – М.: Дело, 2002. – С. 317.

[51] **Казаков М.А.** Понятие «регион» в россиеведении// Рабочие записки. – Н. Новгород: ПАНИ, 1997. – № 2. – С. 59.

[52] Институт губернаторов России: традиции и современные реальности (Под ред. Н. С. Слепцова) – М.: РАГС, 1997. – С. 5.

[53] **Покровский Ю.Н., Титов Б.М.** К вопросу о государственном строительстве. Новая регионалистика // Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 2000. – №7. – С. 32.

[54] **Казаков М.А.** Транзитом в демократию или… К методологии новой конфигурации// Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР,2000. – № 7. – С. 37.

[55] **Рыжков В.А.** Странная федерация: проблемы и перспективы развития федерализма в России // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – М., 1999. – № 4. – С. 99.

[56] Цит. по: Сравнительный регионализм: Россия – СНГ – Запад. Материалы международного исследовательского проекта. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. – С. 124.

[57] **Гельман В.** Трансформация в России: политический режим и демократическая оппозиция. – М., 1999. – С. 216.

[58] **Шестопал Е.Б.** Психологический профиль российской политики 1990-х гг. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 7.

[59] **О'Доннел Г.** Делегативная демократия // Пределы власти, 1994. – № 2-3. – С. 52- 69.

[60] **Петров Н.** Федерализм по-российски // Pro et Contra. – М., 2000. – Т. 6. – № 1. – С. 28.

[61] **Андреев Э.М.** О системной методологии социально-политического реформирования // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология, 1996. № 3. – С. 90-91.

[62] **Зиновьев А.А.** Коммунизм и реальность. – М., 1994. – С. 24.

[63] **Клямкин И.М., Шевцова А.Ф.** Власть и оппозиция против государства// Россия: поиск пути: Материалы Всероссийской конференции. – М.: Изд-во «Научная книга», 1999. – С. 280.

[64] **Макарычев А.С.** Идеи для политики. Эволюция системы внешнеполитической экспертизы в США (середина 1940-х – начало 1990-х гг.): Монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. – С. 189.

[65] **Нисневич Ю.А.** Проблемы транзита в условиях постиндустриального развития цивилизации // Вестн. МГУ. Сер.12. Политические науки. 2002. – № 3. – С. 102.

[66] **Лексин В.Н., Швецов Н.А.** Общероссийские реформы и территориальное развитие // Российский экономический журнал, 2003. – № 3. – С. 28.

[67] **Колобов О.А.** Взаимоотношения федеральной и региональной властей. Регион в составе Федерации: Политика. Право: Монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. – С. 8.

[68] **Федоров А.** Мы нужны миру, как и мир нужен нам // Российская Федерация сегодня, 2001. – № 4. – С. 48.

[69] **Чиркин В.Е.** Новые подходы к теории современного государства и федерализма // Общественные науки и современность, 2003. – № 3. – С. 68.

[70] **Мендрас М.** Как региональные элиты защащают свою власть // Pro et Contra, 2000. – Т. 5. – № 1. – С. 70.

[71] Стратегия развития государства на период до 2010 г. Доклад, подготовленный рабочей группой Государственного совета РФ под руководством В. И. Ишаева // Российский экономический журнал, 2001. – № 1. – С. 29.

[72] **Кочетков А.П.** Некоторые особенности социально-политической эволюции российского государства // Вестн. МГУ. Сер.12. Политические науки, 2002. – № 1. – С. 13.

[73] **Чиркин В.Е.** Новые подходы к теории современного государства и федерализма // Общественные науки и современность, 2003. – № 3. – С. 69.

[74] **Ольшанский Д.** Дезинтеграция: новые симптомы старой болезни // Pro et Contra, 2000. – Т. 5. – № 1. – С. 61.

[75] **Ковалев В.А.** Политическая регионалистика как новое направление исследований в российском обществоведении (Актуальные вопросы регионального политического развития и проблемы теоретической концептуализации).– Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1999. – С. 13.

[76] **Дилигенский Г.Г.** В. Путин и российская демократия: размышления по результатам опросов 2000 г. // Поле мнений. Фонд «Общественное мнение», январь 2001. Вып. 07. – С. 64.

[77] Государственность, государственный строй, государственная организация // Ожегов С. И., Шведова М. Ю. Толковый словарь русского языка РАН, Ин-т русск. языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – С. 141.

[78] **Лукьянова Е.А.** К вопросу о специфике российской государственности // Вест. МГУ. Сер. 12. Политические науки, 2002. – № 1. – С. 15.

[79] См.: **Авакьян С.А.** Практика российской государственности // Вест. МГУ. Сер.18. Социология и политология, 1997, № 1. – С. 44; **Морозова Л.А.** Проблемы современной российской государственности. – М., 1998.

[80] **Ильин М.** Политическая глобализация: институциональные изменения // Грани глобализации: Трудовые вопросы современного развития / С предисл. и послесл. М.С. Горбачева / МОФСЕ и ПИ (Горбачев-фонд). – М.: Альпина Паблишер, 2003. – С. 199.

[81] **Мартинелли А.** Рынки, правительства и глобальное управление (Доклад XV Конгрессу. Часть I) // Социс: социологические исследования, 2002. – № 12. – С. 12.

[82] **Голосов Г.В.** Сравнительная политология: Учебник – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – С. 45.

[83] **Туровский Р.Ф.** Основы и перспективы региональных политических исследований // Полис: политические исследования, 2001. – № 1, – С. 143.

[84] **Пшеворский А.** Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер. с англ. /Под ред. В.А. Бажанова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – С. 91.

[85] **Дилигенский Г.Г.** В. Путин и российская демократия: размышления по результатам опросов. 2000 г. // Поле мнений. Вып. 07. – М.: ФОМ, 2001. – С. 57.

[86] **Ашин Г.К.** Элитология в зеркале политической философии и политической социологии // Социально-политический журнал. 1998. – № 6. – С. 59.

[87] **Гельман В.Я.** Шахматные партии российской элиты // Pro et Contra, 1996. – Т. 1. – № 1. – С. 22.

[88] **Восканян С.С.** Политическая элита постсоветской России: проблемы и процессы формирования, изменении и развития: Автореф. дис. … док. полит. наук. – Воронеж, 2004. – С. 21.

[89] **Штомпка П.** Роберт Мертон: динамический функционализм // Современная американская социология / Под ред И. Добренькова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 78-93.

[90] **Казаков М.А.** Политическое лидерство: современные проблемы эволюции: Дис. … канд. полит. наук. – М., 1993.

[91] **Соловьев А.И.** Культура власти современного российского общества. – М.: ТОО «Николь», 1992.

[92] **Манхейм К.** Человек и общество в эпоху преобразований // **Манхейм К.** Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994. – С. 313.

[93] **Соловьев А.И.** Социокультурное измерение политического процесса (методологический аспект): Дис. … док. полит. наук. – М, 1994. – С. 40.

[94] **Field, G. L., Higley, D.** Elitism. – London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1980.

[95] **Колобов О.А., Скляров И.П.** Современный российский федерализм: Монография. – Н. Новгород: ИСП ННГУ, 2001. – С. 22.

[96] Региональные элиты России: проблемы, подходы, гипотезы (Программа исследования) /Быстрова А.С., Горьковенко В.В. Даугавет А.Б., Дука А.В. (рук.) Корниенко А.В. – СПб.: СПбФ ИС РАН, 1999. – С. 11, 12.

[97] **Журавлева Л.К.** Политическое лидерство и проблема элиты // Политология: Учебник / Отв.ред. В.М.Утенков. – М.: Редакционно-издательский центр МГОПУ, 2000. – С. 240.

[98] Цит. по.: **Пугачев В.П.** Субъекты политики: личность, элиты, лидерство. – М.: Знание РСФСР, 1991. – С. 31.

[99] **Восленский М.** Номенклатура // Новый мир, 1990.– №6. – С. 222.

[100] **Миллс Р.Ч.** Властвующая элита. – М.: Изд-во иностранная литература, 1959. – С. 22-24.

[101] **Быстрова А.С., Горьковенко В.В., Даугавет А.Б., Дука А.В.** (рук.) Корниенко А.В. Указ. соч. – С. 12-13.

[102] **Гельман В.Я.** «Сообщество элит» и пределы демократизации: Нижегородская область// Полис: политические исследования, 1999. – № 1. – С. 81-82.

[103] **Бурдье П.** Социология политики. – М.: Socio Logos, 1993.

[104] **Гаман-Голутвина О.В.** Определение основных понятий элитологии // Полис: политические исследования, 2000. – № 3. – С. 99.

[105] **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – С. 33.

[106] **Казаков М.А.** Политическое лидерство: современные проблемы эволюции. – С. 15.

[107] **Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В.** «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис: политические исследования. 2001. – № 1. – С. 13-14.

[108] Интеллектуальная элита Нижегородской области. 1918 – 1998 Научно-справочное издание / Под общей ред. О.А. Колобова. – Н. Новгород: ГИПП «Нижполиграф», 1998. – С. 5.

[109] **Чернышев А.Г.** Регион как субъект политики. – Саратов, 1999. – С. 57.

[110] **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Начала, 1997. – С. 17.

[111] **Ковалев В.А.** Политическая регионалистика как новое направление исследований в российском обществоведении. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1999. – С. 8.

[112] **Дахин А.В., Распопов Н.П.** Проблема региональной стратификации в современной России // Полис: политические исследования. 1988. – № 4. – С. 130-132.

[113] Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации // Под ред. А. В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 75.

[114] Региональные политические элиты// Регионоведение: социально-политологический аспект. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2000. – С. 75-76.

[115] **Борисов С.В.** Актуальный политический режим в Нижегородской области; становление в 1990-е годы // Полис: политические исследования, 1999. – № 1. – С. 103.

[116] **Туровский Р.Ф.** Основы и перспективы региональных политических исследований // Полис: политические исследования, 2001. – № 1. – С. 148.

Глава 2

[117] **Соловьев А.И.** Внутренние дилеммы демократии – источник парадоксальности российской власти // Власть, 2001. – № 2. – С. 51.

[118] **Мельвиль А.Ю.** Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис: политические исследования. 1998. – № 2. – С. 11.

[119] См., напр.: Барзилов С., Новиков А., Чернышев А. Особенности развития политико-экономических процессов в российской провинции. – Саратов; Москва.: Московский обществ. научн. фонд, 1997.

[120] **Бадовский Д.В., Шутов А.Ю.** Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр, 1995. – № 6. – С. 4.

[121] **Буртин Ю., Водолазов Г.В.** В России построена номенклатурная демократия // Известия, 01.08.94. – С. 2.

[122] **Журавлева Л.К.** Политическая элита современного российского общества // Политология: Учебник / Отв. ред. В.М. Утенков. – М.: Редакционно-издательский центр МГОПУ, 2000. – С. 242.

[123] **Дахин В.Н.** К дискуссии о становлении региональных элит // Куда идет Россия?... Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т.И. Заславской. – М.: Моск. высш. школа соц. и эконом. наук: Интерцентр, 1997.

[124] **Заславская Т.И.** О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. 2002. – № 8. – С. 4.

[125] **Кузьмин А.** Региональные элиты поделят «синяки и шишки»? //Экономика России – XXI век. 2001.– октябрь. – С. 17.

[126] **Цыганков А.П.** Вызов капитализма (П. Бергер о социальных ориентирах современного общества) // Вопросы философии. 1993. – № 12. – С. 96.

[127] **Искранов А.** Время собирать… что и как? // Век. – № 50. – 15.12 – 21.12.2000. – С. 1.; **Никольский А., Урбан А., Моисеев И.** Вступайте в Россию! Предложил Путин Белоруссии // Ведомости. – №144. – 15.08.2002. – С. 1.

[128] **Жуков В., Краснов Б.** Политические итоги 2000 года // Наша власть: дела и лица, 2001. – № 1. – С. 21.

[129] Здесь и далее цит. по: Послание Президента России Владимира Путина Федеральному собранию РФ // Российская газета, 17.05.03. – С. 4.

[130] Там же. – С. 4.

[131] **Миллер К., Пикель А.** Смена парадигм посткоммунистической трансформации // Социс: социологические исследования. 2002. – № 9. – С. 79.

[132] **Сергеев В.М.** Демократия как переговорный процесс. М., 1999; **Полищук Л.** И. Российская модель «переговорного» федерализма: политико-экономический анализ // Вторая Межд. конференция по федерализму. Труды конференции / Под ред. С.С. Артоболевского и др. – М.: Эдиториал УРСС. – 1999.

[133] **Поппер К.** Открытое общество и его враги. Т. 2. – М.: Феникс, 1992. – С. 148.

[134] Цит. по: **Миллер К., Пикель А.** Указ. соч. – С. 81.

[135] **Фурман Д.Е.** Наши десять лет: Политический процесс в России с 1991 по 2001 год. – М.; СПб.: Летний Сад, 2001. – С. 371, 374, 377.

[136] **Дугин А.** Владимир Путин и консервативная революция // Российская газета, 20.05.03. – С. 4.

[137] В частности, М. Афанасьев говорит о повсеместности приватизации власти и крайнем сужении публичного пространства, выхолащивающих демократическую институционализацию.

[138] **Бадовский Д.В.** Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти»// Полис: политические исследования. 1994. – № 6. – С. 42.

[139] **Мельвиль А.Ю.** Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия /Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000.– С. 349.

[140] **Туровский Р.** Отношения «Центр-регионы» в 1997 – 1998 гг.: между конфликтом и консенсусом // Полития. Весна, 1998. – № 1.

[141] **Лапина Н.,Чирикова А.** Региональные элиты в РФ: модели поведения и политические ориентации. – М.: ИНИОН РАН, 1999.

[142] **Смирнягин Л.** Типология региональных конфликтов в современной России // Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликтов к поиску согласия / Под ред. Дж. Азраэла, Э. Паина, Н. Зубаревич. – М.: Комплекс – Прогресс, 1997.

[143] **Karl, T., Schmitter, P.** In Latin America Models of Transition Southern and Eastern Europe. – International Sosirl Sciece Journal, 1991, № 128; **Munek, C.L., Leff, C.S.** Models of Transition Democratization. South America and Eastern Europe in Comparative Perspective // Comparative Politic, 1997. – № 3. – Vol. 29.

[144] **Хоффман-Ланге, У.** Элиты и демократизация: германский опыт // Социс: социологические исследования, 1996. – № 4. – С. 50.

[145] **Зиглер Л.К.** Демократия для элиты: Введение в американскую политику. – М.: Юридическая литература, 1984.

[146] **Шатилов А.** Постсоветские подходы к изучению политической культуры // Pro et Contra, 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 191.

[147] **Крэстева А.** Власть и элита в обществе без гражданского общества // Социс: социологические исследования, 1996. – № 4. – С. 29.

[148] В отличие от большинства политологов, занимающихся сравнением политических систем, О'Доннел указывает на тесную связь демократической консолидации с институционализацией демократии.

[149] **Крыштановская О.** Режим Путина: либеральная милитократия? // Pro et Contra, осень 2002. – Т.7. – № 4. – С. 158 - 180.

[150] **Магомедов А.** Локальные элиты и идеология регионализма в новейшей России: сравнительный анализ. – Ульяновск: УлГТУ, 1998. – С. 112.

[151] **Кочеврин Ю.** Россия в трех измерениях: исследовательский проект // Pro et Contra, лето 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 208.

[152] **Вебер М.** Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990.

[153] См., напр.: **Ачкасова В., Дука А.** Конфликты и компромиссы в структурах региональной политической элиты: типология противоборства (Санкт – Петербург в период трансформации системы) // Стратегия, 1997. – № 9; Они же. Региональная политическая власть: Элитные конфликты и возможности соглашений // Эволюция взаимоотношений центра и регионов России: от конфликта к поиску согласия / Под ред. Дж. Азраэла, Э. Паина, Н. Зубаревич. – М.: Комплекс – Прогресс, 1997; **Гельман В.** Шахматные партии российской элиты // Pro et Contra, 1996. – Т. 1. – № 1; Он же. «Сообщество элит» и пределы демократизации: Нижегородская область // Полис: политические исследования, 1999. – № 1; **Казаков М.** Региональные элиты: Сравнительные аспекты эволюции // Реформа: НИЭР. 1997. – № 10; Он же. Транзитом в демократию или… К методологии новой конфигурации // Вестник экономических реформ: НИЭР. – 2000. – № 7; **Мельвиль А.Ю.** Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия / Отв. ред. -сост. А. Д. Воскресенский. – М.: МОНФ; ООО «Издат. центр научных и учебных программ», 2000.

[154] Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 9-10.

[155] **Мельвиль А.Ю.** Указ. соч. – С. 351.

[156] Россия регионов: трансформация политических режимов / Общ. ред.: В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. – М.: Весь мир, 2000.

[157] **Федоркин Н.С.** Ценностные ориентации власти как интегрирующий фактор социального знания // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология, 2001. – № 2. – С. 30-40

[158] **Магомедов А.** Общество регионов // Pro et Contra.1997. – Т. 2. – № 2. – С. 47.

[159] **Пшеворский А.** Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. Пер. с англ./ Под ред. В.А. Бажанова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. – С. 138.

[160] **Вебер М.** Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – С. 646.

[161] **Кравченко А.И.** Политология: Учеб. пособие. – М.: Издат. центр «Академия», 2001. – С. 147.

[162] **Moska, G.** Tcoria dcigoverni agovarno parlamentaire. – Milano, 1968. – P. 11.

[163] **Дискин И.Е.** Россия: трансформация и элиты. – М.: ЭЛТРА, 1995.

[164] **Пастухов В.** Власть и общество на поле выборов, или Игры с нулевой суммой // Полис: политические исследования. – 1999. – №5. – С. 11.

[165] **Шахрай С.** 10 лет Конституции России: мифы и факты // Аргументы и факты . – 2003. – № 50. – С. 8.

[166] **Аринин А.Н.** К новой стратегии развития России. Федерализм и гражданское общество. Идейно-теоретические, политические и правовые аспекты. – М.: ООО «Северо-Принт», 2000. – С. 37.

[167] **Чернышев А. Г.** Психология региональной элиты: мировоззренческие и идеологические стереотипы //Трансформация региональных элит в сравнительной перспективе. – М.: МОНФ, 1999. – С. 29-31.

[168] Россия: 21 век … Куда же ты? / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева ; Ред.-сост. А.П. Логунова. – М.: РГГУ, 2002. – С. 37.

[169] **Гельман В.Я.** «Сообщество элит» и пределы демократизации: Нижегородская область // Полис: политические исследования . – 1999. – №1. – С. 80.[170] **Быстрова А.С., Горьковенко В.В., Даугавет А.Б., Дука А.В.** (рук.) **Корниенко А.В.** Региональные элиты России: Проблемы, подходы, гипотезы (Программа исследования.) – СПб.: СПбФ ИС РАН. – С. 50.

[171] **Ильин И.А.** Аксиомы власти // Новое время. – 1990. – №10. – С. 41.

[172] **Даль Р.** Полиархия, плюрализм и пространство// Вопросы философии. – 1994. – № 3.

[173] **Крыштановская О.** Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту// Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 60.

[174] **Чернышев А.Г.** Поволжье: мобилизация интересов регионов или интересы «мобилизационного общества»?// Перспективы и проблемы становления Поволжского регионализма. – М.: МОНФ, 1999. – С. 43.

[175] **Весоловский В.** Классы, слои и власть / Под ред. и с предисл. А.Г. Здравомыслова. – М.: Прогресс, 1981.

[176] Польская политология в 70-80-е годы / Под науч. ред Т. Бодио и П.С. Романова. – М.: ИНИОН АН СССР, 1991.

[177] **Колобов О.А., Скляров И.П.** Современный российский федерализм: Монография. – Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2001. – С. 53.

[178] **Шумпетер Й.** Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – С. 183.

[179] **Ачкасова В.А, Быстрова А.С, Даугавет А.Б, Дука А.В, Корниенко А.В.** Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В.Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С.43.

[180] **Гидденс Э.** Стратификация и социальная культура // Социс: социологические исследования. – 1992. – № 9. – С. 107-119.

[181] **Сартори Дж.** Вертикальная демократия // Полис: Политические исследования. – 1993. – № 2.

[182] **Ашин Г.А.** Смена элит // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 47.

[183] **Гельман В.Я.** Указ соч. – С. 81-82.

[184] **Дискин И.Е.** Россия: социальная трансформация элиты и мотивация // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития/ Общ. ред. Т.И. Заславской и Л.А. Арутюнян – М.: Интерфакс, 1994. – С. 116.

[185] Региональные элиты России: проблемы, подходы, гипотезы (Программа исследований) / Быстрова А.С, Горьковеко В.В, Даугавет А.Б, Дука А.В.(рук), Корниенко А.В. – СПб.: СПбФ ИС РАН, 1999. – С. 36.

[186] **Коэн С.** Изучение России без России // Свободная мысль. – 1998. – № 9-12. – С. 31-32.

[187] **Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е.** Политические ориентации региональных элит // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – Осень 1999. – № 3. – С. 20-25.

[188] **Казаков М.А.** Нижегородский политический процесс: своевременные тенденции/ Сто лет XVI Всероссийской промышленной художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 3-5 сентября 1996 г. – Н. Новгород: Изд-во «КиТиздат», 1997. – С. 359-362.

[189] **Зубкова Е.Ю.** После войны: Маленков, Хрущев и «оттепель» / История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории Советского государства / Сост. В.А. Козлов. – М.: Политиздат, 1991. – С. 308.

[190] Искусство управления. Конкретные ситуации. – М.: МГУ, 1997.

[191] **Лакер У.** Долгий путь к свободе// Пер. с англ. – М.: Изд-во «Прогресс», 1990. – С. 32.

[192] **Зубкова Е.Ю.** Указ. Соч. – С. 315.

[193] **Распопов Н.П.** Региональные политические элиты //Регионоведение: социально-политический аспект: Учеб.пособие. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2000. – С. 76.

[194] См., напр.: **Пайпс Р.** Россия при старом режиме. – М., 1993; **Васильев Л.С.** История Востока: В 2-х т. – М., 1994.

[195] **Казаков М.А.** Социокультурное измерение регионального лидерства: основные параметры // Информационный бюллетень.– № 5. – Н. Новгород: НАСА, 1994. – С. 55-57.

[196] **Клямкин И.С.** Почему трудно говорить правду // Новый мир. – М., 1998. – № 2. – С. 234.

[197] См., напр.: **Афанасьев М.** Клиентелизм и российская государственность. – М.: МОНФ, 1997; История Отечества: XX век: Хрестоматия / Под общ. ред. О.А. Колобова. – Н.Новгород: Изд-во «Вектор ТиС», 1999.

[198] **Коржихина Т.П.** Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917г. – декабрь 1991 г. – М. – С. 24-26.

[199] **Барсуков Н.** Как был смещен Н.С. Хрущев / Трудные вопросы истории: Поиски. Размышления. Новый взгляд на события и факты / Под ред. В.В. Журавлева. – М.: Политиздат, 1991. – С. 231.

[200] **Левада Ю.** Вызовы времени // Россия: 21 век…Куда же ты? / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: РГГУ, 2002. – С. 77.

[201] М. Восленский хорошо описал функциональную роль личных связей в номенклатурном отборе кадров: попадание в «обойму» перспективных работников, закрепление в «активе», переход в аппарат. Дальнейшая карьера зависела от протекции вышестоящего номенклатурного чина и включенности в отношения круговой поруки (Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс в СССР).

[202] **Хоскинг Дж.** История Советского Союза 1917-1991. – М.: Прогресс, 1995. – С. 387, 399.

[203] Цит. по: **Кантор И.М.** Педагогическая лексикография и лексикология. – М.: Просвещение, 1968. – С. 28.

[204] **Булкин А.П.** Социокультурная динамика образования. Исторический опыт России. – Дубна: «Феникс +», 2001. – С. 12.

[205] **Лакер У.** Указ. соч. – С. 35.

[206] **Афанасьев М.Н.** Правящие элиты и государственность в посттоталитарной России. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», – Воронеж: МПО «МОДЭК», 1996. – С. 68.

[207] **Клямкин И.С.** Указ. соч. – С. 235.

[208] **Шубкин В.** Трудное прощание // Новый мир. – М., 1989. – № 4. – С. 177.

[209] **Мандель О.** Куда идет СССР Горбачева? Куда идет Советский Союз?/ Сборник материалов зарубежной печати / Сост. В.И. Фирсов, М.Ф. Носова. – М.: Прогресс, 1990. – С. 178.

[210] **Шепель В.М.** Человековедческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. – М.: Народное образование. 1999. – С. 137.

[211] **Лакер У.** Указ. соч. – С. 41.

[212] **Зубкова Е.Ю.** Указ. соч. – С. 347.

[213] **Дахин В.Н.** К дискуссии о становлении региональных элит // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т.И. Заславской. – М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, Интерцентр, 1997.

[214] **Казаков М.А.** Политическое лидерство как фактор модернизации российского общества // Информационный бюллетень № 1. Регион в политической системе России. – Н. Новгород: Фонд «Выбор», 1993; **Карасев А.В.** Анатомия политической власти (региональный аспект). – Тверь: РИК ЦГР, 1997. [215] **Афанасьев М.Н.** Указ. соч. – С. 78.

[216] **Малютин М.** Давайте заниматься политикой // Советская культура, 30.12.89.

[217] **Сикевич З.В.** Политические игры или политическая борьба?: Партии, движения, ассоциации глазами социолога. – Л.: Лениздат, 1990. – С. 13.

[218] **Артемов Г.П.** Политическая социология: Учеб. пособие. – М.: Логос, 2002. – С. 137.

[219] **Мельвиль А.Ю.** Указ. соч. – С. 356-365.

[220] **Пугачев В.П.** Субъекты политики: личность, элиты, лидерство. – М.: О-во «Знание» РСФСР, 1991. – С. 92.

[221] Материалы Всесоюзного мониторинга по вопросам социально-экономического развития промышленных предприятий (Перестройка – год 1990). – М.: Институт социологии АН СССР, 1990. – С. 9.

[222] **Гельман В.Я.** Указ. соч. – С. 83.

[223] **Казаков М.А.** Феномен лидерства в истории российской государственности // Информационный бюллетень №3. Нижегородский регион в истории российской государственности. – Н. Новгород: НАСА, 1994. – С. 37-39.

[224] **Кузьмин А.** Указ. соч. – С. 16.

[225] См., напр.: **Куколев И., Штыков П.** Становление элитоведения // Социальные изменения в России. Немецко-российский мониторинг. – Берлин; М.: Полис,1998. – С. 107-137.

[226] **Гаман-Голутвина О.В.** Определение основных понятий элитологии // Полис: политические исследования, 2000.– № 3. – С.100.

[227] **Алескеров Ф.Т., Ортешук П.** Выборы. Голосование. Партии. – М.: Академия, 1995. – С. 24, 29.

[228] **Дискин И.Е.** Россия: трансформация и элиты. – М.: ЭЛТРА. – С. 26.

[229] **Шевцова Л.** Посткоммунистическая Россия: логика развития и перспективы. – М., 1995. – С. 92.

[230] Послание Президента В. Путина Федеральному собранию РФ // Известия, 08. 07. 00.

[231] **Панарин А.С.** Политология: Учебник. Изд-е второе, перераб. и доп. – М.: ПБОЮЛ С.М. Грачев, 2000. – С. 257.

[232] **Журавлева Л.К.** Указ.соч. – С. 242.

[233] **Nordfinger, E.** Taking the State Seriosty// **Wiender, M., Huntington, S.** Understading Political Development. Boston, 1987. – P. 361-371.

[234] **Новокрещенов А.В.** «Невидимая рука» избирательного процесса // Социс: социологические исследования. – 2002.– № 8. – С. 29.

[235] На пороге новой регионолизации России. Доклад ЦСИ ПФО. – 2001. – С. 1 (csi@kis/ru)

[236] **Данилов В.П.** Падение Советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия? Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. – М.: МШСМ, 1999. – С. 11-28.

[237] **Заславская Т.И.** О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социс: социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 5-6.

[238] **Ачкасова В.А., Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Корниенко А.В.** Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации/ Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 95.

[239] Десять лет после августа. Предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2002. – С. 126-127.

[240] **Панарин А.С.** Указ. соч. – С. 158.

[241] **Гельман В.Я.** Региональная власть в современной России // Полис: политические исследования. 1998. – № 1. – С. 88.

[242] **Некрасов А.И.** О становлении и развитии новой избирательной системы в Российской Федерации / Нижегородские выборы – 95: Новые тенденции и старые уроки. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 1996. – С. 31.

[243] **Шейнис В.Л.** Пройдем ли исторический рубеж? // Полис: политические исследования. – 1997. – № 1. – С. 84.

[244] **Саква Р.** Режимная система и гражданское общество в России // Полис: политические исследования. – 1997. – № 1. – С. 70.

[245] **Афанасьев М.** Региональное измерение российской политики // Полис: политические исследования. – 1998. – № 2.

[221] **Галлямов Р.Р.** Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // Полис: Политические исследования. – 1998. – № 2. – С. 108-115; **Бирюков С. В., Мельниченко Е. В.** Электоральный процесс и становление региональных политических режимов (на примере Кемеровской области) // Вест. МГУ. Сер. 18. Социология и политология. – 2002. – № 1. – С. 32-56 и др.

[247] **Кузьмин А.С.** Указ. соч. – С. 16.

[248] **Казаков М.А.** На повестке дня региональное партстроительство // Нижегородский рабочий. – 02.06.94.

[249] **Окмянский В.А.** Большие заботы изберкомов // Нижегородские выборы – 95: новые тенденции и старые уроки. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС. – 1996. – С. 78.

[250] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 6. – С. 139.

[251] Цит. по: **Саква Р.** Указ. соч. – С. 76.

[252] **Мацузато К.** Раскол КПСС и перегруппировка экс- номенклатурной элиты в Челябинской, Самарской, Ульяновской, Тамбовской и Тверской областях // Федерализм и децентрализация / Отв. ред. А.В. Гайда, В.Н. Руденко. – Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – С. 127.

[253] **Соловьев А.И.** Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 148.

[254] **Казаков М.А.** Демократические лидеры быстро не вызревают // Нижегородский рабочий. – 10.11.93.

[255] **Саква С.** Указ. соч. – С. 76.

[256] **Очкасова В.А., Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Корниенко А.В.** Указ. соч. – С. 99, 100; **Распопов Н. П., Лысов В. И.** Региональный политический процесс. Нижегородская область. Материалы Международного исследовательского проекта «Сравнительная регионология: Россия – СНГ – Европа». Документ, архив Нижегородского исследовательского фонда, 1997.

[257] **Казаков М.А.** Процесс есть – субъекта не хватает // Нижегородский рабочий. – 08.07.94.

[258] **Крыштановская О.В.** Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 64.

[259] См.: **Гельман В.** Новая местная политика// Очерки российской политики/ Под ред. В. Гельмана. – М.: ИГПИ. – 1994. – С. 67-96., **Петров Н.** Выборы органов представительной власти регионов // Мировая экономика и международные отношения. – М., 1995. – № 3. – С. 25-34; № 4. – С. 33-36 и др.

[260] **Казаков М.А.** Региональные элиты сравнительные аспекты эволюции // Реформа. – Н. Новгород: НИЭР, 1997. – № 10.

[261] **Крыштановская О.В., Куколев И.В., Владыцкая В.А**. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества/ Отв. ред. З.Т. Голенкова. – М.: Институт социологии РАН, 1996. – С. 291., **Магомедов А.** Политический ритуал и мифы региональных элит// Свободная мысль. – 1994. – № 11. – С. 112. и др.

[262] Промышленно-хозяйственная элита Нижегородской области. 1917 – 1996: Научно-справочное издание / Сост. В.И. Белоус, Л.П. Гордеева, О.А. Колобов, В.В. Смирнов. – Н.Новгород: Изд-во «КиТиздат», 1996.; Кто есть кто в Нижегородской области. Выпуск второй. – Н. Новгород: ООО Агенство «Комсомольская правда – формат», 2000.

[263] «О неотложных мерах по организации коммерческой и внешнеэкономической деятельности партии» от 23 августа 1990 года // «Комсомольская правда». – 31.10.91.

[264] **Лапина Н.Ю.** Российское предпринимательство: Опыт социологического анализа: Научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН РАН, 1993. – С. 9-21; Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества/ Под ред. З.Т. Голенкова. – М.: Институт социологии РАН, 1996. – С. 88-100 и др.

[265] **Белоус В.И., Гордеева Л.П., Колобов О.А., Смирнов В.В.** Указ.соч. – С. 5.

[266] **Лапина Н. Ю., Чирикова А.Е.** Политические ориентации региональных элит // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. – Осень 1999. – № 3. – С. 27.

[267] Третий сектор – НН. Каталог – обзор общественных объединений Нижнего Новгорода и Нижегородской области / Ред. изд-я С.В. Борисов. – Н. Новгород, 1996.; Женский мир – НН. Каталог общественных объединений и возглавляемых женщинами организаций Нижнего Новгорода и Нижегородской области / Автор-сост. М.А. Казаков. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 1997.

[268] **Колосов В.А., Туровский Р.Ф.** Осеннее-зимние выборы глав исполнительной власти в регионах: Сценарий перемен // Полис: политические исследования. – 1997. – № 1. – С. 105.

[269] См., например: **Шаблинский И.** Сенаторы по совместительству // Конституционное право. Восточно-европейское обозрение. – М., 1995. – № 4; 1996. – № 1. – С. 35-39.

[270] **Гельман В.** Региональная власть в современной России: институты и практики // Органы государственной власти субъектов Российской Федерации. – М.: ИГПИ, 1998. – С. 64-65.

[271] **Колосов В.А., Туровский Р.Ф.** Указ. соч. – С. 97.

[272] **Куколев И.** Региональные элиты: борьба за ведущие роли продолжается // Власть. – 1996. – № 1. – С. 46-52.

[273] **Ачкасова В.А., Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Корниенко А.Л.** Указ. соч. – С. 106.

[274] **Крыштановская О.В., Куколев И.В., Владыцкая В.А., Свищенкова Н.А.** Указ. соч. – С. 269-294; **Лапина Н. Ю.** Формирование современной российской элиты (проблемы переходного периода). – М.: ИНИОН, 1995.

[275] **Хорос В.** Рецензия на сборник статей Д.Е. Фурмана «Наши десять лет: Политический процесс в России с 1991 по 2001 год». – М.; СПб.: Летний Сад, 2001 // Pro et Contra. – Весна 2002. – Т. 7. – № 2. – С. 195.

[276] **Клямкин И.** Посткоммунистическая демократия и ее исторические особенности // Полис: политические исследования .– 1993. – № 2.

[277] **Казаков М.А.** «Малая родина» на стыке федерального и регионального // Нижегородский альманах. Вып.1. – Н. Новгород: Изд-е Нижегородского отделения РИО, 1995. – С. 112.

[278] **Казаков М.А.** Женская элита в политическом процессе Нижегородского региона: описание исследовательского проекта // Региональная социальная политика: молодежный аспект: Материалы Международной научно-практической конференции 18-20 апреля 1996г. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. – С. 262-266.

[279] **Казаков М.А.** Женская региональная элита: штрихи к политическому портрету // Власть и общественность: социальные аспекты взаимодействия: Коллективная монография / Сост. и науч. ред. О.Н. Савинова. – Н. Новгород: Нижполиграф, 1997. – С. 90.

[280] **Казаков М.А.** Политическая элита с «женским лицом» // Женщины. Духовные ценности. Мир. XXI век: Материалы первого практического семинара. 5 декабря 1995 г. / Под ред. З.Х. Саралиевой. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1997. – С. 52.

[281] **Ашин Г.К.** Смена элит // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 40-50.; **Шматко Н. А.** Конверсия бюрократического капитала в постсоветской России. – М.: Socio-logos, 1996. – С. 130.

[282] **Колосов В.А., Туровский Р.Ф.** Указ. соч. – С. 107.

[283] **Казаков М.А.** Городские выборы – 96: Содержание и метаморфозы // История и политика: методология, историография, практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Н. Новгород.: Изд-во ВВАГС, 1997. – С. 154.

[284] **Бирюков С.В, Мельниченко Е.В**. Электоральный процесс и становление региональных политических режимов (на примере Кемеровской области) // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология, 2002. – С. 45.

[285] **Мартен Д.** Социальные изменения трансформации и модернизации // Социс: социологические исследования. – 2001. – № 8. – С. 64.

[286] **Фурман Д.** Указ.соч. – С. 254, 290.

[287] **Казаков М.А., Самсонов А.И.** Выборы в Государственную думу – 99: стартовые позиции нижегородского «отечества» // Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 1999. – № 10. – С. 43-54.

[288] **Гельман В.** Региональные режимы: завершение трансформаций // Свободная мысль. – М.: 1996. – № 9, – С. 15, 16.

[289] См: Примаков Е.М. Постиндустриальная эпоха: Вызов российским политикам // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

[290] **Козиков И.А., Нам П.Г.** Президент и сильное государство // Социально-гуманитарные знания, 2002. – № 2. – С. 238.

[291] **Кузьмин А.** Региональные элиты поделят «синяки и шишки»? // Экономика России: XXI век, октябрь 2001. – С. 17.

[292] **Казаков М.А.** Почему политики берут взятки // Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 2001. – № 1. – С. 45-50.

[293] **Бирюков С.В., Мельниченко Е.В.** Электоральный процесс и становление региональных политических режимов // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология, 2002. – № 1; **Гельман В.Я.** Столкновение с айсбергом: формирование концептов в изучении российской политики // Полис: политические исследования, 2001. – № 6 и др.

[294] **Казаков М.А.** Партийные метаморфозы по-нижегородски // Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 2001. – № 3. – С. 66-70.

[295] **Ахизер А.** Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et Contra, лето 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 53.

[296] **Крыштановская О.В.** Трансформация бизнес-элиты России: 1998-2002 // Социс: социологические исследования, 2002. – № 8. – С. 28.

[297] **Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.** Русская система как попытка понимания русской истории // Полис: политические исследования, 2001. – № 4.

[298] **Борисов С.В.** Актуальный политический режим в Нижегородской области: становление в 1990-е годы // Полис: политические исследования, 1999. – №1; **Гельман В. Я.** Региональная власть в современной России // Полис: политические исследования, 1998. – № 1 и др.

[299] **Ильин М.** Политическое самоопределение России // Pro et Contra, 1999. – № 3.

[300] **Медушевский А.Н.** Конституционные кризисы в обществах переходного типа // Вопросы философии, 1999. – № 12. – С. 3-21.

[301] **Дюверже М.** Политические партии. – М., 2000.

[302] **Бирюков С. В., Мельниченко Е. В.** Указ. соч. –С. 34.

[303] **Казаков М.А.** Нижегородский политический процесс: современные тенденции // 100 лет Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде: Материалы Всероссийской научно-практической

конференции. 3-5 сентября 1996 г. – Н. Новгород: Изд-во «КиТиздат», 1997. – С. 360-361.

[304] **Казаков М.А.** Региональные элиты: сравнительные аспекты эволюции // Реформа: НИЭР, 1997. – № 10. – С. 43.

[305] **Пастухов В.** Российское демократическое движение: путь к власти // Полис: политические исследования. 1995.– № 1-2; **Мельвиль А.Ю.** Указ. соч. – С. 361.

[306] **Кузьмин А.** Указ. соч. – С. 16.

[307] **Распопов Н.П.** Региональные политические элиты // Регионоведение: социально-политический аспект: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2000. – С. 80.

[308] **Зудин А.Ю.** Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность. 2003. – № 2. – С. 72.

[309] **Казаков М.А.** Транзитом в демократию или … к методологии новой конфигурации // Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 2000. – № 7. – С. 42.

[310] **Голосов Г.** Поведение избирателей в России: теоретические перспективы и результаты региональных выборов // Полис: политические исследования, 1977. – № 4. – С. 44-56; **Гельман В.** Консолидация региональных элит и местная демократия в России: Санкт-Петербург в сравнительной перспективе // Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты / Под ред. С. Кугель. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов, 1998. – С. 74-85.

[311] **Karl, T.** Dilimmas of Democratization in Latin America. Comperative Politics? 1990. – № 23(1). – P. 1-21.

[312] **Гельман В.** Успехи и провалы переходов к демократии: политические режимы российских регионов в сравнительной перспективе // Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте: Межрегиональный семинар. – Великий Новгород, март 2000: Сборник докладов. – М.: ЦКОС МОНФ, 2000. – С. 62.

[313] Там же. – С. 62.

[314] Советский простой человек / Под ред. Ю. А. Левады. – М., 1993: Но совершенно иная складывается ситуация, когда «модерн», явленный в России после развала советской системы, отмечен в судьбе конкретного человека не созиданием, а разрушением привычной среды, разложением социальных связей, утратой прежней идентификации с государством… И тут-то обнаруживается «парадоксальный человек». Кто он? Подробнее см.: **Тощенко Ж.Р.** Парадоксальный человек. – М.: Гардарики, 2001. – 398с.

[315] **Кузьмин А.** Указ. соч. – С. 17.

[316] **Шереметьева Э.** Углич – капелька России // Наша власть: дела и лица, 2001. – № 1. – С. 31-33.

[317] **Казаков М.А.** Региональные элиты: сравнительные аспекты эволюции // Реформа: НИЭР, 1997. – № 10. – С. 46.

[318] **Казаков М.А.** СМИ и власть: от «взаимозачетов» к взаимополезности // Вестник экономических реформ. – Н.Новгород: НИЭР, 1999. – № 2. – С. 49-53.

[319] **Казаков М.А.** Транзитом в демократию или… к методологии новой конфигурации // Вестник экономических реформ. – Н.Новгород: НИЭР, 2000. – С. 38.

[320] **Понеделков А.В**. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВЩ, 1995.

[321] Цит. по: **Кочеврин Ю.** Россия в трех измерениях: исследовательский проект // Pro et Contra, лето 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 206.

[322] **Медушевский А.** Тенденции развития региональных политических режимов // Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте: Межрегиональный семинар, Великий Новгород, март 2000: Сборник докладов. – М.: ЦКИ МОНФ, 2000. – С. 173.

[323] **Вардуль Н.** Застольный разговор // Коммерсантъ. Деньги. – № 45. 19.11-25.11.02.

[324] **Волков В.** Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства (исследовательская гипотеза) // Полис: политические исследования, 1998. – № 5. – С. 47.

[325] **Казаков М. А.** Выборы губернатора: к укреплению власти через состязание позиций // Нижегородские выборы – 95: новые тенденции и старые уроки. Материалы теорет. семинара. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 1996. – С. 34-35; **Гельман В.Я.** Указ. соч. – С. 61.

Глава 3

[326] **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. – М.: Медиум, 1995. – С. 103-104.

[327] **Бадовский Д.В.** Политические элиты // Политическая антропология / Под ред. В.В. Ильина. – М.: Изд-во МГУ, 1995 – С. 243.

[328] **Амелин В.В.** Вызовы мобилизованной этничности: конфликты в истории советской и постсоветской государственности / В.В. Амелин. – М.: Спарк, 1996.

[329] **Казаков М.А.** Почему политики берут взятки? // Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 2001. – № 1, – С. 46-50.

[330] **Алексеев С.** Масхадов в роли рэкетира // Век, 2002. – № 22.

[331] **Рашковский Е.** «Кавказский меловой круг»: Трагические судьбы региона // Pro et Contra, 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 175-176.

[332] **Михайлов В.** Странное совпадение. Платок раздора, платок мира // Известия. – 14.09.02.

[333] **Федоров В. А.** Мы нужны миру, как и мир нужен нам // Российская Федерация сегодня. 2001. – № 1. – С. 48.

[334] **Скляров И. П.** Доклад перед депутатами ОЗС по итогам деятельности, 24.05.01.

[335] **Саврукова Н.Т., Егоров А.И., Егорова Е.А.** Национальная экономика. – СПб.: Политехника, 1999. – С. 50.

[336] **Крыштановская О. В.** Трансформация бизнес элиты России: 1998 – 2002 // Социс: социологические исследования, 2002. – № 8. – С. 28.

[337] **Линц Х.К.** Крушение демократических режимов: кризис, разрушение и восстановление равновесия // Проблемы Восточной Европы. – Вашингтон, 1993. – № 39-40. – С. 5-6, 71-72.

[338] Экспертное интервью, 05.04.01.

[339] **Обозов С.А.** Формирование инвестиционного потенциала предприятий промышленности, строительства и городского хозяйства: Монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998. – С. 9.

[340] **Выхухолева Е, Загородняя Е.** Государство заберет у нефтяников 90% сверхдоходов // Известия, 07.04.04. – С.1, 9.

[341] **Дискин И.** Российская модель социальной трансформации.// Pro et Contra, 1999. – Т. 4. – № 3. – С. 5-40.

[342] **Семененко И.С.** Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура // Полис: политические исследования, 2003. – № 1. – С. 9.

[343] **Юсуповский А.** Кто же такие «МЫ» // Российская Федерация сегодня, 2001. – № 1. – С. 44-45.

[344] **Петров А.** Сеанс предвыборных «сенсаций» // Российская газета, 23.07.03, 23.

[345] **Силаев Н.** Кризис семейных ценностей // Профиль, 2003. – № 27. – С. 14

[346] **Дейнека О.С.** Экономическая психология: Учеб. пособие. – СПб: Изд-во СПб., 2000. – С. 44.

[347] Экспертное интервью, 10.05.01.

[348] Экспертное интервью, 12.05.01.

[349] Под риском в данном случае понимается величина, обратная вероятности получения назад номиналов и процентов по вкладу.

[350] **Яковлев И.Г.** Политические риски и инвестиционный климат в России и ее регионах. Соединяя капитализм, социализм, и демократию / Под ред. В. Рукавишникова и С. Нагеля. – М.: Летний Сад, 1999. – С. 265.

[351] **Казаков М.** Большой передел: плюсы и минусы // Аргумены и факты. – Нижний Новгород, 2000. – № 45. – С. 4.

[352] **Коргунюк Ю.Г.** Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства // Полис: политические исследования, 2001. – № 2. – С. 24.

[353] **Бернштейн Э.** Шило на мыло. Ротация внутри элиты бесполезна для экономики // Общая газета, 25 апреля – 1мая 2002. – С. 4.

[354] **Ленский Е.В., Цветков В.А.** Финансово-промышленные группы: полученный опыт и прогностические тенденции дальнейшего развития. – М.: Планета, 1999. – С. 103-105.

[355] **Левада Ю.** Феномен власти в общественном мнении: парадоксы и стереотипы восприятия // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 1998. – № 5.– С. 9-15.

[356] **Бадовский Д.** Трансформация политической элиты России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» // Полис: политические исследования, 1994. – № 6. – С. 56.

[357] **Кузьмин А.** Региональные элиты поделят «синяки и шишки»? //Экономика России – XXI век, октябрь 2001.– С. 17.

[358] **Казаков А.** Русское поле. Правовое // Российская газета 30.12.03. – С. 5.

[359] **Титов Б.М., Трунин Ю.Ф.** Динамика развития социально-экономической ситуации в регионах Российской Федерации и Приволжского федерального округа за годы перестройки и рыночных реформ: Монография. – Н. Новгород: Изд-во НИЭР, 2001. – С. 104-105.

[360] См.: Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 10 января 2000 г. // Российская газета, 18.01.00.

[361] Программа развития, 2004. – Вып. 2. – С. 3.

[362] **Моммен А.** Перспективы российских регионов в условиях глобализации. Российские регионы как международные факторы: аналитический доклад. /Под ред. А.С. Макарычева. – Н. Новгород: НГЛУ, 2000. – С. 111

[363] **Тян Л.И.** Институциональные аспекты вертикальной интеграции в современных экономических условиях // Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 2001. – № 9. – С. 57.

[364] Экспертное интервью, 25.10.02.

[365] **Костиков В.** Контуры «нового курса» // Аргументы и факты, 2003. – № 50. – С.7.

[366] **Панарин А.С.** Политология: Учебник. – М.: «ПБОЮЛ С.М. Грачев», 2000. – С. 377-378.

[367] **Дахин А.В.** Трансформации региональных элит на примере Нижегородской области // Полис: политические исследования, 2003. – № 5.

[368] **Пугачев В.П., Соловьев А.И.** Введение в политологию. М., 1995. – С. 223-224.

[369] **Колобов О.А.** Взаимоотношения федеральной и региональной властей. Регион в составе Федерации: политика, экономика, право: Монография. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. – С. 17.

[370] **Делягин М.Г.** Сможет ли новый российский авторитаризм стать эффективным? // Мир России, 2000. – С. 120.

[371] **Казаков А.** Русское поле. Правовое // Российская газета. 30.12.03. – С.5.

[372] **Карасев А.В., Чернышев А.В.** Малый политический катехизис для российских регионов, составленный в Твери и изданный в Брянске после 17 августа 1998 г. – Брянск: Курсив, 1998. – С. 50.

[373] Что не исключает парадоксальных «нестыковок» в общественном мнении типа: при доверии Президенту в 78% – такое же количество населения страны (по данным РОМИР) выступает за создание оппозиции действующей власти // Трибуна. 31.07.03.

[374] **Косолапов Н.** Итоги десятилетия российских реформ: нет твердой основы для оценок// Pro et Contra, 2002. – Т. 7, № 2, – С. 143.

[375] **Макаренко Б.И.** Идеологические установки депутатов Государственной думы // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз., 2001. – № 5. – С. 84.

[376] **Бахлов И.В.** Современное Федеративное государство (Опыт методологии анализа механизма федеративных отношений). – Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1999. – С. 58.

[377] **Николайчук О.** Объединение по собственному желанию // Приволжье: Российская газета. 20.06.03.

[378] **Путин В.** Какую Россию мы строим // Российская газета. 11.07.00.

[379] Количество работ по данной проблематике увеличивается. Однако отсутствует теоретический консенсус относительно применимости в эмпирических исследованиях различных трактовок демократии. См, напр.: **Гельман В.Я.** Постсоветские политические трансформации (набраски к теории) // Полис: политические исследования, 2001. – № 1. – С. 15-29; **Кузьмин А.С., Мельвин Н. Дж., Нечаев В.Д.** Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис: политические исследования, 2002. – № 3. – С. 142-155.

[380] **Асафьев А.** Укрощение строптивых // Новое время, 2003. – № 30.

[381] **Даймонд Л.** Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис: политические исследования, 1999. – № 1. – С. 22.

[382] **Романович Н.А.** Демократические ценности и свобода «по-русски» // Социс: социологические исследования, 2000. – № 8. – С. 36.

[383] **Друзяка Е.В.** Влияние региональных правящих элит на массовое политическое сознание (основные подходы к изучению) // Вест. МГУ. Сер. 12. Политические науки, 2001. – № 4. – С. 45.

[384] **Майер Г.** Демократическая легитимность в посткоммунистическом обществе: концепции и проблемы // Легитимность и легитимация власти в России: Сборник статей. СПбГУ; РФФИ, 1995. – С . 91.

[385] См., например: **Голосов Г.В., Лихтенштейн А.В.** «Партии власти» и российский институциональный дизайн: теоретический анализ // Полис: политические исследования, 2001. – № 1. – С. 6-14; **Перегудов С.П.** Корпоративный капитал и институты власти: кто в доме хозяин? // Полис: политические исследования, 2002. – № 5. – С. 60-85.

[386] **Идиатуллина К.С.** Политическое лидерство в институциональном дизайне национальных республик Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания, 2003. – № 2. – С. 66-79.

[387] См.: **Соловьев А.И.** Мега-тенденции российской политики// Власть, 2000, № 8.

[388] **Бунин И.М.** В России – эпоха Владимира Путина // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз, 2001. – № 5. – С. 13.

[389] **Зудин А.Ю.** Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность, 2003. – № 2. – С. 71.

[390] **Силаев Н.** Кризис семейных ценностей // Профиль, 2003. – № 27. – С. 15.

[391] **Третьяков В.** ТВС, оборотни и прочее // Российская газета. 26.06.03.

[392] **Чернышов А.Г.** Политическое самоопределение регионов // Полис: политические исследования, 1998. – № 2. – С. 93.

[393] **Зубаревич Н.** Пришел, увидел, победил? (Крупный бизнес и региональная власть) // Pro et Contra, 2002. – Т. 7. – № 1. – С. 110.

[394] **Казаков М.А.** Транзитом в демократию или… к методологии новой конфигурации// Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 2000. – № 7. – С. 37-43.

[395] **Салмин А. М.** Изнанка внешней политики// Полития. Анализ. Хроника. Прогноз, 2001. – № 5. – С. 170.

[396] Политические институты на рубеже тысячелетий (Отв. ред. К.Г. Холодковский). – Дубна: Феникс+, 2001. – С. 418.

[397] **Галлямов Р.Р.** Политические элиты российских республик: особенности трансформаций в постсоветский период // Полис: политические исследования, 1998. – № 2. – С. 112.

[398] **Асафьев А.** Укрощение строптивых // Новое время, 2003. – № 30. – С. 11.

[399] **Распопов Н.П.** Региональные ветви власти: проблемы взаимоотношений // Регионоведение: социально-политический аспект: Учеб. пособие. – Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2000. – С. 61.

[400] **Федоров А.** Мы нужны миру, как и мир нужен нам // Российская Федерация сегодня, 2001. – № 1. – С. 48.

[401] **Смирнягин Л.** Зуд мудрости // Новое время, 2003. – № 28. – С. 14.

[402] **Дорожкин Ю. Н.** Конституционные трансформации в республике Башкортостан // Социально-гуманитарные знания, 2002. – № 3. – С. 42.

[403] **Смирнягин Л.** Зуд мудрости // Новое время, 2003. – № 28. – С. 15.

[404] Уход с «вершин власти» для постсоветских лидеров болезнен не утратой сопутствующих положению прерогатив и привилегий, а потенциально возможным привлечением к персональной ответственности за содеянное не в общественных интересах в период правления.

[405] **Гельман В.Я.** Постсоветские политические трансформации. Наброски к теории // Полис: политические исследования, 2001. – №1. – С. 19.

[406] Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» от 6 декабря 1994 г. Нормативно-правовые акты исполнительной и законодательной власти субъектов РФ по концептуальным основам выборов.

[407] **Гельман В.Я.** Указ. соч. – С. 17; **Казаков М.А.** Партийные метаморфозы по-нижегородски // Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 2001. – № 3. – С. 66-70.

[408] **Борисов С.В., Дахин А.В., Макарычев А.С**. Без победителя: выборы мэра Нижнего Новгорода // Полис: политические исследования, 2002. – № 6. – С. 83-94 .

[409] И власть, и экономика, и президент на 7 лет // Независимая газета. 25.02.00.

[410] **Правосудов С.** Тулеев не спешит обнародовать свою программу // Независимая газета. 18.02.00.

[411] **Казаков М.А.** Транзитом в демократию или … к методологии новой конфигурации // Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 2000. – № 7. – С. 38.

[412] **Лапина Н., Чирикова А.** Стратегия региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор. – М., 2000. – С. 133-156.

[413] **Казаков М.А.** ОЗС в политической жизни региона (Описание исследовательского проекта) // Вестник экономических реформ. – Н. Новгород: НИЭР, 2001. – № 9. – С. 60.

[414] **Гельман В.Я.** Указ. соч. – С.25.

[415] **Колобов О.А.** Политология. Избранные труды. – Н. Новгород: Изд-во «Вектор ТиС», 2000. – С. 49.

[416] Цит. по: **Вайнштейн Г.** Рецензия на книгу М. Оттауэй «Демократия, стоящая перед вызовом: Подъем полуавторитаризма» //Pro et Contra, 2003. – Т. 8. – №8. – С. 228.

[417] **Патнэм Р.** Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. – М.: Наука, 1996.

[418] **Друзяка Е.В.** Указ. соч. – С. 55.

[419] К 1 июня 2003г. Минюст зарегистрировал 51 партию, из которых 41 подтвердила регистрацию своих региональных объединений. Сокращается и список общественно-политических объединений, которые смогут претендовать на участие в выборах в блоке с политическими партиями. Из первоначально заявленных более 1000 общественных организаций – осталось около 250. **Закатнова А.** Левая, правая, где сторона?// Российская газета. 27.05.03.

[420] **Голосов Г.** Политические партии на региональном уровне // Политическая социология и современная российская политика / Под ред. Г. Голосова и Е. Мелешкиной/ Европ. ун-т в Санкт-Петербурге. – СПб., 2000.

[421] **Дубинин С.** Исторический компромисс // Ведомости, 13.04.04. – С. А4.

[422] Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 327.

[423] **Ахременко А.С.** Голосование «против всех» на российском региональном фоне // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. – № 5. – С. 97.

[424] **Мухаметшин Ф.К., Исаев Г.А.** Региональный политический процесс в федеральном и социологическом измерениях. – Казань, 2002. – С. 67.

[425] **Идиатуллина К.С.** Политический лидер и гражданское общество: проблемы и противоречия регионального развития // Социально-гуманитарные знания, 2003. – № 3. – С. 41.

[426] **Бунин И.М.** В России – эпоха Владимира Путина // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз, 2001. – № 5. – С. 10.

[427] Среди них: закрепление демократии как основополагающей формы организации политической жизни, существенное повышение в результате экономического подъема уровня материального благосостояния населения, создание нового государства в целях сохранения и преумножения конкурентоспособности страны на мировой арене, развитие человеческого капитала – основной ценности индустриального мира и источника всех форм мобильности.

[428] **Захаров В.Б., Кабешев Д.В., Колобов О.А., Рыхтик М.И., Хохлышева О.О.** Как делается демократия: Европейский опыт: Учеб. пособие: – Н. Новгород, ННГУ, Фонд стратегической инициативы, 1995.

[429] **Ловелл Д.У.** Доверие и политика в посткоммунистическом обществе // Pro et Contra, 2002. – Т 7. – № 3. – С. 156.

[430] **Цуканова Л.** Не в кассу. Законодатели лишили предстоящие выборы интриги… // Новое время, 2003. – № 27. – С. 16.

[431] Послание Президента России Владимира Путина Федеральному собранию РФ // Российская газета. 17.05.03. – С. 4.

[432] **Иванов В.** Желающих нет // Ведомости. 19.12. 03. – С. А2.

[433] **Туровский Р.Ф.** Основы и перспективы региональных политических исследований// Полис: политические исследования, 2001. – № 1. – С. 142.

[434] См. источник: The 2001 – 2002 Freedom House Survey of Freedom. Tables and Ratings. Dowley & Silver, 2002. – P. 508.

[435] Цит. по: **Рукавишников В.О.** Качество российской демократии в сравнительном измерении// Социс: социологические исследования, 2003. – № 5. – С. 33.

[436] **Медведев В., Красин Ю., Галкин А.** Самоопределение России в глобализирующемся мире // Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. МОФСЭ и ПИ (Горбачев-фонд). – М.: Альпина Паблишер, 2003. – С. 512.

[437] **Зудин А.Ю.** Режим В. Путина: контуры новой политической системы //Общественные науки и современность, 2003. – № 2. – С. 77.

[438] **Гржейщак С.Е.** Региональное лидерство в современном политическом процессе России // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки, 2000. – № 1. – С. 21-35.

[439] Для региональных специалистов особый интерес представляет законопроект об общих принципах организации законодательной и исполнительной госвласти субъектов РФ как контур новой конфигурации федеральных отношений. Около 100 отзывов с мест (относящихся к концу 2002 г.) имели серьезные критические замечания – вплоть до выдвижения практически новых концепций проекта. Таковые исходили, в частности, от первых лиц Ставропольского края, Иркутской, Курганской и Мурманской областей, Республик Башкортостан и Татарстан, Ямало-Ненецкого АО, Москвы и Санкт-Петербурга.

[440] **Власова Е., Волкова М., Лашкина Е.** «Мерседес» – шесть соток // Российская газета. 21.06.03. – С. 1,2.

[441] **Юсуповский А.** Кто же такие «Мы» // Российская Федерация сегодня, 2001. – № 1. – С. 45.

[442] **Jemmy, F.** The Logic of Economic Reform in Russia. – Washington. D.C.: Brookings Institution Press, 2001, XVI. – P. 3, 124.

[443] **Казакова М.Н.** Политико-территориальные аспекты национальной безопасности России в условиях политической трансформации в постсоветский период // Автореф. дис. … канд. полит. наук. – Н. Новгород. – 2004. – С. 18.

[444] **Воронина А., Николаева А.** Рецепты Путина // Ведомости. 19.12.03. – С.А2.

[445] Стратегия развития государства на период до 2010 года. Доклад рабочей группы Госсовета РФ под рук. В.И. Ишаева // Российский экономический журнал, 2001. – № 4. – С. 5.

[446] **Dahl, R.A.** On Democracy. New Haven: Yale Unir. Press, 2000. – P. 99, 113, 115-117.

[447] **Гельман В.Я.** Указ. соч. – С. 26.

[448] Цит. по: **Рукавишников В.О.** Качество российской демократии в сравнительном измерении // Социс: социологические исследования, 2003. – № 5.
– С. 37.

[449] **Невинная И.** Починок пишет Социальный кодекс // Российская газета, 11.06.03. - С. 5.

[450] **Кочетков В.** Внимание, ЧП – высокая рождаемость // Русский курьер. 05.09.03. – С. 4.

[451] **Зудин А.Ю**. Указ. соч. – С. 83.

[452] **Голосов В.** Губернаторы и партийная политика // Pro et Contra, 2000. – Т. 5. – №1. – С. 99.

[453] **Медушевский А.** Тенденции развития региональных политических режимов. Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте: межрегиональный семинар, Великий Новгород, март 2000: Сборник докладов. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 2000. – С. 174.

[454] Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 307.

[455] **Медушевский А.** Указ. соч. – С. 175.

[456] **Рукавишников В.О.** Качество российской демократии в сравнительном измерении // Социс: социологические исследования, 2003. – № 5. – С. 39.

[457] Технократические аспекты не являются феноменом новейшего времени. Своим далеким истоком они имеют взгляды экономиста Сен-Симона, считавшего, что надобность в политике со временем исчезнет, так как все проблемы в обществе будут решаться экспертами. Эти взгляды были развиты А. Курно (Франция), К. Марксом и М. Вебером (Германия), Тейлором (США). В самое последнее время новый толчок таким взглядам и одновременно их критике (Ф. Хайек) дало развитие технологий в сфере политики и управления.

[458] **Цвылев Р.И.** Постиндустриальное развитие. Уроки для России. – М.: Наука, 1996. – С. 179-180.

[459] **Смирнов А.** Сторонник консолидации // Российская газета. 09.09.03. – С. 5.

[460] **Малякин И.** Российская региональная мифология: три возрасти // Pro et Contra, 2000. – Т. 5. – №1. – С. 121-122.

[461] **Ловелл Д.У.** Доверие и политика в посткоммунистическом обществе// Pro et Contra, 2002. – Т. 7. – № 3. – С. 160.

[462] Доклад «На пороге новой регионализации России». ЦСИ ПФО, 2001, csi@kis. ru. – С. 6.

[463] **Зудин А.Ю.** Указ. соч. – С. 76.

[464] **Казаков М.** Действующие лица // Нижегородская правда. 03.02.01.

[465] **Кузьмин А.** Указ. соч. – С. 17.

[466] **Восканян С.С.** Политическая элита постсоветской России: проблемы и процессы формирования, изменения и развития // Автореф. дис. … док. полит. наук. – Воронеж, 2004. – С. 17.

[467] **Казаков М.** Капиталист – не враг, а партнер // Нижегородская правда. 08.02.01.

[468] **Колобов О.А.** Указ. соч. – С. 30.

[469] **Магомедов А.** Мистерия регионализма: региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания снизу: (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья). – М.: МОНФ, 2000. – С. 112, 108, 117, 200.

[470] Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 273.

[471] **Друзяка Е.В.** Влияние региональных правящих элит на массовое политическое сознание (основные подходы к изучению)// Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 2001. – № 4. – С. 56.

[472] **Соловьев А.И.** Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис: политические исследования, 2001. – № 2. – С. 21-22.

[473] **Туровский Р.** Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? – М., 1999. –С. 113.

[474] Программа развития, 2004. – Второй выпуск.

[475] **Дилигенский Г.Г.** Люди среднего класса. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. – С. 183-185.

[476] **Рукавишников В.О.** Качество российской демократии в сравнительном измерении // Социс: социологические исследования, 2003. – № 5. – С. 38.

[477] **Светова З.** Конкретный кандидат // Русский курьер, 05.09.03. – С. 3.

[478] **Медушевский А.** Тенденции развития региональных политических режимов. Российский конституционализм: политический режим в региональном контексте: Межрегиональный семинар, Великий Новгород, 2000. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 2000. – С. 175-177.

[479] **Зудин А.** Режим В. Путина: контуры новой политической системы // Общественные науки и современность, 2003. – № 3. – С. 83.

[480] **Сухарев Ю.А.** Ориентиры обновления российского общества // Вестн. МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2000. – № 1. – С. 15.

Заключение

[481] **Ачкасова В.А., Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Корниенко А.В.** Региональные элиты Северо-Запада России: политические и экономические ориентации / Под ред. А.В. Дуки. – СПб.: Алетейя, 2001. – С. 28.

[482] **Казаков М.А.** Политическое лидерство: современные проблемы эволюции. Дис. … канд. полит. наук. – М.: МГУ, 1993.

[483] **Туровский Р.Ф.** Основы и перспективы региональных политических исследований// Полис: политические исследования. – 2001. – №1. – С. 148.

[484] **Мельвиль А.Ю.** Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия / Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. – М.: Московский общественный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000.– С. 365.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение..... 3
Глава 1. Методологические основания исследования политической элиты..... 12
1.1. Понятие политического процесса в современной политической науке. Цивилизационная парадигма политического процесса..... 12
1.2. Региональный политический процесс как актуальная интеракция. Методологические подходы к современному государству и государственности субъектов Федерации..... 30
1.3. Место и роль элит в политическом процессе..... 58
Глава 2. Региональные политические элиты..... 81
2.1. От трудностей концептуализации к потребностям государственного строительства..... 81
2.2. Политическое самоопределение региональных элит..... 114
2.3. Формирование элитных групп в переходных условиях..... 140
2.4. Региональные режимы как формы самоорганизации элит..... 173
Глава 3. Тенденции и динамика постсоветского транзита региональных элит..... 199
3.1. Противоречия ценностной эволюции региональных элит в процессе трансформации..... 199
3.2. Особенности трансформаций региональных элит на современном этапе политического процесса..... 231
3.3. Эффективная государственность и демократическая консолидация – основы нового предназначения региональных элит..... 260
Заключение..... 292
Примечания..... 300

Научное издание

Михаил Анатольевич Казаков

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Монография

Редактор Э.А. Жирнова
Технический редактор Т.П. Новикова

Подп. в печ. 15.06.2004. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,75.
Уч.-изд. л. 23. Тираж 500 экз. Заказ 620.

Нижегородский государственный технический университет.
Типография НГТУ.
Адрес университета и полиграфического предприятия:
603600, ГСП-41, Н. Новгород, ул. Минина, 24.

Автор монографии - **Михаил Анатольевич Казаков** - в течение ряда лет разрабатывал проблемы политического процесса в России. Им опубликовано более 40 научных работ. В 1993 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Политическое лидерство: современные проблемы эволюции". В настоящей монографии автор рассматривает роль региональных элит в политическом процессе страны. Особое внимание уделяет проблемам их формирования и трансформации с учетом опыта последнего десятилетия. Работа предназначается не только для специалистов разных областей науки, но и для широкого круга читателей.